

Народно **аселение**

ISSN 1561-7785

2 . 2026

апрель – июнь

- **ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**
- **КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ**
- **СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ**
- **НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН**

МОСКВА

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
ИМЕНИ Н. М. РИМАШЕВСКОЙ ФНИСЦ РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН)

Народонаселение

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2026. Том 29. № 2 (апрель-июнь)

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2; EDN: ZNGSYR

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ФНИСЦ РАН)

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5)

Издатель: ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5).

Сайт издателя: <https://www.fnisc.ru>

ISSN 1561–7785 (print)

ISSN 3034–2252 (online)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС77–91773 от 04.06.2026.

Индекс подписки в «Каталог периодики» агентства «Урал-пресс» – 79183.

Журнал включён ВАК в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, учёной степени доктора наук» (категория К1), индексируется РИНЦ и WoS RSCI. Входит в Белый список (ЕГПНИ), уровень 1

Главный редактор:

Локосов В.В., член-корр. РАН (Москва, Россия).

Редакционная коллегия:

Аганбегян А.Г., академик РАН (Москва, Россия);
Аксенова Е.И., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Александрова О.А., д.э.н. (Москва, Россия);
Доброхлеб В.Г., д.э.н. (Москва, Россия);
Дохолян С.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Медведева Е.И., д.э.н. (Москва, Россия);
Назарова И.Б., д.э.н. (Москва, Россия);
Риччери М., д.э.н., проф. (Рим, Италия);
Русанова Н.Е., д.э.н. (Москва, Россия);
Рыбаковский О.Л., д.э.н. (Москва, Россия);
Рюмина Е.В., д.э.н., проф. (Москва, Россия);
Рязанцев С.В., член-корр. РАН (Москва, Россия);
Синельников А.Б. д.соц.н., проф. (Москва, Россия);
Сухоцка Л., к.псх.н., проф. (Люблин, Польша);
Теодорович М.Л., д.соц.н., проф. (Н. Новгород, Россия);
Токсанбаева М.С., д.э.н. (Москва, Россия);
Фуци С., д.фил.н., проф. (Пекин, Китай);
Шабунова А.А., д.э.н. (Вологда, Россия);
Ярашева А.В. д.э.н., проф. (Москва, Россия).

Ответственный секретарь:

Симагин Ю.А., к.геогр.н., доцент (Москва, Россия).

Редактор перевода на английский язык:

Войтенкова Г. Ф., к.ист.н. (Москва, Россия).

Корректор:

Киндякова Н. С. (Москва, Россия).

© Редакция журнала «Народонаселение», 2026.

© ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2026.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5. Тел.: +7 499 129-08-01.

Website: <https://www.narodonaselenie-journal.ru>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

2026. Том 29. No 2.

Цена: бесплатно.

Дата выхода в свет 30.06.2026.

INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC STUDIES
OF POPULATION FCTAS RAS (ISESP FCTAS RAS)

Population

QUARTERLY SCIENTIFIC JOURNAL

2026. Vol. 29. No. 2 (April-June)

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2; EDN: ZNGSYR

**Founder: Federal Center of Theoretical and Applied
Sociology RAS (FCTAS RAS)**

(24/35, kor. 5, Krzhizhanovskogo str.,
Moscow, Russia, 117218)

Publisher: ISESP FCTAS RAS

(24/35, kor. 5, Krzhizhanovskogo str.,
Moscow, Russia, 117218)

ISSN 1561–7785 (print)

ISSN 3034–2252 (online)

The journal was registered by the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media (Roskomnadzor) on
04.06.2026 Series ЭЛ № ФС77–91773.

Subscription index in the Ural-Press catalogue of
periodicals – 79183.

The journal is included by the State Commission for
Academic Degrees and Titles in the List of Russian
peer-reviewed scientific journals, publication in which is
required for defense of Candidate's and Doctor's theses
(Category K1), it is indexed in RSCI and WoS RSCI.

Editor in Chief:

Lokosov V. V., RAS Corr. Member, (Moscow, Russia)

Editorial Board:

Aganbegian A. G., RAS Academician (Moscow, Russia);
Aksenova E. I., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Aleksandrova O. A., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dobrokhleb V. G., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Dokholyan S. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Medvedeva E. I., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Nazarova I. B., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Riccery M., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Rome, Italy);
Rusanova N. E., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Rybakovsky O. L., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Ryumina E. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia);
Ryazantsev S. V., RAS Corr. Member (Moscow, Russia);
Sinelnikov A. B., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (Moscow, Russia);
Suchocka L., Cand. Sc. (Psychol.), Prof. (Lublin, Poland);
Teodorovich M. L., Dr. Sc. (Sociol.), Prof. (N. Novgorod, Russia);
Toksanbaeva M. S., Dr. Sc. (Econ.) (Moscow, Russia);
Futsi X., Dr. Sc. (Philos.), Prof. (Beijing, China);
Shabunova A. A., Dr. Sc. (Econ.) (Vologda, Russia);
Yarasheva A. V., Dr. Sc. (Econ.), Prof. (Moscow, Russia).

Executive secretary:

Simagin Yu. A., Cand. Sc. (Geogr.) (Moscow, Russia).

Editor of English translation:

Voytenkova G. F. Cand. Sc. (Hist.) (Moscow, Russia).

Proof-reader:

Kindyakova N. S. (Moscow, Russia).

© Editorial Board of the journal «Narodonaselenie» (Population), 2026.

© FCTAS RAS, 2026.

Postal address of the Editorial Board:

24/35, building 5 Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218. Tel.: +7 499 129–08–01
Website: <https://www.narodonaselenie-journal.ru>; e-mail: isesp-population@yandex.ru.

2026. Vol. 29. No. 2 Price: free.

Date of publication 30.06.2026.

СОДЕРЖАНИЕ

Народонаселение. 2026. Том 29. № 2 (апрель-июнь)

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Воробьева О.Д., Долбик-Воробей Т.А. ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ РОЖДАЕМОСТИ И ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ	4
Морковкин Д.Е., Симагин Ю.А., Назарова Н.А., Мамедов Т.Н. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ДИВИДЕНДА В РАЗВИВАЮЩИХСЯ РЕГИОНАХ РОССИИ.....	20
Набиева А.Р., Ильдарханова Ч.И., Ершова Г.Н. ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ УРОВНЯ ЖИЗНИ В РФ НА СМЕРТНОСТЬ ОТ БОЛЕЗНЕЙ СИСТЕМЫ КРОВООБРАЩЕНИЯ И НОВООБРАЗОВАНИЙ	36
Рязанцев С.В., Вартанова М.Л. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СВЯЗИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДОСТУПНОСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ И УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ ЖИЗНЬЮ В РЕГИОНАХ РОССИИ	50
Синица А.Л. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНОВ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ НАЧАЛЬНОГО И СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ)	64
Кучмаева О.В., Вершинин А.О. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ КОМПОНЕНТА В РОССИЙСКИХ РЕЙТИНГАХ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ.....	80

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Рюмина Е.В. ДИНАМИКА ИНДЕКСА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ.....	94
Кабанова Е.Е. СОЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ.....	105
Тюриков А.Г., Кунижева Д.А., Иванова Я.С., Мальшаков А.А. ПРОГРАММА ДОЛГОСРОЧНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ: БЛАГОПРИЯТНЫЕ УСЛОВИЯ И БАРЬЕРЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ	117
Заболоцкая А.Т., Александрова О.А. ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ В КОНТЕКСТЕ «КРИЗИСА ЧЕТВЕРТИ ЖИЗНИ»	128
Демченко Т.С., Демченко М.В. ВЛИЯНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЖИЗНЕННЫХ СИЛ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ	141
Малкина М.Ю., Гаранина А.А. САМООЦЕНКА ХАРАКТЕРИСТИК СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ	152
Энчил Г.Л. ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ ГАНЫ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЖЕНЩИН ..	163

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ

Тимаков И.В. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДОСТУПНОСТЬ УСЛУГ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ	175
Киварина М.В., Бабаева З.Ш., Дохолян С.В. КАДРОВЫЙ ДЕФИЦИТ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: РИСКИ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	190
Волков А.Д., Аверьянов А.О., Рослякова Н.А., Ларина А.А. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НАСЕЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ	203
Питухина М.А., Белых А.Д., Пашкова Т.В. ПРОБЛЕМЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ КЕМСКО-БЕЛОМОРСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ	218
Хизбуллина Р.Р., Мухаметзянова Л.К., Валеева А.Ф. СТРУКТУРА И РОЛЬ СЕЛЬСКИХ СЕМЕЙНЫХ ДОМОХОЗЯЙСТВ В ФОРМИРОВАНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЁЖИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)	228
Полянская Е.В. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	241

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

IX МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РИМАШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ «СБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ЗДОРОВЬЕ, ЗАНЯТОСТЬ, УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ»	257
XI САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (СПЭК-2026) ...	263

CONTENTS

Narodonaselenie [Population]. 2026. Vol. 29. No. 2 (April-June)

DEMOGRAPHY: THEORY AND PRACTICE ISSUES

Olga D. Vorobyeva, Tatiana A. Dolbik-Vorobei THE RELATIONSHIP BETWEEN FERTILITY AND MAIN SOCIO-ECONOMIC PROCESSES IN RUSSIA.....	4
Dmitry E. Morkovkin, Yury A. Simagin, Natalia A. Nazarova, Tural N. Mamedov ECONOMIC EFFECTS OF THE DEMOGRAPHIC DIVIDEND IN DEVELOPING REGIONS OF RUSSIA.....	20
Alsu R. Nabieva, Chulpan I. Ildarkhanova, Guzel N. Ershova IMPACT OF LIVING STANDARDS IN THE RUSSIAN FEDERATION ON MORTALITY FROM DISEASES OF THE CIRCULATORY SYSTEM AND NEOPLASMS.....	36
Sergey V. Ryazantsev, Marina L. Vartanova DEMOGRAPHIC ANALYSIS OF THE INTERRELATIONSHIP BETWEEN THE ECONOMIC AVAILABILITY OF FOOD AND LIFE SATISFACTION IN RUSSIAN REGIONS	50
Arseny L. Sinita EDUCATIONAL MIGRATION AND MIGRATION ATTRACTIVENESS OF THE REGIONS OF RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF PRIMARY AND SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION).....	64
Oksana V. Kuchmaeva, Aleksei O. Vershinin DEMOGRAPHIC COMPONENT IN THE RUSSIAN QUALITY OF LIFE RANKINGS	80

QUALITY AND LIVING CONDITIONS OF OPULATION

Elena V. Ryumina DYNAMICS OF THE INDEX OF ENVIRONMENTAL BEHAVIOR OF POPULATION	94
Elena E. Kabanova SOCIALIZATION OF CHILDREN WITH DISABILITIES	105
Alexander G. Tyurikov, Diana A. Kunizheva, Yana S. Ivanova, Artem A. Malshakov THE LONG-TERM SAVINGS PROGRAM: FAVORABLE CONDITIONS AND BARRIERS TO POPULATION INVOLVEMENT.....	117
Anastasia T. Zabolotskaya, Olga A. Aleksandrova FINANCIAL BEHAVIOR OF STUDENTS IN THE CONTEXT OF THE «QUARTER-LIFE CRISIS»	128
Tatyana S. Demchenko, Maxim V. Demchenko IMPACT OF THE FINANCIAL SITUATION ON RESTORATION OF THE VITALITY OF ENTREPRENEURS	141
Marina Yu. Malkina, Alyona A. Garanina SOCIO-ECONOMIC PORTRAIT OF A MODERN RUSSIAN ENTREPRENEUR.....	152
Gabriella Leelee Enchill GENDER REGIME IN RURAL GHANA: CHALLENGES FOR WOMEN'S DEVELOPMENT	163

SOCIO-ECONOMIC PROBLEMS OF THE RUSSIAN REGIONS

Ivan V. Timakov ECONOMIC AFFORDABILITY OF HEALTHCARE SERVICES IN RUSSIAN REGIONS	175
Maria V. Kivarina, Zoya Sh. Babaeva, Sergey V. Dokholyan PERSONNEL SHORTAGE IN THE DIGITAL AGE: RISKS FOR REGIONAL TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT	190
Alexander D. Volkov, Alexander O. Averyanov, Natalia A. Roslyakova, Alina A. Larina TERRITORIAL FEATURES OF THE SOCIO-CULTURAL CHARACTERISTICS OF THE POPULATION OF MUNICIPALITIES OF THE RUSSIAN ARCTIC	203
Maria A. Pitukhina, Anastasia D. Belykh, Tatyana V. Pashkova POPULATION PROBLEMS AND DEVELOPMENT STRATEGY OF THE KEMSKO-BELOMORSKAYA AGGLOMERATION.....	218
Radmila R. Khizbullina, Lilia K. Mukhametzyanova, Alsu F. Valeeva STRUCTURE AND ROLE OF RURAL FAMILY HOUSEHOLDS IN THE FORMATION OF TRADITIONAL VALUES OF YOUTH (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN).....	228
Elena V. Polyanskaya DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF AMUR OBLAST: PROBLEMS AND PROSPECTS.....	241

SCIENTIFIC LIFE AT ISESP FCTAS RAS

IX INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE «RIMASHEVSKAYA READINGS. SAVING RUSSIAN POPULATION: HEALTH, EMPLOYMENT, STANDARDS AND QUALITY OF LIFE»	257
XI SAINT PETERSBURG INTERNATIONAL ECONOMIC CONGRESS (SPEC-2026)	263

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-4-19
EDN: WOSFZE

ВЗАИМОСВЯЗЬ УРОВНЯ РОЖДАЕМОСТИ И ОСНОВНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

Воробьева О.Д.^{1*}, Долбик-Воробей Т.А.²

¹ИСД ФНИСЦ РАН

(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1)

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

*E-mail: 89166130069@mail.ru

Для цитирования:

Воробьева О.Д., Долбик-Воробей Т.А. Взаимосвязь уровня рождаемости и основных социально-экономических процессов в России // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 2. – С. 4-19.
DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-4-19; EDN: WOSFZE

Аннотация. В статье проведён комплексный демографо-статистический анализ, направленный на выявление наличия или отсутствия зависимости между одним из важнейших показателей воспроизводства населения — суммарным коэффициентом рождаемости (СКР) населения в регионах РФ и рядом социально-экономических и демографических показателей. Для исследования использованы официальные открытые данные за 2023 год. Оценка наличия и тесноты связи между СКР и пятнадцатью демографическими, экономическими и социальными показателями проведена, опираясь на стандарты корреляционного анализа (рассчитаны парные (линейные) коэффициенты корреляции Пирсона, с применением t-критерия Стьюдента, с уровнем значимости равным 0,05). Выявлено наличие (отсутствие) связи и их направления по каждому отобранному процессу. Составлены модели линейных уравнений регрессии (на основе метода наименьших квадратов, с применением F-критерия Фишера с уровнем значимости равным 0,05). С учётом результативного показателя, отобрано семь факторов для дальнейшей кластеризации совокупности регионов. Выявлены наиболее тесные взаимосвязи СКР с показателями возрастной структуры мужского населения регионов. Предложено при разработке мер региональной демографической политики учитывать разнообразие условий и факторов, степень их влияния на уровень рождаемости, сложившиеся в различных группах регионов. Предпринята попытка разработки рекомендаций по кластерным группам регионов для стимулирования в них роста уровня рождаемости населения.

Ключевые слова: суммарный коэффициент рождаемости, средний возраст, уровень жизни, занятость населения, кластерный анализ.

Введение

Наиболее острым демографическим вызовом на протяжении нескольких последних десятилетий для России является снижение уровня естественного прироста населения, который не обеспечивает даже простого типа его воспроизводства. Центральным моментом концепций государственной демографической политики, разрабатываемых и принимаемых в России начиная с конца XX в., становятся меры по стимулированию роста рождаемости. Однако добиться желаемых результатов пока не удаётся. В связи с этим статистический анализ степени влияния на уровень рождаемости различных групп факторов становится более актуальным.

С конца прошлого века советские и зарубежные учёные уделяли пристальное внимание исследованиям рождаемости населения. Так, Г. Беккер разработал модель зависимости уровня рождаемости от уровня среднедушевого дохода¹, А.И. Антонов предложил концепцию ослабления потребности в детях [1]. Новые тенденции брачно-семейных отношений и воспроизводства населения исследуются, начиная с 1960-х гг. и в последующие десятилетия, российскими социологами, демографами, экономистами: А.Г. Харчевым [2], А.Б. Синельниковым [3], З.А. Янковой [4] и другими. В.Н. Архангельский акцентировал внимание на том, что оценка репродуктивного поведения населения имеет свою научную ценность только в однородных группах населения с одинаковой потребностью в детях, базируясь на обобщённом анализе различных исследований в период 1958–2005 гг. [5]. В 2020-е гг. проблема рождаемости не только не утратила своей важности, но и приобрела новые особенности в условиях современных реалий. По-прежнему особое внимание исследователи уделяют вопросам естественного и миграционного прироста населения [6–8]. Попыт-

ка выявления социально-экономических факторов, оказывающих влияние на рождаемость в 2005–2017 гг. на основе многофакторного регрессионного анализа, была сделана в 2020 г. в работе уральских учёных [9]. Реализация репродуктивных намерений современной молодёжи, оценка ценностных ориентаций россиян представлена в демографо-статистическом исследовании О.В. Кучмаевой и соавторов, А.Р. Абдульязнова и Г.В. Рустамовой [10; 11]. Влияние социально-экономического благосостояния домохозяйств в России на рождение ребёнка рассмотрено в работе К. Кумо [12]. На необходимость изучения проблем деформации брачно-семейных отношений, вопросов репродуктивного поведения населения акцентируют внимание в своих работах Н.Б. Гафизова, Е.О. Цалко, О.А. Александрова [13; 14]. Ю.П. Гуцко проводит анализ ряда демографических и социально-экономических характеристик населения под воздействием динамики суммарного индекса человеческого развития в стране [15]. Обобщающую оценку рождаемости в России на основе данных массовых общественных опросов и результатов переписей населения приводит А.Б. Синельников [16]. Он отмечает, что стабильно уменьшается различие между средним числом детей в социальных группах. При этом факт убыли населения будет иметь место вне зависимости от принадлежности семьи, домохозяйства к разного рода социальным группам. Эволюция истории рождаемости в России отражена в работе С.В. Захарова [17]. В исследовании автор привёл детальное описание изменений суммарного и итогового коэффициентов рождаемости с середины XIX века. Таким образом, очевидно, что на уровень рождаемости разнонаправленно оказывают влияние множество факторов. Для выявления степени и направления их влияния в современных реалиях проведено данное комплексное исследование. Наиболее существенными факторами, влияющими на уровень рождаемости, как показано в предшествующих исследованиях, являются: 1) демогра-

¹ Беккер Г.С., Льюис Х.Г. О взаимодействии между количеством и качеством детей / Г.С. Беккер, Х.Г. Льюис // Журнал политической экономии. – 1973. – Т. 81. – Вып. 2. – С. 279–288.

фические: возраст населения, ожидаемая продолжительность жизни, брачное состояние, младенческая смертность, распространённость аборт; 2) экономические: занятость, бедность населения, величина прожиточного минимума; 3) социальные: условия проживания, меры социальной поддержки.

Для измерения влияния перечисленных факторов использованы статистические методы анализа. Отбор переменных опирается на предшествующие исследования динамики уровня рождаемости, выявления закономерностей его снижения, содержащихся в отечественных и зарубежных публикациях. Однако, вопрос степени влияния каждого из измеряемых факторов на уровень рождаемости, выяснение причин её снижения или роста по-прежнему является дискуссионным и требует дальнейшей научной проверки. Авторы предлагают продолжать анализ влияния различных групп факторов на уровень рождаемости, включая статистические и социологические методы.

Целью исследования явился поиск степени и направления влияния демографических, экономических и социальных факторов, влияющих на уровень рождаемости в регионах РФ, а также дальнейшая классификация регионов в зависимости от наиболее существенных из них. В связи с этим были поставлены следующие задачи: 1) определить социально-экономические и демографические показатели, отражающие влияние различных факторов на уровень рождаемости путём расчёта парных (линейных) коэффициентов корреляции Пирсона; 2) оценить зависимость суммарного коэффициента рождаемости (СКР) от отобранных показателей (оказывающих наибольшее влияние) на основе построения линейных регрессионных моделей; 3) провести классификацию регионов РФ по наиболее существенным социально-экономическим и демографическим показателям с применением методов кластерного анализа; 4) обобщить результаты и разработать рекомендации по по-

лученным региональным кластерным группам.

Методология

Исследование базируется на открытых данных Росстата, касающихся социально-демографических показателей регионов РФ за 2023 год. Для анализа был использован ряд традиционных, но универсальных статистических методов, таких как методы корреляционно-регрессионного анализа и многомерных классификаций, методы описательной статистики, которые являются адекватными и могут быть применимы к рассматриваемым показателям и уровням анализа. Полученные зависимости позволяют описать характер и направления взаимосвязей, могут как подтверждать развитие сложившихся трендов, так и давать сигналы об их изменениях, что может привести к новым теоретическим осмыслениям процессов и практическим выводам.

При проведении расчётов методом корреляционного анализа (для оценки наличия взаимосвязи между переменными) была построена корреляционная матрица парных (линейных) коэффициентов корреляции Пирсона, которая позволила отобрать для дальнейшего исследования значимые показатели (использовался *t*-критерий Стьюдента и уровень значимости, равный 0,05). Для установления зависимости результативного показателя от отобранных параметров применялось линейное регрессионное уравнение. Для оценки параметров использовался метод наименьших квадратов (оценка значимости уравнения проводилась по *F*-критерию Фишера на уровне значимости 0,05). Регрессионные остатки были проверены на соответствие нормальному закону распределения по критерию Шапиро-Уилка. Модель тестировалась на гетероскедастичность (гомескедастичность) на основе теста Голдфелда-Квандта. Качество модели также оценивалось на основе значения скорректированного коэффициента детерминации.

Поскольку регионы РФ неоднородны по социально-экономическим и демогра-

фическим показателям, в процессе исследования все они были разделены на однородные группы, то есть классифицированы методом кластерного анализа. Перед разбиением на группы проводилась процедура стандартизации (нормирования) с целью устранения различий в единицах измерения показателей по следующей формуле:

$$z_{ij} = \frac{x_{ij} - \bar{x}_j}{\sigma_j}, \quad (1)$$

где x_{ij} — фактическое значение i -го наблюдения (региона) по j -му показателю; $\bar{x}_j$ — среднее арифметическое значение по j -му показателю; σ_j — среднеквадратическое отклонение по j -му показателю; z_{ij} — нормированное значение i -го наблюдения (региона) по j -му показателю.

Количество кластерных групп определялось на основе дендрограммы, которая строилась иерархическим методом кластеризации по принципу «ближайшего соседа». Конечное разбиение проводилось методом k -средних, при этом в качестве начальных центров кластеров брались наблюдения на постоянных интервалах. При установлении эффективности проведённой кластеризации выдвигалась нулевая гипотеза о равенстве межкластерных и внутрикластерных дисперсий. При её отвержении на уровне значимости 0,05 проведённая кластеризация считалась эффективной. Расчёты проводились с помощью пакетов прикладных программ Excel, STATISTICA.

Результаты исследования

Интенсивность рождаемости зависит от ряда факторов, которые можно разделить на: 1) демографические: возраст населения, ожидаемая продолжительность жизни, брачное состояние, младенческая смертность, распространённость аборт; 2) экономические: занятость и безработица, бедность населения, прожиточный минимум; 3) социальные: условия проживания населения, меры социальной поддержки. Опираясь на этот перечень факторов, влияющих на уровень рождаемости в регионах России, в качестве которой будем рассматривать

СКР (γ), для исследования были отобраны пятнадцать показателей. Демографические показатели: X_1 — коэффициент младенческой смертности (‰); X_2 — число аборт на 100 родов (единиц); X_3 — ожидаемая продолжительность жизни (лет); X_4 — число разводов на 1000 браков (единиц); X_5 — средний возраст мужчин (лет); X_6 — средний возраст женщин (лет). Экономические показатели: X_7 — прожиточный минимум населения трудоспособного возраста (рублей); X_8 — уровень бедности (%); X_9 — медианный среднедушевой доход населения (рублей); X_{10} — коэффициент занятости населения в трудоспособном возрасте (%); X_{11} — суммарный показатель безработицы и потенциальной рабочей силы (%); X_{12} — коэффициент безработицы (%). Социальные показатели: X_{13} — общая площадь жилого помещения на одного жителя (m^2); X_{14} — число детей в возрасте до 18 лет из отдельной категории семей, имеющих право на получение мер социальной поддержки из бюджета (человек); X_{15} — объем средств, направленных субъектам РФ на оказание мер социальной поддержки населения (тысяч рублей).

Результаты проведённого корреляционного анализа представлены в табл. 1. Для оценки взаимосвязи использовались парные (линейные) коэффициенты корреляции Пирсона, значимость которых проверялась по t -критерию Стьюдента на уровне значимости 0,05. Как показали расчёты, СКР наиболее сильную связь имеет со средним возрастом как мужчин (−0,839), так и женщин (−0,795), связь тесная и обратная (с увеличением возраста коэффициент рождаемости уменьшается). Связь с числом разводов, приходящихся на 1000 браков, также обратная (−0,401), но более слабая, средняя степень связи. То есть, разводы, что очевидно, негативно влияют на уровень рождаемости. Также прямая взаимосвязь, хоть и средней степени интенсивности, наблюдается с показателями, характеризующими безработицу (суммарным показателем безработицы и потенциальной рабочей силы и уровнем общей безработицы), соответственно коэффициенты равны 0,502 и 0,417, связь

прямая. С уровнем занятости населения трудоспособного возраста зависимость обратная, средняя $(-0,482)$, то есть, чем выше занятость, тем ниже уровень рождаемости. Взаимосвязь с уровнем бедности — слабая, но прямая $(0,383)$, чем выше уровень бедности, тем выше уровень СКР, хотя и незначительно. С величиной прожиточного минимума населения в трудоспособном возрасте связи практически нет $(0,296)$. Среди социальных факторов значимым оказался только один показатель — общая площадь жилого помещения, приходящаяся на одного жителя. С его ростом СКР снижается (связь средняя, обратная $(-0,561)$). И это не удивительно, чем меньше детей, тем больше площади жилого помещения приходится на каждого. Также это связано с уровнем урбанизации региона. Жилая площадь частных домов в расчёте на одного члена семьи в сельской местности кратно больше, чем в городах, где площадь вновь возводимого жилья сжимается до размеров студии. С остальными показателями связи не обнаружилось.

В рамках регрессионного анализа в процессе исследования были построены однофакторные регрессионные модели зависимости СКР от среднего возраста мужчин и от среднего возраста женщин по отдельности (табл. 1), так как построить многофакторную модель не представилось возможным в связи с мультиколлинеарностью показателей (коэффициент корреляции между ними составил $0,968$). Таким образом, зависимость СКР от среднего возраста мужчин лучшим образом, по сравнению с другими видами моделей, описывается линейным уравнением регрессии вида:

$$\widehat{y}_x = 5,027 - 0,095x_{s_1}. \quad (2)$$

Уравнение значимо по критерию Фишера на уровне значимости $0,05$ (расчётное значение критерия $F(1, 83)=196,8$), регрессионные коэффициенты значимы по критерию Стьюдента на уровне значимости $0,05$ (расчётные значения критерия: $t_0=19,5985$; $t_1=-14,0284$ с числом степеней свободы 83). Анализ регрессионных остатков показал их распределён-

ность по нормальному закону (по критерию Шапиро-Уилка), гомоскедастичность (по тесту Голдфелда-Квандта). Скорректированный коэффициент детерминации составил $70,0\%$. Таким образом, с увеличением среднего возраста мужчин на 1 год СКР снижается на $0,095$ ребёнка. Или, иными словами, чем меньше доля молодых мужчин в составе населения, тем выше средний возраст мужского населения конкретной территории (страна, регион), тем в большей степени будет снижаться уровень рождаемости.

При анализе зависимости СКР со средним возрастом женщин получено следующее уравнение (при статистических характеристиках: $F(1,83) = 142,85$; $t_0 = 18,0397$; $t_1 = -11,9521$ с числом степеней свободы 83):

$$\widehat{y}_x = 4,231 - 0,066x_{s_1}. \quad (3)$$

Скорректированное значение коэффициента детерминации равно $62,8\%$. Исходя из значения регрессионного коэффициента, можно сделать вывод, что с увеличением среднего возраста женщин на 1 год СКР снижается на $0,066$ ребёнка. Иными словами, от сокращения доли молодых женщин в составе населения, и соответственно, увеличения среднего возраста женщин, снижение уровня рождаемости зависит в меньшей степени, чем от увеличения среднего возраста мужчин. Это подтверждается данными о том, что в регионах с более высоким уровнем смертности мужчин, и более низкой продолжительностью жизни, а значит с более низкими показателями среднего возраста и наименее благоприятными условиями и качеством жизни, показатели рождаемости населения выше, чем в регионах, где люди живут дольше и более благополучно.

Используемый показатель средний возраст мужчин (женщин) характеризует возрастную состав населения. Чем выше доля населения молодых возрастов в составе населения, тем ниже показатель среднего возраста. Возрастной состав и, соответственно показатель среднего возраста, как обобщающий показатель возрастного состава населения формируется под воздействием всех демографи-

Таблица 1
Table 1
Матрица парных (линейных) коэффициентов корреляции Пирсона*
Pearson's matrix of pairwise (linear) correlation coefficients#

	Y	X1	X2	X3	X4	X5	X6	X7	X8	X9	X10	X11	X12	X13	X14	X15
Y	1,00	0,20	-0,05	-0,11	0,40	-0,84	-0,80	0,30	0,38	0,19	-0,48	0,50	0,42	-0,56	-0,06	-0,06
X1	0,20	1,00	0,14	-0,38	0,07	-0,21	-0,23	0,46	0,07	0,26	0,04	0,05	0,03	-0,17	-0,03	0,01
X2	-0,05	0,14	1,00	-0,71	-0,47	0,12	0,21	0,24	-0,09	0,16	0,27	-0,27	-0,38	0,25	-0,04	0,03
X3	-0,11	-0,38	-0,71	1,00	0,47	-0,02	-0,15	-0,28	-0,03	-0,09	-0,21	0,21	0,34	-0,23	0,03	-0,05
X4	0,40	0,07	-0,47	0,47	1,00	-0,58	-0,62	-0,10	0,56	-0,22	-0,67	0,84	0,88	-0,43	-0,05	-0,06
X5	-0,84	-0,21	0,12	-0,02	-0,58	1,00	0,97	-0,27	-0,56	-0,08	0,65	-0,68	-0,60	0,75	0,09	0,08
X6	-0,80	-0,23	0,21	-0,15	-0,62	0,97	1,00	-0,32	-0,51	-0,16	0,62	-0,67	-0,62	0,80	0,11	0,13
X7	0,30	0,46	0,24	-0,28	-0,10	-0,27	-0,32	1,00	-0,25	0,87	0,24	-0,04	-0,08	-0,25	-0,18	-0,07
X8	0,38	0,07	-0,09	-0,03	0,56	-0,56	-0,51	-0,25	1,00	-0,57	-0,73	0,71	0,66	-0,48	0,00	-0,09
X9	0,19	0,26	0,16	-0,09	-0,22	-0,08	-0,16	0,87	-0,57	1,00	0,41	-0,24	-0,24	-0,10	-0,15	-0,04
X10	-0,48	0,04	0,27	-0,21	-0,67	0,65	0,62	0,24	-0,73	0,41	1,00	-0,83	-0,76	0,48	0,09	0,10
X11	0,50	0,05	-0,27	0,21	0,84	-0,68	-0,67	-0,04	0,71	-0,24	-0,83	1,00	0,95	-0,50	-0,09	-0,06
X12	0,42	0,03	-0,38	0,34	0,88	-0,60	-0,62	-0,08	0,66	-0,24	-0,76	0,95	1,00	-0,47	-0,03	-0,03
X13	-0,56	-0,17	0,25	-0,23	-0,43	0,75	0,80	-0,25	-0,48	-0,10	0,48	-0,50	-0,47	1,00	0,01	0,14
X14	-0,06	-0,03	-0,04	0,03	-0,05	0,09	0,11	-0,18	0,00	-0,15	0,09	-0,09	-0,03	0,01	1,00	0,77
X15	-0,06	0,01	0,03	-0,05	-0,06	0,08	0,13	-0,07	-0,09	-0,04	0,10	-0,06	-0,03	0,14	0,77	1,00

*Значимые коэффициенты (на уровне значимости 0,05 по t-критерию Стьюдента) выделены курсивом

Источник: расчёты авторов.

ческих процессов: 1) рождаемости (чем выше рождаемость, тем больше абсолютная численность и доля детей в составе населения); 2) смертности (чем ниже смертность, тем выше продолжительность жизни и, соответственно больше доля пожилого населения); 3) миграции населения (чем больше миграционный прирост, тем больше доля молодого населения, и наоборот, в регионах с миграционным сокращением численности населения увеличивается доля населения старших возрастов). Влияние этих процессов в различных регионах и их сочетание разнонаправленно.

Анализ уровня рождаемости в регионах России на основе кластерного анализа

Простая группировка регионов России по показателю уровня СКР не даёт достаточно точной картины о дифференциации репродуктивного поведения населения, так как размах вариации в целом невелик и совокупность регионов по формальным статистическим характеристикам достаточно однородна. Поэтому предпринята попытка

проведения кластеризации с учётом множества показателей, в разной степени дифференцированных по регионам, но представляющих собой систему показателей, влияющих на показатель уровня рождаемости. При проверке совокупности регионов на однородность по исследуемым показателям, были получены следующие результаты (табл. 2). Показатель коэффициента вариации СКР равный 19,3% (при нормативе однородности менее 33,3%). При этом разница между регионами с максимальным и минимальным уровнем СКР (размах вариации) составила 1,78 ребёнка. В среднем в стране в 2023 г. каждой женщиной на протяжении всей её жизни при условии сохранения уровня рождаемости во всех возрастах этого года было рождено по 1,436 ребёнка, из них половина родили менее 1,419 ребёнка.

Однородность совокупности также установлена по таким показателям как средний возраст населения, ожидаемая продолжительность жизни, число аборт на 100 родов, прожиточный минимум населения в трудоспособном возрасте, размер общей

Таблица 2
Основные характеристики описательных статистик изучаемых показателей

Table 2

Main characteristics of descriptive statistics of the studied indicators#

Переменные	Среднее значение	Медианное значение	Минимальное значение	Максимальное значение	Коэффициент вариации, %
Y	1,436	1,419	0,880	2,660	19,3
X1	4,5	4,3	2,1	19,1	42,4
X2	42	43	11	67	31,4
X3	72,42	72,15	66,56	79,9	3,6
X4	843	733	530	3528	52,8
X5	37,7	38,1	28,6	41,7	6,5
X6	42,6	43,1	30,4	47,0	7,9
X7	16596	15042	13005	39172	26,1
X8	10,6	10,2	3,6	27,7	38,4
X9	37958	33458	20169	100795	41,6
X10	78,4	80,5	57,9	90,6	7,9
X11	5,2	4,1	1,8	28,0	70,2
X12	3,9	3,1	1,5	27,8	84,4
X13	29,2	29,6	15,3	37,9	15,8
X14	88765	48250	0,0	898762	148,0
X15	8492621	3314608	157290	277313543	364,7

Источник: расчёты авторов.

площади, приходящейся на одного жителя. Остальные показатели, участвующие в анализе, показали свою неоднородность, что свидетельствует об их серьёзной дифференциации в региональном разрезе (табл. 2). В связи с этим, в процессе исследования была проведена кластеризация совокупности регионов методом к-средних на 4 группы (число групп показала предварительно построенная иерархическим методом «ближайшего соседа» дендрограмма) по следующим показателям: суммарный коэффициент рождаемости, число разводов, приходящихся на 1000 браков, средний возраст мужчин, средний возраст женщин, медианный среднедушевой доход, суммарный показатель безработицы и потенциальной рабочей силы, размер жилой площади, приходящийся на одного жителя. Предварительно перед проведением кластерного анализа была выполнена процедура стандартиза-

ции (нормирования) исходных данных с целью устранения влияния единиц измерения показателей на результаты кластеризации. Насколько далеки кластеры друг от друга и эффективна кластеризация можно судить по графику средних значений показателей кластерных групп в стандартизованном (нормированном) масштабе (рис. 1).

В первый кластер вошли четыре субъекта РФ (республика Дагестан, Ингушетия, Чеченская и Тыва) с самыми высокими по стране показателями СКР и интенсивностью разводов (показатель «число разводов, приходящихся на 1000 браков»), с самым молодым населением. Эти регионы характеризуются самыми низкими по РФ значениями медианного среднедушевого дохода, самой высокой безработицей и самыми стеснёнными жилищными условиями. Немного лучше ситуация по отобранным показателям в 10 регионах, вошедших во второй кластер (Москва, АО Не-

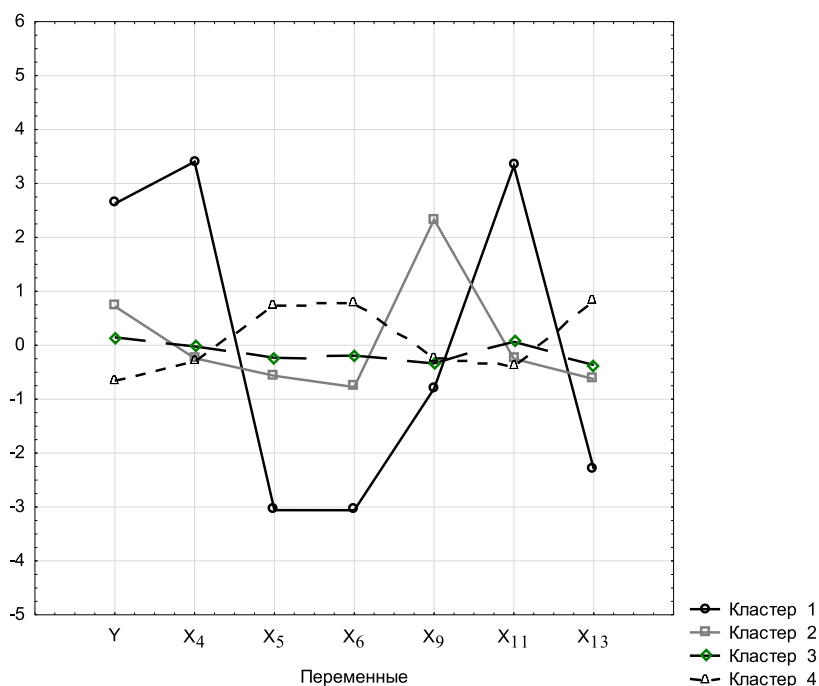

Рис. 1. График средних значений показателей по кластерным группам в стандартизованном (нормированном) масштабе

Fig. 1. Graph of average values of indicators by cluster groups in standardized (normalized) scale

Источник: расчёты авторов.

нецкий, Ханты-Мансийский — Югра, Ямало-Ненецкий и Чукотский, области Мурманская, Магаданская и Сахалинская, Республика Саха (Якутия) и Камчатский край). Эта кластерная группа характеризуется вторым по величине уровнем СКР при самых низких показателях разводов. В этих регионах достаточно молодое население, у них самые высокие медианные доходы на душу населения и низкая безработица. По величине жилплощади, приходящейся на одного жителя, кластер занимает среднюю по стране позицию.

Почти половина регионов с близкими социально-экономическими показателями вошли в третий кластер. Это 36 регионов: республики Коми, Адыгея, Калмыкия, Крым, Краснодарский край, Севастополь, Астраханская область, республики Северная Осетия — Алания, Башкортостан, Марий Эл, Татарстан, Кабардино-Балкарская и Карачаево-Черкесская, Удмуртская, края Пермский и Ставропольский, области Оренбургская, Курганская, Свердловская, Тюменская, Челябинская, республики Алтай и Хакасия, края Алтайский и Красноярский, области Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская, Томская и Амурская, Республика Бурятия, края Забайкальский, Приморский и Хабаровский, а также Еврейская АО. В этих регионах наблюдаются средние по стране показатели результативности рождаемости при незначительном числе разводов по сравнению с числом браков, более «старое» население по сравнению со средними значениями

по России. Население этих регионов, характеризуется также средними по стране показателями медианного дохода на душу населения при достаточно высоких уровнях безработицы, с жилищными условиями выше среднего по стране уровня.

Остальные 35 регионов составили четвёртый кластер — это области Белгородская, Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Костромская, Курская, Липецкая, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская, Архангельская, Вологодская, Калининградская, Ленинградская, Новгородская и Псковская, Республика Карелия и Санкт-Петербург, области Волгоградская, Ростовская, республика Мордовия и Чувашская, области Кировская, Нижегородская, Пензенская, Самарская, Саратовская и Ульяновская. Регионы этого кластера (рис. 1) характеризуются самыми низкими показателями СКР на фоне самых высоких показателей среднего возраста населения, низкими показателями разводимости на 1000 официально заключённых брачных союзов. Также население этих регионов имеет среднестатистический медианный доход приближенный к среднему уровню в стране, не имеет проблем с устройством на работу (низкий уровень безработицы), у него самые лучшие по стране условия проживания.

Результаты дисперсионного анализа (табл. 3) показали хорошее качество кластеризации: межкластерные дисперсии

Таблица 3

Результаты дисперсионного анализа

Table 3

Results of analysis of variance

Переменная	Дисперсия между кластерами	Внутригрупповая дисперсия	Значения F-критерия	Уровень значимости
Y	48,64	35,36	37,15	0,0000001
X4	50,06	33,94	39,82	0,0000002
X5	62,19	21,81	77,01	0,0000001
X6	65,52	18,48	95,74	0,0000004
X9	62,77	21,23	79,85	0,0000001
X11	49,88	34,12	39,46	0,0000004
X13	53,24	30,76	46,73	0,0000003

Источник: расчёты авторов.

Таблица 4

Основные описательные статистики кластерных групп

Table 4

Main descriptive statistics of cluster groups

Переменная	Среднее значение	Медианное значение	Минимальное значение	Максимальное значение	Коэффициент вариации, %
1 кластерная группа					
Y	2,163	2,124	1,745	2,660	21,1
X4	2358	2621	661	3528	51,8
X5	30,3	29,6	28,6	33,2	7,0
X6	32,3	31,9	30,4	35,0	6,1
X9	25248	25025	20169	30772	19,1
X11	17,5	15,2	11,5	28,0	43,3
X13	18,6	18,6	15,3	21,9	18,4
2 кластерная группа					
Y	1,636	1,663	1,340	1,946	12,2
X4	736	737	541	855	11,3
X5	36,4	35,9	33,7	40,3	5,8
X6	40,0	40,0	36,5	44,8	7,3
X9	74742	73961	51151	100795	23,5
X11	4,3	3,8	1,9	8,8	57,0
X13	26,3	26,2	21,6	32,6	14,6
3 кластерная группа					
Y	1,477	1,491	0,976	2,030	11,7
X4	834	773	554	1745	29,1
X5	37,2	37,5	33,3	39,0	3,4
X6	41,9	42,1	37,1	45,0	3,7
X9	32616	31704	21256	44706	17,9
X11	5,5	4,7	2,7	11,7	42,4
X13	27,5	27,7	21,4	33,1	10,0
4 кластерная группа					
Y	1,254	1,257	0,880	1,552	11,4
X4	710	708	530	796	8,3
X5	39,6	39,6	38,0	41,7	2,0
X6	45,2	45,2	42,4	47,0	2,3
X9	34395	34050	24438	54079	17,7
X11	3,9	3,8	1,8	7,7	30,4
X13	33,0	33,1	26,4	37,9	7,7

Источник: расчёты авторов.

значительно превышают внутрикластерные, нулевые гипотезы о равенстве дисперсий отвергаются на уровне значимости ниже 0,0000005. Таким образом, проведённую кластеризацию можно считать математически обоснованной. Основные описательные статистики для каждого кластера представлены в табл. 4. Как видно из рас-

чётов, первая кластерная группа однородна по всем переменным, кроме числа разводов, приходящихся на 1000 браков, и показателя безработицы. По официальным данным, в 2023 г. в трёх республиках Северного Кавказа (Ингушетия, Дагестан и Чеченская) отмечался самый высокий уровень разводов (на 1000 браков приходилось 2413–3528

Полученные результаты частично подтверждают распространённое мнение об обратной зависимости уровня рождаемости от уровня доходов и бедности в нашей стране. Обнаружена и подтверждается также прямая взаимосвязь между относительно высоким уровнем смертности в регионах (по показателю средней ожидаемой продолжительности жизни) и уровнем рождаемости: чем ниже продолжительность жизни, то есть выше уровень смертности, а это характерно для неблагополучных в социально-экономическом отношении регионов, тем выше показатели рождаемости. На взаимосвязь между обеспеченностью жильём и уровнем рождаемости, как и прежде влияет уровень урбанизации территорий. Из этого следует, что население наименее развитых в социально-экономическом отношении регионов наиболее отзывчиво на меры материального, финансового стимулирования рождаемости. А для населения регионов, достигших более высоких результатов по уровню занятости, доходов, качеству жизни в целом, требуются стимулы более высокого порядка, воздействующие на формирование ценности детей и потребности в детях на психологическом уровне. Следовательно, при формировании демографической политики государства в отношении рождаемости регионы РФ целесообразно рассматривать дифференцированно, с позиций кластерных групп, в пределах которых они однородны по своим основным социально-экономическим и демографическим показателям.

Проведённое исследование показало, что регионы РФ наиболее эффективно разделять на 4 кластерные группы по показателям: СКР, число разводов, приходящихся на 1000 браков, средний возраст мужчин, средний возраст женщин, медианный среднедушевой доход, суммарный показатель безработицы и потенциальной рабочей силы, размер жилой площади, приходящийся на одного жителя. Поэтому в регионах, отнесённых к 1 кластеру, в которых вопрос роста уровня рождаемости не сто-

ит так остро, как во всех других, наиболее актуально в настоящее время особое внимание уделять вопросам, направленным на повышение устойчивости семьи и сохранение полных семей. Целесообразно разрабатывать региональные демографические проекты, касающиеся дистанционной занятости женщин, мужчин, имеющих и желающих иметь многодетную семью. Необходимо также оказывать помощь в трудоустройстве многодетным женщинам, мужчинам, если они в этом заинтересованы. Для регионов данной группы актуальным будет принятие мер, направленных на улучшение жилищных условий семей с целью сохранения высоко уровня рождаемости.

Что касается представителей 2–3 кластерных групп, то в них необходимо продолжать разрабатывать и внедрять программы по привлечению и сохранению молодёжи в регионы, наиболее быстро теряющие население, разрабатывая программы по улучшению социально-культурной инфраструктуры в них, обеспеченности детскими дошкольными, школьными учреждениями. Оказывать социальную поддержку молодым семьям, регулировать сбалансированность спроса и предложения на рынке труда. Иные инструменты демографической политики должны быть использованы в регионах 4 кластера. Особое внимание необходимо в них уделять лицам моложе трудоспособного возраста и молодёжи. Именно в них в первую очередь должны быть разработаны и использованы инструменты психолого-идеологического, пропагандистского и воспитательного характера для формирования детоцентристской психологии у молодёжи, воспитанию утрачиваемой потребности в детях. Целесообразно провести расчёты с использованием статистических методов для выявления влияния различных факторов на показатели СКР по очередности рождений, чтобы повысить адресность и эффективность мер демографической политики.

Литература и Интернет-источники

1. **Антонов, А.И.** Социология рождаемости (теоретические и методологические проблемы): монография / А.И. Антонов. — Москва : Статистика, 1980. — 271 с.
2. **Харчев, А.Г.** Брак и семья в СССР: опыт социологического исследования / А.Г. Харчев. — Москва : Мысль, 1964. — 367 с.
3. **Синельников, А.Б.** Браки и разводы в современном обществе: социологический анализ: Учебное пособие / А.Б. Синельников. — Москва : Перо, 2022. — 392 с. EDN: BQQGDE
4. **Янкова, З.А.** Социальные исследования / З.А. Янкова. — Москва : Наука, 1970. — 205 с.
5. **Архангельский, В.Н.** Факторы рождаемости / В.Н. Архангельский. — Москва, 2006. — 399 с.
6. **Гурко, Т.А.** Развитие института родительства: анализ эмпирических показателей / Т.А. Гурко // Женщина в российском обществе. — 2022. — № 4. — С. 3–14. EDN: HCXBEN
7. **Осипова, И.** Репродуктивные установки россиян и отношение к государственным мерам поддержки рождаемости / И. Осипова // Демографическое обозрение. — 2020. — Т. 7. — № 2. — С. 97–120. DOI: 10.17323 / demreview.v7i2.11143; EDN: SUKAMD
8. **Воробьева, О.Д.** Взаимосвязь миграции и демографического старения населения регионов России: анализ на уровне возрастных групп / О.Д. Воробьева, А.В. Топилин, Г.В. Ниорадзе, Т.С. Хроленко // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 149–164. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-2-149-164; EDN: RBTPNA
9. **Трынов, А.В.** Исследование социально-экономической детерминации рождаемости на основе анализа региональных панельных данных / А.В. Трынов, С.Н. Костина, Г.А. Банных // Экономика региона. — 2020. — Т. 16. — № 3. — С. 807–819. DOI: 10.17059 / ekon.reg.2020-3-10; EDN: PEICXP
10. **Кучмаева, О.В.** Современная российская молодёжь: ценностные аспекты реализации репродуктивных намерений / О.В. Кучмаева, О.А. Золотарева, С.Б. Гуляев // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. — 2021. — Т. 14. — № 2. — С. 92–103. DOI: 10.17213 / 2075-2067-2021-2-92-103; EDN: ONSZYD
11. **Абдульязов, А.Р.** Брачное и репродуктивное поведение современной российской молодёжи / А.Р. Абдульязов, Г.В. Рустамова // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № S1. — С. 94–106. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-S1-94-106. EDN: RGQIRV
12. **Кумо, К.** Зависит ли вероятность рождения ребёнка от уровня благосостояния и его субъективного восприятия в российских домохозяйствах: в поиске ответов на извечные вопросы / К. Кумо // Демографическое обозрение. — 2023. — Т. 10. — № 1. — С. 44–78. DOI: 10.17323 / demreview.v10i1.17260; EDN: TAFNFM
13. **Гафизова, Н.Б.** Восприятие бездетности современной молодёжью (региональный аспект) / Н.Б. Гафизова, Е.О. Цалко // Женщина в российском обществе. — 2023. — № 2. — С. 120–132. DOI: 10.21064 / WinRS.2023.2.9; EDN: FQMWNE
14. **Александрова, О.А.** Инфантильные или ответственные: студенческая молодёжь о новых тенденциях в брачно-семейной и репродуктивной сферах / О.А. Александрова // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № S1. — С. 107–119. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-S1-107-119; EDN: YXWVNE
15. **Гуцко, Ю.П.** Демографические характеристики населения России / Ю.П. Гуцко // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 1. — С. 95–108. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-1-95-108; EDN: BNUABY
16. **Синельников, А.Б.** Социально-демографическая дифференциация рождаемости в России / А.Б. Синельников // Социологические исследования. — 2023. — № 12. — С. 95–107. EDN: NGBUOD
17. **Захаров, С.В.** История рождаемости в России: от поколения к поколению / С.В. Захаров // Демографическое обозрение. — 2023. — Т. 10. — № 1. — С. 4–43. DOI: 10.17323 / demreview.v10i1.17259; EDN: STMVEB

18. **Рыбаковский, Л.Л.** Результативность как основной показатель оценки состояния и тенденций рождаемости / Л.Л. Рыбаковский // Социологические исследования. — 2016. — № 4(384). — С. 23–30. EDN: VZSLIL

Сведения об авторах:

Воробьева Ольга Дмитриевна, д.э.н., профессор, главный научный сотрудник, ИСД ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: 89166130069@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1304-3715; РИНЦ SPIN-код: 6059-0372

Долбик-Воробей Татьяна Александровна, к.э.н., доцент, доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: tadolbikvorobey@fa.ru; ORCID: 0000-0002-5357-8549; РИНЦ SPIN-код: 1540-4549.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-4-19

THE RELATIONSHIP BETWEEN FERTILITY AND MAIN SOCIO-ECONOMIC PROCESSES IN RUSSIA

Olga D. Vorobyeva^{1*}, Tatiana A. Dolbik-Vorobei²

¹ISD FCTAS RAS

(6, cor.1 Fotievoy str., Moscow, Russia, 119333)

²Financial University under the Government of the Russian Federation

(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)

*E-mail: 89166130069@mail.ru

For citation:

Vorobyeva O.D., Dolbik-Vorobei T.A. The relationship between fertility and main socio-economic processes in Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 4-19. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-4-19 (in Russ.)

Abstract. The article provides a comprehensive demographic and statistical analysis aimed at identifying the presence or absence of a relationship between one of the most important indicators of population reproduction, total fertility rate (TFR) of the population in the RF regions, and a number of socio-economic and demographic indicators. The study uses official open data for 2023. Assessment of the presence and tightness of the relationship between TFR and fifteen demographic, economic and social indicators was carried out, based on the standards of correlation analysis (calculated pairwise (linear) Pearson correlation coefficients, using the t-Student test, with a significance level equal to 0.05). The presence (absence) of the relationship and their directions for each selected process was identified. Models of linear regression equations were compiled (based on the least squares method, using the F-test with a significance level of 0.05). Taking into account the resultant indicator, seven factors were selected for further clustering of the set of regions. The closest interconnections of the TFR with indicators of the age structure of male population of the regions were identified. It is proposed that when developing measures of regional demographic policy, the diversity of conditions and factors, the degree of their impact on birth rate in different groups of regions should be taken into account. An attempt is made to develop recommendations by cluster groups of regions to stimulate birth rate growth in them.

Keywords: total fertility rate, average age, living standards, employment, cluster analysis.

References and Internet sources

1. Antonov A. I. Sotsiologiya rozhdayemosti (teoreticheskiye i metodologicheskiye problemy) [*Sociology of Fertility (Theoretical and Methodological Issues)*]. Moscow. Statistika [Statistics]. 1980. 271 p. (in Russ.)
2. Kharchev A. G. Brak i sem'ya v SSSR: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya [*Marriage and Family in the USSR: Experience of Sociological Research*]. Moscow. Mysl [Thought]. 1964. 367 p. (in Russ.)
3. Sinelnikov A. B. Braki i razvody v sovremenном obshchestve: sotsiologicheskiy analiz [*Marriages and Divorces in Modern Society: Sociological Analysis*]. Textbook. Moscow. Pero Publishing House. 2022. 392 p. (in Russ.)
4. Yankova Z. A. Sotsial'nyye issledovaniya [*Social Research*]. Moscow. Nauka [Science]. 1970. 205 p. (in Russ.)
5. Arkhangelsky V. N. Faktory rozhdayemosti [*Fertility Factors*]. Moscow. 2006. 399 p. (in Russ.)
6. Gurko T. A. Razvitiye instituta roditel'stva: analiz empiricheskikh pokazateley [Development of parenthood institution: analysis of empirical indicators]. Zhenshchina v rossiyskom obshchestve [*Woman in Russian Society*]. 2022. No. 4. P. 3-14. DOI: 10.21064/WinRS.2022.4.1 (in Russ.)
7. Osipova I. Reproktivnyye ustanovki rossiyan i otnosheniye k gosudarstvennym meram podderzhki rozhdayemosti [Reproductive attitudes of Russians and how they regard government measures to support fertility]. Demograficheskoye obozreniye [*Demographic Review*]. 2020. Vol. 7. No. 2. P. 97-120. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11143 (in Russ.)
8. Vorobyeva O. D., Topilin A. V., Nioradze G. V., Khrolenko T. S. Vzaimosvyaz' migratsii i demograficheskogo stareniya naseleniya regionov Rossii: analiz na urovne voznrastnykh grupp [The relationship between migration and demographic aging of the population of RF regions: analysis at the level of age groups]. Narodonaselenie [*Population*]. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 149-164. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-149-164 (in Russ.)
9. Trynov A. V., Kostina S. N., Bannykh G. A. Issledovaniye sotsial'no-ekonomicheskoy determinatsii rozhdayemosti na osnove analiza regional'nykh panel'nykh dannykh [Examination of socio-economic determination of fertility based on the regional panel data analysis]. Ekonomika regiona [*Economy of Regions*]. 2020. Vol. 16. No. 3. P. 807-819. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-3-10 (in Russ.)
10. Kuchmaeva O. V., Zolotareva O. A., Gulyaev S. B. Sovremennaya rossiyskaya molodozh': tsennostnyye aspekty realizatsii reproduktivnykh namereniy [Modern Russian youth: reproductive intentions and assessment of the possibilities of their implementation]. Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki [*Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences*]. 2021. Vol. 14. No. 2. P. 92-103. DOI: 10.17213/2075-2067-2021-2-92-103 (in Russ.)
11. Abdulzyanov A. R., Rustamova G. V. Brachnoye i reproduktivnoye povedeniye sovremennoy rossiyskoy molodozhi [Mating and reproductive behavior of modern Russian youth]. Narodonaselenie [*Population*]. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 94-106. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-94-106 (in Russ.)
12. Kumo K. Zavisit li veroyatnost' rozhdeniya rebenka ot urovnya blagosostoyaniya i yego sub'yektivnogo vospriyatiya v rossiyskikh domokhozyaystvakh: v poiske otvetov na izvechnyye voprosy [Does the probability of having a child depend on the level of wealth and its subjective perception in Russian households: in search of answers to eternal questions]. Demograficheskoye obozreniye [*Demographic Review*]. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 44-78. DOI: 10.17323/demreview.v10i1.17260 (in Russ.)
13. Gafizova N. B., Tsalko E. O. Vospriyatiye bezdetnosti sovremennoy molodozhi'y (regional'nyy aspekt) [Perception of childlessness by modern youth (regional aspect)]. Zhenshchina v rossiyskom obshchestve [*Woman in Russian Society*]. 2023. No. 2. P. 120-132. DOI: 10.21064/WinRS.2023.2.9 (in Russ.)
14. Aleksandrova O. A. Infantil'nyye ili otvetstvennyye: studencheskaya molodozh' o novykh tendentsiyakh v brachno-semeynoy i reproduktivnoy sferakh [Infantile or responsible: student youth about new trends in the marriage, family and reproductive spheres]. Narodonaselenie [*Population*]. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 107-119. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119 (in Russ.)
15. Gushcho Yu. P. Demograficheskiye kharakteristiki naseleniya Rossii [Demographic characteristics

- of the Russian population]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 95-108. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-95-108 (in Russ.)
16. Sinelnikov A. B. Sotsial'no-demograficheskaya differentsiatsiya rozhdayemosti v Rossii [Socio-demographic differentiation of fertility in Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2023. No. 12. P. 95-107. DOI: 10.31857/S013216250029340-7 (in Russ.)
 17. Zakharov S. V. Istoriya rozhdayemosti v Rossii: ot pokoleniya k pokoleniyu [The history of fertility in Russia: from generation to generation]. *Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review]*. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 4-43. DOI: 10.17323/demreview.v10i1.17259 (in Russ.)
 18. Rybakovsky L. L. Rezul'tativnost' kak osnovnoy pokazatel' otsenki sostoyaniya i tendentsiy rozhdayemosti [Efficiency as basic index for the state and trends in natality]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. – 2016. No. 4(384). P. 23-30. (in Russ.)

Information about the authors:

Vorobyeva Olga Dmitrievna, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, ISD FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 89166130069@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1304-3715; Elibrary SPIN code: 6059-0372.

Dolbik-Vorobei Tatiana Aleksandrovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: tadolbikvorobey@fa.ru; ORCID: 0000-0002-5357-8549; Elibrary SPIN code: 1540-4549.

Статья поступила в редакцию 02.06.2025, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-20-35
EDN: XFEFSN

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ДИВИДЕНДА В РАЗВИВАЮЩИХСЯ РЕГИОНАХ РОССИИ

Морковкин Д. Е.^{1*}, Симагин Ю. А.², Назарова Н. А.¹, Мамедов Т. Н.¹

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

²ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5)

*E-mail: morkovkinde@mail.ru

Для цитирования:

Морковкин Д. Е., Симагин Ю. А., Назарова Н. А., Мамедов Т. Н. Экономические эффекты реализации демографического дивиденда в развивающихся регионах России // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 2. — С. 20-35. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-20-35; EDN: XFEFSN

Аннотация. Современные демографические реалии России характеризуются существенными межрегиональными различиями в возрастной структуре населения, при этом многие регионы Северного Кавказа, Сибири и Дальнего Востока демонстрируют принципиально иную демографическую динамику по сравнению с центральными регионами страны, создавая потенциальные возможности для реализации эффекта демографического дивиденда как катализатора экономического роста. Проведён комплексный анализ экономических эффектов демографического дивиденда через призму изменения возрастной структуры населения и выявления механизмов влияния благоприятной демографической конъюнктуры на экономический рост. Рассмотрены теории демографического перехода, первого и второго демографического дивидендов, эндогенные модели экономического роста с учётом демографического фактора, а также современные подходы к оценке влияния возрастной структуры на накопление человеческого капитала и производительность труда. Анализируется эволюция представлений о роли демографических факторов в экономическом развитии от мальтузианских ограничений к современному пониманию демографического окна возможностей. Выявлены ключевые характеристики регионов России, имеющих потенциал для реализации демографического дивиденда, включая более молодую возрастную структуру населения по сравнению с общероссийскими показателями, растущую долю населения трудоспособного возраста, сохранение более высокого уровня рождаемости. Разработанная интегративная модель реализации демографического дивиденда демонстрирует многофакторную архитектуру взаимодействия демографических изменений, инвестиций в человеческий капитал, институциональных условий и структурных трансформаций экономики, причём критическими факторами успеха определены масштабные инвестиции в образование и здравоохранение, создание продуктивных рабочих мест, развитие транспортной и социальной инфраструктуры, формирование благоприятного инвестиционного климата и стимулирование предпринимательской активности. Научная новизна исследования заключается в систематизации

теоретико-методологических подходов к оценке демографического дивиденда применительно к российским региональным условиям. Практическая значимость работы определяется возможностью применения разработанных положений для формирования региональных стратегий социально-экономического развития, проектирования целевых программ инвестиций в человеческий капитал, а также оптимизации межбюджетных отношений с учётом демографического потенциала территорий.

Ключевые слова: демографический дивиденд, возрастная структура населения, человеческий капитал, трудовые ресурсы, инвестиции в образование, производительность труда.

Введение

Глобальные демографические процессы XXI в. характеризуются беспрецедентной по масштабам трансформацией возрастной структуры населения: согласно прогнозу ООН, примерно в 100 странах мира трудоспособное население в возрасте от 20 до 64 лет будет расти до 2054 г., предлагая уникальное окно возможностей, известное как демографический дивиденд, реализация которого требует инвестиций в образование, здравоохранение и инфраструктуру, а также проведения реформ для создания рабочих мест и повышения эффективности управления¹. Опыт стран Восточной Азии и Латинской Америки демонстрирует, что демографический дивиденд может обеспечить от 11% до 15% прироста ВВП при условии правильных политических решений, причём в Африке к югу от Сахары данный потенциал способен сократить бедность на 40–60 млн человек к 2030 году².

Россия имеет уникальный случай региональной дифференциации демографических процессов. Согласно данным Росстата, на начало 2025 г. численность постоянного населения России составила 146,1 млн человек, но демографическая ситуация в различных федеральных округах (ФО) демонстрирует значительные различия в возрастной структуре, уровне рождаемости и темпах естественного прироста населения³.

Средний возраст населения России составляет 40,97 года, при этом региональные показатели варьируются от молодого населения в республиках Северного Кавказа до постаревшего населения Центральной России, создавая разные условия для экономического развития⁴.

Актуальность темы исследования определяется взаимосвязанными факторами, формирующими современный контекст регионального экономического развития и требующими системного научного осмысления происходящих демографических и экономических трансформаций. Во-первых, демографически развивающиеся регионы России, включающие республики Северного Кавказа, некоторые регионы Сибирского и Дальневосточного ФО, сталкиваются с необходимостью ускорения темпов экономического роста для преодоления отставания от экономически развитых центров. Согласно рейтингу социально-экономического положения регионов по итогам 2024 г., последнюю десятку рейтинга занимают Камчатский край, Кабардино-Балкарская Республика (КБР), Республика Северная Осетия — Алания (РСОА), Чукотский АО, Карачаево-Черкесская Республика (КЧР), Республика Алтай, Республика Калмыкия, Республика Ингушетия, Еврейская АО и Республика Тыва⁵. Во-вторых, благоприятная демо-

¹ 10 ключевых положений из «Демографического прогноза ООН-2024». — URL : <https://niioz.ru/news/10-klyuchevykh-polozheniy-iz-demograficheskogo-prognoza-onn-2024/> (дата обращения: 20.12.2025).

² World Bank. Africa human capital — heads of state summit. — URL : <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/6e828910dabf285651ff47d684276df7-0010012023/original/002-Africas-Moment-The-Promise-of-Demographic-Dividend.pdf> (дата обращения: 20.12.2025).

³ Демография России в 2025 году: сколько человек

проживает на территории России. — URL : <https://гибд.рф/instructions/demografiya-rossii/> (дата обращения: 20.12.2025).

⁴ Средний возраст населения по регионам России. — URL : <https://картографиямира.рф/карты?id=83> (дата обращения: 20.12.2025).

⁵ РИА Рейтинг. Рейтинг социально-экономического положения регионов по итогам 2024 г. — URL : <https://riarating.ru/infografika/20250623/630282378.html> (дата обращения: 20.12.2025).

графическая конъюнктура в ряде регионов России создает потенциальное окно возможностей для ускоренного экономического развития. Исследования учёных Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова показали, что демографический дивиденд обеспечил около 13% роста ВВП России в 1997–2015 гг., демонстрируя значительный потенциал влияния возрастной структуры на экономическую динамику [1]. В-третьих, глобальный тренд старения населения создает императив для максимально эффективного использования имеющегося демографического потенциала, причём разные страны и территории демонстрируют различия в возрастной структуре населения и интенсивности процесса демографического старения, требующие дифференцированного подхода к разработке демографической и экономической политики [2].

Объектом исследования выступает система социально-экономического развития развивающихся регионов России, функционирующих в условиях благоприятной демографической динамики и наличия потенциала демографического дивиденда. Предметом исследования являются теоретические подходы, методологические основания и практические механизмы влияния изменений возрастной структуры населения на экономический рост развивающихся регионов России, а также институциональные условия и инвестиционные стратегии максимизации экономических эффектов демографического дивиденда. Цель исследования — проведение комплексного теоретико-методологического анализа экономических эффектов демографического дивиденда в развивающихся регионах России и выявление ключевых механизмов трансформации благоприятных изменений возрастной структуры населения в ускоренный экономический рост территорий.

Научная новизна исследования заключается в систематизации комплекса взаимосвязанных факторов (демографических, экономических, институциональных и инфраструктурных), обеспечивающих трансформацию благоприятных изменений воз-

растной структуры населения в ускоренный экономический рост регионов России, а также в разработке интегративной модели реализации демографического дивиденда, синтезирующей различные теоретические подходы и учитывающей специфику российских условий и различий в социально-экономическом развитии. Практическая значимость работы определяется возможностью применения разработанных положений и подходов для формирования региональных стратегий социально-экономического развития, проектирования программ инвестиций в человеческий капитал, создания институциональных механизмов стимулирования экономической активности в регионах, оптимизации межбюджетных отношений с учётом демографического потенциала территорий, а также обоснования приоритетных направлений инвестиций в образование, здравоохранение и инфраструктуру регионов страны.

Методы и материалы

Методологическую основу исследования составляют фундаментальные принципы системного анализа, позволяющие рассматривать процесс реализации демографического дивиденда как сложную многоуровневую систему взаимосвязанных демографических, экономических, институциональных и социальных компонентов. Теоретическим базисом выступают классические и современные концепции демографического перехода и экономического роста, включая теорию демографического перехода (А. Ландри, Ф. Ноутстейн, А. Г. Вишневский), концепцию демографического дивиденда (Д. Блум, Д. Кэннинг, Дж. Севильи), теорию человеческого капитала (Г. Беккер и Т. Шульц), эндогенные модели экономического роста (П. Ромер и Р. Лукас), а также современные подходы к оценке влияния возрастной структуры населения на сбережения и инвестиции (Р. Ли и Э. Мэйсон) [3–9].

В качестве основных методов исследования использован комплекс методов, включающий контент-анализ научной литерату-

ры по проблематике демографического дивиденда и регионального экономического развития, компаративный анализ различных теоретических подходов к оценке влияния демографических факторов на экономический рост, статистический анализ демографических и экономических показателей регионов России, метод систематизации и классификации для выявления и группировки факторов успешной реализации демографического дивиденда, а также методы концептуального моделирования для разработки интегративной модели трансформации демографических изменений в региональный экономический рост.

Эмпирическую базу исследования составили данные Росстата по возрастному половому составу и естественному движению населения, миграциям, показателям регионального экономического развития за период 2020–2025 гг., результаты прогнозных исследований динамики демографического дивиденда в России, проведённых на Экономическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова, материалы международных организаций (ООН, Всемирный банк и др.) по вопросам демографического дивиденда и человеческого капитала, аналитические материалы региональных органов государственной власти по вопросам социально-экономического развития.

Результаты и обсуждение

Формирование современной парадигмы исследования демографического дивиденда как фактора экономического роста представляет собой комплексный процесс эволюции научных представлений о роли демографических факторов в макроэкономической динамике, и каждый этап развития данной концепции привносит новые элементы в понимание механизмов влияния возрастной структуры населения на темпы и качество экономического роста территорий. Теоретические основания концепции демографического дивиденда восходят к теории демографического перехода, описывающей последовательную трансформацию воспроизводства населения от тра-

диционного типа с высокой рождаемостью и высокой смертностью к современному типу с низкой рождаемостью и низкой смертностью, причём промежуточная стадия демографического перехода характеризуется временным периодом быстрого роста численности населения вследствие снижения смертности при сохранении высокой рождаемости, что создаёт специфическую возрастную структуру с высокой долей населения трудоспособного возраста и относительно низкой демографической нагрузкой.

Концепция демографического дивиденда, разработанная в конце XX — начале XXI в. Д. Блумом, Д. Кэннингом и Дж. Севильей [4], постулирует возможность получения экономических выгод от благоприятных изменений возрастной структуры населения. При этом различают первый демографический дивиденд, связанный с увеличением доли трудоспособного населения и снижением коэффициента демографической нагрузки, что приводит к росту производства на душу населения и увеличению нормы сбережений, и второй демографический дивиденд, обусловленный увеличением накопления капитала на одного работника вследствие старения населения и необходимости обеспечения потребления в пожилом возрасте. Исследования международных организаций демонстрируют существенную вариативность величины и продолжительности демографического дивиденда в различных странах и регионах: в Латинской Америке вклад демографического дивиденда в экономический рост мог бы составить 1,7% ВВП ежегодно, однако фактический прирост был значительно ниже вследствие недостаточности инвестиций в человеческий капитал и неблагоприятных институциональных условий, что подчёркивает критическую важность правильной экономической политики для реализации потенциала благоприятной демографической конъюнктуры [9].

Анализ демографической ситуации в России выявляет существенную региональную дифференциацию демографических процессов, создающую различные

условия для реализации эффекта демографического дивиденда, причём, согласно прогнозу, с учётом пенсионной реформы 2019 г., доля населения трудоспособного возраста в России будет постепенно увеличиваться с 56% в 2021 г. до 61,5% к 2031 г. по среднему варианту прогноза, создавая благоприятные условия для положительного вклада демографической структуры в экономический рост [1].

Многие регионы России демонстрируют демографические характеристики, отличающие их от центральных территорий страны — их можно считать демографически развивающимися (далее — развивающимися). Эти регионы имеют молодую возрастную структуру населения и высокий уровень рождаемости, что создаёт потенциальные предпосылки для формирования демографического «окна возможностей». Экономические эффекты реализации демографического дивиденда в развивающихся регионах могут проявляться через несколько взаимосвязанных механизмов. Первый механизм связан с увеличением предложения труда вследствие роста численности населения трудоспособного возраста, однако его реализация требует создания достаточного количества продуктивных рабочих мест, соответствующих квалификации трудовых ресурсов⁶. Второй механизм реализации демографического дивиденда связан с увеличением нормы сбережений и инвестиций в экономику, поскольку население трудоспособного возраста характеризуется более высокой склонностью к сбережению по сравнению с детьми и пожилыми людьми: исследования показывают, что снижение коэффициента демографической нагрузки на один процентный пункт (п.п.) может привести к увеличению нормы сбережений на 0,4–0,7 п.п., создавая дополнительные ресурсы для инвестиций в физический капитал и инфраструктуру. Третий механизм связан с инвестициями в человеческий капитал: снижение рождаемости позволяет семьям и обществу концентрировать больше ресурсов на образовании и развитии меньшего числа детей, что подтверждает

ся опытом стран Восточной Азии, где значительные инвестиции в образование в период демографического дивиденда способствовали формированию высококвалифицированной рабочей силы и технологическому прорыву⁷.

Ключевым фактором успешной реализации демографического дивиденда выступают масштабные и качественные инвестиции в человеческий капитал, включающие образование, здравоохранение и профессиональную подготовку, при чем согласно позиции Б.Н.Порфирьева, инвестиции в человеческий капитал в России должны быть увеличены с текущих 13% ВВП до 23% ВВП для достижения существенного прогресса в экономическом развитии, поскольку вложения в здравоохранение, образование и науку в России в настоящее время в 2–3 раза ниже, чем в странах G7⁸.

Российская специфика инвестиций в человеческий капитал характеризуется постепенным увеличением бюджетного финансирования социальных отраслей, при этом расходы федерального бюджета на образование в 2025 г. составили 1,577 трлн рублей, что на 259 млрд рублей или на 20% больше, чем было заложено в предыдущем трёхлетнем бюджете, а на здравоохранение было направлено 1,86 трлн рублей, что почти на 15% больше финансирования 2024 года⁹. Как представлено в табл. 1, развивающиеся регионы России демонстрируют существенные различия в уровне социально-экономического развития, демографических характеристиках и потенциале реализации демографического дивиденда. Данные та-

⁷ The Philippines Needs to Invest in Children's Early Years to Boost Human Capital // World Bank. — URL : <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/06/24/philippines-needs-to-invest-in-children-s-early-years-to-boost-human-capital> (дата обращения: 20.12.2025).

⁸ Риск бездействия: академик РАН оценил экономические перспективы России // РИА Новости. — URL : <https://ria.ru/20191124/1561469566.html> (дата обращения: 20.12.2025).

⁹ Образованию пообещали денег // Эксперт. — URL : <https://expert.ru/obshchestvo/obrazovaniyu-poobeshchali-deneg/>; Расходы на социальную политику составят 16% от всего федерального бюджета // Ведомости. — URL : <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/10/01/1065617-rashodi-na-sotsialnuyu-politiku> (дата обращения: 20.12.2025).

⁶ Прогноз баланса трудовых ресурсов на 2023–2025 годы // Минтруд России. — URL : <https://mintrud.gov.ru/docs/2467> (дата обращения: 20.12.2025).

Таблица 1

**Сравнительные характеристики развивающихся регионов России
по демографическим и экономическим показателям**

Table 1

Comparative characteristics of Russia's developing regions by demographic and economic indicators

Федеральный округ	Средний возраст населения (лет)	Доля населения трудоспособного возраста (%)	Темп роста ВРП 2023–2024 (%)	Уровень безработицы 2024 (%)	Потенциал демографического дивиденда
Северо-Кавказский	35–37	58–62	2,5–3,5	8–15	Высокий
Сибирский	39–41	56–58	2,0–3,0	4–6	Средний
Дальневосточный	38–40	57–59	2,5–3,5	3–5	Средний
Центральный	42–44	54–56	3,0–4,0	2–3	Низкий
Россия в целом	40,97	56–57	2,5–3,0	2,9	Средний

Источник: составлено авторами на основе анализа данных Росстата.

блицы показывают существенную дифференциацию демографических и экономических показателей, причём регионы Северо-Кавказского ФО демонстрирует наиболее благоприятную возрастную структуру населения с самым низким средним возрастом и высокой долей населения трудоспособного возраста, однако сталкивается с более высоким уровнем безработицы и умеренными темпами роста валового регионального продукта (ВРП), что указывает на недостаточную реализацию имеющегося демографического потенциала вследствие ограниченности создания рабочих мест и недостаточности инвестиций в экономическое развитие.

Производительность труда выступает критическим фактором трансформации количественного увеличения рабочей силы в реальный экономический рост. Согласно оценкам учёных Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, ежегодный рост производительности труда в России может составить 3,4% в перспективе до 2050 г., что позволит компенсировать нехватку трудовых ресурсов в долгосрочной перспективе за счёт более эффективного использования имеющейся рабочей силы¹⁰. Развитие региональных экономик в условиях реализации демографического дивиденда требует структурных трансформаций, создающих продуктивные рабочие места для растущего трудоспособного населения.

Анализ структурных изменений в экономике России в 2022–2024 гг. показывает центростремительный характер инвестиционных потоков с усилением роли нестоличных мегаполисов и Дальнего Востока, тогда как регионы Центрального ФО недополучили инвестиций¹¹.

Рынок труда в России характеризуется рекордно низким уровнем безработицы и дефицитом квалифицированных специалистов: по состоянию на 2025 г. уровень безработицы составил 2,6%, а численность занятого населения увеличилась до 74,1 млн человек, но средняя укомплектованность штата в российских компаниях составила лишь 67%, что заставляло работодателей индексировать заработные платы, привлекать работников сторонних организаций и трансформировать производство для повышения производительности труда¹². Низкая мобильность рабочей силы выступает дополнительным структурным ограничением российской экономики, при этом даже при наличии вакансий в одних регионах и безработицы в других перетоки трудовых ресурсов остаются недостаточными для эффективного распределения рабочей силы по территории страны¹³.

¹¹ Структурные изменения в экономике России в 2022–2024 годах // АКРА. – URL : <https://www.acra-ratings.ru/research/2812/> (дата обращения: 20.12.2025).

¹² Рынок труда в России: текущее состояние и перспективы развития // ИМП РАН. – URL : <https://ecfor.ru/publication/rynok-truda-v-rossii-tekushchee-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya/> (дата обращения: 20.12.2025).

¹³ Что ждёт рынок труда в 2024 году: конкуренция за кадры и изменение спроса // Ведомости. – URL : <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2024/01/09/10141>

¹⁰ Рынок труда в России: текущее состояние и перспективы развития // ВЭО России. – URL : <https://veorus.ru/события/хроника-мероприятий/rynok-truda-v-rossii-tekushchee-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya/> (дата обращения: 20.12.2025).

Рис. 1 показывает концептуальную модель реализации демографического дивиденда в развивающихся регионах России, которая демонстрирует многофакторный характер реализации демографического дивиденда.

Критическим условием трансформации благоприятной демографической структуры в экономический рост выступает наличие достаточного количества продуктивных рабочих мест, создание которых требует масштабных инвестиций в инфраструктуру и производственные мощности, финансируемых из возросших сбережений населения трудоспособного возраста, формируя положительную обратную связь между демографическими изменениями и экономическим развитием.

Институциональные условия реализации демографического дивиденда включают эффективную систему образования и здравоохранения, благоприятный инвестиционный климат, развитую финансовую систему, способную трансформировать сбережения в инвестиции, функционирующий рынок труда с низкими барьерами для создания новых рабочих мест, а также государственную политику, стимулирующую предпринимательскую активность и развитие малого и среднего бизнеса как основного источника создания новых рабочих мест¹⁴.

Развитие человеческого капитала на евразийском пространстве выступает стратегическим приоритетом региональной интеграции, причём благополучие и здоровье населения, а также профессиональная квалификация работников как важнейшие элементы трудового ресурса нашли отражение

91-konkurentsiya-za-kadri-i-strukturnoe-izmenenie-sprosa (дата обращения: 20.12.2025).

¹⁴ Human Capital // World Bank. – URL : <https://www.worldbank.org/en/publication/human-capital> (дата обращения: 20.12.2025).

Рис. 1. Концептуальная модель механизмов реализации демографического дивиденда в развивающихся регионах России

Fig. 1. A conceptual model of mechanisms for demographic dividend implementing in developing regions of Russia

Источник: составлено авторами.

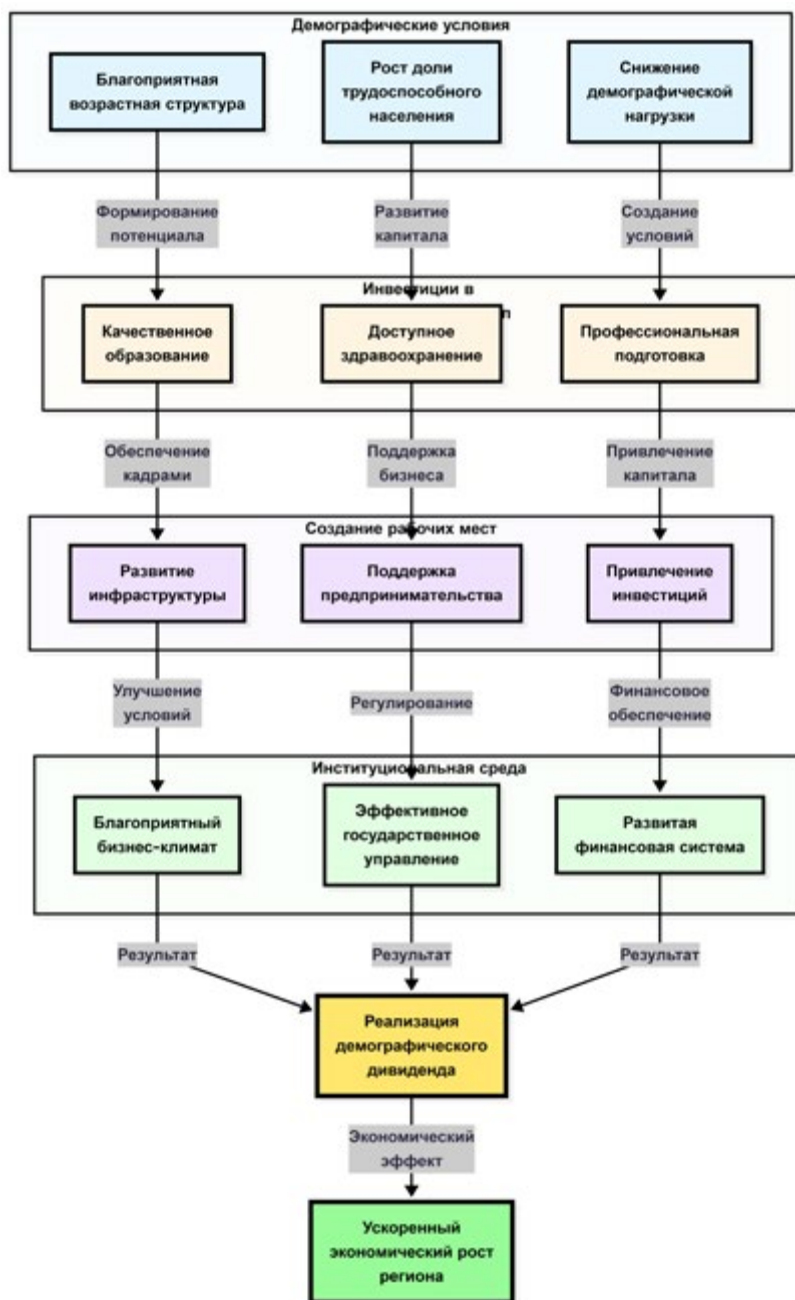

Рис. 2. Интегративная модель реализации демографического дивиденда в развивающихся регионах России

Fig 2. An integrative model of demographic dividend implementing in developing regions of Russia

Источник: разработано авторами.

в Стратегии развития ЕАЭС до 2025 года, включающей новые направления экономического сотрудничества в сферах здравоохранения и профессионального образования¹⁵. Инвестиции в человеческий капитал характеризуются высокой социальной отдачей, существенно превышающей частную отдачу для отдельных индивидов, причём, согласно исследованиям Всемирного банка, две трети разрыва в доходах между развитыми и развивающимися странами объясняются различиями в человеческом капитале, подчёркивая критическую важность инвестиций в образование и здравоохранение для экономического развития¹⁶.

Российские особенности рынка труда в 2025 г. характеризуются продолжающейся трансформацией под влиянием технологических, экономических и социальных изменений, и, согласно Всероссийскому научно-исследовательскому институту труда, акцент будет делаться на повышении производительности труда, поскольку выход из демографической ямы и приход более многочисленного поколения на рынок труда не решит проблему дефицита рабочих рук в условиях структурной перестройки экономики и развития импортозамещения¹⁷.

Как отображено на рис. 2, реализация демографического дивиденда в развивающихся регионах России требует синергии четырёх ключевых компонентов: демографических условий, инвестиций в человеческий капитал, создания продуктивных рабочих мест и благоприятной институциональной среды. Рисунок иллюстрирует необходимость комплексного подхода к реализации потенциала демографического дивиденда, так как изолированное развитие отдельных компонентов не приводит

к желаемым результатам, тогда как синергетическое взаимодействие демографических условий, инвестиций в человеческий капитал, создания рабочих мест и благоприятной институциональной среды формирует устойчивый механизм трансформации демографических изменений в ускоренный экономический рост.

Опыт стран, успешно реализовавших демографический дивиденд, подтверждает критическую важность своевременных и масштабных инвестиций в человеческий капитал. Пример Республики Корея, трансформировавшейся из беднейшей страны в высокодоходную экономику к 1995 г., демонстрирует ключевую роль целевых инвестиций в образование и профессиональные навыки для реализации демографического потенциала¹⁸. Экономика знаний выступает критическим компонентом современной стратегии экономического развития, причём в России доля отраслей экономики знаний составляет лишь 11–12% ВВП (включая 1% на науку, 3,5% на образование, 4% на здравоохранение и около 2% на информационные технологии) по сравнению с более чем 50% в развитых странах¹⁹. Развитие экономики знаний оказывает значительный мультипликативный эффект на все отрасли экономики, повышая производительность труда и создавая высокооплачиваемые рабочие места, причем для форсированного развития, по оценкам А.Г. Аганбегяна, необходимы инвестиции в размере 2–2,5 трлн рублей ежегодного прироста вложений в основные средства и 1–1,5 трлн рублей ежегодно в человеческий капитал, что может способствовать решению демографических проблем [10].

Региональные различия в структуре экономики и уровне развития человеческого капитала создают различные условия для

¹⁵ Развитие человеческого капитала на евразийском пространстве обсудят на ЕЭФ-2023 // Ведомости. – URL : https://www.vedomosti.ru/press_releases/2023/05/05/razvitiye-chelovecheskogo-kapitala-na-evraziiskom-prostranstve-obsudyat-na-eef-2023 (дата обращения: 20.12.2025).

¹⁶ Human Capital // World Bank. – URL : <https://www.worldbank.org/en/publication/human-capital> (дата обращения: 20.12.2025).

¹⁷ Российские особенности рынка труда: актуальные тенденции 2024–2025 // HR-директор. – URL : <https://www.hr-director.ru/article/66639-osobennosti-rynka-truda-19-m2> (дата обращения: 20.12.2025).

¹⁸ Smart financing to power a more prosperous future // World Bank. – URL : <https://blogs.worldbank.org/en/education/Smart-financing-to-power-a-more-prosperous-future> (дата обращения: 20.12.2025).

¹⁹ Человеческий капитал как основной источник социально-экономического роста // Институт экономики роста имени П.А. Столыпина. – URL : <https://stolypin.institute/research/partners/chelovecheskij-kapital-kak-osnovnoj-istochnik-socialno-ekonomicheskogo-rosta> (дата обращения: 20.12.2025).

реализации демографического дивиденда, причём регионы с развитой промышленностью и сферой услуг обладают большим потенциалом для эффективного использования растущих трудовых ресурсов по сравнению с регионами, специализирующимися на добыче полезных ископаемых, характеризующейся относительно низкой трудоёмкостью производства. Анализ производительности труда по секторам российской экономики показывает, что наибольший рост производительности в 2023 г. наблюдается в оптовой и розничной торговле (5,8%), строительстве (3,6%) и обрабатывающих производствах (3,4%), тогда как в добыче полезных ископаемых зафиксировано снижение производительности на 4,4%²⁰.

Сравнительный анализ международного опыта реализации демографического дивиденда демонстрирует критическую важность комплексного подхода, сочетающего демографическую политику, инвестиции в человеческий капитал, создание рабочих мест и институциональные реформы, при чем страны, которые смогли максимизировать экономические выгоды от демографического дивиденда, характеризуются высоким качеством образования, эффективной системой здравоохранения, благоприятным предпринимательским климатом и активной государственной политикой стимулирования экономического роста.

Проект развития человеческого капитала Всемирного банка объединяет 95 стран, работающих по трём направлениям для ускорения осуществления масштабных и эффективных инвестиций в людей в целях укрепления социальной справедливости и обеспечения экономического роста. Инвестиции в людей путём улучшения качества питания, медицинской помощи, обеспечения качественного образования, создания рабочих мест и обучения профессиональным навыкам способствуют развитию человеческого капитала, являющегося ключевым условием для искоренения крайней

бедности и построения более социально сплоченного общества²¹.

Развивающиеся регионы России обладают существенным потенциалом для реализации эффекта демографического дивиденда при условии проведения целенаправленной экономической политики, направленной на максимизацию экономических выгод от благоприятной демографической конъюнктуры. Ключевыми направлениями такой политики выступают масштабные инвестиции в образование и профессиональную подготовку, развитие системы здравоохранения, создание благоприятных условий для предпринимательства и инвестиций, развитие транспортной и социальной инфраструктуры, а также совершенствование институциональной среды для эффективного функционирования рынка труда и финансовой системы.

Выводы

Анализ эволюции теоретических подходов к концепции демографического дивиденда и выявление специфики демографических процессов в развивающихся регионах России показали фундаментальную трансформацию научных представлений о роли демографических факторов в экономическом развитии от мальтузианской концепции демографических ограничений экономического роста к современному пониманию демографического окна возможностей как потенциального катализатора ускоренного экономического развития. Установлено, что концепция демографического дивиденда, систематически разработанная Д.Блумом, Д.Кэннингом и Дж. Севильей [4], постулирует возможность получения существенных экономических выгод от благоприятных изменений возрастной структуры населения. Различают первый демографический дивиденд, связанный с увеличением доли трудоспособного населения и снижением коэффициента демо-

²⁰ Оптимизация и производительность: каким был 2024 год на рынке труда // Работа.ру. – URL : <https://pro.rabota.ru/all2024> (дата обращения: 20.12.2025).

²¹ Проект развития человеческого капитала: Часто задаваемые вопросы // Всемирный банк. – URL : <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/publication/human-capital/brief/the-human-capital-project-frequently-asked-questions> (дата обращения: 20.12.2025).

графической нагрузки, и второй демографический дивиденд, обусловленный увеличением накопления капитала вследствие старения населения.

Выявлена значительная региональная дифференциация демографических процессов в России. Развивающиеся регионы Северного Кавказа демонстрируют средний возраст населения 35–37 лет и долю населения трудоспособного возраста 58–62%, существенно превышающую общероссийский показатель 56–57%, создавая благоприятные условия для реализации эффекта демографического дивиденда. Исследования учёных Экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова подтвердили, что первый демографический дивиденд обеспечил около 13% роста реального ВВП России в 1997–2015 гг., демонстрируя значительный потенциал влияния возрастной структуры на макроэкономическую динамику, причём прогнозируется постепенное увеличение доли населения трудоспособного возраста в России с 56% в 2021 г. до 61,5% к 2031 г., создавая перспективы для положительного вклада демографической структуры в экономический рост при условии правильной экономической политики.

Систематизация и классификация факторов, обеспечивающих трансформацию благоприятной возрастной структуры населения в ускоренный экономический рост региональных экономик, позволила выделить четыре взаимосвязанные группы критических факторов успеха. Первая группа включает инвестиционные факторы. Масштабные и качественные инвестиции в человеческий капитал выступают ключевым условием реализации демографического дивиденда, требуя увеличения российских инвестиций в образование, здравоохранение и науку с текущих 11–13% ВВП до 23% ВВП для достижения уровня развитых стран, что подтверждается федеральным бюджетом 2025 г., предусматривающим расходы на образование в размере 1,577 трлн рублей (рост на 20% по сравнению с предыдущим планом) и на здравоохранение 1,86 трлн рублей (рост на 15%). Вторая группа включает институциональные факторы, охваты-

вающие благоприятный инвестиционный климат для создания продуктивных рабочих мест, эффективную финансовую систему для трансформации сбережений в инвестиции, функционирующий рынок труда с высокой географической и межотраслевой мобильностью, а также государственную политику стимулирования предпринимательской активности. Третья группа объединяет производственные факторы, включающие создание достаточного количества высокопроизводительных рабочих мест для растущего трудоспособного населения, повышение производительности труда с прогнозируемыми темпами роста 3,4% ежегодно до 2050 года. Четвёртая группа охватывает инфраструктурные факторы, определяющие развитие транспортной инфраструктуры для обеспечения мобильности рабочей силы, создание социальной инфраструктуры в развивающихся регионах для привлечения и закрепления трудовых ресурсов, а также развитие цифровой инфраструктуры для поддержки современных форм экономической деятельности.

Разработанная интегративная модель реализации демографического дивиденда в регионах России представляет многофакторную архитектуру взаимодействия демографических изменений, инвестиций в человеческий капитал, институциональных условий и структурных трансформаций региональных экономических систем, при чем модель демонстрирует нелинейный и синергетический характер процесса трансформации благоприятной демографической конъюнктуры в экономический рост, требующий одновременного развития всех ключевых компонентов. Модель выявляет критическую роль условного фактора наличия достаточного количества продуктивных рабочих мест как узкого места в механизме реализации демографического дивиденда, причём даже при благоприятной демографической структуре отсутствие соответствующих возможностей трудоустройства приводит к безработице и миграции трудоспособного населения из развивающихся регионов, препятствуя реализации их экономического потенциала. Установлено, что со-

здание продуктивных рабочих мест требует масштабных инвестиций в инфраструктуру и производственные мощности, финансируемых из возросших сбережений населения трудоспособного возраста, формируя положительную обратную связь между демографическими изменениями и экономическим развитием при благоприятных институциональных условиях. Модель также подчёркивает мультипликативный эффект инвестиций в человеческий капитал, при этом качественное образование и здравоохранение не только повышают производительность труда непосредственно, но и стимулируют инновационную активность, предпринимательство и структурные трансформации экономики, создавая устойчивую основу для долгосрочного экономического роста развивающихся регионов.

Можно говорить о необходимости формирования новой парадигмы регионального экономического развития, где демографические факторы рассматриваются не как ограничение, а как возможность для роста экономики при условии реализации

политики, интегрирующей демографическую, образовательную, здравоохранительную, инвестиционную и институциональную компоненты. Выявленные механизмы и факторы создают основу для разработки эффективных стратегий социально-экономического развития регионов России, максимизирующих экономические выгоды от благоприятной демографической ситуации. Однако их успешное применение требует не механического копирования международных практик, а адаптации к контексту, культуре, институциональной среде и приоритетам территорий России. Ключевым фактором успеха является способность региональных систем управления к формированию долгосрочного видения развития, мобилизации необходимых инвестиционных ресурсов, созданию благоприятных институциональных условий для предпринимательства и инноваций, а также непрерывной адаптации политики, в том числе демографической [11–16] в ответ на меняющиеся социально-экономические условия.

Литература и Интернет-источники

1. **Казбекова, З.Г.** Прогноз динамики демографического дивиденда в России с учётом пенсионной реформы и пандемии / З.Г. Казбекова, И. Е. Калабихина // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. — 2023. — Т. 15. — № 3(49). — С. 68–82. DOI: 10.38050 / 2078-3809-2023-15-3-68-82; EDN: MACIXE
2. **Доброхлеб, В.Г.** Демографические дивиденды: формирование и использование в странах СНГ и Балтии / В.Г. Доброхлеб, О.В. Кучмаева, А.Д. Брагин, М. Афзали // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2022. — Т. 15. — № 4. — С. 172–188. DOI: 10.15838 / esc.2022.4.82.11; EDN: UAKXLO
3. **Вишневский, А.Г.** Демографический переход и гипотеза гиперболического роста населения / А.Г. Вишневский // Демографическое обозрение. — 2018. — Т. 5. — № 1. — С. 64–105. EDN: UPPAFE
4. **Bloom, D.E.** The demographic dividend: a new perspective on the economic consequences of population change / D.E. Bloom, D. Canning, J. Sevilla. — Santa Monica: RAND Corporation, 2003. — 135 p.
5. **Беккер, Г.С.** Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Г.С. Беккер. — Москва : ГУ ВШЭ, 2003. — 672 с.
6. **Schultz, T.W.** Investment in human capital: the role of education and of research / T.W. Schultz. — New York: Free Press, 1971. — 272 p.
7. **Romer, P.M.** Endogenous technological change / P.M. Romer // The Journal of Political Economy. — 1990. — Vol. 98. — No. 5, Part 2. — P. S71–S102. EDN: HIWUWF
8. **Lucas, R.E.** On the mechanics of economic development / R.E. Lucas // Journal of Monetary Economics. — 1988. — Vol. 22 (1). — P. 3–42.

9. **Lee, R.** Some macroeconomic aspects of global population aging / R. Lee, A. Mason // *Demography*. — 2010. — Supplement. — Vol. 47. — P. S151-S172. DOI: 10.1353 / dem.2010.0002
10. **Аганбегян, А.Г.** Демографическая драма на пути перспективного развития России / А.Г. Аганбегян // *Народонаселение*. — 2017. — № 3. — С. 4–23. DOI: 10.26653 / 1561-7785-2017-3-1; EDN: ZWTFHV
11. **Ткаченко, А.А.** Обеспечение достойного уровня жизни населения: возможности и реальность / А. А. Ткаченко // *Экономика. Налоги. Право*. — 2025. — Т. 18. — № 3. — С. 6-18. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-6-18; EDN WBHEFJ
12. **Ярашева, А.В.** Семейная ипотека как один из инструментов демографической политики / А. В. Ярашева, С. В. Макар // *Народонаселение*. — 2024. — Т. 27. — № S1. — С. 177–189. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-S1-177-189; EDN: ITULAQ
13. **Федченко, А.А.** Ресурсы роста: молодые люди вне системы занятости и образования / А.А. Федченко, Е.С. Дашкова, Н.В. Дорохова, Т.В. Азарнова // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. — 2026. — Т. 19. — № 1. — С. 237–258. DOI: 10.15838 / esc.2026.1.103.16; EDN: YRGTTN
14. **Балацкий, Е.В.** Перспективы демографической экспансии России: экономика, институты, культура / Е. В. Балацкий, Н. А. Екимова // *Terra Economicus*. — 2023. — Т. 21. — № 2. — С. 23–37. DOI: 10.18522 / 2073-6606-2023-21-2-23-37; EDN: UROPEQ
15. **Ткаченко, А.А.** Актуальные проблемы развития регионов России: экономика и демография / А. А. Ткаченко // *Экономика. Налоги. Право*. — 2024. — Т. 17. — № 3. — С. 115–124. DOI: 10.26794 / 1999-849X-2024-17-3-115-124; EDN: LAZTXW
16. **Макар, С.В.** Социальное благополучие населения: территориальные различия / С. В. Макар, А. В. Ярашева // *Народонаселение*. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 150–162. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-3-150-162; EDN: RXHCZR

Сведения об авторах:

Морковкин Дмитрий Евгеньевич, к.э.н., доцент, доцент кафедры налогов и налогового администрирования факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: morkovkinde@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5372-8519; РИНЦ SPIN-код: 8277–4480.

Симагин Юрий Алексеевич, к.геогр.н., доцент, ведущий научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; РИНЦ SPIN-код: 5881–6084.

Назарова Наталья Александровна, к.э.н., доцент, доцент кафедры налогов и налогового администрирования факультета налогов, аудита и бизнес-анализа, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nanazarova@fa.ru; ORCID: 0000-0002-0592-4873; РИНЦ SPIN-код: 9815–7706.

Мамедов Турал Нати́г оглы, к.э.н., ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: tural-mamedov-2011@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9899-1396; РИНЦ SPIN-code: 1483–1334.

ECONOMIC EFFECTS OF THE DEMOGRAPHIC DIVIDEND IN DEVELOPING REGIONS OF RUSSIA

Dmitry E. Morkovkin^{1*}, Yury A. Simagin²,
Natalia A. Nazarova¹, Tural N. Mamedov¹

¹Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)

²ISESP FCTAS RAS

(24/35 cor. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)

*E-mail: morkovkinde@mail.ru

For citation:

Morkovkin D. E., Simagin Yu. A., Nazarova N. A., Mamedov T. N. Economic effects of the demographic dividend in developing regions of Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 20-35. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-20-35 (in Russ.)

Abstract. Modern demographic realities of the Russian Federation are characterized by significant interregional differences in the age structure of the population, while the developing regions of the North Caucasus, Siberia and the Far East demonstrate fundamentally different demographic dynamics compared to the central regions, creating potential opportunities for implementation of the demographic dividend effect as a catalyst for economic growth. The study is devoted to a comprehensive analysis of the economic effects of the demographic dividend in developing regions of Russia through the prism of changes in the age structure of the population and identification of mechanisms for transformation of favorable demographic conditions into accelerated economic growth. The subject of the research is theoretical foundations of the demographic dividend concept, quantitative parameters of changes in the age structure of the population in developing regions of Russia, mechanisms of the impact of demographic factors on macroeconomic dynamics, as well as institutional conditions for realizing the potential of the demographic dividend. Classical theories of demographic transition, the concept of the first and second demographic dividends, endogenous models of economic growth with the account of demographic factor, as well as modern approaches to assessing the impact of age structure on the accumulation of human capital and labor productivity are considered. The article analyzes the evolution of ideas about the role of demographic factors in economic development from Malthusian constraints to modern understanding of the demographic window of opportunities. Key characteristics of the developing regions of Russia that demonstrate a potential for realizing the demographic dividend have been identified, including a younger age structure of the population compared to national indicators, a growing proportion of the working-age population, a decrease in the dependency ratio, and maintenance of a higher birth rate. The developed integrative model for implementing the demographic dividend in developing regions of Russia demonstrates a multifactorial architecture of the interaction between demographic changes, investments in human capital, institutional conditions and structural transformations of the economy, with large-scale investments in education and healthcare, creation of productive jobs, development of transport and social infrastructure, formation of a favorable investment climate and promotion of entrepreneurial activity, identified as critical success factors. The scientific novelty of the research lies in the systematization of theoretical and methodological approaches to assessing the demographic dividend in relation to the Russian regional conditions, identifying the specifics of the demographic dynamics of developing regions of Russia and developing a comprehensive model for the transformation

of demographic changes into economic growth, taking into account institutional, infrastructural and investment factors. The practical significance of the work is determined by the possibility of applying the developed provisions to form regional socio-economic development strategies, design targeted programs for investment in human capital, as well as to optimize the inter-budgetary relations with the account of the demographic potential of territories.

Keywords: demographic dividend, age structure of population, human capital, labor resources, investments in education, labor productivity.

References and Internet sources

1. Kazbekova Z. G., Kalabikhina I. E. Prognoz dinamiki demograficheskogo dividenda v Rossii s uchotom pensionnoy reformy i pandemii [Forecast of the demographic dividend dynamics in Russia, influence of the pension reform and the pandemic]. Nauchnyye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta [Scientific Research of the Faculty of Economics]. Electronic journal. 2023. Vol. 15. No. 3(49). P. 68–82. DOI: 10.38050/2078-3809-2023-15-3-68-82 (in Russ.)
2. Dobrokhleb V. G., Kuchmaeva O. V., Bragin A. D., Afzali M. Demograficheskiye dividendy: formirovaniye i ispol'zovaniye v stranakh SNG i Baltii [Demographic dividends: formation and use in the CIS and Baltic countries]. Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]. 2022. Vol. 15. No. 4. P. 172–188. DOI: 10.15838/esc.2022.4.82.11 (in Russ.)
3. Vishnevsky A. G. Demograficheskiy perekhod i gipoteza giperbolicheskogo rosta naseleniya [The demographic transition and the hypothesis of hyperbolic population growth]. Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review]. 2018. Vol. 5. No. 1. P. 64–105. (in Russ.)
4. Bloom D. E., Canning D., Sevilla J. *The Demographic Dividend: a New Perspective on the Economic Consequences of Population Change*. Santa Monica: RAND Corporation, 2003. 135 p.
5. Becker G. C. Chelovecheskoye povedeniye: ekonomicheskyy podkhod. Izbrannyye trudy po ekonomicheskoy teorii [Human Behavior: an Economic Approach. Selected works on economic theory]. Translation from English, comp., scientific ed., afterword by R. I. Kapelyushnikov. Moscow. GU VSHE [HSE University]. 2003. 672 p. (in Russ.)
6. Schultz T. W. *Investment in Human Capital: The Role of Education and of Research*. New York. Free Press. 1971. 272 p.
7. Romer P. M. Endogenous technological change. *The Journal of Political Economy*. 1990. Vol. 98. No. 5, Part 2. P. S71–S102.
8. Lucas R. E. On the mechanics of economic development. *Journal of Monetary Economics*. 1988. Vol. 22(1). P. 3–42.
9. Lee R., Mason A. Some macroeconomic aspects of global population aging. *Demography*. 2010. Vol. 47. Supplement. P. S151–S172. DOI: 10.1353/dem.2010.0002
10. Aganbegyan A. G. Demograficheskaya drama na puti perspektivnogo razvitiya Rossii [Demographic drama on the path of perspective development of Russia]. Narodonaselenie [Population]. 2017. No. 3. P. 4–23. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-3-1 (in Russ.)
11. Tkachenko A. A. Obespecheniye dostoinogo urovnya zhizni naseleniya: vozmozhnosti i real'nost' [Ensuring a decent standard of living for the population: opportunities and reality]. Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, Taxes and Law]. 2025. Vol. 18. No. 3. P. 6–18. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-6-18 (in Russ.)
12. Yarasheva A. V., Makar S. V. Semeynaya ipoteka kak odin iz instrumentov demograficheskoy politiki [Family mortgage as one of the tools of demographic policy]. Narodonaselenie [Population]. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 177–189. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-177-189 (in Russ.)
13. Fedchenko A. A., Dashkova E. S., Dorokhova N. V., Azarnova T. V. Resursy rosta: molodyye lyudi vne sistemy zanyatosti i obrazovaniya [Resources for growth: young people outside employment and education]. Ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social

- Changes: Facts, Trends, Forecast*]. 2026. Vol. 19. No. 1. P. 237–258. DOI: 10.15838/esc.2026.1.103.16 (in Russ.)
14. Balatsky E. V., Ekimova N. A. Perspektivy demograficheskoy ekspansii Rossii: ekonomika, instituty, kul'tura [Prospects for Russia's demographic expansion: economics, institutions, and culture]. *Terra Economicus*. 2023. Vol. 21. No. 2. P. 11. 23–37. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-2-23-37 (in Russ.)
 15. Tkachenko A. A. Aktual'nyye problemy razvitiya regionov Rossii: ekonomika i demografiya [Actual problems of development of Russian regions: economics and demographics]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics, Taxes and Law]. 2024. Vol. 17. No. 3. P. 11. 115–124. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-115-124 (in Russ.)
 16. Makar S. V., Yarasheva A. V. Sotsial'noye blagopoluchiye naseleniya: territorial'nyye razlichiya [Social well-being of the population: territorial differences]. *Narodonaselenie* [Population]. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 150–162. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-150-162 (in Russ.)

Information about the authors:

Morkovkin Dmitry Evgenievich, Candidate of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: morkovkinde@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5372-8519; Elibrary SPIN-code: 8277–4480.

Simagin Yuri Alekseyevich, Candidate of Geography, Associate Professor, Leading Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: yas63@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8392-8645; Elibrary SPIN-code: 5881–6084.

Nazarova Natalia Alexandrovna, Candidate of Economics, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nanazarova@fa.ru; ORCID: 0000-0002-0592-4873; Elibrary SPIN-code: 9815–7706.

Mamedov Tural Natig ogly, Candidate of Economics, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: tural-mamedov-2011@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9899-1396; Elibrary SPIN-code: 1483–1334.

Статья поступила в редакцию 05.02.2026, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-36-49
EDN: YNOIYS

ВЛИЯНИЕ ФАКТОРОВ УРОВНЯ ЖИЗНИ В РОССИИ НА СМЕРТНОСТЬ ОТ БОЛЕЗНЕЙ СИСТЕМЫ КРОВООБРАЩЕНИЯ И НОВООБРАЗОВАНИЙ

Набиева А.Р., Ильдарханова Ч.И., Ершова Г.Н.*

Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации
(4200081, Россия, Казань, ул. Н. Ершова, 58)

*E-mail: ershova104@mail.ru

Для цитирования:

Набиева А.Р., Ильдарханова Ч.И., Ершова Г.Н. Влияние факторов уровня жизни в России на смертность от болезней системы кровообращения и новообразований // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 2. — С. 36-49, DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-36-49; EDN: YNOIYS

Аннотация. Перспективы роста смертности от болезней системы кровообращения и новообразований актуализируют поиск факторов, её детерминирующих. Цель — оценить вклад модифицируемых факторов смертности от данных классов в РФ за 2023 г. в промежуточные результаты Национального проекта «Здравоохранение». Определена связь половозрастных показателей смертности от данных классов за 2023 г. и 34 предикторов для 85 регионов РФ. Факторы объединены в 4 группы по вектору ответственности и длительности воздействия: долгосрочные 1) результаты государственной социально-экономической политики, характеризующие уровень качества жизни населения; среднесрочные: 2) инфраструктурные факторы, характеризующие охват, качество, квалифицированность, доступность ресурсов здравоохранения, 3) заболеваемость населения основными классами заболеваний; краткосрочные — 4) индивидуальные поведенческие практики населения. Методы: расчёт, сравнительный анализ смертности в РФ за 2017–2023 гг., корреляционно-регрессионный анализ. На основе региональных особенностей динамики смертности от данных классов за период действия Национального проекта «Здравоохранение» субъекты РФ разделены на 3 кластера. Определена региональная специфика кластерных моделей: высокий коэффициент детерминации был выявлен в моделях регионов 1 и 2 кластеров для регрессоров, характеризующих систему здравоохранения, и поведенческих факторов, для 1 кластера установлена высокая и средняя связь со всеми факторами, для 2 кластера значимы показатели качества жизни и демографической нагрузки. Иерархия факторов по тесноте связи: средняя — с показателями качества жизни (структурой денежных доходов, численностью занятых, приходящихся на одного пенсионера); инфраструктурными предикторами системы здравоохранения (числом больничных коек и мощностью амбулаторно-поликлинических организаций); индивидуальным поведением (долей курящих); из группы показателей заболеваемости — с классом внешних причин. Эффективность снижения смертности определяется комплексным подходом: национальной культурой здоровой продолжительной жизни (поведенческие практики населения) и развитой системой здравоохранения, действующей превентивно (ограничительная политика в отношении экономической доступности атрибутов нездорового образа жизни).

Ключевые слова: смертность, болезни системы кровообращения, новообразования, национальный проект «Здравоохранение», заболеваемость, доходы населения, пищевые привычки, курение.

Введение

ВОЗ формулирует глобальную задачу сокращения случаев преждевременной смерти от хронических неинфекционных заболеваний на одну треть¹. Даже в случае сохранения действующих инвестиций в здравоохранение в мировом масштабе, экспертами прогнозируется, что бремя неинфекционных заболеваний будет снижаться меньшими темпами, чем в 1990–2020 гг. до пандемии COVID-19 [1]. Ежегодно в мире более 7,2 млн случаев смерти обусловлены табакокурением, 4,1 млн случаев смерти связаны с избыточным потреблением соли/натрия², 3,3 млн смертей, включая злокачественные образования — с чрезмерным потреблением алкоголя, 1,6 млн случаев смерти — с недостаточным уровнем физической активности [2].

Российские исследователи выделили периоды быстрого и более медленного снижения смертности от болезней системы кровообращения (далее — БСК) и новообразований (далее — НО) (2005–2013 гг., 2013–2019 гг.) и период роста смертности, связанный с пандемией COVID-19 (2019–2021 гг.) [3]. В дальнейшем демографы прогнозировали рост смертности от БСК к 2030 г. (среди лиц старше 30 лет) на 23% относительно 2015 г. и снижение смертности от НО на 24% [4]. Данные перспективы обусловили срочность решения медико-демографической задачи Национального проекта «Здравоохранение» — снижения смертности: от БСК на 23% (с 587,6 в 2017 г. до 450 в 2024 г.), от НО на 8% (с 200,61 в 2017 г. до 185 на 100 тыс. населения). Отмечена вероятность как роста, так и снижения региональных коэффициентов смертности от основных классов болезней по причине неточной реги-

страции первоначальной причины смерти, в том числе от НО [5–7]. Динамика смертности от БСК и НО рассмотрена российскими исследователями в контексте влияния пандемии COVID-19 и возрастной структуры [3], динамика вклада болезней в потери населения рассматривалась в рамках национальных и региональных демографических докладов [8; 9].

В РФ БСК и НО, с одной стороны, являются лидирующими причинами смертности — данный факт определил цели 2 и 3 Национального проекта «Здравоохранение», но высок потенциал модифицируемости причин заболеваемости и смертности данных классов заболеваний. Модели влияния конкретных факторов на смертность от БСК и НО различаются по вектору ответственности и длительности воздействия: долгосрочные: 1) результаты государственной социально-экономической политики, характеризующие уровень и качество жизни населения; среднесрочные; 2) инфраструктурные факторы, характеризующие охват, качество, квалифицированность, доступность ресурсов здравоохранения (результат деятельности профильных министерств и ведомств); 3) заболеваемость населения основными классами заболеваний; краткосрочные: индивидуальные поведенческие практики населения (результат образа жизни) [10].

Цель — оценить вклад модифицируемых факторов смертности от БСК и НО в РФ за 2023 г. в промежуточные результаты Национального проекта «Здравоохранение». Задачи: проанализировать достоверность и тесноту связи половозрастных показателей смертности и 34 предполагаемых предикторов. Объект исследования — смертность от данных классов за период 2019–2023 гг.; предмет — факторы, определяющие демографические потери от БСК и НО в 2023 году.

В нашей исследовательской модели мы изучили влияние на смертность от БСК и НО: 1) инфраструктуры здравоохранения, 2) заболеваемости населения, 3) уровня жизни в регионах РФ (размер заработной платы, пенсий, структуру доходов, на-

¹ World health statistics 2024: monitoring health for the SDGs, sustainable development goals. — WHO, 2024. — 86 p. — URL : <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/376869/9789240094703-eng.pdf?sequence=1> (дата обращения: 10.05.2025).

² Actions on hypertension and excessive salt intake: reducing the burden of cardiovascular diseases in the WHO European Region. — Copenhagen : WHO Regional Office for Europe, 2024. — 66 p. — URL : <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/376580/9789289060813-eng.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).

грузку пенсионеров на трудоспособную часть населения и другое, 4) поведенческих факторов — доля лиц, избыточно потребляющих соль, доля лиц, употребляющих табак, и доля потребляющих овощи и фрукты в достаточном количестве, Эмпирической базой послужили данные статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели» и итоги выборочного наблюдения состояния здоровья населения, осуществленного Росстатом в 2023 году³. Определение тесноты связи со всеми выявленными факторами осуществлено посредством корреляционного и регрессионного анализа. В таблицах 1 и 2 отмечены коэффициенты корреляции Спирмена со статистически значимыми факторами с доверительным интервалом более 95%. Проведено t-тестирование Стьюдента и проверка F-статистики на преодоление критических значений. Низкий коэффициент детерминации (R^2) при расчете для 85 регионов РФ не позволяет утверждать о достаточном уровне аппроксимации моделей.

Следующим этапом стало определение тесноты связи факторов внутри кластеров регионов. Регионы были распределены по 3 кластерам по итогам реализации целевых показателей Национального проекта «Здравоохранение». В первый кластер вошло 16 регионов, в которых были достигнуты оба целевые показатели смертности от БСК и НО; во второй кластер — 13 регионов, в которых достигнут только 1 целевой показатель смертности от БСК или от НО; остальные регионы объединены в третий кластер, в которых не достигнуты значения обоих показателей. В регрессионных моделях на уровне кластеров были выявлены факторы с высоким коэффициентом детерминации⁴.

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2025: Стат. сб. // Росстат. — Москва, 2025. — 1035 с. — URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>; Выборочное наблюдение состояния здоровья населения // Росстат. — URL : https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/zdor23/Publish_Site_2023/index.html (дата обращения: 05.08.2025).

⁴ Результаты исследования были интегрированы авторами при формировании и утверждении Публичных целей Министерства здравоохранения Республики Татарстан

Факторный анализ смертности от БСК и НО

Влияние инфраструктуры здравоохранения. Корреляционно-регрессионный анализ показателей смертности от БСК и НО в 85 регионах РФ по полу и возрасту и основных показателей системы здравоохранения в 2023 г. указал на средний уровень прямой положительной связи между смертностью от БСК в трудоспособном возрасте и числом больничных коек на 10 тыс. чел. населения и мощностью амбулаторно-поликлинических организаций (посещений в смену на 10 тыс. чел. населения) и средней прямой обратной связи с числом населения на одну больничную койку. Для детской смертности от БСК в 2023 г. статистически значимые предикторы со средней связью не выявлены, слабая обратная связь с численностью врачей всех специальностей на 10 тыс. чел. населения, прямая — с нагрузкой на работников сферы здравоохранения.

Заболеваемость населения. Среди показателей заболеваемости по основным классам заболеваний зафиксирована средняя прямая связь смертности от БСК и НО с заболеваниями органов дыхания, новообразованиями, травмами и отравлениями у обоих полов, для смертности населения старше трудоспособного возраста от НО также статистически значимы заболевания эндокринной системы, некоторые инфекционные и паразитарные заболевания, для остальных классов заболеваний установлена слабая прямая связь.

Уровень жизни населения. В числе показателей, характеризующих уровень жизни населения, средний уровень тесноты обратной связи показателя смертности мужчин от БСК в трудоспособном возрасте с числом занятых, приходящихся на одного пенсионера. Для смертности от БСК обоих полов и женщин в трудоспособном возрасте статистически значимы со средней прямой связью показатели доли оплаты труда и средней обратной связью смертности от БСК в трудоспособном возрасте и доли

на 2025 год.

прочих денежных поступлений в процентах от общего объёма денежных доходов и статистически не значим процент доходов от собственности в структуре денежных доходов населения, для остальных показателей установлена слабая взаимосвязь.

Для детской смертности от БСК в 2023 г. выявлена слабая прямая связь долей социальных выплат в структуре денежных доходов населения (табл. 1). Средняя обрат-

ная связь обнаружена между показателями смертности обоих полов от НО в трудоспособном возрасте и долей прочих денежных поступлений в структуре доходов населения, для смертности в возрасте старше трудоспособного, за исключением мужчин старше трудоспособного возраста, средняя прямая связь — с долей оплаты труда в доходах, остальные показатели имеют низкий уровень связи (табл. 2).

Таблица 1

Вклад в факторы смертности населения России от БСК в 2023 году

Table 1

Factors of mortality of the Russian population from diseases of the circulatory system in 2023

Фактор	Оба пола, возраст:			Мужчины, возраст:			Женщины, возраст:		
	0–17 лет	трудоспособный	старше	0–17 лет	трудоспособный	старше	0–17 лет	трудоспособный	старше
Инфраструктура здравоохранения									
число больничных коек на 10 тыс. человек		0,6	0,4		0,6	0,5		0,7	0,3
численность населения на одну больничную койку		-0,6	-0,4		-0,6	-0,5		-0,7	-0,4
мощность амбулаторно-поликлинических организаций на 10 тыс. человек		0,6	0,3		0,5	0,4		0,6	0,3
численность врачей на 10 тыс. человек	-0,2						-0,2		
численность среднего медицинского персонала на 10 тыс. человек		0,3			0,3			0,4	
Заболеваемость									
инфекционные и паразитарные болезни		0,3			0,3			0,3	
новообразования		0,3	0,2		0,4	0,2	-0,2	0,3	0,3
болезни системы кровообращения									
болезни крови, кроветворных органов и нарушения иммунного механизма		-0,3	-0,3		-0,3	-0,3			-0,3
болезни эндокринной системы, расстройства питания и обмена веществ	-0,2						-0,2		
болезни нервной системы									
болезни глаза и его придаточного аппарата									
болезни уха и сосцевидного отростка									
болезни органов дыхания		0,4			0,4	0,3		0,4	
болезни органов пищеварения	-0,2						-0,2		
болезни кожи и подкожной клетчатки		0,2			0,2				
болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани					0,2				
болезни мочеполовой системы									
травмы, отравления и некоторые другие последствия воздействия внешних причин		0,5	0,3		0,4	0,3		0,5	0,2
Уровень жизни населения									
среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций	-0,4			-0,2			-0,4	0,3	

Фактор	Оба пола, возраст:			Мужчины, возраст:			Женщины, возраст:		
	0-17 лет	трудоспособный	старше	0-17 лет	трудоспособный	старше	0-17 лет	трудоспособный	старше
средний размер назначенных пенсий	-0,4	0,4		-0,2	0,3		-0,4	0,4	
потребительские расходы на душу населения	-0,3						-0,3		
численность занятых, приходящихся на одного пенсионера (человек)	-0,3	-0,3	-0,4		-0,3	-0,5	-0,3	-0,3	-0,4
доходы от предпринимательства (% от общего объёма денежных доходов)								-0,2	
оплата труда (% от общего объёма денежных доходов)		0,5			0,4		-0,3	0,5	
социальные выплаты (% от общего объёма денежных доходов)	0,3						0,4		
доходы от собственности (% от общего объёма денежных доходов)									
прочие денежные поступления (% от общего объёма денежных доходов)		-0,5	-0,2		-0,5	-0,3		-0,5	
численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума		-0,2			-0,3		0,3		
Пищевые практики и курение									
% граждан, потребляющих ежедневно не менее 400 граммов овощей и фруктов		-0,4	-0,3		-0,3	-0,3		-0,4	-0,2
% граждан, добавляющих соль в готовую пищу непосредственно перед едой								0,3	
доля курящих		0,6	0,4		0,5	0,4		0,6	0,3

Источник: рассчитано и составлено авторами статьи.

Таблица 2

Вклад в факторы смертности населения РФ от НО в 2023 году

Table 2

Factors of mortality of the population of the Russian Federation from neoplasms in 2023

Фактор	Оба пола, возраст:			Мужчины, возраст:			Женщины, возраст:		
	0-17 лет	трудоспособный	старше	0-17 лет	трудоспособный	старше	0-17 лет	трудоспособный	старше
Инфраструктура здравоохранения									
число больничных коек на 10 тыс. человек	-0,3	0,6	0,4		0,5	0,4	-0,3	0,5	0,4
численность населения на одну больничную койку	0,3	-0,6	-0,5		-0,6	-0,5	0,3	-0,6	-0,4
мощность амбулаторно-поликлинических организаций на 10 тыс. человек		0,4	0,3		0,4	0,3	-0,2	0,5	0,3
численность врачей всех на 10 тыс. человек									
численность среднего медицинского персонала на 10 тыс. человек	-0,2	0,2			0,2				

Заболеемость									
инфекционные и паразитарные болезни	-0,3	0,2	0,4	-0,3	0,2	0,3			0,4
новообразования		0,4	0,5		0,4	0,4		0,4	0,5
болезни системы кровообращения	0,3						0,3		
болезни крови, кроветворных органов и нарушения иммунного механизма		-0,4			-0,3			-0,4	
болезни эндокринной системы, расстрой- ства питания и обмена веществ			0,3		0,2	0,3			0,3
болезни нервной системы									
болезни глаза и его придаточного аппарата								-0,2	
болезни уха и сосцевидного отростка									
болезни органов дыхания		0,3	0,3		0,3	0,3			0,3
болезни органов пищеварения									
болезни кожи и подкожной клетчатки									
болезни костно-мышечной системы и со- единительной ткани									
болезни мочеполовой системы									
травмы, отравления и некоторые дру- гие последствия воздействия внешних причин		0,4	0,3		0,4	0,4		0,3	0,3
Уровень жизни населения									
среднемесячная номинальная начис- ленная заработная плата работников организаций	-0,4		0,2	-0,3			-0,3		0,4
средний размер назначенных пенсий	-0,5	0,2	0,3	-0,3			-0,4		0,4
потребительские расходы на душу населения	-0,3		0,2				-0,3		0,4
численность занятых, приходящихся на одного пенсионера (человек)	-0,2	-0,4		-0,2	-0,4	-0,4		-0,2	
доходы от предпринимательства (% от общего объёма денежных доходов)				0,3					-0,2
оплата труда (% от общего объёма денеж- ных доходов)	-0,3	0,4	0,5	-0,2	0,4	0,4	-0,2	0,4	0,6
социальные выплаты (% от общего объё- ма денежных доходов)	0,3						0,3		-0,2
доходы от собственности (% от общего объёма денежных доходов)									0,2
прочие денежные поступления (% от об- щего объёма денежных доходов)		-0,5	-0,6		-0,4	-0,5		-0,4	-0,5
численность населения с денежными до- ходами ниже прожиточного минимума	0,3	-0,3			-0,3		0,2		-0,3
Пищевые привычки и курение									
% граждан, потребляющих ежедневно не менее 400 граммов овощей и фруктов		-0,3		-0,3	-0,2	-0,2		-0,3	
% граждан, добавляющих соль в готовую пищу непосредственно перед едой			0,2					0,3	0,3
доля курящих		0,5	0,6		0,5	0,5		0,5	0,6

Источник: рассчитано и составлено авторами статьи.

Влияние поведенческих практик. В числе предикторов, характеризующих здоровый образ жизни граждан, значимым фактором является доля граждан, употребляющих табак (кроме показателей смертности от НО мальчиков 0–17 лет), причём отмечается средняя прямая связь для смертности от НО взрослого населения, и для показателей смертности от БСК в трудоспособном возрасте, для остальных категорий установлена слабая связь. Для показателей смертности женской когорты в трудоспособном возрасте от БСК и НО, женщин и обоих полов в возрасте старше трудоспособного от НО слабая прямая связь отмечена с показателем доли граждан, избыточно потребляющих соль, слабая обратная связь со смертностью от БСК установлена с показателем доли граждан, употребляющих в необходимом количестве фрукты и овощи (кроме показателей детской смертности от БСК у всех полов и женской смертности 0–17 лет и в возрасте старше трудоспособного от НО).

Корреляционно-регрессионный анализ предикторов смертности от БСК и НО по кластерам регионов за 2023 год. Регионы были распределены по 3 кластерам по итогам реализации целевых показателей Национального проекта «Здравоохранение». В первый кластер вошло 16 регионов, в которых были достигнуты оба показателя: все регионы Северного Кавказа, кроме Республики Северная Осетия-Алания, Ставропольского края, республик Калмыкия, Марий Эл, Мордовия, Алтай, Тыва, Саха(Якутия), все АО, кроме Ненецкого, области Московская и Тюменская, во второй кластер — 13 регионов, в которых достигнут только 1 показатель: республики Адыгея, Башкортостан, Чувашия, Татарстан, Северная Осетия — Алания, края Ставропольский и Камчатский, Ненецкий АО, области Белгородская, Воронежская, Ленинградская, Нижегородская, Сахалинская область. Остальные регионы объединены в третий кластер.

Регионы первого кластера, в которых были достигнуты оба показателя, продемонстрировали корреляции инфраструктурных факторов для смертности от БСК в трудоспособном возрасте: коечного фон-

да (в том числе у женщин), мощности амбулаторно-поликлинических организаций (сильная связь), нагрузки на средний медицинский персонал на 10–20% выше российских показателей, дополнительно средняя связь установлена с нагрузкой на врачей относительно смертности от НО средняя связь установлена и для детского и пожилого населения. Коэффициент корреляции на 30% выше, чем в целом по РФ, был для связи смертности БСК с заболеваемостью НО и болезнями органов дыхания трудоспособных мужчин и на 10% — женщин, на 10–20% выше — с заболеваемостью болезнями крови и кожи, внешних причин, также дополнительно для регионов 1 кластера средняя связь установлена для смертности от БСК и от НО и заболеваемости трудоспособного населения болезнями эндокринной системы, глаз, костно-мышечной системы и соединительной ткани, от НО — слабая с заболеваемостью болезнями кожи.

Среди показателей уровня жизни населения для смертности от БСК и от НО трудоспособного населения статистически значимы со средним уровнем тесноты связи на 20–30% выше, чем в целом по РФ, средний размер назначенных пенсий, прочих денежных поступлений в структуре доходов, и высокий уровень связи с долей оплаты труда, и дополнительно средняя связь со среднелюдскими потребительскими расходами, долей доходов от собственности в общем объеме доходов, среднемесячной заработной платой.

По доле курящих у обоих полов и женщин трудоспособного возраста высокий уровень связи со смертностью от БСК и НО на 30% выше, чем в РФ, у мужчин — на 40% с потерями населения от БСК и на 20% — со смертностью от НО (уровень достоверности аппроксимации R^2 превышает 0,5), в возрасте старше трудоспособного — средний уровень связи, на 20% выше, чем по РФ, по БСК и идентичные российским по НО. По уровню потребления соли подтвердился средний уровень связи для смертности населения старше трудоспособного возраста от обеих причин и сильная от НО у женщин старше трудоспособного возраста. Спецификой кластера стала более тесная, чем

в РФ, обратная связь смертности в трудоспособном возрасте (кроме женской когорты) с достаточным потреблением овощей.

Во втором кластере, в котором достигнут только 1 показатель, подтвердилась статистическая связь в трудоспособном возрасте с заболеваемостью НО (слабее, чем в РФ, для смертности от БСК и средняя для новообразований), средняя связь смертности от БСК и НО и заболеваемости БСК у детей, слабая связь с заболеваниями органов дыхания, средняя с внешними причинами для обеих нозологий в трудоспособном возрасте. По показателям уровня жизни, как и в 1 кластере, средняя связь установлена со среднедушевыми расходами для смертности трудоспособного населения (кроме мужчин) от НО, и только в данном кластере — сильная прямая связь данного фактора и доли оплаты труда в структуре доходов, и средняя прямая связь — с численностью занятых, приходящихся на одного пенсионера для потерь от НО населения старше трудоспособного. Поведенческие факторы также продемонстрировали специфику: отсутствие связи доли курящих с потерями от БСК, для смертности от НО подтвердилась средняя связь у мужчин и высокая связь в возрасте старше трудоспособного у женщин, и обоих полов и установлена сильная прямая связь смертности трудоспособных женщин от НО с привычкой досаливания пищи.

В третьем кластере, где не достигнут ни один из двух показателей, показатели корреляции смертности от БСК и НО с инфраструктурными факторами здравоохранения идентичны общероссийским, но в диапазоне средней связи на 10–20% ниже их по уровню тесноты связи относительно числа больничных коек и мощности организаций, и на 10–20% выше относительно смертности трудоспособного населения и нагрузки на средний медицинский персонал. Дополнительно средняя связь установлена для потерь лиц старше трудоспособного возраста от БСК и нагрузки на врачей. Относительно коморбидности подтвердился общероссийский уровень связи, кроме смертности от БСК и заболеваемости болезнями крови и эндокринной системы, смертности от НО

и заболеваемости болезнями крови в трудоспособном возрасте, но справедливо для возраста старше трудоспособного, дополнительно для смертности от НО значимы болезни органов пищеварения. Результаты корреляции показателей уровня жизни в целом по РФ относительно смертности от НО справедливы и для регионов 3 кластера, кроме доли прочих денежных доходов трудоспособного населения, причём для трудоспособного населения, как и для смертности от БСК — на 20% выше связь с численностью занятых, приходящихся на одного пенсионера, в отличие от других кластеров, статистически значима связь обеих нозологий с долей социальных выплат в структуре доходов. Относительно поведенческих прерогатив населения, в 3 кластере связь с избыточным потреблением соли не установлена, подтвердилась связь доли курящих, во всех группах, кроме женщин старше трудоспособного возраста, и смертности от БСК и со смертностью от НО в возрасте старше трудоспособного.

Обсуждение и заключение

Выводы нашего исследования подтвердили выявленную рядом специалистов линейную обратную связь на федеральном уровне заболеваемости БСК с обеспеченностью медицинских организаций врачами-кардиологами [11]. Выводы нашего исследования относительно поведенческих факторов коррелируют с итогами лонгитюдного Европейского проспективного исследования рака и питания EPIC-Europe об обратной взаимосвязи индекса здорового образа жизни (приверженности физической активности и отказа от вредных привычек) и риска НО различной локации [12], на это указывают и итоги исследования влияния пищевых предпочтений на риск мультиморбидности НО и кардиометаболических заболеваний [13]. Приверженность нездоровому образу жизни и накапливаемые вследствие него БСК исследователи связывают с так называемым эффектом «метаболического домино», как следствие развития БСК некоторые пациенты могут стать осознанными

в отношении образа жизни и пытаться улучшить свой образ жизни [14]. Наши выводы подтверждают гипотезы исследователей о том, что устранение социальных факторов риска может привести к равной вне зависимости от социального статуса профилактике и лечению БСК и НО [15]. Российские исследователи актуализируют необходимость изучения социальных факторов риска, вовлечённых в этиологию БСК и НО и их основных механизмов, указывают на низкий уровень доходов, неравный доступ к медицинской помощи как социально-экономические предикторы высокой морбидности в субъектах РФ [16], значимость промежуточного инфраструктурного звена: дефицита и дисбаланса медицинских кадров [17], на региональном уровне определена взаимосвязь заболеваемости НО с охватом медицинскими осмотрами и обращаемостью пациентов [18]. Основываясь на результатах исследования ЭССЕ-РФ [19; 20], Российское общество профилактики неинфекционных заболеваний отмечает ряд модифицируемых поведенческих факторов риска хронических заболеваний, которые оказывают существенное влияние и нагрузку на системы здравоохранения и социального обеспечения [2]. В перспективе исследования образа жизни как средства распознавания бессимптомных БСК может привести к экономии расходов на здравоохранение за счёт эффективного использования ресурсов для вторичных осмотров.

Иерархия выявленных авторами факторов выстроена по величине тесноты связи из числа инфраструктурных предикторов системы здравоохранения: 1) число больничных коек, 2) мощность амбулаторно-поликлинических организаций; индивидуальных поведенческих — 2) доля курящих; качества жизни — 3) структура денежных доходов населения,

4) численность занятых, приходящихся на 1 пенсионера, из группы показателей заболеваемости средняя связь отмечена для класса травм и отравлений и некоторых других последствий воздействия внешних причин.

Достигнутое снижение показателей смертности от БСК стало возможным благодаря модернизации первичного звена, например, увеличение мощностей амбулаторно-поликлинических организаций относительно 2017 г. коснулось 79 регионов, в то же время число больничных коек на 10 тыс. населения увеличилось только в 20 регионах РФ. Для смертности от БСК трудоспособного населения из числа факторов заболеваемости существенными являются травмы и отравления, а из числа экономических показателей уровня жизни: доля оплаты труда в структуре доходов населения и демографическая нагрузка пенсионеров на трудоспособное население. Среди поведенческих предикторов по-прежнему наиболее важным остаётся курение. Определение стратегий вмешательства и планирование внедрения соответствующих вмешательств для контроля и устранения факторов риска, влияющих на смертность от БСК и НО, имеют важное значение для профилактики возникновения онкологических и сердечно-сосудистых событий и их бремени для общества и отдельных лиц.

Эффективность снижения смертности от БСК и НО определяется исключительно комплексным подходом: национальная культура здоровой продолжительной жизни и развитая система здравоохранения, действующая превентивно, и поведенческие практики населения (жёсткая политика в отношении экономической доступности атрибутов нездорового образа жизни).

Литература и Интернет-источники

1. **Vollset, S.E.** Burden of disease scenarios for 204 countries and territories, 2022–2050: a forecasting analysis for the Global Burden of Disease Study 2021 / S.E. Vollset, H. Ababneh, Y. Habtegiorgis., A. Cristiana. // *The Lancet*. – 2021. — Vol. 403. — No. 10440. — P. 2204–2256.
2. **Драпкина, О.М.** Профилактика хронических неинфекционных заболеваний в Российской Федерации. Национальное руководство 2022 / О.М. Драпкина, А.В. Концевая, А.М. Калинина, [и др.] // *Кардиоваскулярная терапия и профилактика*. — 2022. — Т. 21. — № 4. — С. 5–232. DOI: 10.15829/1728-8800-2022-3235; EDN: DNBVAT

3. **Сабгайда, Т.П.** Результативность федерального проекта «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» в контексте предотвратимых причин в городских и сельских поселениях России / Т.П. Сабгайда, А.В. Зубко, В.Г. Семенова // Вопросы управления. — 2023. — № 2(81). — Р. 71–85. DOI: 10.22394 / 2304-3369-2023-2-71-85; EDN: QWOSBY
4. **Рязанцев, С.В.** Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году / С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская, В.Н. Архангельский. — Москва : Проспект, 2023. — 448 с. DOI: 10.19181 / monogr.978-5-392-38629-1.2023
5. **Мерабишвили, В.М.** Среднесрочный вариантный прогноз смертности населения России от злокачественных новообразований / В.М. Мерабишвили // Сибирский онкологический журнал. — 2019. — Т. 18 — № 4. — С. 5–12. EDN: SRMCZN
6. **Чойнзонов, Е.Л.** Смертность населения Томской области от злокачественных новообразований дыхательной системы / Е.Л. Чойнзонов, Л.Д. Жуйкова, И.Н. Одинцова // Сибирский онкологический журнал. 2018. — Т. 17. — № 3. — С. 5–10. EDN: XRVKFF
7. **Борщук, Е.Л.** Смертность от злокачественных новообразований в Оренбургской области / Е.Л. Борщук, Д.Н. Бегун, А.В. Климушкин, И.Г. Сидорова // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. — 2021. — № 3. — С. 252–264. DOI: 10.24412 / 2312-2935-2021-3-252-264; EDN: QATJQB
8. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад — 2024 / ред. Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова, В. Н. — Вологда: Вологодский научный центр РАН, 2025. — 385 с. EDN: GTPIJV
9. Медико-демографический доклад: федеральные, региональные и муниципальные аспекты / ред. Ч.И. Ильдарханова, Р.Н. Хайруллин. — Казань: Алгоритм+, 2025. — 240 с. EDN: SNNTJD
10. **Сабгайда, Т.П.** Управляемые факторы риска, влияющие на смертность населения / Т.П. Сабгайда, А.Е. Иванова. — Москва : НИИОЗММ ДЗМ, 2022. — 66 с. EDN: FVUSAN
11. **Иванова, М.А.** Заболеваемость инфарктом миокарда в различных по плотности населения и обеспеченности врачами-кардиологами в федеральных округах Российской Федерации / М.А. Иванова, Е.Н. Енина., Д.В. Ваньков // Социальные аспекты здоровья населения (сетевое издание) — 2024. — Т. 70. — № 2. — С. 17. DOI: 10.21045 / 2071-5021-2024-70-2-17; EDN: YKPIFG
12. **Botteri, E.** Lifestyle changes in middle age and risk of cancer: evidence from the European Prospective Investigation into Cancer and Nutrition / E. Botteri, G. Peveri, P. Berstad, [и др.] // European Journal of Epidemiology. — 2024. — Vol. 39. — P. 147–159. DOI: 10.1007 / s10654-023-01059-4; EDN: RLHBSQ
13. **Cordova, R.** Consumption of ultra-processed foods and risk of multimorbidity of cancer and cardiometabolic diseases: a multinational cohort study / R. Cordova, V. Viallon, E. Fontvieille, [и др.] // The Lancet Regional Health — Europe. — 2023. — Vol. 35. — P. 100771. DOI: 10.1016 / j.lanepe.2023.100771; EDN: VHJRAD
14. **Nambo, R.** Prediction and causal inference of cardiovascular and cerebrovascular diseases based on lifestyle questionnaires / R. Nambo, S. Karashima, R. Mizoguchi, [и др.] // Scientific Reports. — 2024. — Vol. 14. — P. 10492. DOI: 10.1038 / s41598-024-61047-w; EDN: VAIMLE
15. **Obeidat, O.** Social Risk Factors That Increase Cardiovascular and Breast Cancer Risk / O. Obeidat, K.R. Charles, N. Akhter, A. Tong // Current Cardiology Reports. — 2023. — Vol. 25. — P. 1269–1280. DOI: 10.1007 / s11886-023-01957-9; EDN: LBLIVH
16. **Балашова, С.А.** Оценка взаимосвязи уровня социально-экономического развития с уровнем смертности в регионах РФ / С.А. Балашова, А.Р. Захарчук, М.В. Сидоренко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. — 2020. — Т. 28. — № 1. — С. 83–97. DOI: 10.22363 / 2313-2329-2020-28-1-83-97; EDN: WCDVPG
17. **Ходакова, О.В.** Кадровое обеспечение врачами в первичном звене здравоохранения в России / О.В. Ходакова, Ю.Е. Сенотрусова, И.А. Деев, О.С. Кобякова // Здравоохранение Российской Федерации. — 2023. — Т. 67. — № 6. — С. 463–470. EDN: ERVOPA
18. **Шарафутдинова, Н.Х.** Заболеваемость населения злокачественными новообразованиями в Республике Башкортостан. Что изменилось в течение 2019–2022 гг. / Н. Х Шарафутдинова

- ва., Г.Ф. Зиннурова, Ф.С. Биалов, [и др.] // Социальные аспекты здоровья населения (сетевое издание). — 2024. — Т. 70. — № 4. — С. 1. DOI: 10.21045 / 2071-5021-2024-70-4-1; EDN: BETBPL
19. **Баланова, Ю.А.** Вклад артериальной гипертензии и других факторов риска в выживаемость и смертность в российской популяции // Ю.А. Баланова, С.А. Шальнова, В.А. Куценко, [и др.] // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. — 2021. — Т. 20. — № 5. — С. 164–174. DOI: 10.15829 / 1728-8800-2021-3003; EDN: XBQVIC
 20. **Карамнова, Н.С.** Привычки питания и риск смерти от всех причин во взрослой популяции. Результаты 6-летнего проспективного наблюдения за когортой исследования ЭС-СЕ-РФ / Н.С. Карамнова, А.В. Капустина, В.А. Куценко, [и др.] // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. — 2024. — Т. 23. — № 9. — С. 51–63. DOI: 10.15829 / 1728-8800-2024-4113; EDN: CHSTLZ

Сведения об авторах:

Набиева Алсу Рустэмовна, д.э.н., проф., ректор, Российский университет кооперации, Мытищи, Россия.
Контактная информация: e-mail: alsunab@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6269-7355; РИНЦ SPIN-код: 8384-2764.

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна, д.соц.н., руководитель отдела магистратуры и аспирантуры, Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Казань, Россия.
Контактная информация: e-mail: chulpanildusovna@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3992-0336; РИНЦ SPIN-код: 3873-1672.

Ершова Гузель Николаевна, к.ист.н., зам. руководителя отдела магистратуры и аспирантуры, Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Казань, Россия.
Контактная информация: e-mail: ershova104@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6399-0521; РИНЦ SPIN-код: 1179-8148.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-36-49

IMPACT OF LIVING STANDARDS IN THE RUSSIAN FEDERATION ON MORTALITY FROM DISEASES OF THE CIRCULATORY SYSTEM AND NEOPLASMS

Alsu R. Nabieva, Chulpan I. Ildarkhanova, Guzel N. Ershova*

*Kazan Cooperative Institute, Branch of the Russian University of Cooperation
(58 Ershova str., Kazan, Russia, 4200081)*

**E-mail: ershova104@mail.ru*

For citation:

Nabieva A.R., Ildarkhanova Ch. I., Ershova G.N. Impact of living standards in the Russian Federation on mortality from diseases of the circulatory system and neoplasms. *Narodonasilenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 36-49. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-36-49 (in Russ.)

Abstract. *The prospects for a further increase in mortality from diseases of the circulatory system and neoplasms actualize the search for factors that determine it, and the degree of their significance and closeness of the relationship. The aim is to evaluate the contribution of modifiable mortality factors from these classes in the Russian Federation for 2023 to the interim results of the National Healthcare Project. The relationship between sex and age rates of mortality from circulatory system diseases and neoplasms for 2023 and 34 predictors estimated according to Rosstat data for 85 regions of the Russian Federation was estimated. The factors were grouped in 4 groups according to the vector of responsibility and duration of impact: long-term — 1) results of the state socio-economic policy characterizing the quality of life of the population; medium-term — 2) infrastructural factors*

characterizing coverage, quality, qualifications, availability of healthcare resources, 3) incidence of major classes of diseases in the population; short-term – 4) individual behavioral practices of the population. The main research methods used are calculation, refinement, comparative analysis of mortality rates by regions of the Russian Federation for 2017–2023, taking into account the All-Russian Population Census, correlation and regression analysis. The regional features of the dynamics of mortality from diseases of the circulatory system and neoplasms during the period of the National Project «Healthcare» were identified, on the basis of which the RF subjects were divided into 3 clusters. The factors of mortality from diseases of the circulatory system and neoplasms for 2023 were updated. The regional specifics of cluster models were identified: a high rate of determination was found in the models of regions in clusters 1 and 2 for regressors characterizing the healthcare system and behavioral factors. The regions of cluster 1 have a high and average correlation with all groups of factors, while the regions of cluster 2 have more significant indicators of quality of life and demographic burden. The hierarchy of factors identified by the authors for the Russian Federation as a whole is based on the closeness of relationship: the average relationship between the indicators of quality of life (the structure of monetary incomes of the population, the number of employees per 1 pensioner); infrastructural predictors of the healthcare system (the number of hospital beds and the capacity of outpatient clinics); individual behavioral indicators (the proportion of smokers); in the group of morbidity indicators, an average relationship was found for the class of injuries and poisoning and some other external causes. The effectiveness of reducing mortality from diseases of the circulatory system and neoplasms is determined solely by an integrated approach: national culture of healthy long life (behavioral practices of the population) and a developed health care system that acts preventively (strict government policy regarding economic accessibility of unhealthy lifestyle attributes).

Keywords: mortality, circulatory system diseases, neoplasms, National Healthcare Project, morbidity, income of the population, eating habits, smoking.

References and Internet sources

1. Vollset S.E., Ababneh H., Habtegiorgis Y., Cristiana A. Burden of disease scenarios for 204 countries and territories, 2022–2050: a forecasting analysis for the Global Burden of Disease Study 2021. *The Lancet*. 2021. Vol. 403(10440). P. 2204–2256.
2. Drapkina O.M., et al. Profilaktika khronicheskikh neinfektsionnykh zabolevaniy v Rossijskoj Federatsii. Natsional'noye rukovodstvo 2022 [Prevention of chronic non-communicable diseases in the Russian Federation. National Guidelines 2022]. *Kardiovaskuljarnaja terapija i profilaktika. [Cardiovascular Therapy and Prevention]*. 2022. Vol. 21. No. 4. P. 3235. DOI: 10.15829/1728-8800-2022-3235 (in Russ.)
3. Sabgayda T.P., Zubko A.V., Semyonova V.G. Rezul'tativnost' federal'nogo proyekta «Bor'ba s serdechno-sosudistymi zabolevanijami» v kontekste predotvratimyykh prichin v gorodskikh i sel'skikh poselenijakh Rossii [Effectiveness of the Federal project Fight Against Cardiovascular Diseases in the context of preventable causes of death in the Russian urban and rural settlements]. *Voprosy upravljenija [Management Issues]*. 2023. No. 2. P. 71–85. DOI: 10.22394/2304-3369-2023-2-71-85 (in Russ.)
4. Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., Arkhangelsky V.N. Rossiyskoye obshchestvo i gosudarstvo v usloviyakh stanovleniya novogo mirovogo porjadka: demograficheskaya situatsiya v 2022 godu [Russian Society and State in the Conditions of a New World Order Formation: Demographic Situation in 2022]. Moscow. Prospekt [Prospect]. 2023. 448 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-392-38629-1 2023 (in Russ.)
5. Merabishvili V.M. Srednesrochnyj variantnyj prognoz smertnosti naseleniya Rossii ot zlokachestvennykh novoobrazovaniy [Medium-term prognosis of cancer mortality among the population of Russia]. *Sibirskij onkologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Oncology]*. 2019. Vol. 18. No. 4. P. 5–12. (in Russ.)
6. Choynzonov E.L., Zhuikova L.D., Odintsova I.N. Smertnost' naseleniya Tomskoj oblasti ot

- zlokachestvennykh novoobrazovaniy dykhatel'noj sistemy [Mortality from respiratory system cancer in the Tomsk region]. *Sibirskiy onkologicheskij zhurnal [Siberian Journal of Oncology]*. 2018. Vol. 17. No. 3. P. 5–10. (in Russ.)
7. Borshchuk E.L., Begun D.N., Klimushkin A.V., Sidorova I.G. Smertnost' ot zlokachestvennykh novoobrazovaniy v Orenburgskoy oblasti [Mortality from malignant neoplasms in the Orenburg region]. *Sovremennyye problemy zdoravoohraneniya i meditsinskoy statistiki [Modern Problems of Healthcare and Medical Statistics]*. 2021. No. 3. P. 252–264. DOI: 10.24412/2312-2935-2021-3-252-264 (in Russ.)
8. Demograficheskoye samochuvstviye regionov Rossii. Natsional'nyy demograficheskij doklad — 2024 [Demographic Well-Being of Russian Regions. National Demographic Report 2024]. Eds. T.K. Rostovskaya, A.A. Shabunova. Vologda. Vologodskiy nauchnyy tsentr RAN [Vologda Research Center RAS]. 2025. 365 p. (in Russ.)
9. Mediko-demograficheskij doklad: federal'nyye, regional'nyye i munitsipal'nyye aspekty. [Medico-Demographic Report: Federal, Regional and Municipal Aspects]. Kazan. Algoritm+. 2025. 240 p. (in Russ.)
10. Sabgayda T.P., Ivanova A.E. Upravlyayemyye faktory riska, vliyayushchiye na smertnost' naseleniya [Controllable Risk Factors Affecting Mortality of the Population]. Electronic text data. Moscow. 2022. 66 p. (in Russ.)
11. Ivanova M.A., Enina E.N., Vankov D.V. Zabolevayemost' infarktomiokarda v razlichnykh po plotnosti naseleniya i obespechennosti vrachami-kardiologami v federal'nykh okrugakh Rossiyskoy Federatsii [Myocardial infarction incidence in different Federal districts of the Russian Federation diverse in population density and number of cardiologists]. *Sotsial'nyye aspekty zdorov'ya naseleniya [Social Aspects of Public Health]* (online publication). 2024. Vol. 70. No. 2. P. 17. (in Russ.)
12. Botteri E., Peveri G., Berstad P., et al. Lifestyle changes in middle age and risk of cancer: evidence from the European Prospective Investigation into Cancer and Nutrition. *European Journal of Epidemiology*. 2024. Vol. 39(2). P. 147–59. DOI: 10.1007/s10654-023-01059-4 PMID:38180593
13. Cordova R., Viallon V., Fontvieille E., Peruchet-Noray L. Consumption of ultra-processed foods and risk of multimorbidity of cancer and cardiometabolic diseases: a multinational cohort study. *The Lancet Regional Health — Europe*. 2023. No. 35. P. 100771. DOI: 10.1016/j.lanepe.2023.100771
14. Nambo R., Karashima S., Mizoguchi R., et al. Prediction and causal inference of cardiovascular and cerebrovascular diseases based on lifestyle questionnaires. *Scientific Reports*. 2024. Vol. 14. P. 10492. DOI: 10.1038/s41598-024-61047-w
15. Obeidat O., Charles K.R., Akhter N., Tong A. Social risk factors that increase cardiovascular and breast cancer risk. *Current Cardiology Reports*. 2023. No. 25. P. 1269–1280. DOI: 10.1007/s11886-023-01957-9
16. Balashova S.A., Zakharchuk A.R., Sidorenko M.V. Otsenka vzaimosvyazi urovnya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya s urovnem smertnosti v regionakh RF [Estimates of the interrelation of the level of socio-economic development and the mortality rate in Russian regions]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Ekonomika [RUDN Journal of Economics]*. 2020. Vol. 28. No. 1. P. 83–97. DOI: 10.22363/2313-2329-2020-28-1-83-97 (in Russ.)
17. Khodakova O.V., Senotrusova Yu. E., Deev I.A., Kobayakova O.S. Kadrovoye obespecheniye vrachami v pervichnom zvene zdavoohraneniya v Rossii. [Staffing of doctors in primary health care in Russia]. *Zdravoohraneniye Rossijskoj Federatsii. [Healthcare of the Russian Federation]*. 2023. Vol. 67. No. 6. P. 463–470. DOI: 10.47470/0044-197X-2023-67-6-463-470 (in Russ.)
18. Sharafutdinova N. Kh., Zinnurova G.F., Bilalov F.S., et al. Zabolevaemost' naseleniya zlokachestvennymi novoobrazovaniyami v Respublike Bashkortostan. Chto izmenilos' v techeniye 2019–2022 gg. [Incidence of malignant neoplasms in population of the Republic of Bashkortostan. Updates for 2019–2022]. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya [Social Aspects of Public Health]* (online publication). 2024. Vol. 70. No. 4. P. 1. (in Russ.)
19. Balanova Yu. A., Shalnova S.A., Kutsenko V.A., et al. Vklad arterial'noj gipertonii i drugikh faktorov riska v vyzhivayemost' i smertnost' v rossijskoj populyatsii. [Contribution of hypertension and other risk factors to survival and mortality in the Russian population]. *Kardiovaskuljarnaja terapiya i profilaktika [Cardiovascular Therapy and Prevention]*. 2021. Vol. 20. No. 5 P. 3003. DOI: 10.15829/1728-8800-2022-3235 (in Russ.)
20. Karamnova N.S., Kapustina A.V., Kutsenko V.A., et al. Privychki pitaniya i risk smerti ot vsekh prichin

vo vzrosloj populjatsii. Rezul'taty 6-letnego prospektivnogo nabljudeniya za kogortoj issledovanija ESSE-RF [Dietary habits and all-cause mortality risk in the adult population]. *Kardiovaskuljarnaya terapiya i profilaktika [Cardiovascular Therapy and Prevention]*. 2024. Vol. 23. No. 9. P. 51–63. (in Russ.)

Information about the authors:

Nabieva Alsu Rustemovna, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Russian University of Cooperation, Mytishchi, Moscow Oblast, Russia

Contact information: e-mail: alsunab@mail.ru; ORCID: 0000-0002-6269-7355; Elibrary SPIN-code: 8384–2764.

Ildarkhanova Chulpan Ildusovna, Doctor of Sociology, Head of Department, Kazan Cooperative Institute, Branch of the Russian University of Cooperation, Kazan, Russia.

Contact information: e-mail: chulpanildusovna@gmail.com; ORCID: 0000-0002-3992-0336; Elibrary SPIN-code: 3873–1672.

Ershova Guzel Nikolaevna, Candidate of Historical Sciences, Deputy Head of Department, Kazan Cooperative Institute, Branch of the Russian University of Cooperation, Kazan, Russia.

Contact information: e-mail: ershova104@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6399-0521; Elibrary SPIN-code: 1179–8148.

Статья поступила в редакцию 11.08.2025, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-50-63
EDN: UYGWSU

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СВЯЗИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДОСТУПНОСТИ ПРОДОВОЛЬСТВИЯ И УДОВЛЕТВОРЁННОСТИ ЖИЗНЬЮ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Рязанцев С. В., Вартанова М. Л.*

ИСД ФНИСЦ РАН

(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1)

*E-mail: 11marina11@mail.ru

Для цитирования:

Рязанцев С. В., Вартанова М. Л. Демографический анализ связи экономической доступности продовольствия и удовлетворённости жизнью в регионах России // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 2. — С. 50–63. DOI: 1024412/1561-7785-2026-2-50-63; EDN: UYGWSU

Аннотация. В статье представлен демографический анализ взаимосвязи экономической доступности продовольствия и уровня удовлетворённости населения им в субъектах РФ. На основе данных Росстата и специально подобранных индикаторов продовольственной доступности и субъективного благополучия исследуются региональные различия и демографические детерминанты выявленных связей за период 2015–2023 годов. Регрессионный анализ подтверждает прямую зависимость между стоимостью продуктов питания с учётом их энергетической ценности и субъективным благополучием населения, при этом ключевым фактором оказывается динамика валового регионального продукта. Новизна работы заключается в применении иерархической кластеризации для типологизации регионов, позволившей выделить четыре группы с выраженными социально-экономическими и демографическими особенностями. Несмотря на достижение общенациональных целевых показателей продовольственной безопасности, в регионах сохраняется значительная неоднородность уровня удовлетворённости населения, обусловленная различиями в доходах, качестве продукции и географических условиях. На этой основе сформулированы практические рекомендации по использованию конкурентных преимуществ территорий для обеспечения баланса между физической и экономической доступностью качественных продуктов питания. Авторами обоснована необходимость формирования комплексной государственной стратегии, объединяющей меры по устойчивому развитию регионов, снижению бедности и обеспечению экономической и физической доступности продовольствия как критически важного условия продовольственной устойчивости в условиях геополитической нестабильности.

Ключевые слова: демографические детерминанты, качество жизни, регионы России, социальное благополучие, удовлетворённость жизнью, экономическая доступность.

Введение

В условиях нарастающей глобальной нестабильности Россия, как и мировое сообщество, сталкивается с усилением правового регулирования в продовольственном секторе. Параметры качества продукции нередко ограничивают экономическую доступность продуктов питания и, с позиции теории общественного благосостояния, выступают фактором отклонения от Парето-эффективного равновесия на рынке. При низких доходах качество жизни зависит от удовлетворения базовых физиологических потребностей — доступности, качества и объёма питания. Доступность сырьевых ресурсов определяет устойчивое развитие регионов в контексте обеспечения национальной, демографической и продовольственной безопасности России [1].

Глобальные изменения климата [2] угрожают агропромышленному комплексу, провоцируя снижение и волатильность урожайности. Это осложняет прогнозирование и управление сельхозпроизводством, а также деградирует качество продукции. Прогнозируемая динамика климатических изменений, имеющая определяющее значение для агропродовольственного сектора, обуславливает рост теплового ресурса возделываемых культур и пролонгацию их вегетационного цикла [3]. Анализ современного состояния показывает, что факторы глобальной нестабильности (внутренние и внешние) неоднозначно влияют на продовольственную безопасность, усугубляя проблемы миграции и демографических изменений. Ключевым детерминантом роста мировых цен на продовольствие также выступает эскалация глобальной геополитической напряжённости. Данный процесс спровоцировал структурную трансформацию международных экономических отношений и перестройку глобальных логистических систем, что создало существенные трудности как для РФ, так и для мирового сообщества [4] в целом.

В основу данной научной работы положен системный подход, позволивший осуществить многоаспектный анализ взаимо-

обусловленности уровней экономической доступности продовольствия и показателей субъективного благополучия населения в различных субъектах РФ. Граждане должны иметь гарантированную экономическую и физическую доступность к продуктам питания в достаточном количестве и качестве [5]. Исследование анализирует взаимосвязь между экономической доступностью продовольствия и удовлетворённостью ею населения регионов России. Этот конструкт — индикатор субъективного благополучия, верифицируемый лестницей Кантрила или опросами Росстата/ВЦИОМ (шкалы интенсивности). Цель — определить влияние параметров доступности продовольственного набора на субъективное самочувствие населения регионов методами количественной оценки. Основные задачи в рамках проблемы, на решение которой направлено исследование, его масштаб и комплексность: 1) уточнить методологические аспекты оценки удовлетворённости населения уровнем продовольственной обеспеченности как индикатора субъективного благополучия; 2) оценить влияние внешних и внутренних факторов (санкции, социально-экономическая нестабильность) на физическую и экономическую доступность продовольствия в регионах России; 3) обосновать и апробировать методологию расчёта индикаторов продовольственной независимости, физической, экономической доступности и качества на основе данных Росстата (2015–2023 гг.); 4) эмпирически оценить тесноту и характер взаимосвязи между экономической доступностью и уровнем удовлетворённости населения регионов России обеспеченностью продовольствием (регрессионный анализ); 5) провести кластерный анализ регионов РФ по показателям продовольственной обеспеченности и качества жизни с ранжированием и типологизацией (n=86, 2015–2023 гг.). Данная постановка задачи требует инновационных подходов к разработке стратегии диверсифицированного экономического роста и устойчивого развития регионов на основе усиления их сельскохозяйственной специализации. Необходим комплексный межотрас-

левой подход. Решение задач по снабжению населения продуктами питания предполагает гарантию высокого качества товаров и соблюдение всех процедур транспортировки согласно международным медицинским стандартам.

Для достижения поставленных задач был реализован комплекс исследовательских методов: 1) методы дескриптивной статистики — применены для изучения вариативности показателей продовольственной безопасности на основе данных по 86 регионам РФ (без городов Москва, Санкт-Петербург и Севастополь) за период 2015–2023 гг.; 2) экономико-математическое моделирование — использование регрессионного анализа позволило количественно оценить воздействие таких детерминант, как экономическая доступность продуктов и темпы роста валового регионального продукта, на уровень удовлетворенности качеством жизни; 3) иерархическая кластеризация — использована в целях типологизации регионов по шести индикаторам качества жизни, что позволило дифференцировать территории на четыре группы: регионы-лидеры, стабильные, кризисные и отстающие; 4) индексный метод — послужил инструментом для формирования композитных показателей, интегрирующих параметры экономической, физической и энергетической доступности, а также качественных характеристик продовольствия; 5) сравнительно-динамический анализ — позволил осуществить мониторинг ретроспективных изменений исследуемых параметров во временном интервале 2015–2023 годов.

Эмпирический фундамент исследования составляет массив верифицированных данных, полученных из следующих источников: 1) федеральная служба государственной статистики (Росстат): сведения о динамике ВРП, структуре расходов населения на питание и демографических процессах; 2) Министерство сельского хозяйства РФ: данные об уровне самообеспеченности сельскохозяйственной продукцией; 3) результаты социологических исследований: данные опросов по уровню удовлет-

ворённости жизнью, проведённых ВЦИОМ и ФОМ. Теоретический базис исследования сформирован на основе научной литературы, посвящённой вопросам управления социально-экономическим развитием территорий, а также актуальных международных концепций продовольственной безопасности.

Обзор научной литературы

Обеспечение продовольственной безопасности страны является фундаментальным фактором, обуславливающим экономическую стабильность и устойчивое развитие регионов. В исследовании учтены «методологические подходы к управлению социально-экономическим развитием региона» [6]. Проблема обеспечения продовольствием является многоаспектной. Она охватывает не только физическую возможность приобретения продуктов питания, но и экономическую доступность, которая зависит от индивидуальных предпочтений граждан и их финансового положения. Исследования ключевых проблем регионального развития и разработке стратегий оптимизации использования ресурсов для достижения продовольственной безопасности отражены в работах таких учёных, как А. Г. Аганбегян, М. Л. Вартанова, Т. И. Гуляева, С. В. Зенченко, А. В. Петриков, Б. Н. Порфирьев, С. В. Рязанцев, А. А. Тер-Григорьянц, Т. В. Ускова, А. А. Широков и других.

Продовольственная безопасность является одним из ключевых элементов благополучия населения¹. Современные исследования недостаточно освещают взаимосвязь между недостатком продовольственной безопасности и уровнем удовлетворённости жизнью населения на региональном уровне. Подтверждение устойчивой взаимосвязи между этими двумя факторами позволяет использовать показатель уровня обеспечения населения продовольствием в качестве инструмента для оценки качества жизни в различных регионах.

¹ Продовольственная безопасность России: проблемы и перспективы. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 2004. — 244 с.

По мнению Б.Н.Порфильева, в российском контексте ключевые детерминанты качества жизни населения следует рассматривать как универсальные для всех регионов. Это обусловлено, во-первых, минимизацией межрегиональной дифференциации доходов для социальной справедливости; во-вторых, централизованной мобилизацией федеральных ресурсов при масштабных чрезвычайных ситуациях, вызванных климатической нестабильностью [2]. Обеспечение продовольственной безопасности России представляет собой одну из первоочередных задач российской экономики [7] и отражает уровень защиты экономики от рисков и угроз, которые могут помешать устойчивому развитию и повышению благосостояния населения. Исследования Е. Фронжелино и соавторов [8] вносят вклад в изучение связи между доступностью пищи и уровнем удовлетворённости жизнью на макроэкономическом уровне. Авторы проанализировали эту взаимосвязь в 138 странах, применив методологию, позволяющую установить причинно-следственные отношения. Результаты предыдущих исследований выявили ключевые факторы, определяющие наличие или отсутствие продовольственной безопасности. Как отмечает К.Б.Баррет², к таким факторам относятся: изменение климата; стихийные бедствия; нестабильность в производстве продуктов питания; бедность; наличие земельных ресурсов. Некоторые исследователи прибегают к использованию различных индикаторов для оценки дефицита продовольственной безопасности, охватывающих такие показатели, как структура расходов и уровень потребления продуктов питания домохозяйствами, а также индекс стратегий выживания.

Результаты и обсуждение

В условиях внешних вызовов и угроз экономической безопасности страны, оценка уровня доступности и удовлетворённости населения продовольствием представля-

ет собой комплексную проблему. Доступность продуктов питания является фундаментальным правом, определяющим уровень жизни граждан [9]. Учитывая дефицит комплексных исследований взаимосвязи продовольственного снабжения и благополучия населения, анализ потребительского рынка должен осуществляться с учётом экономических и региональных особенностей. Для обеспечения самообеспеченности и жизнедеятельности регионов РФ необходимо применение системного подхода к анализу безопасности питания и процессного подхода к обеспечению продовольственной безопасности [10]. Серьёзным препятствием для решения этой задачи в ряде регионов России выступает низкий уровень технологического развития агропромышленного комплекса и недостаток инвестиций. Продовольственная безопасность особенно остра для регионов с рискованным земледелием, а в промышленно ориентированных регионах потребности населения традиционно удовлетворяются за счёт экономической интеграции с другими регионами.

Оценка обеспечения продовольственной безопасности в условиях внешних угроз экономической безопасности России представляет собой сложную многогранную задачу [11]. Для оценки дефицита продовольственной безопасности используются различные показатели, отражающие такие аспекты, как долевая структура расходов на питание, уровень потребления продуктов питания в домохозяйствах и индекс стратегий выживания. Продовольственная безопасность также имеет косвенную связь с такими проблемами, как голод, антропометрические показатели (рост, вес), недоедание и другими факторами. Однако данные по этим показателям не всегда доступны в полном объёме как по странам, так и во времени.

В эконометрической модели для оценки продовольственной безопасности были использованы следующие параметры: 1) темп роста ВВП отражает влияние экономического роста на уровень удовлетворённости жизнью; 2) уровень экономической доступ-

² Christopher B.Barrett. Measuring food insecurity // Science. – 2010. – № 327. – P.825–828.

ности продуктов питания определяется как соотношение стоимости продовольственной корзины к среднемесячному доходу на душу населения. Данный показатель иллюстрирует взаимосвязь между расходами на питание и степенью удовлетворённости качеством потребляемых продуктов; 3) степень физической доступности продуктов питания характеризует эффективность агропромышленной системы в обеспечении достаточного количества и ассортимента продовольственных товаров для удовлетво-

рения потребностей населения; 4) уровень энергетической достаточности продовольствия определяется на основе медицинских норм потребления продовольственных продуктов на душу населения; 5) качество продовольствия отражает уровень удовлетворения потребности населения в безопасных для здоровья, качественных продуктах сельскохозяйственного производства; 6) расходы на питание из общей доли расходов населения.

Таблица 1

Основные переменные регрессионного анализа при оценке уровня удовлетворённости жизнью и продуктовой обеспеченности

Table 1

The main variables of regression analysis in assessing the level of satisfaction and product availability

Переменная	Среднее	SD	Min	Max	Интерпретация
Темп роста ВРП (контроль экономического роста)	5,516%	1,178	2,688%	7,858%	Средний рост валового регионального продукта (ВРП) ~5,5% в год; низкая вариация (SD=1,2%) указывает на относительную стабильность экономики регионов; положительный фактор для удовлетворённости.
Уровень экономической доступности продовольствия (%)	42,3	17,6	10,5%	81,6%	Ключевой индикатор (доля доходов на еду); средний уровень средний, но высокая дисперсия (SD=17,6%) сигнализирует о региональном неравенстве (бедные регионы <20%, богатые >70%).
Уровень физической доступности продовольствия	3,462	3,235	-27,994	25,163	Вероятно, % самообеспеченности минус норматив (95% по Доктрине ПБ); отрицательные значения в "дефицитных" регионах (Дальний Восток?); очень высокая вариация (SD>среднего) – основной источник рисков.
Уровень энергетической достаточности продовольствия (ккал/сут)	15,499	5,133	3,588	30,003	Дефицит калорий относительно нормы (~2500 ккал); среднее низкое, вариация умеренная
Качество продовольствия (баллы или %)	22,23	11,97	0	63,8	Индекс питательности/безопасности; низкое среднее + нулевые минимумы = системная проблема качества в остальных регионах.
Расходы на питание из общей доли расходов (%)	48,93	12,74	16%	81%	Высокая доля (~49%, норма <40–50%); SD=12,7% отражает бедность (до 81% бюджета на еду – тревожный сигнал).

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Табл. 1 представляет дескриптивную статистику основных переменных для регрессионного анализа, оценивающего взаимосвязь между продуктовой обеспеченностью (многомерный индикатор продовольственной безопасности) и уровнем удовлетворённости жизнью. Данные систематизированы по регионам России (вероятно, 80+ субъектов), с типичными статистиками:

среднее (Mean), стандартное отклонение (SD), min/max. Это стандарт для панельных данных Росстата/региональных исследований, подготавливает почву для регрессии (например, OLS или фиксированные эффекты). Таблица демонстрирует среднюю продуктовую обеспеченность с высокой региональной вариацией, где экономическая и физическая доступность — ключе-

вые «узкие места» для удовлетворённости жизнью. В качестве зависимой переменной был использован уровень удовлетворённости обеспечения продовольствием в регионах России, а в качестве независимых — все остальные. Оценка проведена на основе линейной регрессионной модели:

$$LS_{it} = \beta_0 + \beta_x \times X_{it} + \varepsilon, \quad (1)$$

где LS_{it} — удовлетворённость жизнью в регионе i в год t , X_{it} — вектор независимых переменных, β — это коэффициенты, которые рассчитываются на основе регрессионного анализа для каждой независимой переменной, а ε — случайная компонен-

та или погрешность модели. Оценка уравнения (1) была проведена с использованием нескольких эконометрических методов: регрессии методом наименьших квадратов; оценки с фиксированными эффектами; метода обобщённых наименьших квадратов; двухэтапного метода наименьших квадратов с инструментальной переменной. Применение такого разнообразия методов анализа позволяет учесть специфические сложности, присущие панельным данным: установление причинно-следственных связей между переменными, учёт ненаблюдаемых характеристик объектов исследования и выявление потенциально влиятельных наблюдений [12].

Таблица 2

Оценки регрессии методом наименьших квадратов

Table 2

Least squares regression estimates

Переменная	Ключевые выводы	Экономический смысл
Темп роста ВРП	+0.051–0.056* (все модели)	Основной драйвер: каждый 1% прироста ВРП повышает удовлетворённость на 0.05–0.06 балла. Стабильно значим ($t > 20$).
Экономическая доступность	+0.015–0.018** (модели 2–7)	Положительный эффект: рост доступности на 1 п.п. +0.017 балла удовлетворённости. Значимость ослабевает при контроле.
Физическая доступность	-0.001 до -0.009 (модель 7*)	Негатив в полной модели: дефицит самообеспеченности снижает удовлетворённость. Эффект усиливается с контролями.
Энергетическая достаточность	+0.008–0.012*	Крепкий положительный эффект: +1% калорийности = +0.01 балла удовлетворённости.
Рост населения	+0.008–0.009*	Демографический контроль: динамичные регионы
Качество продовольствия	0.004* → нс	Маргинальный эффект, теряет значимость.
Расходы на питание	+0.006* (модель 7)	Парадокс: выше доля расходов – выше удовлетворённость (преференция еды).

Примечания: * $p < 0,1$; ** $p < 0,05$; *** $p < 0,01$.

Источник: систематизировано на основе данных [11].

Табл. 2 представляет результаты последовательного регрессионного анализа методом обычных наименьших квадратов (OLS), где зависимая переменная — уровень удовлетворённости жизнью (вероятнее всего, шкала 1–10 по опросам). Модели (1–7) расширяются от базовой до полной спецификации с контролем. Ключевые метрики качества: $R^2 = 0,82$ — отличная объясняющая способность (82% вариации

удовлетворённости объяснено); $N = 762–823$ — панель по регионам России за несколько периодов; значимость по t -статистикам: $p < 0,1$, $p < 0,05$, $p < 0,01$. Проведённый эмпирический анализ подтверждает положительное влияние экономической доступности продовольствия ($\beta = 0,017$, $p < 0,05$) и энергетической достаточности ($\beta = 0,012$, $p < 0,01$) на удовлетворённость жизнью при доминирующей роли экономиче-

ского роста ($\beta = 0,055$, $p < 0,01$). Таким образом, данные табл. 2 подтверждают гипотезу настоящего исследования и могут служить основой для формирования социально-демографической политики регионов [13].

Рис. 1 демонстрирует двумерную корреляцию между степенью продовольственной безопасности и уровнем удовлетворения жизнью. Анализ выявил отрицательную корреляцию между отсутствием продовольственной безопасности и удовлетворённостью жизнью: рост индекса отсутствия на 1 стандартное отклонение снижает индекс удовлетворённости на сопоставимую величину. Контрольные переменные: достаточное производство сельхозпродукции, соблюдение норм потребления БЖУ, адекватная потребительская корзина.

В табл. 3 представлена сводка описательных статистических данных по сгруппированным показателям оценки. Наиболее выраженными различиями между исследуемыми регионами характеризуется коэффициент вариации индекса темпа роста валового регионального продукта (ВРП). Также

наблюдается существенная изменчивость в отношении доли расходов на продукты питания от общих расходов, уровня энергетической обеспеченности рациона и динамики численности населения. Указанная особенность позволила провести кластеризацию регионов и динамический анализ взаимосвязи между продовольственной обеспеченностью (экономической, физической, энергетической доступностью и качеством) и удовлетворённостью населения (субъективный индикатор SWB). Период охватывает ключевые события: импортозамещение (с 2014 г.), пандемию (2020 г.), санкции (2022 г.) и восстановление 2023 года. После 2021 г. отмечается интенсификация этой динамики на фоне роста экономической доступности продовольствия и стабилизации валового регионального продукта (ВРП). Таким образом, в период с 2015 по 2023 гг. выявлена устойчивая положительная корреляция ($r = 0,65$) между показателями продовольственной обеспеченности и уровнем удовлетворённости населения.

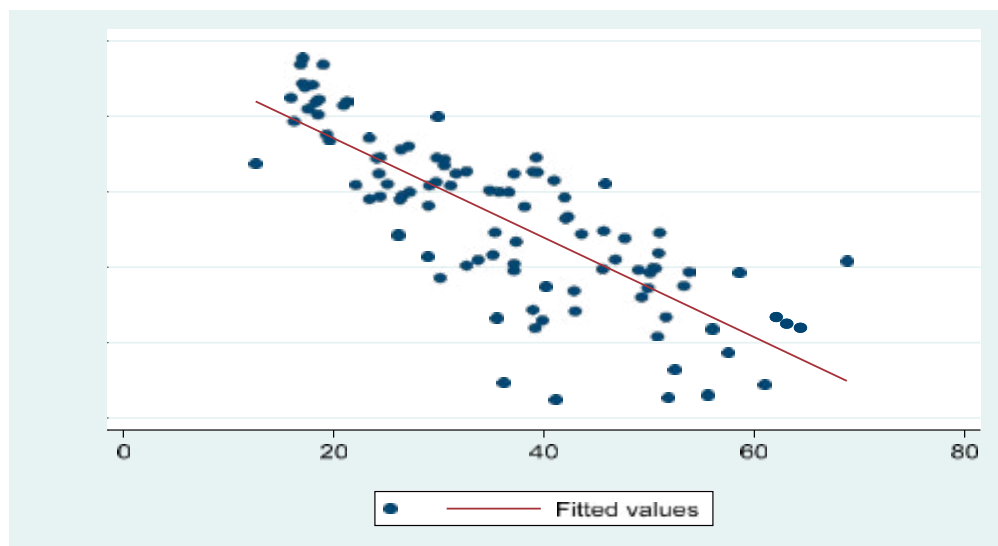

Рис. 1. Двумерная связь между отсутствием/наличием продовольственной безопасности и удовлетворённостью жизнью

Fig. 1. Two-dimensional relationship between lack/availability of food security and life satisfaction

Источник: систематизировано авторами по данным [10].

Таблица 3

**Уровень продовольственной обеспеченности и
удовлетворённости населения в 2015–2023 гг., n = 86**

Table 3

The level of food security and satisfaction of the population in 2015–2023, n = 86

Период	Продовольственная обеспеченность	Удовлетворённость населения	Значение
2015–2017	Низкий старт (дефицит физической доступности)	5,8–6,2 (шкала 1–10)	Посткризисное восстановление
2018–2019	Рост экономической доступности	+0,1–0,2 балла	Стабилизация ВРП
2020–2021	Падение (локдауны, инфляция)	-0,3 балла (минимум)	Пандемия + рост расходов на еду
2022–2023	Восстановление (импортозамещение)	+0,15–0,25 балла	Положительная динамика

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Результаты кластеризации представлены в виде дендрограммы (рис. 2). Дендрограмма выявляет чёткую кластерную структуру регионов, включающую четыре группы. Такая классификация позволяет определить дифференциацию уровней удовлетворённости населения условиями проживания в аспекте продовольственной безопасности, варьиру-

ющейся от высокого к низкому. Для определения уровня удовлетворённости населения в различных регионах был использован статистический метод иерархического кластерного анализа. Анализ проводился на основе стандартизированных значений семи индикаторов с применением метода связывания Уорда и евклидовой метрики расстояний.

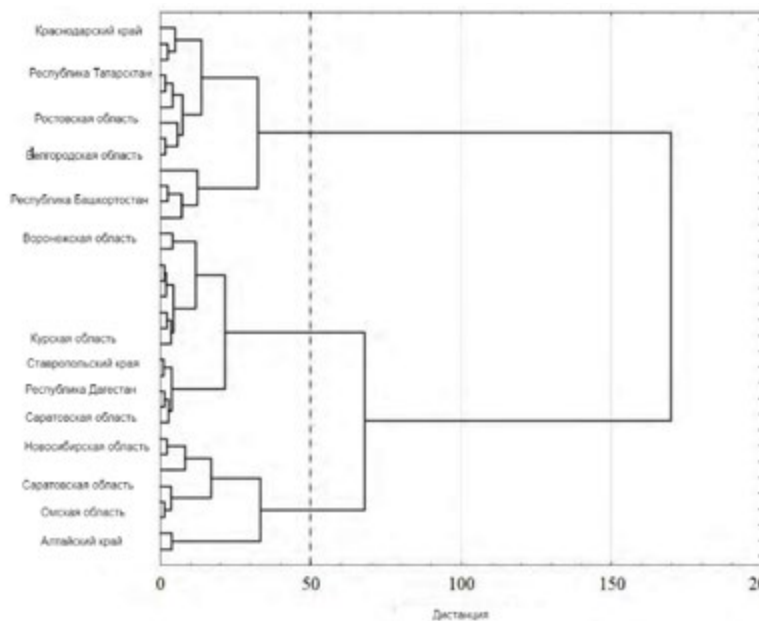

Рис. 2. Дендрограмма 13 регионов, сгруппированных по семи выбранным показателям удовлетворённости обеспеченности продуктами питания, стандартизированным значениям, в 2015–2022 г., по методу кластеризации Уорда и квадратам евклидовых расстояний (фрагмент)

Fig. 2. Dendrogram of 13 regions grouped by seven selected indicators of food satisfaction, standardized values, in 2015–2022, using the Ward clustering method and squares of Euclidean distances (fragment)

Источник: систематизировано авторами по данным [10].

Табл. 4 детализирует характеристики четырёх кластеров. Первый кластер лидирует по всем критериям с наивысшей удовлетворённостью продовольствием. Второй — высоким уровнем доступности и качества. Третий — с удовлетворённостью ниже первого, пограничными значениями неудовлетворённости, высокой долей расходов на еду при низком качестве и доступности. Четвёр-

тый — с недостаточной обеспеченностью: низким производством продуктов (не покрывает потребности) и зависимостью от импорта. В связи с этим кластерный подход рассматривается как один из наиболее эффективных методов управления в данной сфере [14]. Для детального анализа целесообразно рассчитать средние значения показателей качества жизни по регионам кластеров.

Таблица 4

Средние значения выбранных показателей качества жизни для регионов Российской Федерации в каждом кластере (с 2015 по 2023 гг.)

Table 4

The average values of the selected quality of life indicators for the regions of the Russian Federation in each cluster (from 2015 to 2023)

Показатели	Кластер 1		Кластер 2		Кластер 3		Кластер 4	
	Значение	Рейтинг	Значение	Рейтинг	Значение	Рейтинг	Значение	Рейтинг
Темп роста ВРП	108,39	1	105,27	2	104,78	3	101,12	4
Уровень экономической доступности продовольствия	63,40	2	74,83	1	54,11	3	50,44	4
Уровень физической доступности продовольствия	72,12	1	62,29	2	47,76	3	45,78	4
Уровень энергетической достаточности продовольствия	72,27	1	65,83	2	64,29	3	61,74	4
Темп роста численности населения	7,79	4	5,29	2	3,27	3	3,01	4
Качество продовольствия	38,93	2	39,04	1	31,98	3	29,14	4
Расходы на питание из общей доли расходов населения	32,79	1	40,62	2	61,62	3	65,23	4

Источник: составлено авторами по данным [10].

Табл. 5 показывает кластерный анализ по 6 индикаторам (из табл. 1–3): 4 кластера ($n=86$ субъектов РФ без городов), ранжированные по средним и рейтингам (1 = лучший). Метод стандартный для выявления групп регионов в демографо-экономических исследованиях. Иерархический кластерный анализ позволил сгруппировать регионы по однородности характеристик качества жизни и предварительно их ранжировать. Для проверки достоверности различий средних значений применён ANOVA. В контексте однофакторного дисперсионного анализа при проверке нулевой гипотезы о равенстве средних зна-

чений всех выборок альтернативная гипотеза предполагает наличие как минимум одного среднего значения выборки, статистически отличного от остальных. Проводя анализ каждого показателя уровня удовлетворённости и качества жизни населения с учётом развития агропродовольственного рынка регионов в отдельности, мы исходим из предположения об идентичности средних значений всех кластеров.

Результаты подтверждают значимые различия по большинству индикаторов ($p < 0,05$), за исключением темпов роста ВРП и численности населения ($p > 0,05$). Это обосновывает выделенные кластеры как отра-

Таблица 5

Однофакторный дисперсионный анализ на основе средних кластеров выбранных показателей удовлетворённости, степеней свободы для числителя 2 и знаменателя 13

Table 5

One-factor analysis of variance based on average clusters of selected satisfaction indicators, degrees of freedom for numerator 2 and denominator 13

Показатель	Кластер 1	Кластер 2	Кластер 3	Кластер 4	F-ratio	p-value
Темп роста ВРП	108,39	105,27	104,78	101,12	1,044962	0,377
Уровень экономической доступности продовольствия	63,40	74,83	54,11	50,44	43,78872	< 0,001
Уровень физической доступности продовольствия	72,12	62,29	47,76	45,78	25,54691	< 0,001
Уровень энергетической достаточности продовольствия	72,27	65,83	64,29	61,74	3,986554	0,010
Темп роста численности населения	7,79	5,29	3,27	3,01	1,142338	0,337
Качество продовольствия	38,93	39,04	31,98	29,14	4,369669	0,007
Расходы на питание из общей доли расходов населения (%)	32,79	40,62	61,62	65,23	36,42145	< 0,001

Источник: систематизировано авторами по данным [10].#

жающие реальные градиенты обеспеченности продовольствием. Корреляционный анализ выявил обоснованный набор индикаторов для оценки уровня продовольственной обеспеченности: темпы роста ВРП, уровни экономической и физической доступности продовольствия, энергетическая достаточность продовольствия, темпы роста численности населения, качество продовольствия и доля расходов на питание.

Проведённое исследование выявило значимые региональные различия в экономической доступности продовольствия и субъективном благополучии населения России через призму демографических и социально-экономических факторов [15]. Авторские расчёты по определению уровня продовольственной безопасности позволили провести типологизацию исследуемых регионов. Это дало возможность выделить группы проблем в экономическом развитии территорий с точки зрения решения задачи балансирования производства и потребления продуктов питания.

Анализ контрольных переменных, полученных в ходе исследования, позволил сделать следующие выводы: 1) региональные

различия в экономической доступности продовольствия коррелируют с субъективным благополучием ($r = 0,62-0,78$ по кластерам), усиливаясь в условиях демографического спада; 2) кластерный анализ обосновал градацию регионов: кластер 1 лидирует по всем индикаторам, кластер 4 требует приоритетных мер; 3) демографические факторы (миграция, прирост населения) объясняют до 35% вариации продовольственной обеспеченности; 4) рекомендуется интеграция демографических моделей в государственные программы для минимизации рисков продовольственной нестабильности; 5) важно производить объём сельскохозяйственной продукции, достаточный для удовлетворения потребностей населения в продовольствии; 6) формирование адекватной потребительской корзины с доступной стоимостью, а также достижение баланса между производством и товарностью продукции; 7) гарантировать наличие экономических возможностей у населения для приобретения продовольствия.

Иерархический кластерный анализ позволил выделить четыре группы регионов по уровню продовольственной обеспеченности: от высокоурожайных и экономически стабильных (кластер 1) до периферийных с высоким уровнем пищевой уязвимо-

сти (кластер 4). Дисперсионный анализ подтвердил статистическую значимость различий по ключевым индикаторам, таким как экономическая и физическая доступность пищи, энергетическая достаточность и доля расходов на питание ($p < 0,05$). Демографический анализ подчеркнул роль динамики численности населения как детерминант благополучия: регионы с положительным приростом населения демонстрируют более высокие уровни удовлетворённости жизнью, в то время как депопулирующие территории сталкиваются с уменьшением продовольственной безопасности. Корреляционные связи между ВРП, качеством продовольствия и субъективным благополучием указывают на необходимость комплексного подхода к региональной политике. Дальнейшая интенсификация сельскохозяйственного сектора напрямую зависит

от наращивания объёмов производства, что является необходимым условием обеспечения национальной продовольственной устойчивости³.

Полученные результаты ценны для мер по снижению пищевой уязвимости в регионах (субсидии на базовую корзину, демографическая стабилизация). Они уточняют социально-демографическую природу продовольственной безопасности, способствуют эффективному использованию ресурсов, предлагают региональную политику по сокращению межрегиональной дифференциации и повышению качества жизни населения.

³ Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Официальный портал правовой информации. – URL : <http://government.ru/docs/all/125815/> (дата обращения: 09.09.2026).

Литература и Интернет-источники

1. **Рязанцев, С.В.** Тренды устойчивого развития сельского хозяйства российских регионов в контексте обеспечения национальной и продовольственной безопасности страны / С.В. Рязанцев, М.Л. Вартанова // Крестьяноведение. — 2025. — Т. 10. — № 1. — С. 202–225. EDN: SQCVNB
2. **Порфирьев, Б.Н.** Оценка результативности и эффективности мер по адаптации населения и экономики к изменениям климата: алгоритм и процедуры расчётов / Б.Н. Порфирьев // Проблемы прогнозирования. — 2024. — № 4(205). — С. 21–35. DOI: 10.47711 / 0868-6351-205-21-35; EDN: GSNIBP
3. **Данилов-Данильян, В.И.** Экология и климат: где мы сейчас и где будем через два-три десятилетия. Ситуация в России / В.И. Данилов-Данильян, В.М. Катцов, Б.Н. Порфирьев // Вестник Российской академии наук. — 2023. — Т. 93. — № 11. — С. 1032–1046. DOI: 10.31857 / S0869587323110038; EDN: COXGZJ
4. **Ревенко, Л.С.** Глобальная продовольственная проблема: новые вызовы для мира и России / Л.С. Ревенко, О.И. Солдатенкова, Н.С. Ревенко // Экономика. Налоги. Право. — 2022. — Т. 15. — № 4. — С. 54–65. DOI: 10.26794 / 1999-849X-2022-15-4-54-65; EDN: RCKWCT
5. **Рязанцев, С.В.** Практика современного состояния питания международных мигрантов в контексте глобальных вызовов: теоретический обзор / С.В. Рязанцев, М.Л. Вартанова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2025. — Т. 33. — № S1. — С. 912–919. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2025-33-s1-912-919; EDN: BDTBFX
6. **Тер-Григорьянц, А.А.** Управление социально-экономическим развитием региона: современные методы и механизмы / А.А. Тер-Григорьянц, Е.А. Шелухина. — Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет. — 2024. — 204 с. EDN: RKYFWF
7. **Дохолян, С.В.** Обеспечение продовольственной безопасности России как первоочередная задача российской экономики / С.В. Дохолян, М.Л. Вартанова // Продовольственная политика и безопасность. — 2016. — Т. 3. — № 4. — С. 217–225. DOI: 10.18334 / ppib.3.4.37570; EDN: WMLWCA
8. **Frongillo, E.A.** Food insecurity is associated with subjective wellbeing among individuals from 138 countries in the 2014 Gallup World Poll / E.A. Frongillo, H.T. Nguyen, M.D. Smith,

- A.Coleman-Jensen // The Journal of Nutrition. — 2017. — Vol. 147 — No. 4. — P. 680–687. DOI: 10.3945/jn.116.243642
9. **Гуляева, Т.И.** Потребление продуктов питания городских и сельских домохозяйств Российской Федерации как результат управления качеством жизни населения / Т.И. Гуляева, Е.В. Такмакова // IV Арригиевские чтения на тему «Путь России в будущий мировой порядок». Материалы международной научно-практической конференции (Орёл, 5–6 декабря 2022 г.) / под редакцией Н.В. Спасской, Е.В. Такмаковой. — Орёл : Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2023. — С. 8–14. EDN: QHDGTT
 10. **Вартанова, М.Л.** Продовольственная безопасность регионов России в условиях глобальной нестабильности: диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук / Вартанова Марина Львовна. — Москва, 2024. — 467 с. EDN: BXWZEG
 11. **Аганбегян, А.Г.** Заметки о продовольственной безопасности России / А.Г. Аганбегян // Мир агробизнеса. — 2010. — № 2. — С. 16–21. EDN: NDXXEX
 12. **Зенченко, С.В.** Совершенствование инструментария оценки асимметрии социально-экономического развития региона / С.В. Зенченко, М.М. Чуракова // НаукаПарк. — 2011. — № 2(3). — С. 95–100. EDN: RBXDRD
 13. **Вартанова, М.Л.** Сравнительный анализ дифференцированной социально-демографической политики регионов: международный опыт сквозь призму истории / М.Л. Вартанова // Развитие экономических систем: теория, методология, практика. Монография (научное издание). — Пенза, 2025. — С. 28–41. EDN: XWCLYC
 14. **Ускова, Т.В.** Продовольственная безопасность региона / Т.В. Ускова, Р.Ю. Селименков, А.Н. Анищенко, А.Н. Чекавинский. — Вологда : Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2014. — 102 с. EDN: SHIDKN
 15. **Рязанцев, С.В.** Влияние демографических и социально-экономических факторов на производственный потенциал и продовольственную самообеспеченность регионов Российской Федерации / С.В. Рязанцев, М.Л. Вартанова // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2025. — № 9(179). — С. 66–82. EDN: RFRWPQ

Сведения об авторах:

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корр. РАН, главный научный сотрудник, ИСД ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5306-8875; РИНЦ SPIN-код: 5112-6604.

Вартанова Марина Львовна, д.э.н., доцент, главный научный сотрудник, ИСД ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: 11marina11@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9853-5817; РИНЦ SPIN-код: 5056-8858.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-50-63

DEMOGRAPHIC ANALYSIS OF THE RELATIONSHIP BETWEEN ECONOMIC AVAILABILITY OF FOOD AND LIFE SATISFACTION IN RUSSIAN REGIONS

Sergey V. Ryazantsev, Marina L. Vartanova*

ISD FCTAS RAS

(6 cor.1 Fotievoy str., Moscow, Russia, 119333)

**E-mail: 11marina11@mail.ru*

For citation:

Ryazantsev S.V., Vartanova M.I. Demographic analysis of the interrelationship between the economic availability of food and life satisfaction in Russian regions. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 50-63 DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-50-63 (in Russ.)

Abstract. *The article presents a demographic analysis of the relationship between the economic availability of food and the level of satisfaction of the population with it in the subjects of the Russian Federation. Based on data from the Federal State Statistics Service and specially selected indicators of food accessibility and subjective well-being, regional differences and demographic determinants of the identified relationships for the period 2015–2023 are investigated. Regression analysis confirms a direct relationship between the cost of food products, taking into account their energy value, and the subjective well-being of the population, while the dynamics of the gross regional product turns out to be a key factor. The uniqueness of the work lies in the application of hierarchical clustering to typologize regions, which made it possible to identify four groups with pronounced socio-economic and demographic characteristics. Despite the achievement of national food security targets, significant heterogeneity in the level of satisfaction of the population remains in the regions due to differences in income, product quality and geographical conditions. On this basis, practical recommendations are formulated for using the competitive advantages of territories to ensure a balance between the physical and economic availability of high-quality food. The authors substantiate the need to form a comprehensive state strategy that combines measures for the sustainable development of regions, poverty reduction and ensuring economic and physical accessibility of food as a critical condition for food sustainability in the context of geopolitical instability.*

Keywords: *demographic determinants, quality of life, regions of Russia, social well-being, population satisfaction, economic availability.*

References and Internet sources

1. Ryazantsev S.V., Vartanova M.L. Trendy ustoychivogo razvitiya sel'skogo khozyaystva rossiyskikh regionov v kontekste obespecheniya natsional'noy i prodovol'stvennoy bezopasnosti strany [Dynamics and key directions of sustainable development of regional agriculture in the context of ensuring national and food security of the Russian Federation]. *Krest'yanovedeniye [Peasant Studies]*. 2025. Vol. 10. No. 1. P. 202–225. (in Russ.)
2. Porfiriev B.N. Otsenka rezul'tativnosti i effektivnosti mer po adaptatsii naseleniya i ekonomiki k izmeneniyam klimata: algoritm i protsedury raschotov [Assessing the effectiveness and efficiency of the population and economy's adaptation to climate change: algorithm and calculation procedures]. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]* 2024. Vol. 35. No. 4. P. 479–489. DOI: 10.47711/0868-6351-205-21-35 (in Russ.)
3. Danilov-Danilyan V.I., Kattsov V.M., Porfiriev B.N. Ekologiya i klimat: gde my seychas i gde budem cherez dva-tri desyatiletiya. Situatsiya v Rossii [Ecology and climate: where we are now and where we will be in two or three decades. Situation in Russia]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*. 2023. Vol. 93. No. 11. P. 1032–1046. DOI: 10.31857/S0869587323110038 (in Russ.)
4. Revenko L.S., Soldatenkova O.I., Revenko N.S. Global'naya prodovol'stvennaya problema: novyye vyzovy dlya mira i Rossii [Global food problem: new challenges for the world and Russia]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, Taxes and Law]*. 2022. Vol. 15. No. 4. P. 54–65. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-4-54-65 (in Russ.)
5. Ryazantsev S.V., Vartanova M.L. Praktika sovremennogo sostoyaniya pitaniya mezhhdunarodnykh migrantov v kontekste global'nykh vyzovov: teoreticheskiy obzor [The practice of the current state of nutrition of international migrants in the context of global challenges: theoretical overview]. *Problemy sotsial'noy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and the History of Medicine]*. 2025. Vol. 33. No. S1. P. 912–919. DOI: 10.32687/0869-866X-2025-33-s1-912-919 (in Russ.)

6. Ter-Grigoryants A.A., Shelukhina E.A. Upravleniye sotsial'no-ekonomicheskim razvitiyem regiona: sovremennyye metody i mekhanizmy [Management of Socio-Economic Development of the Region: Modern Methods and Mechanisms]. Stavropol. Severo-Kavkazskiy federal'nyy universitet [North Caucasus Federal University]. 2024. 204 p. (in Russ.)
7. Dokholyan S.V., Vartanova M.L. Obespecheniye prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossii kak pervoocherednaya zadacha rossiyskoy ekonomiki [Ensuring food security of Russia as a primary task of the Russian economy]. Prodovol'stvennaya politika i bezopasnost' [Food Policy and Security]. 2016. Vol. 3. No. 4. P. 217-225. DOI: 10.18334/ppib.3.4.37570 (in Russ.)
8. Frongillo E.A., Nguyen H.T., Smith M.D., Coleman-Jensen A. Food insecurity is associated with subjective well-being among individuals from 138 countries in the 2014 Gallup World Poll. *The Journal of Nutrition*. 2017. Vol. 147. No. 4. P. 680-687. DOI: 10.3945/jn.116.243642
9. Gulyaeva T.I., Takmakova E.V. Potrebleniye produktov pitaniya gorodskikh i sel'skikh domokhozyaystv Rossiyskoy Federatsii kak rezul'tat upravleniya kachestvom zhizni naseleniya [Food consumption in urban and rural households of the Russian Federation as a result of managing the quality of life of population]. 4 Arrigievskiy chteniye na temu «Put' Rossii v budushchiy mirovoy poriyadok». Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Orel, 05-06 dekabrya 2022 g.) [IV Arrigiev Readings: Russia's Path to the Future World Order. Proceedings of the international scientific and practical conference (Orel, 5-6 December 2022)]. Eds. N. V. Spasskaya, E. V. Takmakova. Orel. 2023. P. 8-14. (in Russ.)
10. Vartanova M.L. Prodovol'stvennaya bezopasnost' regionov Rossii v usloviyakh global'noy nestabil'nosti [Food Security of Russian Regions in the Context of Global Instability]. Doctoral diss. Moscow. 2024. 467 p. (in Russ.)
11. Aganbegyan A.G. Zametki o prodovol'stvennoy bezopasnosti Rossii [Notes on the food security in Russia]. Mir agrobiznesa [The Agribusiness World]. 2010. No. 2. P. 16-21. (in Russ.)
12. Zenchenko S.V., Churakova M.M. Sovershenstvovaniye instrumentariya otsenki asimmetrii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regiona [Improvement of tools for assessing the asymmetry of socio-economic development of the region]. NaukaPark [SciencePark]. 2011. No. 2(3). P. 95-100. (in Russ.)
13. Vartanova M.L. Sravnitel'nyy analiz differentsirovannoy sotsial'no-demograficheskoy politiki regionov: mezhdunarodnyy opyt skvoz' prizmu istorii [Comparative analysis of the differentiated socio-demographic policy of regions: international experience through the prism of history]. Razvitiye ekonomicheskikh sistem: teoriya, metodologiya, praktika [Development of Economic Systems: Theory, Methodology, Practice]. Penza. 2025. P. 28-42. (in Russ.)
14. Uskova T.V., Selimenkov R. Yu., Anishchenko A.N., Chekavinsky A.N. Prodovol'stvennaya bezopasnost' regiona [Food Security of the Region]. Vologda. Institut sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya territoriy RAN [Institute of Socio-Economic Development of Territories RAS]. 2014. 102 p. (in Russ.)
15. Ryazantsev S.V., Vartanova M.L. Vliyaniye demograficheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov na proizvodstvennyy potentsial i prodovol'stvennuyu samoobespechennost' regionov Rossiyskoy Federatsii [The influence of demographic and socio-economic factors on the production potential and food self-sufficiency of the regions of the Russian Federation]. Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Economic Transformation]. 2025. No. 9(179). P. 66-82. DOI: 10.26726/rppe2025v9tioda (in Russ.)

Information about the authors:

Ryazantsev Sergey Vasilyevich, RAS Corresponding Member, Chief Researcher, ISD FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5306-8875; Elibrary SPIN code: 5112-6604.

Vartanova Marina Lvovna, Doctor of Economics, Associate Professor, Chief Researcher, ISD FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: 11marina11@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9853-5817; Elibrary SPIN code: 5056-8858.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-64-79
EDN: OEQTUI

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНОВ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ НАЧАЛЬНОГО И СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ)

Синица А.Л.

МГУ имени М. В. Ломоносова
(119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1)

E-mail: sinita@econ.msu.ru

Финансирование:

Исследование выполнено в рамках государственного задания МГУ имени М. В. Ломоносова.

Для цитирования:

Синица А.Л. Образовательная миграция и миграционная привлекательность регионов России (на примере начального и среднего профессионального образования) // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 2. — С. 64-79. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-64-79; EDN: OEQTUI

Аннотация. *Пространственное неравенство остаётся одной из ключевых проблем российского общества. В статье данная проблема рассматривается через призму образовательной миграции выпускников девятых классов, поступающих в систему начального и среднего профессионального образования. Показано, что для адекватного понимания миграций необходимо учитывать как физическое, так и социальное пространство. В качестве методологической основы используется подход П. Бурдье, в рамках которого социальное неравенство интерпретируется как борьба за символический капитал, определяющий положение индивида в обществе. Такая борьба реализуется в форме пространственной мобильности, сочетающей перемещение в физическом и социальном измерениях. В исследовании концепция символического капитала дополнена концепцией миграционной привлекательности, что позволило сопоставить входящие и исходящие потоки и оценить влияние образовательной миграции на динамику численности населения. Эмпирическую базу составили данные мониторинга качества подготовки кадров, на основе которых были выделены кластеры регионов по числу образовательных мигрантов, а также по значениям коэффициентов результативности и эффективности миграции. Установлено, что миграционные потоки направлены из регионов с низкой концентрацией символического капитала — преимущественно территорий Севера, Дальнего Востока и Северного Кавказа — в регионы с более высокой его плотностью, главным образом в регионы Центра и Приволжья с относительно развитой экономикой. В наименее привлекательных регионах отток молодёжи в 7 и более раз превышает приток, тогда как ощутимые преимущества от образовательной миграции получает не более пятой части регионов страны.*

Ключевые слова: образовательная миграция, символический капитал, миграционная привлекательность, начальное и среднее профессиональное образование, регионы России.

Введение

Человек обладает биологической и социальной природой¹, что определяет двойственный характер всех процессов с его участием. Однако в отличие от большинства из них (покупка товара, обучение, вступление в брак, лечение, получение услуги в МФЦ, добыча полезных ископаемых и их обработка и прочих) миграция имеет важную особенность. Она предполагает одновременно и физическое, и социальное движение человека. Поэтому её причины и последствия следует анализировать через призму взаимодействия природы человека и пространства. В качестве иллюстрации можно обратиться к образовательной миграции. Хотя данное явление затрагивает сравнительно небольшую долю населения, его значение для перераспределительных процессов и эволюции социумов велико [1–3]. Оно трансформирует как количественные, так и качественные характеристики принимающего и отдающего населения [1; 2], способствует появлению ранее несвойственных для некоторой местности социальных норм и практик [3; 4], выступает источником экономического роста и важным фактором территориального развития [1–2]. Кроме того, образовательная миграция может рассматриваться как индикатор качества и уровня жизни в пространстве старта и окончания миграционного маршрута [1; 2]. Влияние данного процесса охватывает практически все сферы жизни как в рамках международной, так и внутренней миграции.

Несмотря на значительный объём исследований, посвящённых миграции, ряд аспектов остаётся недостаточно изученным. В настоящей статье рассматриваются два из них: уточнение теоретических основ миграции и оценка миграционной привлекательности российских регионов при поступлении в образовательные организации начального и среднего профессионального образования (далее — НиСПО). В условиях текущих социальных транс-

формаций оба направления анализа приобретают особую актуальность.

Концептуальные основы миграции

В каком пространстве и по каким законам перемещается человек? Любое пространство представляет собой, прежде всего, систему координат, позволяющую упорядочивать и классифицировать наблюдаемые явления. Соответственно, определить положение объекта в нём означает определить его положение относительно реперных точек, которые задаёт исследователь в соответствии со своими целями и задачами. Очевидно, что для понимания общественных явлений одного лишь географического пространства (пространства физических объектов) недостаточно. Его необходимо дополнять пространством социальных связей между людьми и явлениями, которое порождают сами люди. Физическое и социальное пространства взаимосвязаны и совместно участвуют в конструировании социальных отношений, поэтому значимы оба.

Иерархичность, многомерность и наличие потенциально измеряемого расстояния между объектами являются их основными общими чертами. Как и физическое пространство, социальное иерархически упорядочено: если в первом случае можно говорить, например, об отношениях «центр-периферия», более или менее благоприятном климате и плотности населения, то во втором — о социальных позициях акторов и порождаемых их статусами отношениях. Оба пространства являются многомерными, но социальное пространство имеет более высокую размерность, поскольку требует учёта более широкого набора значимых параметров.

С появлением пространства появляется и понятие расстояния между объектами. Меры расстояния (часы² и метры) в физическом пространстве всем известны, поэтому нет смысла говорить о них. Социальное пространство в этом отношении более ин-

¹ Можно говорить и о духовной природе, но темы статьи этот аспект не касается.

² В речи постоянно встречаются конструкции «я дойду за час, а тебе понадобится не менее полутора» и подобные.

интересно. В нём расстояние (социальная дистанция) определяется через сходство или расхождение в положении людей и измеряется на основе упорядоченной структуры их социальных позиций [5], а раз есть позиции, то социальные изменения можно описывать в терминах движения [6] в вертикальной и горизонтальной плоскостях. При этом географическая близость или удалённость объектов не имеет существенного значения [7]. Измерение социального расстояния (совокупности связей между индивидом или группой индивидов и прочими объектами в социальном пространстве) позволяет дифференцировать общество на классы, поскольку социальное расслоение — фундаментальное свойство социального пространства [7]. Данное расслоение реализуется в неравномерном распределении власти над совокупностью полей, составляющих социальное пространство, что означает неравенство во владении различными видами капитала: экономическим (материальные ресурсы и собственность), культурным (знания, престиж, профессия, ценности), социальным (происхождение и сеть связей) и символическим, который представляет собой конечное воплощение трёх предыдущих форм капитала и при необходимости может конвертироваться в каждый из них [8].

Образовательная миграция как следствие неравенства в обладании символическим капиталом

Социальная позиция индивида или группы определяется объёмом и структурой принадлежащего им символического капитала, поэтому для получения доступа к подпространству более высокого статуса необходимо увеличение его количества, качества или изменение его структуры путём борьбы на индивидуальном и коллективном уровнях. На индивидуальном уровне такая борьба принимает форму пространственной мобильности [8]. В этой связи традиционное определение миграции как перемещения людей через границы административно-территориальных

единиц, в том числе со сменой постоянного места жительства на некоторый период времени³ оказывается недостаточным, поскольку фиксирует лишь физический аспект процесса, игнорируя его социальное содержание. Более адекватным представляется подход, трактующий миграцию как процесс пространственного перераспределения агентов или их групп, за счёт этого стремящихся к увеличению объёма принадлежащего им символического капитала или изменению его структуры [9, с. 389–390], что позволяет учитывать её двойственную — физическую и социальную — природу.

На новое место жительства переезжают зачастую не наименее обеспеченные группы населения, которым объективно нечего терять, а те, кто не просто стремится улучшить своё социальное положение, но и обладает необходимыми для этого ресурсами. Такие индивиды пытаются избавиться от капитала, который, по их мнению, имеет низкое качество: проживания в непрестижных населённых пунктах со слабой инфраструктурой, низким уровнем безопасности и высокой безработицей, низкого уровня образования, а также включённости в социальные сети низкого статуса. В этих условиях пространственная мобильность становится для них способом повышения уровня и качества жизни, поскольку имеющийся символический капитал не позволяет получить им доступ к дефицитным ресурсам на текущей территории. Иначе говоря, они не могут двигаться вверх в пространстве социального без перемещения в пространстве физическом. Для тех же, кто остаётся, перечисленные характеристики могут не восприниматься как недостатки либо вследствие глубокой укоренённости в локальных сетях, либо благодаря наличию достаточного объёма символического капитала, обеспечивающего доступ к ресурсам и закрепляющего их положение в верхних слоях местного общества.

Образовательная миграция во многом обусловлена дефицитом культурного и социального компонентов символическо-

³ Миграция населения // Демографическая энциклопедия. — Москва : Издательство «Энциклопедия», 2013. — С. 463–468.

го капитала: низким качеством образования, ограниченным числом мест в образовательных организациях, трудностями поступления при недостатке социального капитала, а также несоответствием структуры подготовки кадров потребностям экономики. Показательными примерами выступают республики Северного Кавказа и Республика Тыва — аграрно-ориентированные регионы с молодой возрастной структурой населения и относительно слабым уровнем развитием системы образования. В первом случае несмотря на чётко выраженную экономическую специализацию регионов по числу поступивших в организации НиСПО лидируют такие специальности как сестринское дело, фармация, клиническая медицина, юриспруденция, информатика и вычислительная техника, экономика и управление, тогда как сельское хозяйство и лесное дело преимущественно занимают места во втором десятке. То же самое верно и для прикладной геологии, горного дела и геодезии, которые могли бы играть более значимую роль в экономике республик Кавказа, особенно если учитывать их природный ландшафт, но по числу поступающих уступают даже сельскому хозяйству. Вероятно, в соответствии с подходом Т.Веблена [10], здесь можно говорить о противостоянии героической и престижной деятельности в медицине, управлении и сфере информации с тяжёлым монотонным трудом в сельском хозяйстве, имеющим низкий статус. Нехватка мест в системе НиСПО в целом, накладывающаяся на нехватку мест по престижным специальностям, ведёт к тому, что для получения НиСПО республики Северного Кавказа ежегодно покидает 10–20% выпускников девятых классов.

Вместе с тем, наряду с масштабной выездной образовательной миграцией, в этих регионах существует и противоположная стратегия поведения. Наличие сравнительно высокооплачиваемых рабочих мест в сельском хозяйстве и некоторых других отраслях побуждает часть молодёжи сознательно ограничиваться девятью классами образования. В этом случае приоритет отдаётся социальному и экономическо-

му компонентам символического капитала, которые воспринимаются как более значимые для практической жизни по сравнению с культурным. [11, с. 149, 151]. В регионах Северного Кавказа наблюдается дефицит мест в организациях НиСПО, что выступает одной из причин их низкой привлекательности для входящих образовательных мигрантов. Однако для Республики Тыва проблема нехватки мест ещё более значима [12]. Здесь дисбаланс структуры подготовки кадров играет меньшую роль, поскольку сельскохозяйственные направления остаются востребованными, но общий дефицит мест в организациях НиСПО настолько сильный, что по данным мониторинга подготовки кадров за последние 2 года в них не поступил ни один абитуриент из-за пределов республики. В итоге это единственный регион страны, в котором образовательная миграция для получения НиСПО носит строго односторонний (выездной) характер.

В приведённых примерах отток молодёжи обусловлен ограниченными возможностями накопления культурного капитала и недостаточным уровнем социального капитала, прежде всего в части доступа к эффективным социальным связям. При этом именно социальный капитал играет особую роль: в условиях дефицита мест в образовательных организациях и распространённости неформальных практик социальные связи не гарантируют ни поступления на желаемую специальность, ни даже зачисления в принципе. В такой ситуации продвижение в социальном пространстве становится возможным лишь при одновременном перемещении в физическом пространстве за пределы региона проживания. Именно поэтому образовательные мигранты нередко стремятся отказаться от локального социального капитала, обладающего ограниченной применимостью. Действительно, большинство форм экономического капитала ликвидны и могут быть использованы или обменяны почти в любом месте проживания, пусть и с определёнными потерями. Культурный капитал, напротив, в значительной степени неотчуждаем и неотделим от носителя. В то же время

социальный капитал во многом носит локальный характер и после переезда, особенно на значительные расстояния, зачастую утрачивает свою ценность. Вот почему представляется обоснованным разделение символического капитала на абсолютный (номинальный) и относительный (реальный), на исходный и приобретённый [9].

Тем не менее отдельные формы социального капитала сохраняют высокую значимость для образовательных мигрантов, большинство из которых являются молодыми людьми и для которых переезд становится первым шагом к самостоятельной жизни. Прежде всего речь идёт о социальном капитале, формируемом в социальном пространстве семьи. Молодёжь по своей природе отличается высокой мобильностью, а образовательная миграция выступает важным фактором взросления и приобретения навыков самостоятельного проживания. Отрыв от семьи для человека, по современным меркам — ребёнка, непростое испытание, но научно-технический прогресс позволяет смягчить пространственное разъединение.

Современность называется специалистами эпохой миграции. Крупные перемещения людей в физическом пространстве случались и ранее, но отличие современного этапа заключается в беспрецедентном развитии Интернета и последовавшей цифровой революции [13], которая упростила связь между удалёнными населёнными пунктами. Подобная «деформация» физического пространства привела к расширению границ поселений в пространстве социальном [6]. Благодаря ИКТ находящиеся в разных географических точках члены семьи сохраняют социальные отношения и взаимные связи, что позволяет поддерживать целостность социального взаимодействия. В то же время средства связи не способны полностью преодолеть физическую разобщённость. На практике сохранение близости нередко обеспечивается последующим переездом всей семьи к месту обучения ребёнка [14; 15], что, однако, сопровождается утратой части социального капитала уже на уровне семьи в целом. Та-

кая стратегия характерна прежде всего для поступающих в вузы и мигрирующих из малых и средних городов в крупные центры.

В системе НиСПО ситуация иная: значительная доля обучающихся происходит из сельской местности, при этом профессиональные компетенции их родителей не всегда востребованы в городах, что ограничивает семейную мобильность. Впрочем, как будет показано ниже, большинство студентов обучается в пределах родного или соседних регионов и сохраняют возможность регулярных физических встреч с семьёй.

Миграционная привлекательность регионов России для получения НиСПО

Для анализа миграционной привлекательности целесообразно обратиться к идеям Г. Зиммеля⁴, впоследствии развитым Р. Парком, о символическом доминировании крупных городов над другими территориями [6]. Если социальные границы города выходят за пределы его географических границ, то аналогичное рассуждение применимо и к регионам, особенно в российских условиях выраженной территориальной неоднородности. В этом контексте физическое расстояние можно интерпретировать в терминах социальной дистанции, например, как стремление индивидов из регионов с менее развитой системой НиСПО повысить свой социальный статус через перемещение в более благоприятные с этой точки зрения регионы.

В научной литературе представлены разные подходы к миграционной привлекательности, однако в обобщённом виде можно выделить три её типа: выявленную, воспринимаемую и реальную [16]. Выявленная привлекательность определяется на основе фактических входящих и исходящих миграционных потоков. Воспринимаемая привлекательность отражает субъективные оценки территории её населением и потенциальными мигрантами. Реальная привлекательность, в свою очередь, рассчи-

⁴ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. — 2002. — № 3. — С. 1–12.

тывается на основе широкой совокупности социально-экономических показателей, выбор которых зависит от исследовательских задач. Выявленная привлекательность позволяет оценить степень реализации миграционных намерений в конкретных социально-экономических условиях, что делает данный подход наиболее релевантным для целей настоящего исследования.

Оценка миграционной привлекательности российских регионов для абитуриентов организаций НиСПО осуществлялась на основе данных мониторинга качества подготовки кадров, проводимого Федеральным институтом цифровой трансформации в сфере образования⁵. В анализ были включены данные за 2023–2024 гг. (соответствующие приёму 2022–2023 гг.), поскольку для более ранних периодов необходимая информация в открытом доступе отсутствует. Начиная с 2023 г., для каждого региона мониторинг содержит сведения о численности выпускников 9-х классов, поступивших в текущем году в организации НиСПО, с детализацией по направлениям миграции: поступление в родном регионе, выезд в другие регионы и приток извне. Такая структура данных позволяет оценивать привлекательность региональных систем НиСПО как для внутренних, так и для межрегиональных мигрантов. Следовательно, под мигрантами в статье понимаются в первую очередь межрегиональные мигранты, то есть выпускники 9-х классов, поступающие в организации НиСПО в регионе, отличном от региона получения основного общего образования. Но необходимо помнить, что основная часть выпускников 9-х классов остаётся в родном регионе и переезжает из небольших населённых пунктов в локальные или региональные центры.

В качестве показателей миграционной привлекательности в работе выбраны коэффициенты результативности (КРМ) и эффективности (КЭМ) миграции. Несмотря на то, что данные показатели обладают значительным аналитическим потенциалом, к сожалению, они нечасто встречаются в от-

ечественных исследованиях. Первый показатель — частное от деления числа выбывающих на число прибывающих, умноженное на 1000, хотя в качестве коэффициента также могут выступать 1 и 100. Если значение больше 1000, то регион в ходе миграционного обмена теряет население, а если меньше 1000, то приобретает. Обмен считается результативным, если значение коэффициента меньше 500, то есть на одного выбывшего приходится два прибывших. Второй показатель представляет собой отношение миграционного прироста к миграционному обороту, умноженное на 100. Низкие значения коэффициента означают сбалансированность миграционных потоков и противопотоков, а высокие — высокую эффективность миграции как механизма территориального перераспределения населения. Важным моментом является то, что коэффициент saldo миграции вычисляется с использованием в знаменателе численности населения, поэтому на него влияет предшествующая история демографического развития. КЭМ представляет собой функцию только движения населения за определённый промежуток времени, поэтому он более чувствителен к временным сдвигам и пространственным изменениям схем миграционных потоков.

$$КРМ = \frac{E}{I} \times 1000, \quad (1)$$

$$КЭМ = \frac{I - E}{I + E} \times 100, \quad (2)$$

где E — число выпускников 9-х классов из данного региона, поступивших в организации НиСПО в других регионах, I — число выпускников 9-х классов из других регионов, поступивших в организации НиСПО в данном регионе.

За последнее десятилетие число поступающих в организации НиСПО существенно возросло, что сопровождалось увеличением масштабов образовательной миграции. Так, в 2023 г. 93,2 тыс. человек поступили в учреждения, расположенные вне региона получения основного общего образования (в 2022 г. — 89,6 тыс.). Одновременно число регионов, привлекающих более 1 тыс. образо-

⁵ URL: <https://monitoring.miccedu.ru/?m=spo> (дата обращения: 10.07.2025).

вательных мигрантов, возросло с 19 до 20 — два региона вошли в данную группу, один её покинул (рис. 1). Все они представляют собой индустриально развитые территории с численностью населения свыше 1 млн человек; при этом в 14 из них расположены города-миллионники, что повышает их привлекательность с точки зрения накопления символического капитала. Данные регионы аккумулировали 72–74% всех образовательных мигрантов: на Москву приходилось 21–23%, на Санкт-Петербург — 12–13%, оставшиеся 38–39% распределяются между другими регионами. Регионы, привлекающие образовательных мигрантов, в целом равномерно распределены по территории страны. Исключение составляют территории с менее развитой системой НиСПО — регионы Северного Кавказа и Крайнего Севера. В первом случае заметно выделяется Ставропольский край как центр притяжения для абитуриентов из республик Северного Кавказа и даже Краснодарского края. Во втором случае сложно выделить один регион, относящийся к району Крайнего Севера, с большим числом входящих образовательных мигрантов.

В 16–17 регионах (в зависимости от года) число прибывающих образовательных мигрантов не превышало 150 человек, а в 10–11 из них — даже 100, что позволяет отнести их к наименее привлекательным по абсолютным цифрам. Часть этих территорий — удалённые и малонаселённые регионы со сложными природно-климатическими условиями и низким уровнем жизни (Магаданская область, Камчатский край, Республика Ингушетия, Чукотский АО и прочие), где ограниченный приток учащихся объясняется объективными факторами. Однако почти половину данной группы составляют относительно крупные по численности населения регионы (Архангельская, Мурманская области, республики Коми, Чеченская, Саха (Якутия)), играющие заметную роль в экономике страны, но остающиеся непривлекательными для образовательных мигрантов. Это может быть связано со слабым развитием системы НиСПО, географической или социальной периферийностью, а также невысоким уровнем и качеством жизни.

В терминах социального пространства такие регионы можно охарактеризовать как территории с низкой концентрацией символического капитала, обучение в которых не обеспечивает достижение желаемого социального статуса. Показательно, что в Псковской области (575 тыс. жителей) в организации НиСПО поступает около 300 мигрантов из других регионов, что в два раза больше, чем в Архангельской области (990 тыс. жителей); в 2,45 раза больше, чем в Чеченской Республике (1510 тыс. жителей); в 4,65 раз больше по сравнению с Забайкальским краем (985 тыс. жителей); в 5,6 раз больше по сравнению с Республикой Ингушетия (535 тыс. жителей).

Регионы с низкой плотностью символического капитала можно выявить и через анализ их миграционных связей. Данные для такой оценки в мониторинге доступны только за два года, поэтому для уменьшения годовых колебаний использованы усреднённые значения за 2022–2023 годы. Их достаточно, чтобы уловить тенденции, но для получения более надёжных результатов лучше иметь данные не менее чем за пять лет. Подавляющее большинство выпускников девятых классов поступают в организации НиСПО в родном регионе, максимум перемещаясь из сельской местности и малых городов в столицу региона и другие крупные города с более широкими возможностями для получения профессионального образования. Вторым по значимости направлением является миграция в соседние регионы. При таком выборе важную роль играет не только географическая близость, позволяющая сократить транспортные издержки и чаще поддерживать контакты с семьёй, но и социальная близость, формирующаяся за счёт устойчивых межрегиональных связей и общности культурно-исторического развития, что снижает потери социального капитала обучающихся. Если ни собственный, ни соседние регионы не удовлетворяют образовательные запросы абитуриентов и их семей, миграционные потоки направляются в более удалённые территории. В этой связи при оценке миграционной привлекательности важ-

Рис. 1. Кластеризация регионов РФ по числу образовательных мигрантов, поступающих в организации НисПО

Fig. 1. Clustering of Russian regions by the number of educational migrants enrolling in primary and secondary vocational education institutions

Источник: составлено автором на основе мониторинга качества подготовки кадров.

но учитывать не только размеры потоков, но и количество межрегиональных связей по прибытиям и выбытиям. Проведённый анализ позволяет выделить три типа регионов: с преобладанием связей по прибытиям (привлекательные), с доминированием связей по выбытиям (непривлекательные) и с сопоставимыми значениями обоих показателей (нейтральные).

Если анализировать регионы по разнице между числом направлений прибытия и выбытия абитуриентов для получения НисПО, то наибольшие отри-

цательные значения характерны для регионов Крайнего Севера, за которыми следуют республики Северного Кавказа. К группе с высокой отрицательной разницей также относится большинство регионов Сибири и Дальнего Востока. Для этих территорий типична специализация на сельском хозяйстве или добыче полезных ископаемых. В результате регионы со слабой экономической базой, а также регионы, ориентированные на привлечение внешних трудовых ресурсов, как правило, обладают менее

развитой системой НиСПО, что стимулирует отток выпускников 9-х классов за пределы региона.

Противоположную ситуацию демонстрируют регионы-лидеры с наибольшим положительным балансом межрегиональных связей. К ним относятся староосвоенные регионы Центрального и Приволжского ФО. В первую очередь это регионы с городами-миллионниками, однако в целом более высокие значения характерны для регионов с развитым реальным сектором экономики, испытывающих потребность в дополнительной рабочей силе. Вместе с тем межрегиональные связи нередко отличаются

слабым характером (миграционные потоки менее пяти человек). В таких условиях для более корректной оценки миграционной привлекательности целесообразно использовать показатели результативности и эффективности миграции.

При анализе коэффициента результативности миграции с использованием кластеризации (рис. 2) из выборки были исключены выбросы — Забайкальский край и Ненецкий АО, а для 2022 г. дополнительно республики Ингушетия, Чеченская, Саха (Якутия) и Чукотский АО. Республика Тыва также не представлена, так как в оба года в ней отсутствовал входящий миграционный поток.

Рис. 2. Кластеризация регионов РФ на основе коэффициента результативности миграции

Fig. 2. Clustering of Russian regions based on the migration succession ratio

Источник: составлено автором на основе мониторинга качества подготовки кадров.

Наиболее низкая результативность миграции характерна для регионов Крайнего Севера и Северного Кавказа, то есть для регионов с малым числом миграционных связей. Они отличаются значительным оттоком молодёжи для получения НиСПО: 6–8 и более выбывших на 1 прибывшего. Так, в Дальневосточном ФО лишь Хабаровский край выступает центром притяжения, однако даже там коэффициент результативности немного превышает 500, что формально не позволяет говорить о высокой результативности миграции. Города федерального значения обладают высокой привлекательностью для получения образования, поэтому их соседние базовые регионы (в первую очередь Ленинградская область) испытывают значительный миграционный отток и образуют отдельную группу территорий с низкой результативностью миграции.

Напротив, регионы с высокой результативностью миграции (значения коэффициента 500 и менее) — преимущественно регионы с более развитой промышленностью, многочисленным населением (хотя этот фактор не является определяющим) и высоким уровнем жизни. С географической точки зрения группа лидеров распределена по территории страны более равномерно, но следует учитывать, что мигранты в Азиатской части страны, особенно на Дальнем Востоке, в значительной степени ориентированы на переезд в Европейскую часть. Наиболее их привлекают Москва, Санкт-Петербург и Краснодарский край, где более высокое качество образования и устойчивый спрос на рабочую силу позволяют удовлетворять высокие требования к доступности и качеству социального капитала. В то же время для ряда территорий существенную роль играет фактор географической близости. Так, Ставропольский край, уступая Краснодарскому краю по ряду параметров, выполняет функцию центра притяжения для Северо-Кавказского ФО и, в отличие от своего соседа не просто имеет положительный миграционный баланс, а входит в первую десятку регионов по результативности миграции.

Миграция в целях получения НиСПО выступает важным инструментом перераспределения населения по территории страны (рис. 3). Более чем треть регионов имеет значения коэффициента эффективности миграции –30 и ниже, что означает сокращение численности населения на 30 и более человек на каждые 100 участников образовательной миграции. Наиболее выраженные отрицательные значения (–70 и ниже) характерны для регионов Севера и Северного Кавказа. Существенные потери выпускников девятых классов фиксируются и в регионах Дальнего Востока. Столь высокая отрицательная эффективность свидетельствует о низкой привлекательности этих территорий для получения НиСПО, что обусловлено несоответствием региональных образовательных систем потребностям населения и экономики, а также низкой концентрацией символического капитала. В результате происходит отток возрастной группы, обладающей наибольшим потенциалом для развития региона.

Группа регионов с положительной эффективностью миграции составляет немногим более четверти от их общего числа. Перечень территорий с высокими значениями показателя (от +35 и выше) во многом совпадает с группой регионов, демонстрирующих высокую результативность миграции. Наиболее заметно выделяются Москва и Санкт-Петербург, значительно опережающие следующую за ними Воронежскую область. Крупные регионы с развитой системой НиСПО и широким спектром образовательных программ создают более благоприятные условия для накопления культурного, а затем и экономического капитала, что делает их привлекательными для молодёжи. В результате образовательная миграция усиливает их конкурентные преимущества и способствует дальнейшему развитию. Одновременно прочие регионы закрепляются в роли доноров образовательных мигрантов, что будет способствовать неравномерной концентрации символического капитала и дальнейшему усилению территориального неравенства.

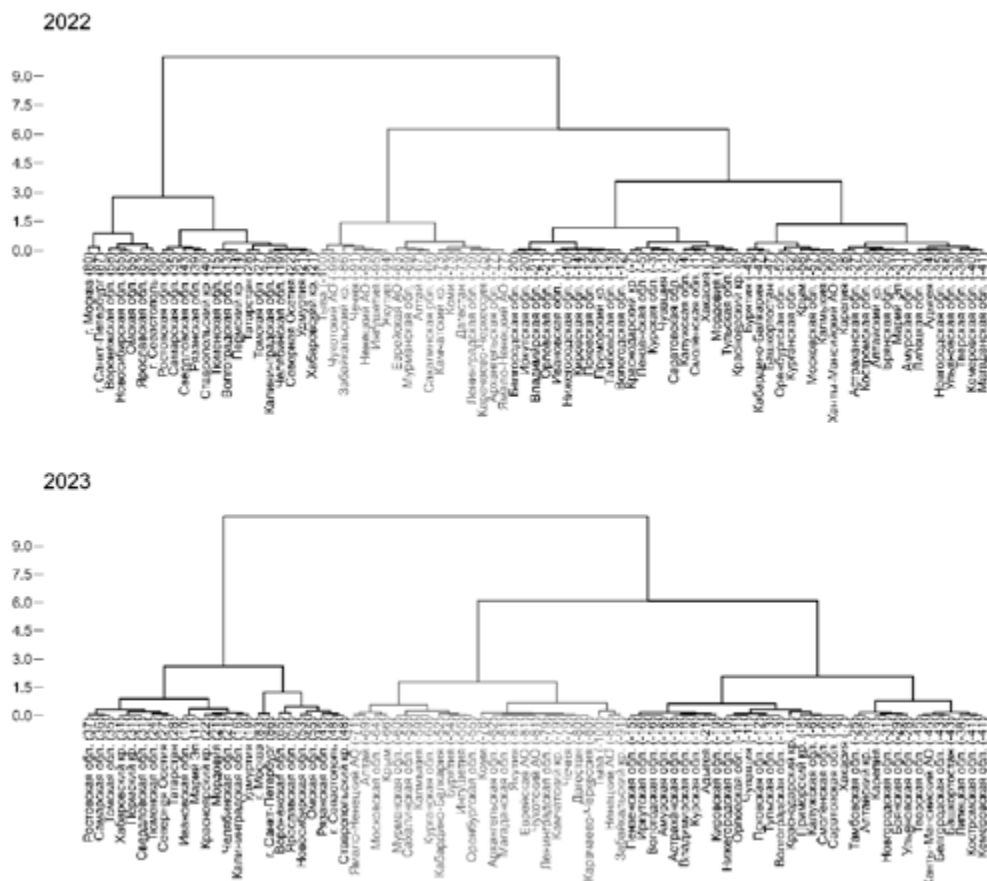

Рис. 3. Кластеризация регионов РФ на основе коэффициента эффективности миграции

Fig. 2. Clustering of Russian regions based on the migration effectiveness ratio

Источник: составлено автором на основе мониторинга качества подготовки кадров.

Заключение

Основной целью исследования является анализ миграции выпускников девятых классов для получения НиСПО. Для её достижения использованы два концептуальных подхода: на теоретическом уровне — концепция символического капитала, на эмпирическом — концепция миграционной привлекательности. В условиях увеличения численности обучающихся в системе НиСПО исследование образовательной миграции для его получения приобретает особую актуальность, тем более что

данный аспект в отечественной литературе освещён недостаточно полно. В работе предложен ранее не использовавшийся подход к изучению такой миграции, основанный на интеграции анализа социально-го и географического пространств.

Показано, что концепция символического капитала обладает значительным аналитическим потенциалом при исследовании миграционных процессов. Интерпретация миграции как одновременного перемещения в физическом и социальном пространствах позволяет более полно раскрыть её механизмы. При та-

ком подходе миграция рассматривается не просто как смена места проживания, а как форма индивидуальной стратегии, направленной на увеличение объёма и повышение качества символического капитала, вплоть до отказа от его менее ценных компонентов.

Миграционные потоки направлены от территорий с низкой концентрацией символического капитала к территориям с его более высокой плотностью, что приводит к трансформации как физического, так и социального пространства, формируя пространственную структуру страны в соответствии с особенностями его распределения. Для эмпирической проверки данного тезиса использована концепция миграционной привлекательности, позволяющая отразить размещение символического капитала на географической карте. Результаты показывают, что для большинства регионов характерен отрицательный миграционный баланс, что свидетельствует об их низкой привлекательности для получения НиСПО. Наименее привлекательными оказались регионы Крайнего Севера и Северного Кавказа. Положительный эффект от миграционного обмена наблюдается примерно у трети регионов, однако устойчиво привлекательными можно считать лишь 12–17 из них, преимущественно расположенных в Европейской части и обладающих более развитой экономикой и высоким уровнем жизни. Показано, что в случае образовательной миграции с целью получения НиСПО социальная периферия в значительной степени совпадает с географической, а сами миграционные потоки во многом соответствуют модели «западного дрейфа».

Вторая цель исследования, также имеющая прикладное значение, заключалась в анализе различных подходов к оценке миграционной привлекательности регионов России для получения НиСПО. В рамках работы были рассмотрены три показателя: численность поступивших в организации НиСПО из других регионов, а также коэффициенты результативности и эффективности миграции. Сделан вывод

о том, что использование одного показателя не позволяет получить объективную картину. Приоритет, вероятно, стоит отдавать коэффициенту результативности, который имеет чёткий критерий для отнесения миграции к результативной. Коэффициент эффективности миграции дополняет его, позволяя оценить влияние миграции на динамику численности населения. В то же время в ряде случаев значимые выводы могут быть получены уже на основе анализа абсолютных значений входящих и исходящих потоков и структуры межрегиональных связей — например, когда отдельные регионы с крупным населением демонстрируют неожиданно низкую притягательность для образовательных мигрантов.

В работе также подтверждаются известные положения: выраженная территориальная неоднородность системы образования, в том числе НиСПО, и её сравнительно слабое развитие в периферийных регионах России. Эти факторы способствуют оттоку молодёжи из большинства регионов страны и усиливают их зависимость от привлечения внешней рабочей силы. В исследовании данные явления не только зафиксированы, но и получили количественную оценку.

Полное устранение неравенства в доступности НиСПО недостижимо по объективным причинам, тем не менее повышение качества системы НиСПО должно рассматриваться как одно из ключевых направлений политики органов власти любого региона России. В условиях низкой рождаемости и дефицита трудовых ресурсов развитие системы образования (включая систему НиСПО), будет способствовать повышению миграционной привлекательности и обеспечению экономики квалифицированной рабочей силой. Несмотря на необходимость значительных вложений, такие инвестиции оправданы, поскольку направлены на сохранение и развитие человеческого капитала региона.

Литература и Интернет-источники

1. **Бесчасная, А.А.** Перспективы развития российских городов в контексте образовательной миграции молодёжи / А. А. Бесчасная, Н. Н. Покровская // Регионология. — 2018. — Т. 26. — № 4. — С. 742–763. DOI: 10.15507 / 2413-1407.105.026.201804.742-763; EDN: YQJHCX
2. **Синица, А.Л.** К проблеме оценки и повышения эффекта обучения иностранных граждан в российских вузах для экономического развития России и её арктических регионов / А. Л. Синица // Российский экономический журнал. — 2020. — № 3. — С. 101–113. DOI: 10.33983 / 0130-9757-2020-3-101-113; EDN: IWANOX
3. **Трегубова, Н.Д.** Образовательная миграция и этносоциальные конфликты в вузах России, Украины и США / Н. Д. Трегубова, В. С. Стариков // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2017. — № 1. — С. 121–139. DOI: 10.14515 / monitoring .2017.1.08; EDN: YORVTT
4. **Погодаев, Н.П.** Осиеви, хамчун руси навин: образовательная миграция из Таджикистана в Россию как ресурс формирования трансграничного общества / Н. П. Погодаев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2018. — № 44. — С. 183–198. DOI: 10.17223 / 1998863X / 44 / 18; EDN: HFPTIE
5. **Бурдые, П.** Начала / П. Бурдые. — Москва : Socio-Logos, 1994. — 288 с. EDN: DHUWGG
6. **Парк, Р.** Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок / Р. Парк, В. Николаев // Социологическое обозрение. — 2006. — Т. 5. — № 1. — С. 11–18. EDN: JWURMJ
7. **Сорокин, П.** Человек. Цивилизация. Общество. / П. Сорокин. — Москва : Политиздат, 1992. — 548 с. EDN: DLKMYG
8. **Бурдые, П.** Социология социального пространства / П. Бурдые. — Москва : Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетей, 2007. — 288 с. EDN: QOECDF
9. **Лапшина, Н.И.** Миграция и маргинальность в контексте социологии социального пространства / Н. И. Лапшина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. — 2010. — № 1. — С. 388–394. EDN: MVUBYL
10. **Веблен, Т.** Теория праздного класса / Т. Веблен. — Москва, 2011. — 368 с. EDN: QOMOIZ
11. **Имангулов, Л.Р.** Миграция молодёжи в горном Левашинском районе Дагестана / Л. Р. Имангулов, Д. А. Корюхин // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2024. — Т. 79. — № 2. — С. 146–153. DOI: 10.55959 / MSU0579-9414.5.79.2.12; EDN: HEVDTD
12. **Ростовская, Т.К.** Вызовы образовательной миграции молодежи Тувы: демографический аспект / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева // Новые исследования Тувы. — 2023. — № 3. — С. 207–219. DOI: 10.25178 / nit.2023.3.13; EDN: OCKNNK
13. **Castells, M.** Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age / M. Castells. — Cambridge : Polity Press, 2015. — 328 p.
14. **Карачурина, Л.Б.** Миграционные намерения выпускников школ малых и средних городов России / Л. Б. Карачурина, Ю. Ф. Флоринская // Вестник Московского университета. Серия 5: География. — 2019. — № 6. — С. 82–89. EDN: XZQZSR
15. **Мкртчян, Н.В.** Миграция молодежи из малых городов России / Н. В. Мкртчян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2017. — № 1. — С. 225–242. DOI: 10.14515 / monitoring.2017.1.15; EDN: YORVWV
16. **Musolino, D.** New Territorial Attractiveness Index at the International Scale: Design, Application and Patterns in Italy / D. Musolino, K. A. Balazs // The Annals of Regional Science. — 2024. — Vol. 72. — No. 4. — P. 1159–1187. DOI: 10.1007 / s00168-023-01239-w

Сведения об авторе:

Синица Арсений Леонидович, к.э.н, научный сотрудник, МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: sinita@econ.msu.ru; ORCID: 0000-0001-8026-0619; РИНЦ SPIN-код: 9011-5519.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-64-79

EDUCATIONAL MIGRATION AND MIGRATION ATTRACTIVENESS OF THE REGIONS OF RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF PRIMARY AND SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION)

Arseny L. Sinita*Lomonosov Moscow State University
(1 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991)**E-mail: sinita@econ.msu.ru***Funding:**

The study was conducted under the state assignment to Lomonosov Moscow State University.

For citation:

Sinita A.L. Educational migration and migration attractiveness of the regions of Russia (on the example of primary and secondary vocational education). *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 64-79 DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-64-79 (in Russ.)

Abstract. *Spatial inequality is one of the main challenges facing Russian society. That's why an analysis of its causes is an important part of providing information to support the implemented state policies. This article examines inequality through the lens of educational migration among ninth-grade graduates entering the system of primary and secondary vocational education. It has been demonstrated that, in order to understand migration, it is necessary to consider both the physical and social spaces. According to P. Bourdieu, the struggle caused by social stratification is conducted for symbolic capital, the amount of which determines an individual's position in a society. This struggle has the form of movement in the physical space, but it is also accompanied by a movement in the social space. The high concentration of scarce goods in some places contrasts with their low concentration in the others. This creates a desire to improve one's social status through a physical movement. In the course of the study, the concept of symbolic capital was supplemented by the concept of migration attractiveness, which made it possible to compare inflow and outflow migration patterns and assess the contribution of educational migration to population change. The study's data set consisted of data on the monitoring of the quality of workforce training, based on which clusters were formed according to the number of educational migrants entering institutions of primary and secondary vocational education, as well as according to the values of the migration succession and effectiveness ratios. School graduates migrate from the regions with a low density of symbolic capital (mainly the regions of the Far North, the Far East and the North Caucasus, which have very weak economies) to the regions with its high density (mainly the regions of the Central Federal District and the Volga Federal District, which have developed economies). The number of young people leaving the least attractive regions is seven or more times higher than the number of people entering; not more than a fifth of all the regions in Russia receive noticeable benefits from educational migration.*

Keywords: *educational migration, symbolic capital, migration attractiveness, primary and secondary vocational education, regions of Russia.*

References and Internet sources

1. Beschasnaya A.A., Pokrovskaya N.N. Perspektivy razvitiya rossiiskikh gorodov v kontekste obrazovatel'noj migratsii molodozhi [Prospects for the development of Russian cities in the context of the education-related migration of young people]. *Regionologiya [Regionology]*. 2018. Vol. 26. No. 4. P. 742–763. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.742-763 (in Russ.)
2. Sinita A.L. K probleme otsenki i povysheniya efekta obucheniya inostrannykh grazhdan v rossiiskikh vuzakh dlya ekonomicheskogo razvitiya Rossii i yeyo arkticheskikh regionov [On the issue of assessing and increasing the effect of training foreign citizens in Russian universities on the economic development of Russia and its Arctic regions]. *Rossiiskij ekonomicheskij zhurnal [Russian Economic Journal]*. 2020. No. 3. P. 101–113. DOI: 10.33983/0130-9757-2020-3-101-113 (in Russ.)
3. Tregubova N.D., Starikov V.S. Obrazovatel'naya migratsiya i etnosotsial'nyye konflikty v vuzakh Rossii, Ukrainy i SShA [Education migration and ethno-social conflicts in the academe of Russia, Ukraine and the USA]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*. 2017. No. 1. P. 121–139. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.08 (in Russ.)
4. Pogodaev N.P. Osievi, khamchun rusi navin: obrazovatel'naya migratsia iz Tadjikistana v Rossiyu kak resurs formirovaniya transgranichnogo obshchestva [New Russian Asians: student migration from Tajikistan to Russia as a basis of a cross-border society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science]*. 2018. No. 44. P. 183–198. DOI: 10.17223/1998863X/44/18 (in Russ.)
5. Bourdieu P. Nachala [*Choses Dites*]. Moscow. Socio-Logos. 1994. 288 p. (in Russ.)
6. Park R., Nikolaev V. Gorodskoye soobshchestvo kak prostranstvennaya konfiguratsiya i moral'nyi poryadok [Urban community as spatial pattern and moral order]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Russian Sociological Review]*. 2006. Vol. 5. No. 1. P. 11–18. (in Russ.)
7. Sorokin P. Chelovek. Tsvivilizatsiya. Obshchestvo [*Human. Civilization. Society*]. Moscow: Politizdat. 1992. 548 p. (in Russ.)
8. Bourdieu P. Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva [*Sociology of the Social Space*]. Moscow. Saint Petersburg. Aleteiya [Aletheia]. 2007. 288 p. (in Russ.)
9. Lapshina N.I. Migratsiya i marginal'nost' v kontekste sotsiologii sotsial'nogo prostranstva [Migration and marginality in the sociological context of social space]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology. Sociology. Pedagogy]*. 2010. No. 1. P. 388–394. (in Russ.)
10. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa [*The Theory of the Leisure Class*]. Moscow. 2011. 368 p. (in Russ.)
11. Imangulov L.R., Koryukhin D.A. Migratsiya molodezhi v gornom Levashinskom raione Dagestana [Youth migration in the montane Levashinsky district of Dagestan]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5, Geografiya [Lomonosov Geography Journal]*. 2024. Vol. 79. No. 2. P. 146–153. DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.79.2.12 (in Russ.)
12. Rostovskaya T.K., Vasilyeva E.N. Vyzovy obrazovatel'noj migratsii molodezhi Tuvy: demograficheskij aspekt [Challenges of educational migration of Tuvan youth: demographic aspect]. *Novyye issledovaniya Tuvy [New Studies of Tuva]*. 2023. No. 3. P. 207–219. DOI: 10.25178/nit.2023.3.13. (in Russ.)
13. Castells M. *Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge. Polity Press. 2015. 328 p.
14. Karachurina L.B., Florinskaya Yu. F. Migratsionnyye namereniya vypusknikov shkol malykh i srednikh gorodov Rossii [Migration intentions of school graduates in small and midsize towns of Russia]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 5, Geografiya [Lomonosov Geography Journal]*. 2019. No. 6. P. 82–89. (in Russ.)
15. Mkrtchan N.V. Migratsiya molodezhi iz malykh gorodov Rossii [The youth migration from small towns in Russia]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]*. 2017. No. 1. P. 225–242. DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.15 (in Russ.)

16. Musolino D., Balazs K. A new territorial attractiveness index at the international scale: design, application and patterns in Italy. *The Annals of Regional Science*. 2024. Vol. 72. No. 4. P. 1159–1187. DOI: 10.1007/s00168-023-01239-w

Information about the author:

Sinita Arseny Leonidovich, Candidate of Economics, Researcher, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sinita@econ.msu.ru; ORCID: 0000-0001-8026-0619; Elibrary SPIN-code: 9011–5519.

Статья поступила в редакцию 10.07.2025, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-80-93
EDN: SBGJQM

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ КОМПОНЕНТА В РОССИЙСКИХ РЕЙТИНГАХ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Кучмаева О. В.^{1,3*}, Вершинин А. О.²

¹ИСД ФНИСЦ РАН

(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1)

²ГБУ «Аналитический центр»

(119019, Россия, Москва, ул. Новый Арбат, 11, стр. 1)

³МГУ имени М. В. Ломоносова

(119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1, стр. 46)

*E-mail: kuchmaeva@yandex.ru

Для цитирования:

Кучмаева О. В., Вершинин А. О. Демографическая компонента в российских рейтингах качества жизни // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 2. — С. 80-93. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-80-93; EDN: SBGJQM

Аннотация. Цель работы — классифицировать подходы к оценке демографической компоненты в системе российских рейтингов, прежде всего, нацеленных на оценку качества жизни населения, выявить наиболее значимые примеры включения демографической компоненты в российские рейтинговые исследования, а также сформировать предложения по её совершенствованию. В работе проведён анализ структуры и методологии основных рейтингов качества жизни, проводимых в России, а также рассмотрены международные индексы и системы измерения качества жизни, в том числе подходы ВОЗ, ОЭСР, Евростата, методология Целей устойчивого развития ООН и иные. По мнению авторов, в российской практике демографическая составляющая в рейтингах качества жизни пока выражена неравномерно и недостаточно системно. Концептуальным основанием для выбора демографических показателей при формировании рейтингов территорий должна выступать оценка демографического благополучия на микро- и макроуровнях. Авторы отмечают необходимость учитывать не только статистические данные, но и результаты социологических опросов целевых групп населения, позволяющих оценивать репродуктивные, миграционные и matrimониальные установки населения, что обеспечит комплексное понимание демографического благополучия. Учёт демографических факторов в рейтингах должен быть увязан с национальными целями развития России до 2036 года. Включение демографических показателей и показателей-детерминантов демографического поведения в систему рейтингования как отдельного направления оценки увязывает демографическое благополучие и качество жизни населения регионов, позволит использовать рейтинговые системы для оценки результативности государственной демографической политики и сделает их инструментом поддержки управленческих решений в субъектах РФ.

Ключевые слова: рейтинги городов, качество жизни, демографическая безопасность, демографическое благополучие.

Введение

За последние пятнадцать лет в России сложилась система рейтингов регионов и городов, охватывающая ключевые направления социально-экономического развития: эффективность государственной политики, инвестиционный и экономический потенциал, экологическую обстановку, качество жизни и благополучие населения, а также многое другое. Будь то экономика, инновации, устойчивое развитие или иные тематики — во всех случаях демографическая повестка имеет критическое значение, а демографическая ситуация составляет фундамент потенциала развития всей страны и отдельных территорий. Важно, чтобы освещение демографической проблематики в отечественных рейтингах соответствовало значимости и тенденциям демографических процессов, включение показателей в систему рейтингования было обосновано и поддавалось качественной оценке. В этой связи особый интерес вызывает освещение демографической повестки в российских рейтингах качества жизни. Данное направление выделено как один из приоритетов федеральной политики, однако его отражение в системе рейтингов территорий вызывает много вопросов, прежде всего с точки зрения подбора индикаторов.

Примечательно, что «новое качество жизни» заявлялось как направление деятельности Правительства РФ в 2008 г., и уже тогда включало улучшение демографической ситуации в приоритетные задачи¹. В действующих нормативно-правовых актах повышение благосостояния и качества жизни семей указано как одна из целей «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года»², а достижение на-

циональной цели «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи» предполагается оценивать прежде всего на основе таких показателей, как «суммарный коэффициент рождаемости» и «ожидаемая продолжительность жизни»³. Помимо этого, «суммарный коэффициент рождаемости», «ожидаемая продолжительность жизни при рождении» и «численность населения субъекта» учитываются в оценке эффективности глав субъектов РФ⁴. На муниципальном уровне для опорных населённых пунктов установлен показатель «отношение численности постоянно проживающего населения на территориях опорных населённых пунктов, за исключением входящих в городские агломерации»⁵.

Цель исследования — классифицировать подходы к оценке демографической компоненты в системе российских рейтингов, прежде всего, направленных на оценку качества жизни населения, выявить наиболее значимые примеры включения демографической компоненты в российские рейтинговые исследования, сформировать предложения по её совершенствованию. В данной работе рассматриваются ключевые российские рейтинги территорий, которые работают с демографическими показателями; анализируются подходы к формированию рейтингов, а также место демографической компоненты в методологии их построения и анализа.

ции семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года». — URL : <http://government.ru/docs/54573/> (дата обращения: 10.09.2025).

³ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». — URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 10.09.2025).

⁴ Указ Президента РФ от 28.11.2024 № 1014 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации». — URL : <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202411280003> (дата обращения: 10.09.2025).

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». — URL : <http://government.ru/docs/all/157308/> (дата обращения: 10.09.2025).

¹ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1663-р «Об утверждении основных направлений деятельности Правительства РФ на период до 2012 года и перечня проектов по их реализации». — URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_81994/4bd5b1d0d2576e43d330b893e157127a930889e3/ (дата обращения: 10.09.2025).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15.03.2025 № 615-р «Стратегия действий по реализа-

Для анализа и формирования рекомендаций использовались российские рейтинги территорий посвященные качеству жизни, которые выходят регулярно: 1) «Рейтинг оценки усилий региональных органов исполнительной власти по созданию качественной среды для жизни граждан» Агентства стратегических инициатив (АСИ); 2) индекс «Качество жизни в городах России», составляемый ВЭБ.РФ; 3) Рейтинг регионов по качеству жизни от агентства «РИА Рейтинг»; 4) «Индекс качества жизни в российских городах» Финансового университета при Правительстве РФ. Исследование опирается на методики рейтингования стран и регионов в контексте сравнительного анализа качества жизни и достижения благополучия населения. Учитываются государственные стратегии социально-экономической и демографической политики, национальные приоритеты, цели и индикаторы их достижения.

Мировая практика оценки качества жизни

Сложность и многоаспектность понятия «качества жизни» обуславливает наличие множества подходов к его измерению⁶. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет качество жизни как «восприятие людьми своего положения в жизни в контексте культуры и систем ценностей, в которых они живут, и во взаимосвязи с их целями, ожиданиями, стандартами и заботами»⁷. Наравне с термином «качество жизни» порой синонимично используются такие понятия, как «благополучие», «счастье», «удовлетворённость жизнью», «процветание» [1]. Качество жизни выступает мерой развития различных сфер жизни общества, в той или иной степени оказывающих влияние на жизнь населения, тем самым позволяя оценить эффективность государственной политики⁸. Как видно из опреде-

ления ВОЗ, исследование качества жизни приобретает черты социальной диагностики, в которой важная роль отводится субъективной самооценке населения. Иной подход предлагается в докладе Стиглица/Сена/Фитусси от 2009 г.,⁹ который определяет следующие составляющие качества жизни: здоровье и социальные связи, материальные условия, занятость, уровень образования, участие в политике, окружающая среда — экономическая и физическая. Этот перечень категорий лёг в основу методологии исследования качества жизни, применяемую Евростатом¹⁰. Он также имеет много пересечений с методологией оценки качества жизни, разработанной Организацией экономического сотрудничества и развития [2]. Отдельное внимание здесь уделяется оценке здоровья населения как элементу качества жизни.

Системы рейтингов, с методической точки зрения, можно разделить на две группы: 1) набор показателей, каждый из которых ранжируется, итоговый рейтинг определяется суммированием рангов показателей; 2) формирование интегрального показателя [3; 4], индекса на основе выбранных для оценки параметров. В оценке качества жизни в международных исследованиях широко используется индексный подход. Так, Индекс лучшей жизни (The OECD Better Life Index) Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) измеряет достижения 38 стран с точки зрения благополучия их населения¹¹. Для оценки выделены 11 категорий до 3-х показателей в каждой. Демографические показатели входят в категорию «Здоровье» — ожидаемая продолжительность жизни, самооценка состо-

жизни: концепция и измерение. — Москва : ВЦУЖ, 1998. — 34 с.

⁹ Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. — URL : https://www.economie.gouv.fr/files/finances/presse/dossiers_de_presse/090914mesure_perf_eco_progres_social/synthese_ang.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

¹⁰ Quality of life indicators — measuring quality of life. — URL : https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Quality_of_life_indicators_-_measuring_quality_of_life (дата обращения: 10.09.2025).

¹¹ OECD Better Life Index. — URL : <https://www.oecdbetterlifeindex.org/#/11111111111> (дата обращения: 10.09.2025).

⁶ Кислицына О.А. Россия в мировых рейтингах качества жизни // Экономический журнал. — 2016. — № 43. — С. 157–178.

⁷ WHOQOL: Measuring Quality of Life. — URL : <https://www.who.int/tools/whoqol> (дата обращения: 10.09.2025).

⁸ Бобков В.Н., Масловский-Мстиславский П.С. Качество

яния здоровья. Показатели рассматриваются в разрезе пола. Важно отметить, что при расчёте большинства индексов, используемых в странах мира для оценки благополучия населения, включены демографические показатели, характеризующие здоровье, уровень смертности, а также ожидаемую продолжительность жизни. Выделяется Всемирный индекс пригодности для жизни (Global Liveability Index)¹², при расчёте которого учитываются общие коэффициенты брачности и рождаемости.

В 2015 г. государства-члены ООН приняли «Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»¹³. Она содержит ряд целей (ЦУР), направленных на обеспечение благополучия для всех групп населения. В индикаторах ЦУР представлены демографические индикаторы: в рамках достижения Цели 3 «Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте» используется комплекс демографических показателей, характеризующих смертность и заболеваемость населения (в частности, показатели материнской и детской смертности, коэффициенты смертности от ряда причин). Показатели учитывают негативное воздействие на жизнь человека неблагоприятных условий среды, неразвитости инфраструктуры. К этому блоку относится показатель рождаемости среди девушек-подростков. В контексте достижения ЦУР ранняя рождаемость рассматривается как следствие неблагоприятного стечения обстоятельств в жизни, событие, требующее внимания и поддержки. Наряду с демографическими, достижение Цели 3 оценивается с учётом характеристик развития инфраструктуры медицинских учреждений и обеспеченности услугами медицинских работников. В оценке достижения Цели 5 «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек» применяется показатель «доля женщин в возрасте от 20 до 24 лет, вступив-

ших в брак или союз до 15 лет и до 18 лет». Данный показатель направлен на мониторинг ситуации с распространённостью ранних и принудительных браков. Росстат проводит мониторинг и публикацию значительной части показателей, используемых в качестве индикаторов достижения ЦУР¹⁴.

Демографические показатели используются и при формировании систем рейтингования для оценки благополучия различных социально-демографических групп. Так, доклады ЮНИСЕФ о положении детей фиксируют, что благополучие детей будет определяться в том числе и демографическими тенденциями, определяемыми этапами демографического перехода — снижением рождаемости и ростом миграционной мобильности¹⁵. Индексы, направленные на оценку благополучия детей в большинстве своём учитывают характеристики заболеваемости и инвалидности¹⁶, смертности детей в возрасте до 18 лет¹⁷. Ряд индексов останавливается и на показателях, которые могут охарактеризовать семейное неблагополучие — распространённость неполных семей, рождаемость у несовершеннолетних¹⁸. Российские исследователи предложили для мониторинга положения детей использовать Статистический индекс детского благополучия [5]. Из демографических характеристик он включает показатели детской смертности; смертности от суицида несовершеннолетних, долю детей, воспитывающихся в неполных семьях; рождаемость у несовершеннолетних. То есть

¹⁴ Перечень национальных показателей ЦУР. — URL : <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/>. (дата обращения: 07.10.2025).

¹⁵ The State of the World's Children 2024. — URL : <https://www.unicef.org/reports/state-of-worlds-children/2024> (дата обращения: 07.10.2025).

¹⁶ Local Index of Child Well-Being Summary Report. Eland House Bressenden Place London SW1E 5DU, 2009. — URL : <https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/20120919122719/http://www.communities.gov.uk/documents/communities/pdf/1126232.pdf> (дата обращения: 07.10.2025).

¹⁷ Local Index of Child Well-Being Summary Report. — URL : <https://www.york.ac.uk/inst/spru/research/pdf/localIndexCWB.pdf> (дата обращения: 07.10.2025).

¹⁸ KIDS COUNT Data Book Interactive. — URL : <https://www.aecf.org/interactive/databook?d=h&l=502> (дата обращения: 07.10.2025).

¹² The Global Liveability Index 2025. — URL : <http://www.eiu.com/> (дата обращения: 07.10.2025).

¹³ Повестка дня в области устойчивого развития. — URL : <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения: 07.10.2025).

помимо здоровья важно уделить внимание распространённости негативных демографических явлений, влияющих на будущее детей.

Ещё одним примером учёта демографической составляющей в мониторинге выступают индексы, используемые для оценки положения пожилых в обществе. Индексы старения используются в разных странах мира [6–8]. Прежде всего стоит обратить внимание на Глобальный интегральный индекс Global AgeWatch Index¹⁹ и на Индекс активного долголетия²⁰. Среди демографических характеристик — ожидаемая продолжительность предстоящей жизни и ожидаемая продолжительность здоровой жизни, психологическое здоровье.

Методике формирования рейтингов регионов России в целях оценки различий в качестве жизни населения посвящён ряд работы российских учёных. Российские рейтинги качества жизни населения регионов и городов опираются прежде всего на данные государственной статистики. В.С.Тикунов и С.К.Белоусов предлагают систему интегральной оценки качества жизни населения регионов России [9]. Представленная в исследовании О.В.Артемовой и А.Н.Савченко типология регионов России по качеству жизни населения свидетельствует о наличии группы регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров, причём различия между ними увеличиваются [10]. В работе Е.В.Кабашовой для оценки межрегиональных различий в качестве и уровне жизни населения регионов РФ используется система показателей, основанная на объективных (статистических) и субъективных оценках, полученных в ходе мониторинговых обследований Росстата [11]. В представленных исследованиях не учитываются демографические показатели.

С.В.Крошилин и Е.И.Медведева в ходе разработки рейтинга для федеральных

округов по социально-экономическим показателям сочли значимым включить в систему показателей уровень заболеваемости (на 1000 человек населения), наряду с характеристиками медицинского обслуживания [12]. С.В.Рязанцев и коллеги предлагают включить в систему показателей для оценки устойчивости социально-экономического развития стран ЕАЭС суммарный коэффициент рождаемости (наряду с ожидаемой продолжительностью жизни) [13]. Однако в подавляющем большинстве разрабатываемых российскими исследователями системах рейтингов отсутствует демографическая составляющая.

Мировая исследовательская практика располагает опытом использования демографических показателей в оценке благополучия населения. Чаще всего используются характеристики, отражающие ситуацию в сфере обеспечения здоровья как важнейшей составляющей качества жизни — показатели продолжительности здоровой жизни, коэффициенты смертности, заболеваемости, ожидаемой продолжительности жизни. Системы рейтингов в отношении различных социально-демографических групп населения затрагивают характеристики, значимые для этих групп. Однако такие демографические характеристики, как показатели брачности, рождаемости, семейной структуры чаще используются для оценки распространённости негативных явлений (рождаемость у несовершеннолетних, ранние браки, воспитание в семье только с одним родителем).

Примечательно, что исследование жизненных планов и установок входит в методологию качества жизни, однако характеристики демографического поведения, установок и степень их реализации не выделяются как индикаторы качества жизни в явном виде. Иными словами, качество жизни возможно признать высоким, если население воспринимает его таковым, независимо от выбранных жизненных стратегий и возможностей их реализации. При таком подходе качество жизни представляет собой срез благополучия населения за отчётный период исследования, который изуча-

¹⁹ Global Age Watch. — URL : <http://globalagewatch.org/> (дата обращения: 10.09.2025).

²⁰ Индекс активного долголетия (ИАД) в странах за пределами ЕС и на субнациональном уровне. Методические рекомендации. 2018. — URL : https://unece.org/sites/default/files/2021-07/AAI_Guidelines_final_RUS.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

ется в отрыве от демографического контекста, включающего динамику численности и состава населения, брачного и репродуктивного поведения и иные показатели. Сложившаяся ситуация актуализирует оценку использования демографических показателей в рейтингах качества жизни.

Учёт демографической составляющей в российских рейтингах качества жизни

Спецификой построения рейтингов качества жизни в российских регионах выступает учёт положений законодательства в контексте стратегии социально-экономического и демографического развития территорий. Выбор показателей для рейтингования происходит на основе рассмотренных в законодательных актах, посвящённых социальному и демографическому благополучию, прежде всего, в качестве индикатора результативности реализации стратегических программ. Один из самых цитируемых и влиятельных рейтингов качества жизни в России — «Рейтинг оценки усилий региональных органов исполнительной власти по созданию качественной среды для жизни граждан» АСИ, более известный по сокращённому названию «Рейтинг качества жизни». Всего учитывается 140 показателей, сгруппированных в десяти направлениях, среди которых: медицинское обслуживание, образование и развитие, жильё и инфраструктура, потребление и досуг, чистота и экология, инклюзивность и равенство, безопасность, социальная защита, государственные услуги и сервисы, возможности для работы и своего дела²¹.

Следует отметить, что «Рейтинг качества жизни» в части статистических показателей опирается на официальную статистику и данные, полученные от профильных региональных и федеральных органов власти. Руководство субъектов РФ уделяет значительное внимание результатам этого сопоставления, и отставание в тех или иных показателях от лидеров или же от сред-

нероссийского уровня может быть дополнительным стимулом к усилению работы на таких направлениях. Из демографических показателей в рейтинге присутствует только «ожидаемая продолжительность жизни при рождении», которую составители включили в направление «Медицинское обслуживание» (отдельно учитывается динамика этого показателя). При этом демографические характеристики отсутствуют в таких тематически близких направлениях, как «социальная защита» и «инклюзивность и равенство». В то же время методология построения рейтинга включает показатели, выделяющие отдельные группы населения. Оценивается доступность услуг для семей с детьми (показатели «доля согласных с тем, что их детям доступно дополнительное образование» и «доля расходов на покупку учебных материалов для занятий в школе»), положение женщин (показатель «разрыв в уровне безработицы между мужчинами и женщинами»), граждан старшего поколения и с ограниченными возможностями здоровья.

Профиль целевых аудиторий составителями рейтинга не выделялся. Иными словами, качество жизни оценивалось в общем виде без описания нормативного состояния для всего населения и его отдельных групп. В июне 2025 г. составители анонсировали значительную переработку методологии рейтинга в следующем выпуске²². Показатели рейтинга будут приведены в соответствие с национальными целями развития РФ и контрольными показателями эффективности глав регионов. В обновлённой методологии будут выделены целевые группы граждан, включая ветеранов боевых действий, многодетные семьи, людей с инвалидностью и молодёжь; в показатели так же войдёт оценка мер поддержки рождаемости в регионах. Это большой шаг для учёта демографической повестки в российских сопоставлениях территорий на тему качества жизни. В то же время пока не совсем понятно, какое место займут демографические показатели в обновлённой методоло-

²¹ Рейтинг качества жизни Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов. — URL : https://asi.ru/government_officials/quality-of-life-ranking/#factors (дата обращения: 10.09.2025).

²² Рейтинг качества жизни адаптируют под нужды граждан: смотрим, как обновится методология. — URL : <https://asi.ru/news/204739/> (дата обращения: 10.09.2025).

гии: в какую группу показателей они будут включены и каким будет их вклад в итоговую оценку регионов.

Индекс «Качество жизни в городах России», составляемый ВЭБ.РФ²³, включает 300 показателей в 11 категориях. В их числе жилищные условия, благоустройство, доход и работа, здоровье, образование, мобильность, природно-экологические условия, безопасность, общественная активность и права граждан, проведение свободного времени, а также удовлетворённость горожан местом проживания. В дополнение к показателям, получаемым на основе данных статистики и опросов населения, в оценке также используются транзакционные данные (данные банков о расходах клиентов). Индекс «Качество жизни в городах России» включает демографические показатели в направлениях «Здоровье» (с преобладанием показателей, связанных со смертностью от разных причин) и «Удовлетворённость горожан местом проживания». Вкупе с показателями миграционного прироста демографическая компонента этого рейтинга больше говорит нам о качестве системы здравоохранения и привлекательности территории в качестве дестинации для переезда, чем о демографическом благополучии.

Рейтинг регионов по качеству жизни от агентства «РИА Рейтинг» включает «66 показателей, объединённых в 11 групп: уровень доходов населения, занятость и рынок труда, жилищные условия, безопасность проживания, демографическая ситуация, экологические и климатические условия, здоровье и уровень образования, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, уровень экономического развития, уровень развития малого бизнеса, освоенность территории и развитие транспортной инфраструктуры»²⁴. В блок «Демографическая ситуация» входят показатели «коэффициент естественного прироста / убыли населения», «миграционный прирост

(убыль) населения», «изменение численности населения за три года». Места регионов в рейтинге определяются по итогам расчёта интегрального рейтингового балла²⁵.

Регулярный мониторинговый опрос на тему качества жизни проводит Финансовый университет при Правительстве РФ. По итогам мониторинга рассчитывается «Индекс качества жизни в российских городах»²⁶ (по данным опроса жителей городов с населением более 250 тыс. человек). При расчёте показателей учитываются доли жителей, имеющих повод и основание для жалоб на различные стороны городской жизни, а также согласных или несогласных с тем, что те или иные позитивные и негативные явления распространены в их городе. Среди направлений мониторинга отсутствует демографическая проблематика в каком-либо виде.

Ещё одним вариантом рейтингования является «Рейтинг регионов России» от РБК, который опирается на собственный индекс, описывающий качество жизни с точки зрения личного благосостояния жителей, а также учитывает окружающую обстановку в аспекте благоустроенности среды. В нём используется ранжирование показателей по 7-бальной шкале²⁷.

Обсуждение

Судя по существующим рейтингам качества жизни, прежде всего основанием для включения показателей в систему рейтингования выступают цели реализации стратегических документов в области демографической политики. Так, Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспек-

²⁵ Рейтинг регионов по качеству жизни 2024. – URL : <https://riarating.ru/infografika/20250217/630276667.html> (дата обращения: 10.09.2025).

²⁶ Индекс качества жизни в российских городах по итогам 1 квартала 2025 года. – URL : https://www.fa.ru/upload/medialibrary/9e6/tddh385t4qvh3eawdjuidig8rcc31mnb/Monitoring_kachestva_zhizni_gorodov_Finansovyy_universitet_1_kvartal.pdf (дата обращения: 10.09.2025).

²⁷ Как рассчитывается рейтинг регионов РБК – URL : <https://www.rbc.ru/economics/26/04/2021/607814af9a7947d1389416b3> (дата обращения: 10.09.2025).

²³ Качество жизни в городах России. – URL : <https://citylifeindex.ru/research2023>. (дата обращения: 10.09.2025).

²⁴ Методология Индекса качества жизни в городах России. – URL : <https://citylifeindex.ru/methodology>. (дата обращения: 10.09.2025).

тиву до 2036 года» определена цель «а) сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи»²⁸, для которой установлены следующие целевые показатели и задачи: повышение суммарного коэффициента рождаемости, увеличение ожидаемой продолжительности жизни, снижение её региональной дифференциации. Как следует из Указа № 309, государство направит усилия на улучшение демографической ситуации в России, которая рассматривается как составная часть благополучия населения. Важная роль в достижении этой цели отводится региональным властям. Достижение целевых показателей касается демографического поведения различных групп населения. Отдельное внимание отводится мерам по повышению рождаемости, увеличению доли многодетных семей среди семей с детьми. Рост ожидаемой продолжительности жизни, ожидаемой продолжительности здоровой жизни требует комплексного подхода к совершенствованию услуг в сфере здравоохранения и социальной поддержки, но также сильно зависит от своевременного информирования населения, популяризации здорового образа жизни и профилактики заболеваний, формирования стратегии самосохранительного поведения.

Немаловажно для целей нашего исследования, что особое внимание уделяется равномерному развитию российских регионов. Такой подход к достижению целей национального развития обуславливает необходимость и возможность для рейтинговых сопоставлений территорий в контексте качества жизни — с учётом индикаторов достижения национальных целей и методологии российских рейтингов. Целесообразно использование методов многомерного анализа с целью выявления детерминант, имеющих значимую корреляцию с целевыми показателями рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни.

В рамках сопоставлений возможно учитывать особенности образа жизни лиц разных возрастов для составления профилей целевых показателей качества жизни. Это соответствует подходу, заданному на уровне национальных и федеральных проектов Российской Федерации. Так, выделение отдельных целевых аудиторий происходит в нацпроекте «Семья»²⁹ (в том числе включает такие инициативы как «Поддержка семьи», «Многодетная семья», «Охрана материнства и детства» и «Старшее поколение»). Большое значение для качества жизни имеет вопрос сохранения активности старшего поколения. Этой теме посвящён нацпроект «Продолжительная и активная жизнь», в рамках которого большое внимание уделяется не только вопросам доступности качественных медицинских услуг для населения, но и профилактическим мероприятиям, актуальным для граждан всех возрастов.

Важным условием объективности демографической составляющей рейтингов выступает учёт концептуальных положений науки о критериях демографического развития. Ещё в 1930-е гг. демографами разрабатывалась концепция демографического оптимума. При этом численность и плотность населения увязывались с экономическим благополучием, величиной среднедушевого дохода³⁰. Концепция демографического оптимума нашла отражение в трудах российских учёных (А.Я. Боярского, А.Я. Кваши), где уделялось внимание поиску оптимального типа воспроизводства населения³¹. Раскрывая понятие «демографическая безопасность», Л.Л. Рыбаковский

²⁹ Национальный проект «Семья». — URL : <http://government.ru/rugovclassifier/915/main/> (дата обращения: 10.09.2025).

³⁰ Beveridge W.H. Unemployment: A Problem of Industry / W.H. Beveridge // The Economic Journal. — 1931. — Vol. 41. — No. 161. — P. 74–77; Fairchild H.P. Optimum population / H.P. Fairchild // Sanger M., ed. Proceedings of the World Population Conference held at the Salle Centrale, Geneva. — 1927. — P. 72–85.; Сови А. Общая теория населения. Том первый: Экономика и рост населения. Москва: Прогресс, 1977. — 504 с.

³¹ Боярский А.Я. К проблеме демографического оптимума // Изучение воспроизводства населения. — Москва: Наука, 1968. — С. 47–63.; Курс демографии / под ред. А.Я. Боярского. — Москва: Статистика, 1967. — 400 с.; Кваша А.Я. Проблемы демографического оптимума. — Москва: Издательство Московского университета, 1974. — 104 с.

²⁸ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». — URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 10.09.2025).

обращал внимание на значимость естественного воспроизводства в обеспечении демографической безопасности страны. К числу демографических угроз он относил депопуляцию, суженное воспроизводство населения и сокращение численности населения, что приведёт к снижению показателя плотности населения страны и неравномерности экономического развития³².

В 2020-е гг. ООН вводится новое понятие «демографическая устойчивость» (Demographic Resilience). ООН объявила десятилетием демографической устойчивости 2023–2032 годы. В рамках данной инициативы выделены ключевые направления, актуальные на среднесрочную перспективу: демографическое старение населения; оживление сельских районов; поддержка рождаемости; достижение гендерного равенства и проведение семейной политики; поддержка устремлений молодых людей; финансирование социальной политики. Эти критерии выходят за пределы демографических параметров, затрагивают оценку социально-экономического развития.

С.В.Рязанцев и его коллеги обосновывает понятие «демографического благополучия», понимая под ним на микроуровне «возможность реализации matrimониальных, репродуктивных, миграционных установок, которые приводят к удовлетворённости жизнью и достижению желаемого физического, психического, социально-экономического состояния личности и семьи» [14]. Исходя из данного подхода, в систему показателей для рейтингования регионов России целесообразно было бы включать показатели, характеризующие степень реализации демографических установок россиян, получаемых на основе социологических исследований, проводимых в мониторинговом режиме. В частности, степень реализации репродуктивных установок, возможность достижения желаемой продолжительности жизни.

Демографическое благополучие на макроуровне рассматривается с точки зрения таких критериев, как положительный об-

щий прирост населения за счёт двух компонент — естественного и миграционного прироста населения, наличие трудовых ресурсов необходимых для социально-экономического развития. По сути, речь идёт о влиянии демографических факторов на экономическое развитие страны. Обратим внимание на понятие «демографическая стабильность» (Т.К.Ростовская и О.А.Золотарева), которое означает естественное воспроизводство населения на уровне, отвечающем интересам страны [15]. С учётом сложившейся демографической ситуации достижение всех или большинства перечисленных критериев демографической стабильности большинством регионов страны в краткосрочной перспективе представляется нереальным. Однако, наряду с динамикой численности населения, при формировании рейтингов российских регионов, важно обратить внимание на такие демографические показатели, как: естественный и миграционный прирост; нетто-коэффициент воспроизводства населения; суммарный коэффициент рождаемости, в том числе по очерёдности рождения; ожидаемая продолжительность жизни; ожидаемая продолжительность здоровой жизни; доля населения трудоспособного возраста.

Принципиальное значение для развития демографической компоненты рейтингов территорий имеет увязка демографических индикаторов, включаемых в рейтинги качества жизни, с понятием «демографическое благополучие». Существующая структура нацпроектов в целом соответствует подходам, предлагаемым в рамках концепции «демографического благополучия» [16]. Составители комплексных рейтингов могли бы включить блок с таким названием в методологию сопоставлений с учётом необходимости оценки демографического благополучия на микро- и макроуровнях, с тем набором ключевых показателей и в той логике, которая предусматривается национальными целями России и проработана в рамках Распоряжения Правительства РФ от 15.03.2025 № 615-р «Об утверждении Стратегии действий по реализа-

³² Рыбаковский Л.Л. Демографическая безопасность: популяционные и геополитические аспекты. — Москва : Экон-Информ, 2003. — 55 с.

ции семейной и демографической политики и поддержке многодетности в России до 2036 года»³³.

Демографические индикаторы выступают важнейшими индикаторами качества жизни населения, прежде всего, когда речь идёт о здоровье населения (ожидаемая продолжительность жизни, ожидаемая продолжительность здоровой жизни, уровень младенческой смертности, коэффициенты смертности по причинам и возрастным). Используемые в настоящее время в интегральных оценках демографические показатели порой выступают косвенным индикатором неблагополучия в жизни человека (в частности, рождаемость у несовершеннолетних). Следует заметить, что оценка «демографического благополучия» целесообразна на временных отрезках не менее пяти лет [14]. Пока рассмотренные комплексные рейтинги оценивают динамику показателей только за два-три года, что недостаточно для выявления тенденций.

Принимая значимость использования рейтингов для проведения мониторинга результативности демографической политики, важно придерживаться логики взаимного влияния демографических, социальных и экономических процессов, закономерностей демографического развития, «... те или иные возможные конфигурации системы индикаторов оценки результативности демографической политики в большей степени сегодня должны разрабатываться не в контексте разрастания числа вновь вводимых показателей, а с позиции необходимости совершенствования систем мониторинга и анализа самих данных» [16]. Обоснованность включения тех или иных демографических показателей в систему мониторинга результативности демографической политики определяет и качество мониторинга впоследствии.

Методика построения российских рейтингов качества жизни испытывает значительное влияние сложившихся международных подходов в анализе дифференциации и динамики ситуации. В то же время на уровне государства есть запрос на адаптацию методологии качества жизни с учётом национального целеполагания. Рейтинги способны стать эффективным инструментом синхронизации межведомственного взаимодействия на уровне регионов. Рейтинговые сопоставления территорий на тему качества жизни могли бы перейти от изучения всего населения к рассмотрению отдельных целевых социально-демографических групп. Кроме того, демографическое поведение заслуживает самостоятельного анализа в исследованиях качества жизни, поскольку именно от него зависит благополучие общества в долгосрочной перспективе. Это требует привлечения данных репрезентативных в разрезе регионов России обследований.

В настоящее время отсутствует логика в выделении отдельных демографических характеристик мониторинга качества жизни территорий, включение их в тот или иной раздел. Представляется, что концептуальной основой отбора показателей для мониторинга демографической составляющей в рейтингах качества жизни могло бы стать понятие «демографического благополучия», в рамках которого на макроуровне рассматривается влияние важнейших демографических индикаторов на экономическое развитие и, как следствие, на качество жизни населения; на микроуровне — возможности и степень реализации намерений в сфере демографического поведения, что оказывает влияние на личное благополучие человека.

Следует отметить, что большинство показателей демографического развития в российских рейтингах основаны на статистических данных. Реже используются опросы, однако методика их проведения не раскрывается. Необходимо использовать данные представительных опросов, в част-

³³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 года № 615-р [«Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года»] — URL : <http://government.ru/docs/54573/> (дата обращения: 10.09.2025).

ности, выборочных обследований Росстата, для оценки демографического поведения населения как важнейшего элемента жизненных стратегий россиян, проживающих в различных городах и регионах нашей страны. Это позволит учитывать мнение населения, оценивать демографическое благополучие не только на макро-

но и на микроуровне. Наряду с законодательными инициативами в сфере демографической политики, определяющими цели развития страны, основой выделения демографической составляющей рейтинга выступают концептуальные подходы демографической науки к определению критериев демографического благополучия.

Литература и Интернет-источники

1. **Easterlin, R.A.** Building a Better Theory of Wellbeing / R. A. Easterlin // IZA Discussion Paper. — 2003. — No. 742. — P. 1–56. DOI: 10.1093/0199286280.003.0002
2. **Айвазян, С.А.** Анализ качества и образа жизни населения / С.А. Айвазян. — Москва : Наука, 2012. — 432 с. EDN: WNTANH
3. **Камалова, П.М.** Интегральная оценка уровня качества жизни населения региона на основе формализованной процедуры / П.М. Камалова // Актуальные вопросы экономических наук. — 2014. — № 37. — С. 96–102. EDN: SATLAL
4. **Калабихина, И.Е.** Интегральные оценки детского благополучия / И.Е. Калабихина, О.В. Кучмаева, З.Г. Казбекова, Е.А. Середкина // Вопросы статистики. — 2024. — Т. 31. — № 4. — С. 34–55. DOI: 10.34023/2313-6383-2024-31-4-34-55; EDN: UARRNY
5. **Au, D.W. H.** Extending the Active Ageing Index to Hong Kong Using a Mixed-Method Approach: Feasibility and Initial Results. / D. W. H. Au, J. Woo, A. Zaidi // Journal of Population Ageing. — 2021. — Vol. 14. — P. 53–68. DOI: 10.1007/s12062-020-09275-6; EDN: GFGBBH
6. **Barysheva, G.A.** Active Ageing Index: A Russian Study / G. A. Barysheva, E. A. Frolova, V. A. Malanina, E. A. Taran // Building Evidence for Active Ageing Policies: active ageing index and its potential. — Springer Singapore, 2018. — P. 409–435. DOI: 10.1007/978-981-10-6017-5_19; EDN: XXPXDN
7. **Zaidi, A.** The Asian active ageing index: results for Indonesia and Thailand / A. Zaidi, J. Um // Social Development Working Papers. — 2019. — No. 5. — 86 p.
8. **Амирова, С.А.** Уровень и качество жизни населения в России / С.А. Амирова // Вопросы устойчивого развития общества. — 2021. — № 4. — С. 44–50. EDN: DJCNSM
9. **Тикунов, В.С.** Интегральная оценка качества жизни населения городов и регионов России / В.С. Тикунов, С.К. Белоусов // Вестник Московского университета. Серия 5. География. — 2022. — № 2. — С. 48–60. EDN: TAZCKZ
10. **Артемова, О.В.** Неоднородность регионального пространства и её влияние на качество жизни населения в субъектах Российской Федерации / О.В. Артемова, А.Н. Савченко // Социум и власть. — 2020. — № 2(82). — С. 65–79. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-65-79; EDN: FWBRSZ
11. **Кабашова Е.В.,** Межрегиональные различия в качестве и уровне жизни населения России / Е.В. Кабашова // Уровень жизни населения регионов России. — 2024. — Т. 20. — № 3. — С. 397–414. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_3_6_397_414; EDN: XRUZBV
12. **Крошилин, С.В.** Методика ранжирования федеральных округов по социально-экономическим показателям / С.В. Крошилин, Е.И. Медведева // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 3. — С. 85–97. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-85-97; EDN: WUBVEN
13. **Рязанцев, С.В.** Система измерений устойчивости социально-экономического развития стран ЕАЭС / С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская, О.А. Золотарева // Экономика региона. — 2021. — Т. 17. — № 3. — С. 971–986. DOI: 10.17059/ekon.reg.2021-3-18; EDN: GBNOOD
14. **Рязанцев, С.В.** Демографическое благополучие: теоретические подходы к определению и методика оценки / С.В. Рязанцев, Т.Р. Мирязов // ДЕМИС. Демографические исследования. — 2021. — Т. 1. — № 4. — С. 5–19. DOI: 10.19181/demis.2021.1.4.1; EDN: HNFXXJ

15. **Ростовская, Т.К.** Теоретическая интерпретация понятия «демографическая безопасность» и принятие управленческих решений по обеспечению национальной безопасности / Т.К. Ростовская, Е.Н. Васильева, Е.А. Князькова // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. — 2022. — Т. 15 — № 4. — С. 158–170. EDN: UZWZRB
16. **Рязанцев, С.В.** Демографическое благополучие России. Национальный демографический доклад / С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская, В.Н. Архангельский, [и др.]. — Москва : ИТД «Перспектива», 2022. — 108 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022; EDN: YHMZPP

Сведения об авторах:

Кучмаева Оксана Викторовна, д.э.н., главный научный сотрудник, ИСД ФНИСЦ РАН; проф. кафедры народонаселения МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kuchmaeva@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0386-857X; РИНЦ: SPIN-код: 1948–0872.

Вершинин Алексей Олегович, начальник отдела лучших практик и сопоставлений, ГБУ «Аналитический центр», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: aov.inbox@gmail.com; ORCID: 0009-0009-6079-335X.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-80-93

DEMOGRAPHIC COMPONENT IN THE RUSSIAN QUALITY OF LIFE RANKINGS

Oksana V. Kuchmaeva^{1,3*}, Aleksei O. Vershinin²

¹ISD FCTAS RAS

(6 kor. 1 Fotiyevo str., Moscow, Russia, 119333)

²Moscow Analytical Center

(11/1 Novy Arbat str., Moscow, Russia, 119019)

³Lomonosov Moscow State University

(1/46, Leninskije Gory, Moscow, Russia, 119991)

*E-mail: kuchmaeva@yandex.ru

For citation:

Kuchmaeva O.V., Vershinin A.O. Demographic component in the Russian quality of life rankings. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 80-93. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-80-93 (in Russ.)

Abstract. *The purpose of the study is to classify approaches to assessing the demographic component in the system of Russian rankings, primarily aimed at evaluating the population well-being and quality of life, identifying the most significant examples of inclusion of the demographic component in Russian ranking studies, and also formulating proposals for its improvement. The work analyzes the structure and methodology of the main Russian quality of life rankings, as well as international indices and approaches to measuring quality of life, including the methodologies of the WHO, OECD, Eurostat, and the UN Sustainable Development Goals. In Russian practice the demographic component in quality of life rankings is still expressed unevenly and insufficiently systematically. The conceptual basis for selecting demographic indicators for territorial rankings should be based on assessment of demographic well-being at the micro- and macro-levels. The authors note the need to take into account not only statistical data, but also the results of sociological surveys of target population groups, which make it possible to assess the reproductive, migration, and matrimonial attitudes of the population, thereby ensuring a comprehensive understanding of the demographic*

well-being. Demographic factors in rankings should be linked to the Russian national development goals. The inclusion of demographic indicators and indicators-determinants of demographic behavior in the rankings as a separate category of assessment links demographic well-being and the quality of regional populations. This will make it possible to use rankings for assessment of the effectiveness of public demographic policy and will make them a tool supporting managerial decision-making in the regions of the Russian Federation.

Keywords: city rankings, quality of life, demographic security, demographic well-being.

References and Internet sources

1. Easterlin R.A. *Building a Better Theory of Well-Being*. IZA Discussion Paper. 2003. No. 742. P. 1–56. DOI: 10.1093/0199286280.003.0002
2. Ajvazyan S.A., Analiz kachestva i obraza zhizni naseleniya [Analysis of the Quality and Way of Life of Population]. Moscow. Nauka [Science]. 2012. 432 p. (in Russ.)
3. Kamalova P.M., Integralnaya otsenka urovnya kachestva zhizni naseleniya regiona na osnove formalizovannogo protsedury [Integral Assessment of the Quality of Life of the Regional Population Based on a Formalized Procedure]. Aktualnye voprosy ekonomicheskikh nauk [Current Issues in Economics]. 2014. No. 37. P. 96–102. (in Russ.)
4. Kalabikhina I.E., Kuchmaeva O.V., Kazbekova Z.G., Seredkina E.A., Integralnyye otsenki detskogo blagopoluchiya [Integral assessment of child well-being]. Voprosy statistiki [Statistical Issues]. 2024. Vol. 31. No. 4. P. 34–55. DOI: 10.34023/2313-6383-2024-31-4-34-55 (in Russ.)
5. Au D.W. H., Woo J., Zaidi A., Extending the Active Ageing Index to Hong Kong using a mixed-method approach: feasibility and initial results. *Journal of Population Ageing*. 2021. No. 14. P. 53–68. DOI: 10.1007/s12062-020-09275-6
6. Barysheva G.A., Frolova E.A., Malanina V.A., Taran E.A. Active ageing index: a Russian study. *Building Evidence for Active Ageing Policies: Active Ageing Index and Its Potential*. Springer. Singapore. 2018. P. 409–435. DOI: 10.1007/978-981-10-6017-5_19
7. Zaidi A., Um J. *The Asian Active Ageing Index: Results for Indonesia and Thailand*. Social Development Working Paper. 2019. No. 5. 86 p.
8. Amirova S.A. Uroven i kachestvo zhizni naseleniya v Rossii. [Standard and quality of life of the population in Russia]. Voprosy ustojchivogo razvitiya obshchestva [Issues of Sustainable Development of Society]. 2021. No. 4. P. 44–50. (in Russ.)
9. Tikunov V.S., Belousov S.K. Integralnaya otsenka kachestva zhizni naseleniya gorodov i regionov Rossii [Integral assessment of the quality of life in Russian cities and regions]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya. [Lomonosov Geography Journal] 2022. No. 2. P. 48–60. (in Russ.)
10. Artemova O.V., Savchenko A.N. Neodnorodnost regionalnogo prostranstva i yego vliyaniye na kachestvo zhizni naseleniya v subyektakh Rossijskoj Federatsii [Heterogeneity of regional space and its impact on the population quality of life in subjects of the Russian Federation]. Sotsium i vlast [Society and Authority]. 2020. No. 2(82). P. 65–79. DOI: 10.22394/1996-0522-2020-2-65-79 (in Russ.)
11. Kabashova E.V., Mezhhregionalnyye razlichiya v kachestve i urovne zhizni naseleniya Rossii [Interregional differences in the quality and standard of living of the Russian population]. Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standard of the Population in the Regions of Russia]. 2024. Vol. 20. No. 3. P. 397–414. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_3_6_397_414 (in Russ.)
12. Kroshilin S.V., Medvedeva E.I. Metodika ranzhirovaniya federalnykh okrugov po sotsialno-ekonomicheskim pokazatelyam [The methodology of ranking federal districts by socio-economic indicators]. Narodonaselenie [Population]. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 85–97. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-85-97 (in Russ.)
13. Ryazanysev S.V., Rostovskaya T.K., Zolotareva O.A. Sistema izmerenij ustojchivosti sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya stran EAES [System for measuring the socio-economic sustainability of the Eurasian Economic Union]. Ekonomika regiona [Economy of Region]. 2021. Vol. 17. No. 3. P. 971–986. (in Russ.)

14. Ryazantsev S.V., Miryazov T.R. Demograficheskoye blagopoluchiye: teoreticheskiye podkhody k opredeleniyu i metodika otsenki [Demographic well-being: theoretical approaches to definition and assessment methodology]. DEMIS. Demograficheskiye issledovaniya [DEMIS. Demographic Research]. 2021. Vol. 1. No. 4. P. 5–19. DOI: 10.19181/demis.2021.1.4.1 (in Russ.)
15. Rostovskaya T.K., Vasilieva E.N., Knyazkova E.A. Teoreticheskaya interpretatsiya ponyatiya «demograficheskaya bezopasnost» i prinyatiye upravlencheskikh reshenij po obespecheniyu natsionalnoy bezopasnosti [Theoretical interpretation of the concept of «demographic security» and making managerial decisions to ensure national security]. Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Sotsialno-ekonomicheskiye nauki [Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences]. 2022. Vol. 15. No. 4. P. 158–170. (in Russ.)
16. Ryazantsev S.V., Rostovskaya T.K., et al. Demograficheskoye blagopoluchiye Rossii. Natsionalnyy demograficheskij doklad [Demographic Well-Being of Russia. National Demographic Report]. Moscow. Perspektiva[PerspectivePublishingHouse].2022.108p.DOI:10.19181/monogr.978-5-88045-557-7.2022 (in Russ.)

Information about the authors:

Kuchmaeva Oksana Viktorovna, Doctor of Economics, Chief Researcher, ISD FCTAS RAS; Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kuchmaeva@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-0386-857X; Elibrary SPIN-code: 1948–0872.

Vershinin Aleksei Olegovich, Head of Department, Moscow Analytical Center, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: aov.inbox@gmail.com; ORCID: 0009-0009-6079-335X.

Статья поступила в редакцию 25.10.2025, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.

КАЧЕСТВО И УСЛОВИЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-94-104
EDN: QTEJBL

ДИНАМИКА ИНДЕКСА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Рюмина Е. В.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН

(117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5)

E-mail: ryum50@mail.ru

Для цитирования:

Рюмина Е. В. Динамика индекса экологического поведения населения // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 2. — С. 94-104. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-94-104; EDN: QTEJBL

Аннотация. В число качественных характеристик населения включено его отношение к окружающей среде и природным ресурсам — экологическое поведение населения. Эта категория давно разрабатывается специалистами, но до сих пор не приобрела формализованного выражения. Цель представленного в статье исследования — придать экологическому поведению населения количественную определённость. Из всех аспектов экологического поведения рассматриваются водо- и энергопотребление в быту, образование твёрдых коммунальных отходов. Такое ограничение объекта исследования вызвано недостатком информации о других проявлениях отношения населения к природной среде. Анализируется динамика экологического поведения, формализованного в форме индекса, который состоит из трёх частных индексов (водопотребления, энергопотребления, образования отходов — все в расчёте на душу населения) с равными весами. Временной период анализа данных — с 2005 до 2023 гг. для водо- и энергопотребления, с 2020 до 2023 гг. — для образования отходов. Информация собиралась в разрезе 85 регионов, но по разным причинам в необходимом объёме база данных сформирована для 75 субъектов РФ. Индексы строились по принципу — чем экологическое поведение лучше, тем индексы выше. В начале статьи дан анализ официальных документов, как российских, так и международных, касающихся окружающей природной среды, и показано почти полное игнорирование проблем экологического поведения населения, упоминается только экологическое образование, воспитание и культура. В статье же на конкретных цифрах показана существенная роль мер экономического регулирования водо-, энергопотребления в быту, образования отходов. Построены и проанализированы частные и общие индексы экологического поведения для указанных периодов времени. Обнаружено, что наилучшее экологическое поведение населения наблюдается в регионах с низкими среднедушевыми доходами — население в них сокращает затраты на оплату потребления воды и электроэнергии, обращения с отходами. И наоборот, регионы с низким индексом экологического поведения имеют высокие среднедушевые доходы. В целом же, в сравнении с 2005 г., индексы экологического поведения населения к 2023 г. улучшились в большинстве регионов.

Ключевые слова: экологическое поведение, водопотребление в быту, энергопотребление населением, образование твёрдых коммунальных отходов, индекс экологического поведения.

С 1960-х гг., когда начался экологический бум, было принято множество документов, касающихся охраны окружающей среды. Прежде всего, следует назвать «Повестку дня на XXI век»¹, в которой сформулирована концепция устойчивого развития. В этой концепции выделены основные социо-эколого-экономические проблемы, но много лет она воспринималась в мире только как экологическая доктрина. В 2015 г. на саммите ООН был принят документ «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»², в котором обращено внимание на другие, кроме экологических, проблемы современности.

В Конституции РФ статья 58 посвящена отношению населения к окружающей природной среде: «Каждый обязан сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам»³. Степень выполнения этой обязанности и характеризует экологическое поведение населения, которое является одной из характеристик человеческого потенциала. Однако ни в каких документах не дано формализованного представления реализации этой обязанности, позволяющего проводить соответствующий мониторинг. Это относится и к Федеральному закону «Об охране окружающей среды»⁴, и к Докладам по устойчивому развитию, как всемирным, так и российским.

Как и по большинству других характеристик человеческого потенциала [1; 2], внимание в официальных документах направлено не на них, а на повышение качества жизни, в нашем случае — на улучшение экологических условий проживания насе-

ления. Однако экологическое поведение населения (характеристика человеческого потенциала) и экологические условия проживания (характеристика качества жизни) — разные понятия, аналогично, например, образовательному уровню, как характеристике качества населения, и доступности образования, как показателю качества жизни. При этом, если в примере с образованием имеется непосредственное влияние доступности образования на повышение образовательного уровня, то в примере с экологическим поведением населения оно неоднозначно связано с экологическими условиями жизни. Во всех документах говорится об экологическом воспитании, образовании и культуре населения. Безусловно, эти меры влияют на экологическое поведение населения, что было выявлено нами в отношении экологического образования. Однако эти задачи в официальных документах ставятся слишком не конкретно. Необходимы целевые показатели, относящиеся к экологической характеристике человеческого потенциала, некоторые из которых предложены в [1].

Анализ официальных документов приводит к следующему выводу об отражении в них экологических проблем: во-первых, основное внимание уделено воздействию только экономики на состояние окружающей среды; во-вторых, в социальном плане упор делается на необходимость создания благоприятных экологических условий для жизни населения, при этом ничего не требуя от самого населения; в-третьих, в качестве мер воздействия на экологическое поведение населения называются только экологическое воспитание и экологическое образование.

Об экологическом поведении в аспекте потребительского поведения населения впервые чётко сказано в резолюции «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Среди 17-ти целей обратим внимание на «Цель 12: Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства» [3]⁵. И хотя в «Глобаль-

¹ Повестка дня на XXI век. — Женева : Центр «За наше общее будущее». 1993. — 174 с.

² Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // ООН. — URL : https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/2030_Agenda_ru.pdf (дата обращения: 31.01.2025).

³ Конституция Российской Федерации. Принята 12 февраля 1993 года. — URL : <http://www.kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 15.07.2025).

⁴ Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». — URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17718> (дата обращения: 24.08.2025).

⁵ Преобразование нашего мира: Повестка дня в об-

ных целях устойчивого развития» эта цель ориентирована на производство, важность рационализации моделей потребления населения очевидна, поскольку спрос на продукцию производства предъявляется в конечном счёте населением.

В решении проблемы избыточного потребления, во многом порождающего минусы экологического поведения населения, важную роль играют не только экологическое воспитание и экологическое образование, но и экономические меры воздействия. В частности, к последним относится регулирование тарифов на потребление населением электроэнергии, воды, на образование отходов потребления. Эти действия закреплены в ведомственных документах и исследованы нами в аспекте их воздействия на экологическое поведение населения [1].

Оценка эффективности мер воздействия на экологическое поведение населения предполагает количественную характеристику как затрат на реализацию этих мер, так и их результатов. В большинстве случаев при оценке эффективности наибольшую сложность представляет оценка результатов, в нашем случае, оценка экологического поведения населения. Поведение населения во взаимодействии с окружающей природной средой и её ресурсами имеет множество возможных форм, реализуемых в широком диапазоне: от действий, направленных на охрану среды, до её загрязнения, чрезмерного потребления природных ресурсов, лесных пожаров и так далее [4–7]. Во-первых, подчеркнём, что, говоря об экологическом поведении населения, мы рассматриваем поведение в быту, а не в рамках трудовой деятельности. Эколого-экономические взаимодействия — это взаимодействие экономики и природы, в котором население выступает в роли экономического агента. Мы же здесь анализируем поведение населения вне его экономической деятельности. Во-вторых, даже перечисленные выше формы взаи-

модействия населения с природной средой в быту учесть крайне сложно (а в реальности их намного больше), поэтому следует выбрать несколько наиболее распространённых и регулярно повторяющихся видов экологического поведения населения. В связи с этим сосредоточим своё внимание на образовании отходов, водо- и энергопотреблении населения в быту. С точки зрения экономической теории вода и электроэнергия, поступающие в дома для населения, — это уже не природные ресурсы, а конечные продукты производства. Однако учитывая, что непосредственный источник этих благ потребления — природные ресурсы, сделаем допущение об отнесении их потребления к экологическому поведению населения.

В статье [8] был представлен предложенный нами индекс экологического поведения населения, а также его расчёт для всех российских регионов на информации 2021 года. В этот индекс вошли показатели водо-, энергопотребления населением и образования твёрдых коммунальных отходов (ТКО) на одного человека в регионе. Поскольку эти показатели имеют физическое измерение, то их сравнение в динамике может дать объективную картину сдвигов в экологическом поведении населения. Реализацию такой постановки задачи затрудняет отсутствие необходимой информации. Так, по образованию ТКО в разрезе регионов имеется информация только с 2019 г., по электроэнергии — с 2005 года. Более доступна информация по водопотреблению населения. Динамика этих трёх показателей по отдельности проанализирована в статье [9], здесь же обратимся к сводному индексу экологического поведения населения. За неимением информации по ТКО за длительный период (из-за перехода статистики от ТБО (твёрдые бытовые отходы) к ТКО в 2019 г.), сначала построим индекс экологического поведения населения по двум показателям — водо- и энергопотреблению на одного человека — за период 2005–2023 гг., а затем — по трём показателям за 2020–2023 годы.

ласти устойчивого развития на период до 2030 года // ООН. — URL : https://www.un.org/en/development/desa/population/publications/2030_Agenda_ru.pdf (дата обращения: 31.01.2025).

При построении индексов важное значение имеет адекватность вводимых весов для каждой составляющей. Дадим пример последствий игнорирования проблемы взвешивающих коэффициентов при оценке качества жизни населения регионов, для чего будем использовать два показателя — продолжительность жизни населения, как интегральный показатель влияния многих факторов и характеристик, и среднедушевой доход населения. При предположении о равных весах получим одинаковые интегральные оценки качества жизни в таких диаметрально противоположных регионах, как Чукотский автономный округ и Республика Ингушетия — в первом максимальный доход и минимальная продолжительность жизни, во втором — наоборот. Поскольку в большинстве случаев индексы используются для группировки регионов, то в рассматриваемой ситуации получим группы с совершенно разными регионами по выбранным для анализа характеристикам. Выбор для анализа трёх показателей — образования отходов, водопотребления — учитывает проблему взвешивания: из этих трёх проблем трудно выбрать наиболее значимую, поэтому считаем их равнозначными, с одинаковыми весами.

Основываясь на рассмотренных предположениях, построим индекс экологического поведения населения на базе двух показателей — потребления воды и электроэнергии населением в расчёте на одного человека по всем регионам на информации 2005–2023 годов. Из 85 регионов полная информация о потреблении воды и электроэнергии населением имеется по 75 регионам. Нет информации об энергопотреблении по четырём субъектам Дальневосточного федерального округа (Камчатский край, Магаданская и Сахалинская области, Чукотский АО), трём АО, данные по которым не выделены из информации по Архангельской области (Ненецкий) и Тюменской области (Ханты-Мансийский — Югра и Ямало-Ненецкий), по республикам Адыгея и Крым, Севастополю. Два последних региона вошли в состав РФ в 2014 г., поэто-

му до этого события интересующая нас информация отсутствует.

Отдельно по воде и электроэнергии построены частные индексы. Все индексы строились с положительной трактовкой их значений: чем ниже потребление воды или электроэнергии, тем индексы выше. Это сделано для достижения единообразия в интерпретации всех характеристик человеческого потенциала. Кроме того, индексы позволяют сравнивать регионы не только внутри одного года, но и по всем рассмотренным годам:

$$I^{rt} = \frac{0,5(X_{\text{в}}^{\text{max}} - X_{\text{в}}^{\text{rt}})}{(X_{\text{в}}^{\text{max}} - X_{\text{в}}^{\text{min}})} + \frac{0,5(X_{\text{э}}^{\text{max}} - X_{\text{э}}^{\text{rt}})}{(X_{\text{э}}^{\text{max}} - X_{\text{э}}^{\text{min}})}, \quad (1)$$

где I^{rt} — индекс экологического поведения в регионе r в году t , $X_{\text{в}}^{\text{rt}}$ — потребление воды на 1 человека в сутки в регионе r в году t , $X_{\text{в}}^{\text{max}}$, $X_{\text{в}}^{\text{min}}$ — максимальное и минимальное потребление воды на 1 чел. в сутки во всех регионах за период 2005–2023 гг., $X_{\text{э}}^{\text{rt}}$ — потребление электроэнергии на 1 человека в год в регионе r в году t , $X_{\text{э}}^{\text{max}}$, $X_{\text{э}}^{\text{min}}$ — максимальное и минимальное потребление электроэнергии на 1 чел. в год во всех регионах за период 2005–2023 годов.

Сначала рассмотрим динамику частного индекса потребления воды в регионах ($I_{\text{в}}^{\text{rt}}$):

$$I_{\text{в}}^{\text{rt}} = \frac{(X_{\text{в}}^{\text{max}} - X_{\text{в}}^{\text{rt}})}{(X_{\text{в}}^{\text{max}} - X_{\text{в}}^{\text{min}})}, \quad (2)$$

Из формулы его построения следует, что индекс изменяется на отрезке $[0; 1]$: $I_{\text{в}}^{\text{rt}} = 0$ в Москве в 2005 г. (наибольшее потребление воды — 418 л/человека в сутки) и $I_{\text{в}}^{\text{rt}} = 1$ в Республике Тыва в 2013 г. (наименьшее водопотребление — 25 л/человека в сутки).

На динамику частного индекса водопотребления в регионах сильное влияние оказало введение в 2010–2012 гг. платы за воду. Наибольший скачок (то есть снизилось потребление воды на одного человека) в эти годы произошёл в Москве — индекс водопотребления вырос с 0,23 до 0,66, и в Санкт-Петербурге — с 0,33 до 0,61 (рис. 1).

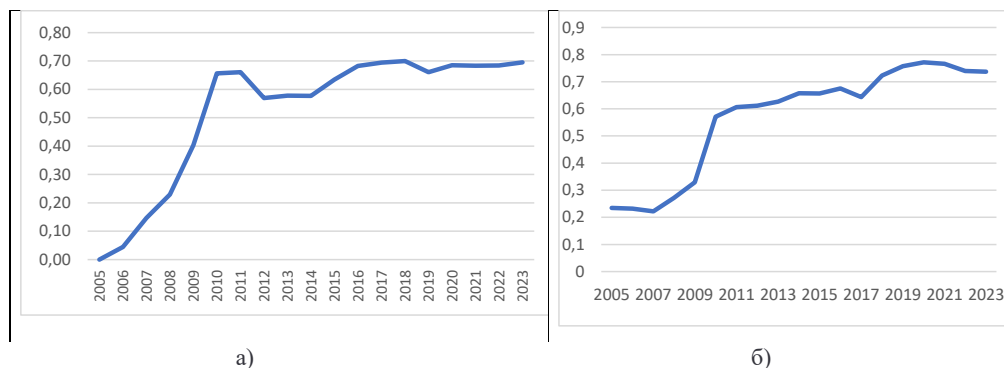

Рис. 1. Динамика частного индекса водопотребления: а) в Москве, б) в Санкт-Петербурге

Fig. 1. Dynamics of the private water consumption index: a) in Moscow, b) in St. Petersburg

Источник: построено по данным ЕМИСС.

В регионах с низким уровнем водопотребления индекс по воде менялся в узком диапазоне в течение всего периода 2005–

2023 гг.: в Ростовской области он был в интервале от 0,67 до 0,77, в Костромской области — от 0,83 до 0,95 (рис. 2).

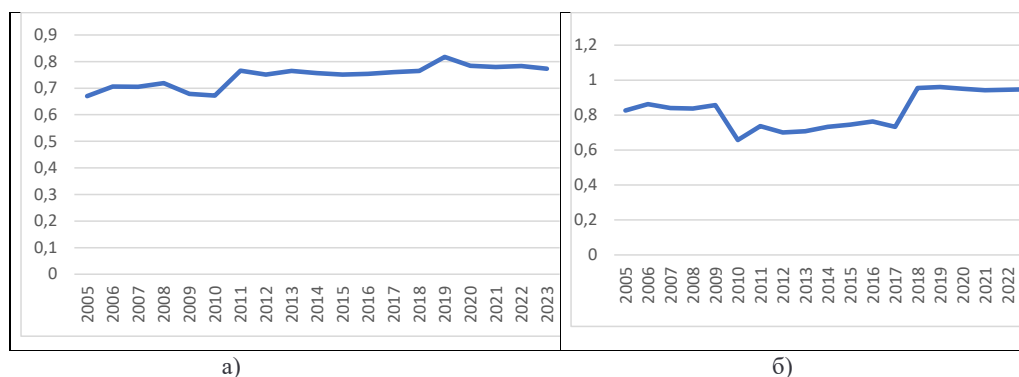

Рис. 2. Динамика частного индекса водопотребления в областях: а) Ростовской, б) Костромской

Fig. 2. Dynamics of the private water consumption index in the region: a) Rostov, b) Kostroma

Источник: построено по данным ЕМИСС.

Больше всего индекс удельного водопотребления за весь рассматриваемый период вырос в Москве, Санкт-Петербурге, Свердловской, Тюменской, Самарской областях. Если в 2005 г. частный индекс по воде в 8 регионах не достигал даже 0,3, то в 2023 г.

водопотребление значительно снизилось — самый низкий индекс по воде составил 0,45 в Мурманской области, и ещё в 7 регионах он был ниже 0,6 — это говорит о существенном улучшении экологического поведения населения в отношении водопотребления.

Такие результаты получены, главным образом, благодаря введению платы за воду для населения.

Частный индекс по потреблению электроэнергии населением строился аналогично индексу по воде. Однако, если по воде индекс рос, то по электроэнергии, наоборот, снижался практически во всех регионах с 2005 по 2023 гг. — потребление электроэнергии на одного человека увеличилось. Исключительная ситуация сложилась в Иркутской области (рис. 3а). Потребление электроэнергии здесь возросло за период 2005–2023 гг. с 1698 до 4538 кВт*ч на 1 человека в год, то есть в 2,7 раза. Причина такого взлёта в потреблении электроэнергии

в Иркутской области известна — вследствие самой дешёвой электроэнергии, вырабатываемой ГЭС Ангарского каскада, сюда переместилось все производство криптовалюты. Второе место по падению частного индекса потребления электроэнергии занял Приморский край, где потребление электроэнергии возросло с 400 до 2347 кВт*ч на 1 человека в год (рис. 3б). В остальных регионах индекс упал в сравнении с 2005 г. на 10–15% (возросло энергопотребление), и лишь в четырёх регионах индекс вырос (снизилось удельное потребление электроэнергии), но незначительно — на 1–10%: Москва, Краснодарский край, Тюменская область и Красноярский край.

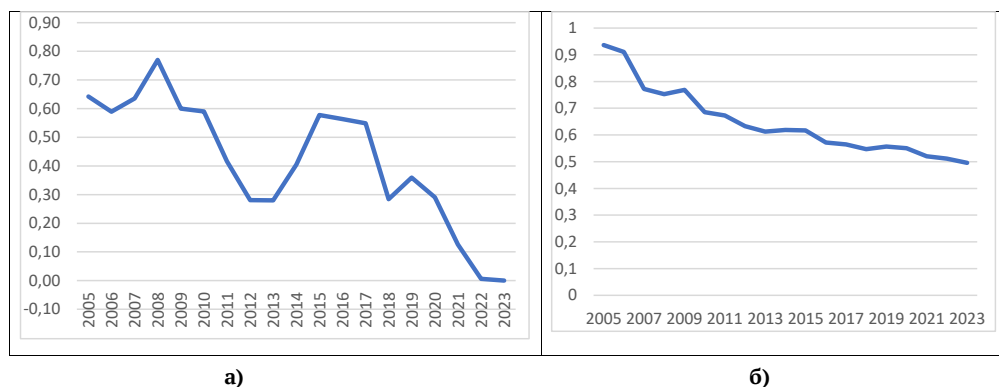

Рис. 3. Динамика индекса энергопотребления: а) Иркутская область, б) Приморский край

Fig. 3. Dynamics of the energy consumption index in: a) Irkutsk region, b) Primorsky Krai

Источник: построено по данным ЕМИСС.

Более наглядно ситуацию объясняет динамика потребления электроэнергии населением в абсолютном выражении: с 2005 г. в большинстве регионов оно возросло на 20–100%. Во многом потребление электроэнергии населением зависит от уровня газификации жилого фонда, поэтому для элиминирования влияния этого фактора сравним потребление электроэнергии населением в регионах Центрального федерального округа (ЦФО), газифицированного в высокой степени. В 2005 г. самое высокое энергопотребление в ЦФО было в Москве (982 кВт*ч на 1 человека в год) и Московской области (898). В 2023 г. «лидерами» ста-

ли области Калужская (1656) и Ярославская (1609), где энергопотребление увеличилось соответственно в 3 и 2,6 раза.

На энергопотребление населением влияет ряд разнонаправленных факторов: снижает его объемы рост тарифов на электроэнергию, а повышает — расширение бытового применения современных электроприборов, а также использование электроэнергии по тарифам для населения в среднем и малом бизнесе. Устранение последнего требует строгого контроля за незаконным потреблением электроэнергии по сниженным тарифам с целью производства товаров и услуг.

И, наконец, проанализируем общий индекс экологического поведения, построенный по частным индексам потребления воды и электроэнергии. В табл. 1 приведены его значения в 10 регионах с наилучшим и наихудшим экологическим поведением населения в 2023 году. Отметим, что регионы с высоким индексом экологического поведения населения сохраняли этот уровень на всем протяжении рассмотренного периода времени. Например, в Республике Калмыкия индекс менялся в интервале от 0,88 до 0,91, в Курганской

области — от 0,82 до 0,85. В группе 10 регионов с наихудшим индексом экологического поведения ситуация совсем иная. В Иркутской области индекс экологического поведения снизился в 2023 г. на 29% в сравнении с 2005 г., в Республике Карелия — на 22%, Приморском крае — на 18%, в Еврейской АО — на 15%, Самарской области — на 18%. Значительно улучшили индекс экологического поведения Москва (на 87%), Санкт-Петербург (40%), Свердловская область (44%), Красноярский край (18%), Омская область (16%).

Таблица 1

Регионы с низким и высоким водо- и энергопотреблением в 2023 году

Table 1

Regions with low and high water and energy consumption in 2023

№	Регионы с низким потреблением воды и электроэнергии	Индекс	№	Регионы с высоким потреблением воды и электроэнергии	Индекс
1	Республика Калмыкия	0,89	1	Иркутская область	0,41
2	Республика Дагестан	0,88	2	Республика Карелия	0,54
3	Республика Тыва	0,88	3	Мурманская область	0,57
4	Чеченская Республика	0,87	4	Приморский край	0,58
5	Костромская область	0,86	5	Калужская область	0,60
6	Республика Мордовия	0,85	6	Еврейская АО	0,61
7	Республика Алтай	0,85	7	Самарская область	0,62
8	Республика Ингушетия	0,84	8	Ярославская область	0,65
9	Ставропольский край	0,82	9	Калининградская область	0,65
10	Курганская область	0,82	10	Хабаровский край	0,65

Источник: рассчитано по данным ЕМИСС.

Проанализируем, какой частный индекс — по потреблению воды или электроэнергии — играет в формировании суммарного индекса ведущую роль. В большинстве регионов, судя по частным индексам по воде и электроэнергии, экологическое поведение населения лучше в отношении энергопотребления, чем водопотребления. Проблемы чрезмерного потребления воды наблюдались в 2023 г. в Калужской области, Республике Карелия, областях Калининградской, Мурманской и Кемеровской. И наоборот, высокое энергопотребление было характерно, прежде всего, для Иркутской области, а также республик Карелия и Хакасия, Еврейской АО.

Далее был построен частный индекс по образованию твёрдых коммунальных отходов (ТКО) на данных за 2020–2023 годы. Здесь антилидером по каждому из четырёх лет была Ленинградская область — масса ТКО на душу населения составляла от 773,7 до 1089,2 кг/человека в год. Резко возросли отходы в Калужской области — с 429,9 в 2020 г. до 875,2 кг/человека в 2023 г. (более чем вдвое). На третьем месте по образованию отходов — Магаданская область: 552,8 кг/человека в 2020 г. и 646,1 — в 2023 году. В Московской области, хотя масса отходов остаётся высокой, но её снижение существенно: с 815,5 кг/человека в год в 2020 г. до 595,3 — в 2023 году.

Как и ожидалось, намного ниже масса образования отходов в регионах, где больше доля сельского населения и ниже среднедушевые доходы. Меньше всего в 2023 г. было образовано ТКО в следующих десяти регионах: республики Бурятия (127,2 кг/человека в год), Хакасия (153,3), Тыва (204,3), Дагестан (213,2), Марий Эл (217,6), Калмыкия (224,4), Чувашская (234,6), а также в Волгоградской области (222,3), краях Пермском (231,6) и Алтайском (239,8).

На основе трёх частных индексов был построен общий индекс экологического поведения населения (ИЭП) с 2020 до 2023 год. В табл. 2 представлены ИЭП в 10 лучших и 10 худших по значению индекса регионах в 2023 году. Во всех лучших по ИЭП реги-

онах высок не только общий ИЭП, но и все три частных индекса. Общий индекс в наихудших по экологическому поведению регионах не однороден — в большинстве случаев «проседает» какой-то один частный индекс. Проблема повышенного водопотребления выявлена в Мурманской области, электроэнергии — в Иркутской области и Приморском крае, образования ТКО — в Калужской, Московской и Ленинградской областях. Низкие частные индексы одновременно по водо- и энергопотреблению — в Республике Карелия и Самарской области, водопотребления и образования ТКО — в Калининградской области, энергопотребления и образования ТКО — в Амурской области.

Таблица 2

Регионы с самыми высокими и низкими ИЭП в 2023 году

Table 2

Regions with the highest and lowest environmental behavior index in 2023

№	Регионы с самым высоким ИЭП	ИЭП	№	Регионы с самым низким ИЭП	ИЭП
1	Республика Калмыкия	0,88	1	Калужская область	0,47
2	Республика Дагестан	0,88	2	Ленинградская область	0,49
3	Республика Ингушетия	0,88	3	Иркутская область	0,54
4	Республика Тыва	0,88	4	Московская область	0,61
5	Чеченская Республика	0,86	5	Республика Карелия	0,61
6	Республика Алтай	0,85	6	Калининградская обл.	0,64
7	Республика Бурятия	0,85	7	Приморский край	0,64
8	Курганская область	0,83	8	Мурманская область	0,65
9	Костромская область	0,82	9	Самарская область	0,66
10	Республика Мордовия	0,82	10	Амурская область	0,66

Источник: рассчитано по данным ЕМИСС.

Как видно из табл. 2, наилучшее экологическое поведение населения наблюдается в регионах с низкими среднедушевыми доходами — население в них сокращает затраты на оплату потребления воды и электроэнергии, обращения с отходами. И наоборот, регионы с низким индексом экологического поведения, в большинстве, имеют высокие среднедушевые доходы. Можно сделать вывод о том, что разное отношение к природным и экологическим благам определяется не прямыми предпочтениями населения, вытекающими из стремления к охране окружающей среды и её ресурсов, а мо-

тивами экономического характера. Экологическое воспитание и экологическая культура пока что не проявляют себя при анализе средних показателей экологического поведения в разрезе регионов. Скорее всего, влияние этих факторов можно заметить на уровне домохозяйств, но и в этом случае решающим всё равно останется фактор доходов, поскольку современный человек не откажется от личного комфорта в пользу окружающей среды, пока природа будет в состоянии ему этот комфорт обеспечивать.

Предложенный индекс экологического поведения открыт для введения в него дру-

гих аспектов взаимодействия населения с окружающей природной средой, если появится возможность эти аспекты представить в количественном выражении. Но уже на примере анализа трех составляющих индекса и их динамики видно, что управлять экологическим поведением населения мож-

но экономическими мерами, конечно же, при этом не отвергая актуальности решения задач экологического воспитания и образования. Построенный индекс готов для включения его в формализованные социально-экономические модели при их расширении до статуса социо-эколого-экономических.

Литература и Интернет-источники

1. **Архангельский, В.Н.** Комплексная характеристика человеческого потенциала регионов России / В.Н. Архангельский, Ю.В. Дмитриева, В.Г. Доброхлеб, [и др.]. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2024. — 422 с. DOI: 10.19181 / monogr.978-5-89697-435-2.2024; EDN: BQHGTT
2. **Локосов, В.В.** Человеческий потенциал: концептуальные подходы и методики измерения / В.В. Локосов // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 4–14. DOI: 10.19181 / population.2023.26.4.1; EDN: FFZUND
3. **Кушнарёва, А.А.** К вопросу о социально ответственном потреблении / А.А. Кушнарёва // Весенние дни науки ВШЭМ. Сборник докладов международной конференции (Екатеринбург, 20–22 апреля 2017 г.). — Екатеринбург, 2017. — С. 410–413. EDN: XUPJGP
4. **Ермолаева, П.О.** Критический анализ зарубежных теорий экологического поведения / П.О. Ермолаева, Ю.В. Ермолаева // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2019. — № 4. — С. 323–346. DOI: 10.14515 / monitoring.2019.4.16; EDN: VUDGPJ
5. **Яницкий, О.Н.** Экосоциальные исследования: междисциплинарная методология, теория, практика / О.Н. Яницкий. — Москва : Институт социологии РАН, 2016. — 327 с.
6. **Attari, S.Z.** Public perceptions of energy consumption and savings / S.Z. Attari, M.L. DeKay, C.I. Davidson, W. Bruine de Bruin // Proceedings of the National Academy of Sciences. — 2010. — 236 p. DOI: 10.1073 / pnas.1001509107
7. **Stern, P.C.** New environmental theories: toward a coherent theory of environmentally significant behavior / P.C. Stern // Journal of social issues. — 2000. — Vol. 56. — No. 3. — P. 407–424. DOI: 10.1111 / 0022-4537.00175
8. **Рюмина, Е.В.** Минусы экологического поведения семей: избыточное потребление / Е.В. Рюмина // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № S1. — С. 190–201. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-S1-190-201; EDN: JRBUIY
9. **Рюмина, Е.В.** Динамическая картина региональных различий в экологическом поведении населения / Е.В. Рюмина // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2025. — № 9. — С. 366–374. EDN: ILYZFI

Информация об авторе:

Рюмина Елена Викторовна, д.э.н., проф., главный научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: ryum50@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7386-1077; РИНЦ SPIN-код: 6902-7304.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-94-104

DYNAMICS OF THE INDEX OF ENVIRONMENTAL BEHAVIOR OF POPULATION

Elena V. Ryumina

ISESP FCTAS RAS

(24/35 cor. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)

E-mail: ryum50@mail.ru

For citation:

Ryumina E.V. Dynamics of the index of environmental behavior of population. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 94-104. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-94-104 (in Russ.)

Abstract: *Qualitative characteristics of population include their relation to environment and natural resources, that is, environmental behavior of population. Among all aspects of environmental behavior, water and energy consumption in everyday life, and formation of municipal solid waste are considered. This limitation of the research object is caused by lack of information about other manifestations of the population's attitude to natural environment. The dynamics of environmental behavior is analyzed, formalized in the form of an index, which consists of three particular indices (water consumption, energy consumption, waste generation — all per capita) with equal weights. The time period for data analysis is from 2005 to 2023 for water and energy consumption, and from 2020 to 2023 for waste generation. The information was collected in the context of 85 regions, but for various reasons, the database was formed to the required extent for 75 subjects of the Russian Federation. The indices were based on the principle that the better the environmental behavior, the higher the indices. At the beginning of the article, an analysis of official documents, both Russian and international, concerning natural environment is given, and almost complete disregard for the problems of environmental behavior of the population is shown, only environmental education, upbringing and culture are mentioned. The article shows the significant role of measures of economic regulation of water and energy consumption in everyday life, and waste generation. Particular and general indices of environmental behavior for certain time periods are constructed and analyzed. It was found that the best environmental behavior of the population is observed in regions with low per capita incomes — the population in them reduces the cost of paying for water and electricity consumption, waste management. Conversely, regions with a low environmental behavior index have high per capita incomes. In general, in comparison with 2005, the indices of environmental behavior of the population improved in most regions by 2023.*

Keywords: *environmental behavior, water consumption in everyday life, energy consumption by population, formation of municipal solid waste, index of environmental consumption.*

References and Internet sources

1. Arkhangelsky V.N., Dmitrieva Yu. V., Dobrokhleb V.G., et al. Kompleksnaya kharakteristika chelovecheskogo potentsiala regionov Rossii [*Comprehensive Characteristic of the Human Potential of Russian Regions*]. Moscow. FNIS RAN [FCTAS RAS]. 2024. 422 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-435-2.2024 (in Russ.)
2. Lokosov V.V. Chelovecheskij potentsial: konceptual'nyye podkhody i metodiki izmereniya [Human potential: conceptual approaches and measurement methods]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. No. 4. P. 4–14. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.1 (in Russ.)
3. Kushnaryova A.A. K voprosu o sotsial'no otvetstvennom potreblenii [On the issue of socially responsible consumption]. *Vesenniy dni nauki VShEM. Sbornik dokladov mezhdunarodnoj konferentsii* (Ekaterinburg, 20–22 Aprelya, 2017). [*Spring Days of Science. Proceedings of the international conference* (Ekaterinburg, 20–22 April, 2017). Ekaterinburg. 2017. P. 410–413. (in Russ.)
4. Ermolaeva P.O., Ermolaeva Yu. V. Kriticheskij analiz zarubezhnykh teorii ekologicheskogo povedeniya [Critical analysis of foreign theories of environmental behavior]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [*Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*]. 2019. No. 4. P. 323–346. DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.16 (in Russ.)
5. Yanitsky O.N. Ekosotsial'nyye issledovaniya: mezhdistsiplinarnaya metodologiya, teoriya, praktika. [*Ecosocial Research: Interdisciplinary Methodology, Theory, Practice*]. Moscow. Institut sotsiologii RAN [Institute of Sociology RAS]. 2016. 327 p. (in Russ.)
6. Attari S.Z., DeKay M.L., Davidson C.I., Bruine de Bruin W. Public perceptions of energy consumption and savings. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2010. 236 p.

7. Stern P.C. New environmental theories: toward a coherent theory of environmentally significant behavior. *Journal of Social Issues*. 2000. Vol. 56. No. 3. P. 407–424. DOI: 10.1111/0022-4537.00175
8. Ryumina E.V. Minusy ekologicheskogo povedeniya semej: izbytochnoye potrebleniye [Shortcomings of the environmental behavior of families: excessive consumption]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. S1. P. 190–201. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-190-201 (in Russ.)
9. Ryumina E.V. Dinamicheskaya kartina regional'nykh razlichij v ekologicheskom povedenii naseleniya [Dynamic pattern of regional differences in environmental behavior of the population]. *Regional'nyye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Economic Transformation]*. 2025. No. 9. P. 366–374. DOI: 10.26726/rppe2025v9tdpor (in Russ.)

Information about the author:

Ryumina Elena Viktorovna, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: ryum50@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7386-1077; Elibrary SPIN-code: 6902–7304.

Статья поступила в редакцию 25.01.2026, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-105-116
EDN: RJCGMF

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

Кабанова Е. Е.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49/2)

E-mail: elekabanova@fa.ru

Для цитирования:

Кабанова Е. Е. Социализация детей с ограниченными возможностями здоровья // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 2. — С. 105-116. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-105-116; EDN: RJCGMF

Аннотация. Ключевым направлением социализации детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в настоящее время является обеспечение для них доступного образования, начиная с дошкольного, и учитывающего психофизические особенности развития каждого ребёнка. Целью текущей работы является системный анализ текущего прогресса в области образования детей с ОВЗ, исследование статистических показателей, обуславливающих эти индикаторы и влияющих на них факторов, оценка реальности и результативности поставленных задач. Основными источниками данных являются Росстат, ВШЭ и открытые индикаторы Минобрнауки России. Обработка входных данных осуществляется с применением методов системного анализа, синтеза, индукции. Совмещение статистических данных с практическим опытом позволило сделать вывод о том, что ошибочное понимание текущей картины и отдельных особенностей деятельности коррекционных школ, мотивации родителей и детей с ОВЗ, позднее начало работы с особыми детьми — т.е. отсутствие ранней реабилитации — всё это может привести к нерациональным расходам с неопределёнными результатами. Следует с осторожностью внедрять новые методы инклюзивного обучения, равенства реализации права на образование и социализации, поскольку дети с отставаниями в развитии и нарушениями интеллекта составляют абсолютное большинство детей с ОВЗ. А именно с этими группами имеются наибольшие сложности в социализации, причём не только для самих детей-инвалидов, но и для здоровых детей из их окружения. Принимая во внимание существенные затраты на обеспечение инклюзивного образования, необходимо более рационально подходить к созданию инклюзивной системы обучения, учитывать все аспекты для максимальной эффективности расходования бюджетных средств.

Ключевые слова: инвалидность, дети с ограниченными возможностями здоровья, социализация, инклюзивное образование, социальная среда, реабилитация.

Введение

Вопрос интеграции детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) в общество был и остаётся актуальным. Он имеет ряд особенностей, находится в состоянии изменяющегося сочетания прав и обязанностей детей с ОВЗ, их родителей, остальных детей, не имеющих отклонений в развитии, и также их родителей, педагогов, администраций учебных заведений. В академической среде не принято рассматривать одновременно все факторы образовательного процесса детей с ОВЗ, поскольку это может привести к нежелательным выводам по отношению к сформированному управленческому вектору на социализацию таких детей. Однако, случайное или намеренное исключение из анализа любого из аспектов грозит превращением процесса социализации таких детей в декларативную процедуру без шансов на их действительное вовлечение в обычную жизнь; может привести к минимизации перспектив нормализации их отношений со сверстниками и их родителями; и, что самое важное — к обратным последствиям повышения уровня негативного восприятия в обществе внедрения самого по себе явления совместного обучения детей с ОВЗ в среде общего образования.

Сегодня процесс социализации детей с ОВЗ декларируется как непрерывный, совместный со здоровыми детьми процесс, не взирая на возрастные, физические или социальные ограничения. Настоящая работа, опираясь на фактологию и другие исследования, ставит задачей системный анализ реального прогресса, достигнутого в этом направлении, рисков и некоторых его особенностей. Будет уместным сделать небольшой исторический дискурс.

В недалёком прошлом выявление отклонений в развитии детей в большинстве случаев осуществлялось в первом классе средней школы в ходе зональных или межрайонных (в терминах 1980–1990-х гг.) комиссий, представленных сотрудниками районных коррекционных (вспомогательных) школ. Обычно комиссии проходили в течение уже первых осенних каникул, когда

по текущей успеваемости можно было сделать определённые выводы о тех или иных детях, определить направление и степень отставания. При этом определение комиссии в коррекционные школы имело определяющий характер и для ребёнка, и для его родителей. В ряде случаев решение могло быть отложено до весенних каникул или до конца учебного года. Но за редкими исключениями к окончанию первого класса дети с отклонениями в развитии уже распределялись по коррекционным (в терминах прошлых лет — школам с недостатками умственного или физического развития) школам. В 1997 г. Письмом Минобразования от 04.09.1997 № 48 и Постановлением Правительства РФ от 12 марта 1997 г. № 288 эти школы были законодательно разделены на 8 видов. Впрочем, данные документы лишь узаконивали уже и без того сложившуюся практику деления школ для детей с недостатками развития на 8 видов, помимо которых ещё существовали „прочие школы“. Но так как последние исчислялись единицами, то их роль в общей системе коррекционных школ была несущественной. В 1980-е гг. самыми массовыми являлись вспомогательные школы (для умственно отсталых, позднее — школы VIII вида): из 1576 школ на 1980/81 учебный год их было 1248 (79%). В 1993/94 учебный год — 1846 и 1455 школ (79%) соответственно¹. Как видно, соотношение количества школ (и, следовательно, самих патологий) было примерно постоянным. То есть уже к концу существования СССР сложилась устойчивая тенденция подавляющей доли детей с умственной отсталостью в общей системе коррекционных школ в России. Система работала по принципу „выявления и изоляции“ детей с ОВЗ от здоровых на стадии первого класса средней школы и их определение в коррекционные (вспомогательные) школы.

В настоящее время подход к работе с детьми с ОВЗ кардинально изменился. Его основу составляет уже не принцип „выявления и изоляции“, а принцип социализации и вовлечения детей с ОВЗ в общение и обу-

¹ Российский статистический ежегодник. 1994. Стат. сб. / Госкомстат России. — Москва, 1994. — 799 с.

чение со сверстниками. Общее социальное пространство (разумеется, не без стороннего психолого-педагогического участия) рассматривается как фактор лечебной среды, обязательный для успешной социализации [1]. Здесь стоит упомянуть работу В.Л. Кокоренко о существенном неравномерном рассогласовании в психическом состоянии детей с различными видами ОВЗ и влиянии как семейной, так и социальной среды на развитие личности [2]. И о важности социальных связей для минимизации этих ментальных патологий.

Современные исследователи сходятся во мнении, что ключевым элементом социализации детей с ОВЗ является организация совместного образовательного процесса в едином коллективе со здоровыми детьми. Так, например, Д.Е. Шевелёва подробно освещает в своей работе прикладные подходы к созданию единого социального пространства в ходе совместного обучения здоровых детей и детей с ОВЗ [3]. При этом автор справедливо отмечает, что социализация детей с ОВЗ редко протекает естественным образом в силу отталкивающих особенностей развития детей с ОВЗ (высказанных, например, в упомянутой работе В.Л. Кокоренко), что вызывает необходимость психологической и педагогической работы в этом направлении со всеми участниками. Что логично — если бы социализация детей с различными физическими данными протекала естественным образом, то вопрос в принципе бы даже не возникал.

При этом, основываясь на мнении L. Comitas, M. Jezioranski и M.F. Giangreco², Д.Е. Шевелёва выделяет два этапа социализации: первичную (семейную) и вторичную (учреждения образования). То есть, по мнению указанных авторов, процесс совместного обучения представляет собой лишь

второстепенный этап социализации ребёнка с ОВЗ, когда главный социальный опыт он должен получить ещё в семье. Хотя, конечно, при этом не умаляется роль образовательного процесса в формировании социального и культурно-нравственного базиса развития в целом [4]. Но работа на уровне семьи здесь определяется как первооснова. И чем в более раннем возрасте она будет начата — тем больше шансов на успешную социализацию ребёнка. В этом же ключе находится работа Е.Н. Здороило, бедность социальных контактов с людьми разных возрастов резко снижает способность ребёнка с ОВЗ к социализации и возможности самостоятельного существования во взрослой жизни [5], трудовой деятельности [6]. А интеграция в образовательное сообщество является наиболее важным фактором личностного развития ребёнка, снижая концентрацию на патологии и дефицит контактов [7]. И здесь особую важность приобретает ранний этап — дошкольной социализации в коллективе [8–10].

К сожалению, направлению дошкольного развития в настоящее время уделяется недостаточное внимание, что в том числе заметно в силу факта необязательности дошкольного образования как такового в противовес обязательному школьному образованию. Это во многом объясняется инерционностью самой по себе системы выявления особенностей в развитии, когда условно все дети с любыми отклонениями посещают детские сады. Хотя, в реальности, конечно, дети с ОВЗ, которые уже достаточно ясно оформлены в раннем возрасте, но по разным причинам не посещают ДОО, хотя определённый диагноз на данном этапе ставится относительно редко. Кроме того, конечно, играют существенную роль различные традиционные и этнокультурные особенности, а также психическое состояние родителей, которые зачастую могут быть просто не готовы к признанию диагноза своего ребёнка³ [11]. Разумеется, всё это находит от-

² Comitas L., Dolgin J.L. On Anthropology and Education: Retrospect and Prospect // *Anthropology & Education Quarterly*. 1978. Vol. IX, No. 3. P. 165–180; Jezioranski M. Relacja wychowawcza w ujęciu wybranych koncepcji antropologicznych // *Paedagogia Christiana*. 2015. 2/36. P. 43–64; Giangreco M.F., Putnam J.W. Supporting the Education of Students with Severe Disabilities in Regular Education Environments. — URL: <http://www.uvm.edu/~cdc/archives/mgiangre/Giangreco and Putnam.pdf> (дата обращения: 21.04.2026).

³ Baleja-Stawicka I. & Rabe-Jabłońska J. The mental health condition and the quality of life of mothers looking after children with mental retardation as factors related to the quality of parental care — Review of bibliography // *Psychiatria i Psychologia Kliniczna*. — 2007. — No. 7. — P.

клик в особенностях формирования и работы психолого-медико-педагогических комиссий (ПМПК) — их деятельность в значительной степени в настоящее время ориентирована на социализацию, а не на изоляцию инклюзивных детей [12].

Обзор нормативных актов

Одним из ключевых современных документов, определяющих как таковое общее направление образовательного процесса для детей с ОВЗ и инвалидностью — это принятые 30.12.2022 г. Приоритетные направления развития образования обучающихся с инвалидностью и ОВЗ до 2030 года⁴. Вкратце документ отталкивается от необходимости реализации прав на обучение лиц с инвалидностью, обеспечение для них специальных условий удовлетворения особых образовательных потребностей в процессе от дошкольного до профессионального. Ключевыми нормами определены: 1) Конвенция ООН о правах инвалидов; 2) Конституция Российской Федерации; 3) Федеральный закон № 273-ФЗ от 29.12.2012 „Об образовании в Российской Федерации“; 4) Федеральный закон № 181-ФЗ „О социальной защите инвалидов в Российской Федерации“, межведомственный план мероприятий по развитию общего и дополнительного инклюзивного образования № 14056п-П8, утверждённый Зампредседателя Правительства 22.12.2021 г.; 5) Концепция развития системы комплексной реабилитации и абилитации инвалидов до 2024 г. № 3711-р. (Далее — Концепция реабилитации инвалидов). А также ряда других документов, имеющих прямое отношение к развитию инклюзивной системы образования в России.

Для большинства указанных документов краеугольным камнем является подчёркивание необходимости реализации права на обучение для всех категорий граждан в России. Здесь стоит сделать уточнение,

165–169.

⁴ Приоритетные направления развития образования обучающихся с инвалидностью, ограниченными возможностями здоровья до 2030 года. Утверждены 30.12.2022 г. Министром просвещения Российской Федерации.

что для нашей страны является и всегда являлось нормой всеобщее школьное образование, не смотря на наличие инвалидности. По данным Росстата на 1 октября 2024 г. лишь 6853 ребёнка в возрасте 7–17 лет не обучались нигде⁵. И инвалидов среди них насчитывалось всего 607 человек (из которых 503 не посещали занятия по состоянию здоровья). Поэтому обсуждение проблематики доступности как такового образования в принципе для инвалидов или детей с ОВЗ не имеет актуальности — оно было и обеспечено сейчас практически для 100% детей, вне зависимости от их физического состояния. А редкие единичные случаи нахождения детей вне системы образования, как правило, связаны либо с непреодолимыми препятствиями по здоровью, либо с отсутствием ответственного подхода со стороны родителей или лиц их заменяющих, либо с этнокультурными особенностями отдельных регионов и народностей страны. Да, является определённым минусом „поздний“ охват обязательным образованием, что затрудняет своевременное выявление проблематики в раннем возрасте.

Актуальная проблема заключается в другом — в социализации таких детей. В обеспечении условий обучения и развития наравне со сверстниками. Создание возможностей для получения образования мало — при полном отсутствии социализации образование будет практически бесполезно для его носителя. Поэтому если вопрос организации образовательного процесса для детей с ОВЗ был в целом решён десятилетия назад, то задача социализации таких детей в общество — актуальнейшая проблема сегодняшнего дня. И логичным её решением, лежащим на поверхности, видится совместное обучение детей с ОВЗ в обычной ученической среде. Конечно, это возможно лишь для детей с сохранившимся интеллектом, поскольку в противном случае по-

⁵ Министерство просвещения Российской Федерации. Сведения по форме федерального статистического наблюдения № 1-НД „Сведения о численности несовершеннолетних в возрасте 7–17 лет, не обучающихся в организациях, осуществляющих образовательную деятельность“ по состоянию на 1 октября 2024 года. — URL : <https://docs.edu.gov.ru/document/c055c9b1eb114b8f3f4a975dcb2b039b/> (дата обращения: 04.05.2025).

пытки совместного обучения превращаются в бесполезную и даже деструктивную деятельность как для самих детей с особыми потребностями, так и для остальных учеников и педагогов. Хотя основу самого процесса социализации составляет создание возможностей для детей с ОВЗ совместного обучения со здоровыми для облегчения, таким образом, процесса их вовлечения в обычную жизнь. Соответственно, процесс трансформации системы заключается в изменении формата получения образования, на что влияют два фактора: экономический и социально-ориентированный. Стоит обратить внимание на следующие моменты.

Структура причин ОВЗ и инвалидности для детей

Из перечисленных выше документов, касающихся организации образовательного процесса для детей с ОВЗ и инвалидностью, особого внимания заслуживает последний в списке. А именно: Концепция реабилитации инвалидов. В ней, в частности, указывается на то, что в России среди детей-инвалидов первое место по причине инвалидности занимают расстройства поведения и психики. Также подчёркивается, что является негативным фактом постоянный рост детской инвалидности по данным направлениям установления диагноза. Действительно, если обратиться к информации Росстата, то можно найти подтверждение указанным тезисам: в общей статистике впервые признанных инвалидами детей (в возрасте до 18 лет) психические расстройства и расстройства поведения занимают не только первое место по абсолютному количеству, но также и по относительному приросту с 2008 по 2023 годы.

Как можно видеть на рис. 1, одни расстройства поведения и психики в 2023 г. практически сравнялись с причинами установления инвалидности по всем остальным причинам, не связанным с расстройствами поведения, психики, нервной системы, врождённых и хромосомных аномалий. Хотя в 2008 г. доля расстройств поведения и психики составляла лишь около половины

суммарного показателя „остальные причины“. А в сумме расстройства, так или иначе связанные с психическими отклонениями, являются причиной примерно 63% случаев впервые признанной инвалидности для детей в 2023 году. Из них конкретно расстройства психики — 33% (в 2008 г. было 19%). Таким образом, можно видеть тенденцию роста и без того превосходящей доли детей с отклонениями в психическом развитии, хотя номинально в концепциях образования рассматриваются все случаи ОВЗ и особо не выделяется какое-то одно из них [13].

На рис. 1 можно заметить особенность: устойчивый рост числа ежегодно признаваемых инвалидов по причине расстройства поведения и психики начинается с 2013 года. Количество таких детей с вновь установленным диагнозом постоянно растёт вне зависимости от демографических процессов в стране. Проиллюстрируем это утверждение. На рис. 2 хорошо заметно, что если до 2013 г. наблюдался практически равномерный рост числа родившихся и числа детей, впервые признанных инвалидами по причинам расстройства поведения и психики, то с 2013 г. можно видеть ускорение инвалидизации, а с 2016 г. — полное отсутствие корреляции двух графиков (за исключением ковидного 2020 г.).

Что послужило причиной этому явлению и стало триггером процесса? Для понимания наблюдаемых процессов роста инвалидизации необходим реальный взгляд на ситуацию. Ключевым фактором значительного роста количества лиц с инвалидностью по причинам расстройства поведения и психики именно с 2013 г. стал указ Президента РФ № 175 „О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы“. Он почти в 5 раз одномоментно увеличил такие выплаты для родителей детей-инвалидов и лиц их замещающих, что в значительной степени повлияло на выбор родителей таких детей в плане материального приоритета выплат ребёнку-инвалиду.

Не является секретом факт того, что в ряде регионов страны значительную часть контингента коррекционных школ

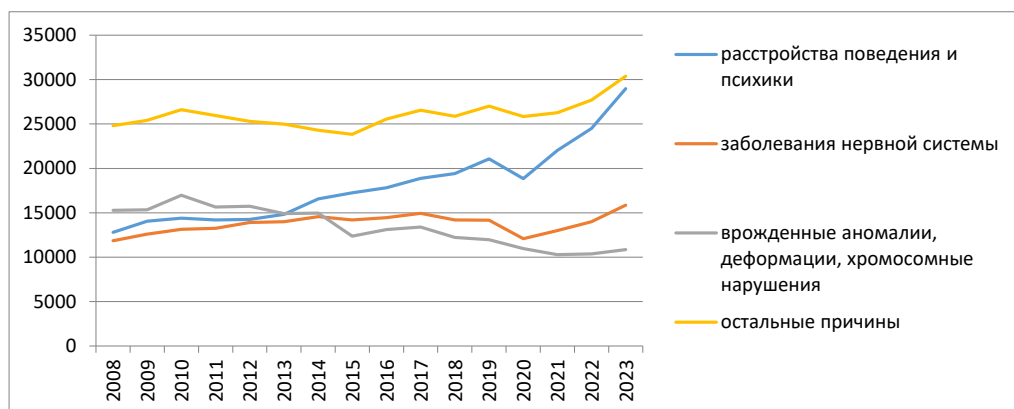

Рис. 1. Количество детей, впервые признанных инвалидами в 2008–2023 гг., человек

Fig. 1. Number of children first recognized as disabled in 2008–2023, people

Источник: Росстат. — URL : https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pi_8-4_2023.xlsx?ysclid=ma9-qt05ckb821302804 (дата обращения: 04.05.2025).

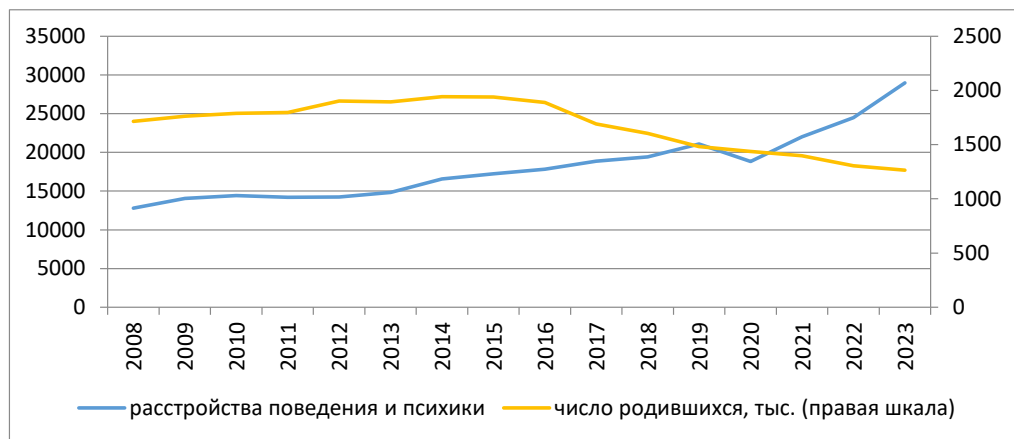

Рис. 2. Количество детей, впервые признанных инвалидами по причинам расстройства поведения и психики и число родившихся в 2008–2023 гг., человек

Fig. 2. Number of children first recognized as disabled due to behavioral and mental disorders and number of births in 2008–2023, people

Источники: Росстат. — URL : https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/pi_8-4_2023.xlsx?ysclid=ma9qt05ckb821302804; URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/12781?nw=1611924303000&ysclid=madwgy4v9z843852663> (дата обращения: 04.05.2025).

составляют дети из неблагополучных многодетных семей, для которых такие выплаты (а также возможность проживания детей в интернатах) являются важным, а иногда и единственным источником денежного обеспечения. И в силу либо этнокультурной специфики, либо иных причин родители не рассматривают сценарий, ког-

да их ребёнку в будущем может повредить статус инвалида в плане трудоустройства на какие-то специальности. Такие родители в принципе не мотивированы к обучению своих детей в массовой школе. Поэтому, принимая во внимание превосходство опыта коррекционных школ, трудно рассчитывать в обозримом будущем на их су-

щественное сокращение и на массовый переход обучающихся с ОВЗ или статусом инвалида в обычные средние школы. И, соответственно, на социализацию детей с ОВЗ: криминализация и отсутствие трудовых навыков является, к сожалению, в таких случаях нормой.

Ранняя реабилитация

Существенный момент, указанный в „Концепции реабилитации инвалидов“ — важность раннего этапа медицинской реабилитации. То есть в случае с психическими отклонениями, составляющими, как видно из рис. 1, большинство случаев детской инвалидности, особую важность имеет ещё дошкольный этап работы с такими детьми. Но как обстоит дело на самом деле? На практике до 5 лет, за редкими исключениями, какие-либо конкретные диагнозы по психическому развитию детей не ставятся вообще. В лучшем случае врач может поставить задержку речевого развития (ЗРР), что фактически во многих случаях означает и задержку психического развития (ЗПР) или умственную отсталость (УО). Тем не менее, комплекс сдерживающих факторов со стороны: родителей таких детей, административных ограничений, этических со-

ображений, осторожности (ошибочный диагноз может стать „клеймом“ на всю жизнь) приводят к практически полному отсутствию какой-либо работы с детьми с ОВЗ в детских дошкольных учреждениях (ДОУ) даже на стадии диагностики, не говоря уже о реабилитации. И это при условии их посещения дошкольного учреждения, что в текущих нормативно-правовых рамках не является обязательным.

Немного статистики по этому вопросу в табл. 1. Из таблицы нетрудно заметить, что в современных реалиях 72,8% детей с какими-либо нарушениями психического развития находятся в группах возрастном от 5 лет и старше, а ещё 15,3% — в группах смешанных возрастов (как правило это возраста 5–6 лет, а иногда и 7 лет для детей с серьёзными задержками в развитии, которые не пошли в школу в 6 лет). То есть до 5 лет случаи действительного установления диагноза ЗПР или УО — редки. Причём, как видно из табл. 1–82% всех случаев дошкольного диагностирования каких-либо отклонений относится к категории ЗРР. Но по факту зачастую такие группы наполовину составлены из детей, которым необходимо ставить более реалистичный диагноз и начинать своевременную работу по реабилитации. И, как правило, лишь в первом

Таблица 1

Численность воспитанников в ДОУ на 2024 г. по возрасту, человек

Table 1

Number of pupils in preschool educational institutions in 2024 by age, people

Наименование	Всего	до 1 года	1-3 года	3-5 лет	5 лет и старше	разные возраста
Всего	6385265	5499	1076720	2231259	2485845	585942
В том числе группы компенсирующей направленности, из них:	435065	29	3331	56528	307484	67693
- с нарушением речи (ЗРР)	328844	-	869	37910	257932	32133
- с нарушением интеллекта (УО)	6452	-	24	522	2041	3865
- с задержкой психического развития (ЗПР)	59420	18	313	7390	29598	22101
- со сложными дефектами	5682	7	118	580	1767	3210
Всего с ЗРР, УО, ЗПР и сложными дефектами	400398	25	1324	46402	291338	61309
% от «всего»	100	0,0	0,3	11,6	72,8	15,3

Источник: Министерство просвещения РФ. – URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/dff37dab0b54ff95ebb3bbfad5cb4c86/> (дата обращения: 04.05.2025).

классе школы родители запоздало узнают или признают отклонения в психическом развитии своего ребёнка, что существенно ограничивает результативность работы по социализации таких детей в общество.

Позднее диагностирование исключает возможность ранней реабилитации, осложняет и без того непростую работу воспитателей в ДОУ и педагогов начальных классов. А в итоге получается нерадостная картина необходимости содержания значительного количества коррекционных школ и интернатов для детей с умственной отсталостью или искать решения по социализации их в средних школах. Хотя в ряде случаев на стадии раннего диагностирования этого можно было бы если не избежать, то, по крайней мере, купировать проблему в самом зародыше. Хотя, очевидно, что эта проблема выходит за рамки системы дошкольного образования в силу не 100%-го охвата всех детей.

Обобщение проблематики структуры детей с ОВЗ и отсутствия ранней диагностики

Подытоживая данные рис. 1 и табл. 1 можно сказать, что проблема организации образовательного процесса для детей с ОВЗ в настоящее время является результирующей от сочетания проблем отсутствия ранней диагностики и преобладания среди детей-инвалидов школьного возраста диагнозов, связанных с отклонениями в психическом развитии. Казалось бы, именно эти факторы должны диктовать общую концепцию развития процесса социализации детей с ОВЗ — просто исходя из самой массовой категории таких детей. Но текущие программы нацелены на формирование лишь общих контуров вовлечения детей-инвалидов в учебный процесс на базе общеобразовательных средних школ, которые предполагается оптимизировать и модернизировать, исходя из требований доступности для лиц с отдельными разновидностями ОВЗ. При этом из планирования практически исключается и проблема отсутствия раннего диагностирования, и факт превосходящей доли психических отклонений в общем числе детей с ОВЗ.

При таком подходе не представляется реалистичной задача достижения цели, приближенной к 100% социализации детей с ОВЗ в общество. Хотя бы потому, что отсутствует механизм или даже декларативное планирование раннего диагностирования психических отклонений. А предполагается лишь пассивный сценарий приспособления существующих средних школ для инклюзивного обучения. И здесь естественно сопротивление и со стороны учительской среды, и со стороны родителей детей. Когда из диагноза ЗПР, поставленного в детском саду (даже не принимая во внимание, что значительная часть детей с такими потенциальными диагнозами может не посещать), в первом классе „внезапно обнаруживается“ диагноз УО или ЗПР, когда классы уже сформированы, но не предусмотрены ни педагоги-наставники для таких детей („тьюторы“), ни проведение специализированного обучения для педагога начальных классов. А ведь это совершенно обычная ситуация, как можно видеть из табл. 1 — подобные диагнозы редки в ДОУ, как в силу отсутствия диагностики, так и в силу необязательности посещения ДОУ всеми дошкольниками. Стоит привести здесь данные Минобразования: на 2024 г. в системе среднего образования с 1 по 11 классы обучалось 401687 детей с диагнозами ЗПР и УО. А всего детей с ЗПР и УО в системе ДОУ насчитывается на 2024 г. лишь 65782 всех возрастов от 1 до 7 лет. При этом для каждого года обучения в системе среднего образования численность детей с диагнозами ЗПР и УО составляет 40–45 тыс. человек. Легко заметить, что это не соответствует показателям системы ДОУ, если рассчитать их на год обучения. И здесь ключевая проблема в том, что вопрос социализации сдвигается „на потом“ — к школе, когда стадия раннего диагностирования упущена. Конечно, в школе этот процесс отложен — это ещё советская схема, когда в ходе обучения определялись действительные возможности ребёнка. А в системе ДОУ этот вопрос оставлен на совести родителей.

Не стоит забывать и о экономической стороне процесса. Так, согласно письму Ми-

нобрунауки РФ, фактическое финансирование обучающихся с ОВЗ в системе образования составляло за 2014–2015 учебный год: 1) для глухих обучающихся — до 5814 тыс. рублей; 2) для слабослышащих — до 5366 тыс. рублей; 3) для слепых обучающихся — до 4349 тыс. рублей; 4) слабовидящих — до 4312 тыс. рублей; 5) с тяжёлыми нарушениями речи — до 4283 рублей; 6) с нарушениями опорно-двигательного аппарата — до 4525 тыс. рублей; 7) с умственной отсталостью — до 4838 тыс. рублей; 8) с расстройствами аутистического спектра — до 2589 тыс. рублей; 9) с множественными нарушениями развития — до 3813 тыс. рублей. При этом, по данным сборника „Образование в цифрах 2023“, с 2010 по 2022 гг. государственные расходы на 1 обучающегося в общем образовании составляли диапазон от 137 до 160 тыс. рублей⁶. Нетрудно заметить, что разница в уровне расходов для детей с ОВЗ может составлять свыше 30 раз по сравнению со средними значениями. Соответственно, экономический фактор играет весьма существенную роль в активизации процесса совместного обучения детей с ОВЗ, поскольку организация обучения для них в отдельных учреждениях обходится существенно дороже. Хотя, очевидно, что этот аспект не рассматривается как основной.

Выводы

Социализация детей с ограниченными возможностями в общество — это процесс сложный и многогранный. Простых решений здесь нет и быть не может. И выработанная десятилетиями практика их изоляции, а не социализации возникла не по причине античеловечности, а, скорее, как раз из человеколюбивых соображений, когда зачастую и определённая часть детей, и значительная часть родителей не заинтересованы в социализации в принципе. Здесь уместно процитировать К. Г. Юнга: „я беседовал с главой крупного американского учреждения, занимающегося воспитанием детей-преступников, и услышал от него об очень

интересном опыте. У них есть две категории детей. Большинство из них, попадая в учреждение, чувствуют себя значительно лучше, развиваются очень хорошо и, в конце концов, перерастают свои пороки, какими бы они ни были. Дети же другой категории — они составляют меньшинство — становятся истеричными, как бы они ни старались быть хорошими и нормальными. Это прирождённые преступники. Они психически нормальны тогда, когда поступают неправильно“⁷. Поэтому следует признать — далеко не каждый ребёнок может социализироваться, и это шаг к действительным, а не декларативным результатам существующих реформ системы образования. Необходим всегда строго индивидуальный подход, где учитывается ряд разнонаправленных факторов. Это не только обязанности со стороны государства, администрации учебных заведений, педагогов и психологов в обеспечении условий и содействии, это и напряжённая работа самих детей и их родителей. Поэтому нередки случаи, когда дети (и родители), казалось бы, подававшие надежды на социализацию, быстро остывают и возвращаются в коррекционные школы. Им здесь привычнее и окружение не располагает к самокритике.

В первую очередь такие случаи связаны с отсутствием психолого-педагогической работы внутри семьи, отсутствии ранней реабилитации и работы с родителями. Хотя номинально все условия со стороны массовой школы в таких случаях созданы в полном объёме. В то же время достаточно часты случаи, когда ребёнок, к сожалению, безнадёжен, но родители, не желая признавать тяжёлый диагноз, пользуются своим правом выбора учебного заведения вне зависимости от решения профильных психолого-медико-педагогических комиссий (ПМПК). В таких случаях, конечно, необходимо и проводить работу с родителями. И пониманию того, что не каждый ребёнок, к сожалению, может социализироваться, должно подразумевать обязательность решений ПМПК об ограждении здоровых

⁶ Образование в цифрах: 2023: стат. сб. / НИУ „Высшая школа экономики“. — Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. — 132 с.

⁷ Юнг К. В. Символическая жизнь / пер. с англ., издание 2-е. — Москва : Когито-Центр, 2013. — 326 с. — С. 104–105.

и способных к социализации детей от ребят, интеграция которых в общество невозможна по ряду причин, которые подробно освещены в текущей статье.

И, конечно, нельзя забывать и о финансовой стороне — любое действие, даже социально-ориентированное, должно быть рациональным. Уровень затрат на создание инклюзивных условий обучения в деся-

ки раз больше средних значений на одного ученика в системе образования. И необходимо, чтобы эти затраты не ставили под угрозу реализацию прав на получение образования для других детей — без диагнозов, и которым оно также необходимо. И здесь чаша весов „равенства“ прав на образование не должна перевешивать в ту или иную сторону.

Литература и Интернет-источники

1. **Столь, А.В.** Влияние наставников на жизненную среду воспитанников детских домов: социологическое исследование проекта «Наставничество» / А. В. Столь, А. Б. Столь // Society and Security Insights. — 2024. — Т. 7. — № 3. — С. 127–147. DOI: 10.14258 / SSI(2024)3-07; EDN: AIMDSQ
2. **Кокоренко, В.Л.** Факторы лечебной среды в образовательном пространстве для детей с нарушениями психического развития / В. Л. Кокоренко // Медицинская психология в России. — 2014. — № 1(24). — С. 6. DOI: 10.24411 / 2219-8245-2014-00004; EDN: YROGWA
3. **Шевелева, Д.Е.** Дети с ОВЗ в массовой школе: социализация и сплочённость со здоровыми детьми / Д. Е. Шевелева // Школьные технологии. — 2025. — № 1. — С. 116–123. EDN: NQXXLK
4. **Кириллова, М.А.** Средства социализации детей с ОВЗ в дополнительном образовании / М. А. Кириллова, Н. В. Румянцева, Т. А. Цветкова // Образовательная панорама. — 2017. — № 2(8). — С. 77–84. EDN: ZWOHFB
5. **Здоровило, Е.Н.** Социализация детей с ОВЗ и инвалидов в рамках воспитательной работы школы / Е. Н. Здоровило // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. — 2019. — № 4–2. — С. 50–57. EDN: QVQYVY
6. **Петровская, М.В.** Статистический анализ проблем занятости и трудоустройства инвалидов в России / М. В. Петровская, Г. И. Гаджимирзоев // Человек. Общество. Инклюзия. — 2023. — № 4(56). — С. 53–63. EDN: LJWVUH
7. **Шевелева, Д.Е.** Антропологический подход как основа для инклюзивного образования: сопоставление антропологических и педагогических взглядов в теории совместного обучения / Д. Е. Шевелева // Проблемы современного образования. — 2019. — № 6. — С. 52–62. EDN: MIYZVI
8. **Горшкова, В.В.** Антропологические аспекты социализации детей с ОВЗ в условиях современной социальной реальности / В. В. Горшкова // Коррекционная педагогика: теория и практика. — 2022. — № 3(93). — С. 14–21. DOI: 10.52252 / 26867222_2022_3_14; EDN: HXINLK
9. **Ежкова, Н.А.** К вопросу о социализации детей с ОВЗ в условиях дошкольной образовательной организации / Н. А. Ежкова, С. П. Моисеева, Н. Н. Зимина // Аллея науки. — 2017. — № 6. — С. 102–106. EDN: YHFJTP
10. **Торикова, Е.Ф.** Основные факторы социализации детей дошкольного возраста с ОВЗ / Е. Ф. Торикова, И. А. Диденко // Вопросы педагогики. — 2020. — № 6–1. — С. 319–323. EDN: MQDFAK
11. **Аблятипов, А.С.** О деятельности психолого-медико-педагогических комиссий в Республике Крым / А. С. Аблятипов // Вопросы психического здоровья детей и подростков. — 2017. — Т. 17, № S2. — С. 4–5. EDN: ZSGUCN
12. **Петелина, Н.Г.** Психолого-медико-педагогическая комиссия в системе образования Курской области / Н. Г. Петелина, Н. В. Ефремова // Педагогический поиск. — 2015. — № 11–12. — С. 58–64. EDN: WMHDTV
13. **Самарин, П.И.** Анализ проблем социализации детей с ОВЗ и пути их решения / П. И. Самарин, С. В. Зенкина // Стандарты и мониторинг в образовании. — 2024. — Т. 12. — № 2. — С. 43–48. DOI: 10.12737 / 1998-1740-2024-12-2-43-48; EDN: UQMVGf

Сведения об авторе:

Кабанова Елена Евгеньевна, к.соц.н., доцент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: elekabanova@fa.ru; ORCID: 0000-0003-4463-5326; РИНЦ SPIN-код: 3575-0262.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-105-116

SOCIALIZATION OF CHILDREN WITH DISABILITIES

Elena E. Kabanova

*Financial University under the Government of the Russian Federation
(49/2 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125167)*

E-mail: elekabanova@fa.ru

For citation:

Kabanova E. E. Socialization of children with disabilities. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 105-116. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-105-116 (in Russ.)

Abstract. *The key direction of socialization of children with disabilities at present is providing them with affordable education, starting from preschool, and taking into account the psychophysical characteristics of the development of each child. The objective of the current work is a system analysis of the current progress in the field of education of children with disabilities, study of statistical indicators that determine them and factors influencing them, assessment of the reality and effectiveness of the tasks set. The main sources of data are Rosstat, HSE and open indicators of the Ministry of Education of Russia. Processing of input data is carried out using the methods of system analysis, synthesis, induction. The combination of statistical data with practical experience allowed us to conclude that erroneous understanding of the current situation and separate features of the activities of correctional schools, motivations of parents and children with disabilities, late start of work with special children — i.e. lack of early rehabilitation — all this can lead to irrational costs with uncertain results. New methods of inclusive education, equal realization of the right to education and socialization should be introduced with caution, since children with developmental delays and intellectual disabilities make up the absolute majority of children with disabilities. And it is with these groups that there are the greatest difficulties in socialization, not only for the disabled children themselves, but also for healthy children from their environment. Taking into account the significant costs of providing inclusive education, it is necessary to create an inclusive education system more rationally, with the account of all aspects, for the maximum efficiency of spending budget funds.*

Keywords: *disability, children with disabilities, socialization, inclusive education, social environment, rehabilitation.*

References and Internet sources

1. Stol A. V., Stol A. B. Vliyaniye nastavnikov na zhiznennuyu sredu vospitannikov detskikh domov: sotsiologicheskoye issledovaniye proekta «Nastavnichestvo» [Formation of a living environment in children's home: the Mentoring project sociological research]. *Society and Security Insights*. 2024. Vol. 7. No. 3. P. 127-147. (in Russ.)
2. Kokorenko V. L. Faktory lechebnoy sredy v obrazovatel'nom prostranstve dlya detey s narusheniyami psicheskogo razvitiya [Healing environment factors in educational space for children with mental development disorders]. *Medicinskaya psihologiya v Rossii [Medical Psychology in Russia]*. 2014. No. 1(24). P. 6. (in Russ.)

3. Sheveleva D. E. Deti s OVZ v massovoj shkole: sotsializatsiya i splochyonnost' so zdorovymi det'mi [Children with disabilities in mass schools: socialization and cohesion with healthy children]. *Shkol'nyye tekhnologii [School Technologies]*. 2025. No. 1. P. 116-123. (in Russ.)
4. Kirillova M. A., Rumyantseva N. V., Tsvetkova T. A. Sredstva sotsializatsii detej s OVZ v dopolnitel'nom obrazovanii [Means of socialization for children with disabilities in supplementary education]. *Obrazovatel'naya panorama [Educational Panorama]*. 2017. No. 2(8). P. 77-84. (in Russ.)
5. Zdorovilo E. N. Sotsializatsiya detej s OVZ i invalidov v ramkakh vospitatel'noj raboty shkoly [Socialization of children with disabilities and disabled people within the framework of educational work of the school]. *Konferentsium ASOU: sbornik nauchnyh trudov i materialov nauchno-prakticheskikh konferentsij [Conferencium of the ASM: Collection of Scientific Papers and Materials of Scientific and Practical Conferences]*. 2019. No. 4-2. P. 50-57. (in Russ.)
6. Petrovskaya M. V. Gadzhimirzoev G. I. Statisticheskij analiz problem zanyatosti i trudoustrojstva invalidov v Rossii [Statistical analysis of the problems of employment and employment of disabled people in Russia]. *Chelovek. Obshchestvo. Inkluziya [Human. Society. Inclusion]*. 2023. No. 4(56). P. 53-63. (in Russ.)
7. Sheveleva D. E. Antropologicheskij podhod kak osnova dlya inkluzivnogo obrazovaniya: sopostavleniye antropologicheskikh i pedagogicheskikh vzglyadov v teorii sovmestnogo obucheniya [Anthropological approach as a basis for inclusive education: comparison of anthropological and pedagogical views in the theory of joint education]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya [Problems of Modern Education]*. 2019. No. 6. P. 52-62. (in Russ.)
8. Gorshkova V. V. Antropologicheskiye aspekty sotsializatsii detej s OVZ v usloviyakh sovremennoj sotsial'noj real'nosti [Anthropological aspects of socialization of children with disabilities in the conditions of modern social reality]. *Korreksionnaya pedagogika: teoriya i praktika [Correctional Pedagogy: Theory and Practice]*. 2022. No. 3(93). P. 14-21. (in Russ.)
9. Ezhkova N. A., Moiseeva S. P., Ziimina N. N. K voprosu o sotsializatsii detej s OVZ v usloviyakh doshkol'noj obrazovatel'noj organizatsii [On the issue of socialization of children with disabilities in the context of a preschool educational organization]. *Alleya nauki [Alley of Science]*. 2017. No. 6. P. 102-106. (in Russ.)
10. Torikova E. F., Didenko I. A. Osnovnyye faktory sotsializatsii detej doshkol'nogo vozrasta s OVZ [The main factors of socialization of preschool children with disabilities]. *Voprosy pedagogiki [Issues of Pedagogy]*. 2020. No. 6-1. P. 319-323. (in Russ.)
11. Abylatipov A. S. O deyatel'nosti psikhologo-mediko-pedagogicheskikh komissij v Respublike Krym [On the activities of psychological, medical and pedagogical commissions in the Republic of Crimea]. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detej i podrostkov [Issues of Mental Health of Children and Adolescents]*. 2017. Vol. 17. No. S2. P. 4-5. (in Russ.)
12. Petelina N. G., Efremova N. V. Psikhologo-mediko-pedagogicheskaya komissiya v sisteme obrazovaniya Kurskoj oblasti [Psychological, medical and pedagogical commission in the education system of the Kursk region]. *Pedagogicheskij poisk [Pedagogical Search]*. 2015. No. 11-12. P. 58-64. (in Russ.)
13. Samarin P. I., Zenkina S. V. Analiz problem sotsializatsii detej s OVZ i puti ikh resheniya [Analysis of the problems of socialization of children with disabilities and the ways to solve them]. *Standarty i monitoring [Standards and Monitoring in Education]*. 2024. Vol. 12. No. 2. P. 43-48. DOI 10.12737/1998-1740-2024-12-2-43-48. (in Russ.)

Information about the author:

Kabanova Elena Evgenievna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: elekabanova@fa.ru; ORCID: 0000-0003-4463-5326; Elibrary SPIN-code 3575-0262.

Статья поступила в редакцию 03.07.2025, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-117-127
EDN: KW00ZK

ПРОГРАММА ДОЛГОСРОЧНЫХ СБЕРЕЖЕНИЙ: БЛАГОПРИЯТНЫЕ УСЛОВИЯ И БАРЬЕРЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Тюриков А.Г., Кунижева Д.А.*, Иванова Я.С., Мальшаков А.А.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

*E-mail: dakunizheva@fa.ru

Финансирование:

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования:

Тюриков А.Г., Кунижева Д.А., Иванова Я.С., Мальшаков А.А. Программа долгосрочных сбережений: благоприятные условия и барьеры вовлечения населения // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 2. – С. 117-127. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-117-127; EDN: KW00ZK

Аннотация. В статье рассматривается Программа долгосрочных сбережений (ПДС) как инструмент формирования устойчивого сберегательного поведения населения в условиях социально-экономической неопределённости и трансформации пенсионной системы РФ. Методологическую основу работы составили анализ и систематизация научных публикаций, посвящённых ПДС, а также результаты авторского социологического исследования, проведённого в январе-феврале 2025 г. с использованием метода глубинного полуструктурированного интервью и экспертного опроса; эмпирическая база — 60 респондентов разных возрастных групп (участвующих и не участвующих в ПДС) и 40 экспертов. Результаты показывают, что потенциал участия значителен, но ограничивается рядом факторов: институциональным недоверием, экономическими ограничениями, непривлекательными параметрами программы (длительность вложений, уровень софинансирования, отсутствие гибкости и прозрачности) и недостаточной финансовой грамотностью. Ключевыми факторами повышения готовности названы гарантии сохранности средств, возможность наследования накоплений, прозрачность механизмов управления, индексация доходности и гибкость взносов. Исследование также подчёркивает роль поведенческих и психологических детерминант (страх потерь, склонность к риску, влияние опыта знакомых), а также важность удобных цифровых сервисов для управления накоплениями. Сделан вывод о том, что потенциал ПДС как инструмента долгосрочных накоплений может быть реализован в большей степени при корректировке её параметров и развитии мер по повышению финансовой грамотности населения. Полученные результаты могут быть использованы при доработке программы и в практике социально-экономического управления.

Ключевые слова: программа долгосрочных сбережений, пенсия, длинные деньги, государственная программа, сберегательное поведение.

Введение

Современные социально-экономические условия характеризуются высокой степенью неопределённости и нарастающей волатильностью финансовых рынков. В таких реалиях возрастает значимость личной финансовой устойчивости, основанной не только на текущих доходах, но и на сформированном запасе сбережений. В подобном контексте особый интерес представляет Программа долгосрочных сбережений (ПДС), ориентированная на стимулирование граждан к систематическому формированию личного финансового капитала на длительном горизонте, который может быть использован для реализации значимых жизненных целей.

Программа долгосрочных сбережений является регулируемым государством финансовым инструментом, в основе которого лежат система экономических стимулов, специализированные организационно-правовые механизмы и принцип добровольного участия. Она ориентирована на то, чтобы побуждать граждан к долгосрочному сберегательному и инвестиционному поведению через формирование личного капитала в течение не менее 15 лет либо до выхода на пенсию, что позволяет создать финансовый запас для обеспечения и достижения значимых жизненных целей.

Цели внедрения ПДС определяются научным сообществом, как: 1) замещение накопительной части пенсии, разрешение кризиса накопительного механизма пенсии [1]; 2) поддержание условий долгосрочных сбережений в период геополитической нестабильности; обеспечение гарантий сохранности долгосрочных финансовых ресурсов [2]; 3) помощь гражданам в формировании дополнительного капитала при поддержке государства на будущие цели [3]; 4) привлечение «длинных денег» в экономику; развитие корпоративного пенсионного обеспечения [4–6]; 5) придание нового импульса развитию негосударственного пенсионного обеспечения; формирование дополнительного пенсионного капитала с государственной поддержкой

и гарантиями; предоставление индивидуальным предпринимателям и самозанятым возможности позаботиться о пенсии [7; 8]; 6) поэтапное замещение системы обязательного пенсионного страхования инструментами негосударственного пенсионного обеспечения; предоставление гражданам более гибкой возможности управлять накопленными средствами; повышение активности граждан в накоплении, управлении и сохранении пенсионных средств [9; 10]; 7) привлечение внутренних источников финансирования за счёт сбережений граждан, инвестирование в инфраструктурные и капиталоемкие государственные проекты с длинным сроком окупаемости [11; 12].

В научном дискурсе ПДС преимущественно видится как способ привлечения «длинных денег» в экономику, формирования дополнительного пенсионного капитала, реже — как инструмент для сбережений на иные цели граждан. Такие цели носят следующее обоснование. Во-первых, «источник „длинных денег“ преимущественно концентрируется в сбережениях наиболее богатой части населения», что открывает возможности для вовлечения и остальной части граждан [13]. Во-вторых, средний размер страховой пенсии по старости зачастую «не достигает показателя, рекомендованного МОТ, как это было по итогам 2022 г. Социальная пенсия ещё значительно ниже, а более поздний срок наступления пенсионного возраста зачастую приводит к бедности из-за невозможности, с одной стороны её получать, а, с другой, устроиться на работу в силу существующей возрастной дискриминации и физической возможности работать» [14]. В-третьих, перед пенсионной системой стоит задача сформировать механизмы, позволяющие оперативно реагировать на отставание темпов индексации трудовой пенсии от темпов роста заработной платы [15], и в целом на институциональные изменения, затрагивающие рынок труда и его адаптацию к старости [16]. Отсутствие таких механизмов или их несовершенство формирует запрос на конкурентные программы, позволяющие подготовиться к старости. В-четвертых, у россиян нет ясного по-

нимания связи между страховыми взносами и будущей пенсией, большинство не информированы о пенсионных стратегиях, а стратегия формирования пенсионных накоплений в недвижимости и ценных бумагах недоступна для большинства [17]. В-пятых, проблема формирования финансовой культуры и финансовой грамотности все ещё остаётся актуальной для российского общества. Согласно социологическим данным, 30% россиян демонстрируют проблемные модели поведения, а у 23% выражены «промежуточные» финансовые установки и поведение [18]. Россиянам свойственен низкий уровень финансовой дисциплины, короткий горизонт финансового планирования, низкий уровень доверия финансовым институтам [19].

Таким образом, ПДС ориентирована на решение комплекса социально-экономических задач и выступает значимым финансовым инструментом, потенциал которого требует дальнейшего расширения, углубления механизмов реализации и вовлечения в неё более широких слоёв населения. Отметим, что ПДС, реализуемая в России, не имеет аналогов в мировой практике.

Методы и результаты исследования

В январе-апреле 2025 г. Финансовым университетом при Правительстве РФ было проведено социологическое исследование по вопросам формирования доверия населения к ПДС. Целью исследования являлось выявление факторов, способствующих вовлечению граждан в практики использования этой программы. В рамках исследования был использован метод глубинного полуструктурированного интервью и экспертный опрос¹. Эмпирические данные до-

полняются результатами всероссийского опроса ВЦИОМ², реализованного совместно с Финансовым университетом и Саморегулируемой организацией Национальная ассоциация негосударственных пенсионных фондов. Метод опроса — интернет-опрос по стратифицированной случайной выборке на основе вероятностной панели. Выборка составила 1689 россиян в возрасте от 18 лет.

Согласно результатам полуструктурированных интервью, создание позитивного образа ПДС невозможно без формирования у россиян нескольких ключевых «опор»: 1) Наличие гарантий получения вложенных средств: *«что касается условий, самое важное — это гарантия возврата»*. При этом важность гарантий основана на страхе, что со стороны организаций/государства может произойти обман и деньги не отдадут. Такой страх подкреплён во многом опытом, с которым столкнулись интервьюируемые: *«я человек недоверчивый, потому что с 1991 года было множество экономических потрясений в стране. 91 год — развал СССР, 98 год — дефолт, несколько раз замораживали накопительную часть пенсии. Может следующие поколения, которые с этим не сталкивались, будут более доверчивы»*; 2) Возможность наследования средств: *«чтобы эти деньги переходили по наследству»*; *«деньги „не сгорают“, я их если что в наследство оставляю»*; *«если вдруг что-то со мной случилось, то эти деньги получают мои наследники в полном объёме»*; 3) Индексация и начисление процента, который выше ставок по вкладам: *«если ставка будет в несколько раз выше ставок по вкладам»*; 4) Возможность забрать средства досрочно, снять в любой момент: *«наиболее привлекательные: страхование средств на сумму около 3-х миллионов, налоговые вычеты и возможность забрать средства досрочно»*; *«в любой момент, чтобы я смог их снять с накопленными процентами. Чтоб не было такого „запрашивать,*

¹ Участниками интервью стали 60 россиян — молодёжь, граждане среднего и предпенсионного возраста (по 20 из каждой группы). География исследования: Москва, Санкт-Петербург, Московская, Свердловская, Челябинская, Липецкая, Тульская области; Краснодарский, Ставропольский края; Ханты-Мансийский автономный округ, Удмуртская Республика, Чувашская Республика. В экспертном опросе приняли участие 40 экспертов из государственного управления, аналитики финансовой сферы, финансового образования, банков, страховых компаний, аналитики финансового поведения граждан, НПФ, СФР, Минфин, ЦБ. География исследования: Москва, Санкт-Петербург, Челябинская, Саратовская, Вологодская области, Чувашская Республика.

² «Время — деньги, или О программе долгосрочных сбережений» // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vremja-dengi-ili-o-programme-dolgosrochnykh-sberezhenii?ysclid=mky10nn3i5505376567> (дата обращения: 28.01.2026).

не запрашивать...“ как обычно это делается, по полмесяца длится»; 5) Опыт компетентных знакомых: «наверное, мне важно, чтобы со мной поделились опытом мои знакомые, финансово грамотные. Тогда доверие к таким программам появляется»; 6) Надёжность организации: «если не будет риска банкротства компании»; 7) Прозрачность процедуры хранения средств: «если мне будет понятна процедура того, как будут храниться там мои сбережения»; 8) Гибкость взносов — возможность вносить небольшие суммы, что делает программу доступной для широкого круга граждан.

Эксперты назвали сходные привлекательные условия, которые могли бы усилить поток вступающих в ПДС: получение гражданами крепкой уверенности в гарантии получения вложенных средств; индексация и начисление процента, который был бы выше ставок по вкладам; гибкость взносов; финансовые выгоды. Помимо этого, экспертами выделяются значимые факторы в виде финансовых целей и мотивации. Осознание необходимости дополнительных накоплений на пенсию становится важным стимулом для участия. Люди понимают, что государственное пенсионное обеспечение может быть недостаточным для достойной старости, и поэтому заинтересованы в создании своих сбережений. Существенным фактором является страхование средств от ареста и налогообложения, что особенно важно для тех, кто беспокоится о возможных финансовых или юридических рисках («Осознание того, что рано или поздно пенсия наступит. Можно будет рассчитывать на ту сумму, которую выплачивает государство, или увеличить. Когда человек посчитает, сколько у него будет денег, когда он выйдет на пенсию, будет ли ему хватать... достаточно просто посчитать человеку, и он замотивирует себя откладывать на будущее»; «Фактор долгосрочного финансового планирования и культуры осознанного потребления»). Отмечается также информационная поддержка и финансовая грамотность. Понимание того, как работает ПДС и какие преимущества она предоставляет, сильно влияет на решение о вступлении в программу. Граждане, обладающие базовыми знаниями о финансо-

вых инструментах, с большей вероятностью примут участие («Наличие у человека установок на долгосрочное планирование и формирование накоплений»). К тому же эксперты обращают внимание на удобство цифровых сервисов: возможность легко управлять вкладом через мобильные приложения или онлайн-сервисы значительно упрощает участие и повышает вовлечённость граждан («Доступность и понятность электронных сервисов, в т.ч. есть сервис „Мой налог“, который прямо в приложении предлагает сделать взнос в программу»; «Знания об инвестиционной деятельности, достаточные для того, чтобы понимать возможности и риски»; «У кого сбережения есть не очень ориентируются в современных способах инвестирования»). Психологические аспекты оказывают большое влияние на решение о вступлении в программу. Любопытство и склонность к риску могут мотивировать людей к участию, особенно тех, кто заинтересован в возможности получить дополнительный доход («Переживания за будущую пенсию»; «Готовность рисковать ради большей доходности»).

Таким образом, для успешного вовлечения граждан в Программу долгосрочных сбережений необходимо обеспечить комплексную поддержку, включающую такие важные аспекты как финансовая доступность, доходность, информационная поддержка и высокий уровень доверия к государственной и финансовой системе. Все эти факторы, вместе с мотивами личных накоплений и психологическими особенностями, могут существенно повысить готовность граждан участвовать в программе. По данным опроса ВЦИОМ, половина россиян (49%) проявляют интерес к более глубокому изучению ПДС, то есть существующий потенциал вовлечённости довольно высокий. Однако почти такое же количество (47%) не заинтересованы в теме, что указывает на определённые барьеры в восприятии программы.

По мнению россиян, существует ряд условий ПДС, которые делают ее непривлекательной для участия: а) длительный срок вложений: «прежде всего, срок длительный, 15 лет»; б) неполный период софинансирования: «потом, софинансирование идёт, по-моему, толь-

ко года два, насколько я помню, то есть, неполный период, в который осуществляются вложения»; в) отсутствие индексирования: «проценты не начисляются согласно ставке рефинансирования банка»; «процент на сумму идёт, но не зависит от ставки рефинансирования Центрального банка»; г) размер государственной надбавки: «невысокий размер софинансирования»; «маленький процент, маленькие начисления... высокая инфляция съедает эти деньги, полгода назад инфляция не такая была»; д) сложности с выходом из сторонней организации: «если в это можно легко зайти и также легко выйти, при этом особо ничего не теряя — хотя бы оказаться в нуле — то будет меньше сомнений в это вступить»; е) отсутствие возможности дарения накопленных средств: «и потом один из моментов, дарение, не идёт»; ж) узкий перечень экстренных ситуаций для использования средств: «использования в экстренных ситуациях, критерий ограничен, условия очень ограничены».

Обсуждение

В настоящее время развитие привлекательности ПДС для россиян лимитировано институциональным и системным недоверием, недоверием к самой программе и её новизне, экономическими и рационально-выборочными барьерами, информационно-когнитивными барьерами. Институциональное и системное недоверие возникло в связи с витающими в дискурсе общественного мнения пессимистичными суждениями относительно: а) незащищённости законом: «если будут достаточно гарантировано соблюдение условий на законодательном уровне, тогда готов, в противном случае — нет»; б) недоверия к государственным программам: «уже были подобные программы, которые провалились в реализации, деньги оказались заморожены в итоге»; в) страха быть обманутыми: «возможность взломать счёт мошенниками»; г) недоверия к финансовым организациям: «люди не хотят доверять свои деньги финансовым организациям, особенно на такой длительный срок. Боязнь потерять свои деньги»; д) непредсказуемости и недоверия финансовой системе — со-

мнения в стабильности финансовой системы страны, изменчивость правил, в том числе волатильность процентной ставки: «возможность государства менять правила». Выявлена группа информантов, которая заявила о том, что ни при каких условиях не стали бы обращаться к сторонней организации, обосновывая это сложными политическими и экономическими условиями: «ни при каких условиях я бы сейчас не инвестировал в долгую, потому что сейчас нестабильная политическая ситуация и экономическая, и при различных обстоятельствах были уже в нашей истории случаи, когда не было возможности вывести деньги»; «контекст существующей ситуации в стране не мотивирует к планированию своих финансов „в долгую“, сегодня можно доверять лишь себе и близким, но не государству и его институтам».

Недоверие к самой программе и её новизне возникло по той причине, что: а) новая программа не испытана временем и достаточным количеством пользователей: «новизна программы, потому что мало кто ещё опробовал — наверное, чтобы она как минимум год уже существовала, чтобы я могла понимать, что это надёжно и есть перспективы дальнейшие»; б) имеется негативный опыт близких: «опыт близких возможно повлиял бы». Экономические и рационально-выборочные барьеры заключаются в: а) отсутствии свободных денежных средств; б) наличии альтернативных, более привычных способов накопления: «я думаю, с учётом того, насколько сейчас у меня инвестиционно диверсифицирован мой портфель, у меня такой нужды нет»; в) невысокой конкурентоспособности по сравнению с депозитами — традиционные депозиты более мобильны и надёжны по сравнению с ПДС, по мнению россиян; г) отсутствием контроля над своими средствами. Информационно-когнитивные барьеры выражаются в: а) недостаточной информированности — непонимание условий программы, отсутствие поддержки и консультаций по возникающим вопросам; б) финансовой неграмотности; в) отсутствием осознания важности долгосрочных накоплений, особенно в силу возрас-

та: «воздерживать меня будет как минимум возраст, потому что сейчас я ещё не готов откладывать на пенсию, потому что пока есть более насущные потребительские нужды и крупные покупки, которые стоят существенно ближе, чем пенсия».

Экспертное сообщество подтвердило барьеры, обозначенные россиянами в ходе интервью: невысокая конкурентоспособность по сравнению с депозитами, размер и неполный период софинансирования, отсутствие свободных денежных средств, нестабильность и неопределённость экономической ситуации, недоверие институтам, связанным с финансами, недостаточная информированность о ПДС, отсутствие долгосрочного планирования жизни, слишком длительный срок вложений, невысокий уровень финансовой грамотности, негативный личный опыт.

Выводы

Результаты проведённого исследования, позволяют прийти к выводу о том, что формирование более привлекательного образа ПДС для активного вовлечения россиян в практики использования данного финансового инструмента возможно посредством работы над группой деструктивных «мифов», витающих в общественном дискурсе. В первую очередь, они связаны с неуверенностью в устойчивости системы долгосрочных сбережений, в том, что ПДС — это безопасный и надёжный способ накопления. Следующий «миф» связан с недостаточной гибкостью и условиями договора — как показали результаты опроса, у людей есть запрос на контроль и управление средствами: возможность наследования, досрочного снятия. В настоящее время условия программы ПДС позволяют реализовывать и то, и другое при определённых обстоятельствах.

Существует устойчивая субъективная неуверенность в своих финансовых возможностях, чтобы откладывать часть средств в ПДС. При этом данные Банка России указывают на рекордный совокупный размер рублевых вкладов к концу 2025 г. и продолжающуюся динамику прироста средств

на срочных вкладах³. В этой связи определены направления, требующие дальнейшего изучения: 1) разработка эффективных стратегий по повышению осведомлённости граждан о ПДС; 2) анализ конкурентоспособности ПДС по сравнению с другими финансовыми инструментами; 3) исследование влияния доверия на готовность граждан к участию в ПДС; 4) изучение поведенческих и психологических факторов, препятствующих долгосрочному финансовому планированию с ПДС; 5) оценка эффективности законодательных гарантий и механизмов защиты прав участников программы; 6) исследование роли социальных норм и рекомендаций близких в принятии решения о присоединении к ПДС. Также следует усилить работу органов власти в части формировании проактивных паттернов сберегательного поведения [20].

Как показал анализ научных источников, ПДС позиционируется преимущественно как пенсионный инструмент, что отталкивает потенциальных граждан из-за их неготовности уже сейчас планировать пенсию. Так, пенсия кажется чем-то невообразимо далёким для почти 50% представителей поколения «цифры», они не участвуют в добровольном пенсионном страховании, обосновывая ответом «мне ещё рано делать взносы на пенсию»⁴. Среди молодых россиян набирает популярность soft saving — «мягкие сбережения», когда человек не закидывается на том, чтобы откладывать деньги, а старается жить в моменте, обеспечить себе более высокий уровень жизни в настоящем⁵; а те, кто всё же фор-

³ ЦБ: объем средств россиян в банках впервые в истории достиг Р67 трлн // РБК. — URL : <https://www.rbc.ru/quote/news/article/6981a4ac9a79478ac3d08747?from=copy> (дата обращения: 08.04.2026).

⁴ Результаты исследования, выполненного за счёт бюджетных средств, по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации на 2025 год, в апреле 2025 года социологами (в том числе, авторами настоящей статьи) Финансового университета, методом анкетного количественного онлайн-опроса россиян (n=1600), результаты репрезентируют население по полу и возрасту.

⁵ Пенсия для зумеров: почему молодёжь не хочет откладывать деньги на старость // Forbes. — URL : <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/500221/> (дата обращения: 22.09.2025).

мируют сбережения, делают это на такие цели, как собственное жилье, хорошую работу, здоровье, качественное образование⁶.

⁶ Молодёжь России: главные ценности и финансовые привычки 2025 года. // Сберстрахование. — URL : https://sberbank-insurance.ru/news/27_06_25 (дата обращения: 22.09.2025).

Учитывая вышеизложенное, при развитии ПДС важно учитывать универсальность инструмента, сместить фокус с возможностей формирования пенсионного капитала, на саму идею сбережений различного целеполагания.

Литература и Интернет-источники

1. **Непп, А.Н.** Есть ли перспективы у программы долгосрочных сбережений граждан? Роль политической стабильности, коррупции и уверенности в будущем / А.Н.Непп // Журнал Новой экономической ассоциации. — 2024. — № 4(65). — С. 156–176. DOI: 10.31737 / 22212264_2024_4_156-176; EDN: PVJWNF
2. **Косов, М.Е.** Сберегательное поведение граждан в современных экономических условиях / М.Е.Косов, Д. О.Сергеев, И. О.Сергеев // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2024. — Т. 6. — № 6(147). — С. 120–127. DOI: 10.36871 / ek.up.p.r.2024.06.06.018; EDN: UTLHMW
3. **Кононова, Д.А.** Новые инструменты для формирования долгосрочных сбережений / Д.А.Кононова, А.А.Перебаскина, С.В.Рачек // Вестник науки и образования. — 2024. — № 4–3(147). — С. 15–20. EDN: ERQRII
4. **Ковалев, В.А.** Предложения по совершенствованию программы долгосрочных сбережений граждан в контексте привлечения длинных денег в экономику / В.А.Ковалев, И.В.Балынин // Экономика и инновации: Сборник статей участников межвузовской научно-практической конференции (Москва, 21–23 ноября 2023 г.). — Москва : РЭУ имени Г.В.Плеханова, 2024. — С. 72–76. EDN: TWXDCS
5. **Одинокова, Т.Д.** Программа долгосрочных сбережений граждан: риски реализации / Т.Д.Одинокова // Социально-экономическое развитие, государственно-правовое регулирование и национальная безопасность России: модели, решения, прогнозы: Сборник научных трудов XI Уральских научных чтений профессоров и докторантов гуманитарных наук (Екатеринбург, 15 февраля 2024 г.). — Екатеринбург : Уральский государственный экономический университет, 2024. — С. 119–125. EDN: BRAZEN
6. **Лысова, Л.Ю.** Потенциал формирования длинных денег пенсионной системой России / Л.Ю.Лысова, Е.Л.Прокопьева // Финансовый журнал. — 2025. — Т. 17. — № 4. — С. 83–103. DOI: 10.31107 / 2075-1990-2025-4-83-103; EDN: BFWQWT
7. **Кравченко, Е.В.** Негосударственное пенсионное обеспечение: современное состояние и перспективы развития / Е.В.Кравченко, А.А.Суховеева // Управленческий учёт. — 2025. — № 1. — С. 262–268. EDN: RGBGSJ
8. **Зеленченков, Н.С.** Роль программы долгосрочных сбережений в формировании сберегательного поведения населения Российской Федерации / Н.С.Зеленченков, Ю.Ю.Финогенова // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2025. — № 4–2. — С. 237–244. DOI: 10.17513 / vaael.4100; EDN: JGFBLA
9. **Агеева, Е.В.** Программа долгосрочных сбережений как механизм поэтапного перехода пенсионных накоплений в негосударственное пенсионное обеспечение / Е.В.Агеева, Л.Л.Урбанов // Азимут научных исследований: экономика и управление. — 2024. — Т. 13. — № 2(47). — С. 7–10. EDN: HPYYGS
10. **Агеева, Е.В.** Программа долгосрочных пенсионных сбережений — преимущества и недостатки / Е.В.Агеева // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2025. — № 5(284). — С. 35–44. DOI: 10.24412 / 2072-4098-2025-5284-35-44; EDN: WQDCQN
11. **Уткин, В.В.** Проблемы реализации программы долгосрочных сбережений: первые итоги / В.В.Уткин, О.И.Юстус // Интерес вчера, сегодня и навсегда ... — Тверь : Тверской государственный университет, 2025. — С. 159–165. EDN: LASVHY

12. **Ружанская, Н.В.** Программа долгосрочных сбережений и её роль в социально-экономическом развитии территорий Севера и Арктики / Н. В. Ружанская, Л. И. Ильина // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере: Материалы XVII Всероссийской научной конференции (с международным участием), (Сыктывкар, 22–24 апреля 2024 г.). — Сыктывкар : Коми республиканская академия государственной службы и управления, 2024. — С. 209–213. EDN: HQCYWT
13. **Криничанский, К.В.** Теоретические основы и проблемные области современной теории «длинных денег» / К. В. Криничанский // Финансы: теория и практика. — 2025. — № 5. — С. 112–125. DOI: 10.26794 / 2587-5671-2025-29-5-112-125; EDN: KIFWZB
14. **Сафонов, А.Л.** Динамика доходов пенсионеров: анализ, проблемы и пути решения / А. Л. Сафонов, Ю. В. Долженкова // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 4. — С. 133–147. DOI: 10.19181 / population.2023.26.4.12; EDN: XTLVMM
15. **Сафонов, А.Л.** Индексация пенсионных выплат: поиски баланса между инфляцией и изменением заработной платы в экономике / А. Л. Сафонов, К. В. Угодников // Финансы: теория и практика. — 2022. — Т. 26. — № 1. — С. 156–168. DOI: 10.26794 / 2587-5671-2022-26-1-156-168; EDN: ZLVP GK.
16. **Камнева, Е.В.** Отношение молодёжи к изменению пенсионного возраста в России / Е. В. Камнева, М. В. Полевая, Н. Н. Шуракова // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 163–174. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-3-163-174; EDN: SJBDDU
17. **Цыганов, А.А.** Пенсионные ожидания жителей России / А. А. Цыганов // Социологические исследования. — 2022. — № 6. — С. 36–42. DOI: 10.31857 / S013216250017479-9; EDN: AKIYKM
18. **Тюриков, А.Г.** Финансовое поведение россиян: практики, модели, эффективные инструменты / А. Г. Тюриков, Е. Л. Круглова, Д. А. Кунижева // Финансы: теория и практика. — 2025. — Т. 29. — № 6. — С. 107–120. DOI: 10.26794 / 2587-5671-2025-29-6-107-120; EDN: RQEGDG
19. **Александрова, О.А.** Экономическая культура как фактор финансового поведения россиян: роль архетипов и современного контекста / О. А. Александрова // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 2. — С. 29–40. DOI: 10.19181 / population.2021.24.2.3; EDN: LABWYC
20. **Макар, С.В.** Финансовое поведение как результат взаимодействия людей в социально-экономическом пространстве / С. В. Макар, А. В. Ярашева, Д. И. Марков // Финансы: теория и практика. — 2022. — Т. 26. — № 3. — С. 157–168. DOI: 10.26794 / 2587-5671-2022-26-3-157-168; EDN: DOFGQL

Сведения об авторах:

Тюриков Александр Георгиевич, д.соц.н., проф., зав. кафедрой социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, главный научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: agtyurikov@fa.ru; ORCID: 0000-0001-8388-9543; ПИНЦ SPIN-код: 9908–3150.

Кунижева Диана Анзоровна, к.соц.н., доцент кафедры социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: dakunizheva@fa.ru; ORCID: 0000-0002-4480-7231; ПИНЦ SPIN-код: 8084–3232.

Иванова Яна Сергеевна, зам. зав. учебно-научной социологической лабораторией кафедры социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, младший научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, аспирант Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: yasivanova@fa.ru; ORCID: 0000-0001-8740-7169; ПИНЦ SPIN-код: 8711–9382.

Мальшаков Артем Андреевич, главный специалист учебно-научной социологической лаборатории кафедры социологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, стажёр-исследователь Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга, магистрант Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: aamalshakov@fa.ru; ПИНЦ SPIN-код: 7745-1418.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-117-127

THE LONG-TERM SAVINGS PROGRAM: FAVORABLE CONDITIONS AND BARRIERS TO POPULATION INVOLVEMENT

Alexander G. Tyurikov, Diana A. Kunizheva*, Yana S. Ivanova, Artem A. Malshakov

Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)

*E-mail: dakunizheva@fa.ru

Funding:

This article is based on the results of research carried out within the framework of the State assignment to the Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation:

The Long-Term Savings Program: favorable conditions and barriers to population involvement. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 117-127. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-117-127(in Russ.)

Abstract. *The article examines the Long-Term Savings Program (LTSP) as a tool for shaping sustainable saving behavior among the population in the conditions of socio-economic uncertainty and transformation of the pension system of the Russian Federation. The methodological framework is based on the analysis and systematization of scholarly publications devoted to the LTSP, as well as the results of an original sociological study conducted in January–February 2025 using in-depth semi-structured interviews and an expert survey. The empirical base includes 60 respondents from different age groups (both participants and non-participants in the LTSP) and 40 experts. The results indicate that the potential for participation is significant; however, it is constrained by a number of factors, including institutional distrust, economic constraints, unattractive program parameters (long investment horizon, level of co-financing, and lack of flexibility and transparency), and insufficient financial literacy. Key factors contributing to increased readiness to participate include guarantees of fund security, possibility of inheriting accumulated savings, transparency of management mechanisms, indexation of returns, and flexibility of contributions. The study also highlights the role of behavioral and psychological determinants (loss aversion, risk propensity, and the influence of others» experiences), as well as the importance of user-friendly digital services for managing savings. It is concluded that the potential of the LTSP as an instrument for long-term savings can be more fully realized through adjustments to its parameters and development of measures aimed at improving the financial literacy of the population. The findings may be used in refining the program and in socio-economic governance practice.*

Keywords: Long-term savings program, pension, long money, government program, savings behavior.

References and Internet sources

1. Nepp A. N. Yest'li perspektivy u programmy dolgosrochnykh sberezheniy grazhdan? Rol' politicheskoy stabil'nosti, korruptsii i uverenosti v budushchem [Are there any prospects for a long-term savings

- program for citizens? The role of political stability, corruption and confidence in the future]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [Journal of the New Economic Association]*. 2024. Vol. 65. No. 4. P. 156–176. DOI: 10.31737/22212264_2024_4_156-176 (in Russ.)
2. Kosov M. E., Sergeev D. O., Sergeev I. O. Sberatel'noye povedeniye grazhdan v sovremennykh ekonomicheskikh usloviyakh [Saving behavior of citizens in modern economic conditions]. *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya [Economics and Management: Problems, Solutions]*. 2024. Vol. 6. No. 6(147). P. 120–127. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.06.06.018 (in Russ.)
 3. Kononova D. A., Perebaskina A. A., Rachev S. V. Novyye instrumenty dlya formirovaniya dolgosrochnykh sberezeniy [New tools for generating long-term savings]. *Vestnik nauki i obrazovaniya [Bulletin of Science and Education]*. 2024. No. 4–3(147). P. 15–20. (in Russ.)
 4. Kovalev V. A., Balyin I. V. Predlozheniya po sovershenstvovaniyu programmy dolgosrochnykh sberezeniy grazhdan v kontekste privlecheniya dlinnykh deneg v ekonomiku [Proposals for improving the Long-Term Savings Program for citizens in the context of attracting long money to the economy]. *Ekonomika i innovatsii [Economy and Innovations]*. Proceedings of the interuniversity research and practical conference. Moscow, 21–23 November 2023]. Moscow. REU imeni G. V. Plekhanova [Plekhanov Russian University of Economics]. 2024. P. 72–76. (in Russ.)
 5. Odnokova T. D. Programma dolgosrochnykh sberezeniy grazhdan: riski realizatsii [The Long-Term Savings Program for citizens: implementation risks]. *Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye, gosudarstvenno-pravovoye regulirovaniye i natsional'naya bezopasnost' Rossii: modeli, resheniya, prognozy [Socio-Economic Development, Public-Law Regulation and National Security of Russia: Models, Solutions, Forecasts]*. Proceedings of XI Ural scientific readings of professors and doctoral students in the humanities. Ekaterinburg, 15 February 2024. Ekaterinburg. Ural'skiy gosudarstvennyy ekonomicheskii universitet [Ural State University of Economics]. 2024. P. 119–125. (in Russ.)
 6. Lysova L. Yu., Prokopieva E. L. Potentsial formirovaniya dlinnykh deneg pensionnoy sistemoy Rossii [Potential for long-term money in Russia's pension system]. *Finansovyy zhurnal [Financial Journal]*. 2025. Vol. 17. No. 4. P. 83–103. DOI: 10.31107/2075-1990-2025-4-83-103 (in Russ.)
 7. Kravchenko E. V., Sukhoveeva A. A. Negosudarstvennoye pensionnoye obespecheniye: sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya [Non-state pension provision: current state and development prospects]. *Upravlencheskiy uchot [Management Accounting]*. 2025. No. 1. P. 262–268. (in Russ.)
 8. Zelenchenkov N. S., Finogenova Yu. Yu. Rol' programmy dolgosrochnykh sberezeniy v formirovanii sberatel'nogo povedeniya naseleniya Rossiyskoy Federatsii [The role of the Long-Term Savings Program in shaping saving behavior of the population of the Russian Federation]. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava [Herald of the Altai Academy of Economics and Law]*. 2025. No. 4–2. P. 237–244. DOI: 10.17513/vaael.4100 (in Russ.)
 9. Ageeva E. V., Urbanaev L. L. Programma dolgosrochnykh sberezeniy kak mekhanizm poetapnogo perekhoda pensionnykh nakopleniy v gosudarstvennoye pensionnoye obespecheniye [The Long-Term Savings Program as a mechanism for the gradual transfer of pension savings into non-state pension provision]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye [Azimuth of Scientific Research: Economics and Management]*. 2024. Vol. 13. No. 2(47). P. 7–10. (in Russ.)
 10. Ageeva E. V. Programma dolgosrochnykh pensionnykh sberezeniy: preimushchestva i nedostatki [Long-Term Pension Savings Program: advantages and disadvantages]. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii [Property Relations in the Russian Federation]*. 2025. No. 5(284). P. 35–44. DOI: 10.24412/2072-4098-2025-5284-35-44 (in Russ.)
 11. Utkin V. V., Yustus O. I. Problemy realizatsii programmy dolgosrochnykh sberezeniy: pervye itogi [Problems of implementing the Long-Term Savings Program: first results]. *Interes vchera, segodnya i navsegda... [Interest Yesterday, Today and Forever...]*. Tver. Tverskoy gosudarstvennyy universitet [Tver State University]. 2025. P. 159–165 (in Russ.)
 12. Ruzhanskaya N. V., Ilyina L. I. Programma dolgosrochnykh sberezeniy i yeyo rol' v sotsial'no-ekonomicheskoy razvitiy territoriy Severa i Arktiki [Long-Term Savings Program and its role in the socio-economic development of the Northern and Arctic territories]. *Politicheskiye, ekonomicheskkiye i sotsiokul'turnyye aspekty regional'nogo upravleniya na Evropeyskom Severe [Political, Economic and Sociocultural Aspects of Regional Governance in the European North]*. Proceedings of XVII Russian research conference with international participation. Syktyvkar, 22–24 April 2024. Syktyvkar. Komi

- respublikanskaya akademiya gosudarstvennoy sluzhby i upravleniya [Komi Republican Academy of Public Service and Administration]. 2024. P. 209–213 (in Russ.)
13. Krinichansky K. V. Teoreticheskiye osnovy i problemnyye oblasti sovremennoy teorii «dlinnykh deneg» [The theoretical foundations and problematic areas of the contemporary long-term financing theory of «long money»]. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]*. 2025. No. 5. P. 112–125. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-5-112-125 (in Russ.)
 14. Safonov A. L., Dolzhenkova Yu. V. Dinamika dokhodov pensionerov: analiz, problemy i puti resheniya [Dynamics of income of pensioners: analysis, problems and solutions]. *Narodonaselenie [Population]*. 2023. Vol. 26. No. 4. P. 133–147. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.12 (in Russ.)
 15. Safonov A. L., Ugodnikov K. V. Indeksatsiya pensionnykh vyplat: poiski balansa mezhdru inflyatsiyey i izmeneniyem zarabotnoj platy v ekonomike [Indexation of pension payments: finding a balance between inflation and wage changes in the economy]. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]*. 2022. Vol. 26. No. 1. P. 156–168. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-1-156-168 (in Russ.)
 16. Kamneva E. V., Polevaya M. V., Shurakova N. N. Otnosheniye molodyozhi k izmeneniyu pensionnogo vozrasta v Rossii [Young people's attitude to the adjustment in retirement age in Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 163–174. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-163-174 (in Russ.)
 17. Tsyganov A. A. Pensionnyye ozhidaniya zhitelej Rossii [Pension expectations and strategies of Russian Residents]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological Studies]*. 2022. No. 6. P. 36–42. DOI: 10.31857/S013216250017479-9 (in Russ.)
 18. Tyurikov A. G., Kunizheva D. A. Finansovoye povedeniye rossiyan: praktiki, modeli, effektivnyye instrumenty [Financial behavior of Russians: practices, models, effective tools]. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]*. 2025. Vol. 29. No. 6. P. 107–120. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-6-107-120 (in Russ.)
 19. Aleksandrova O. A. Ekonomicheskaya kul'tura kak faktor finansovogo povedeniya rossiyan: rol' arhetipov i sovremennoy konteksta [Economic culture as a factor in the financial behavior of Russians: the role of archetypes and modern context]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 2. P. 29–40. DOI: 10.19181/population.2021.24.2.3 (in Russ.)
 20. Makar S. V., Yarasheva A. V., Markov D. I. Finansovoye povedeniye kak rezul'tat vzaimodeystviya lyudej v sotsial'no-ekonomicheskom prostranstve [Financial behavior as a result of people's interaction in the socio-economic space]. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]*. 2022. Vol. 26. No. 3. P. 157–168. DOI: 10.26794/2587-5671-2022-26-3-157-168 (in Russ.)

Information about the authors:

Tyurikov Alexander Georgievich, Doctor of Sociology, Professor, Head of Department, Chief Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: email: agtyurikov@fa.ru; ORCID: 0000-0001-8388-9543; Scopus Author ID: 56896091500; Elibrary SPIN-code: 891574.

Kunizheva Diana Anzorovna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Leading Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: email: dakunizheva@fa.ru; ORCID: 0000-0002-4480-7231; Scopus Author ID: 57324556400; Elibrary SPIN-code: 937873.

Ivanova Yana Sergeevna, Deputy Head of Laboratory, Junior Researcher, Post Graduate Student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: yasivanova@fa.ru; ORCID: 0000-0001-8740-7169; Elibrary SPIN-code: 8711–9382.

Malshakov Artem Andreevich, Chief Specialist, Research Probationer, Master's Student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: aamalshakov@fa.ru; Elibrary SPIN-code: 7745–1418.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-128-140
EDN: OYFKWQ

ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ В КОНТЕКСТЕ «КРИЗИСА ЧЕТВЕРТИ ЖИЗНИ»

Заболоцкая А.Т.¹, Александрова О.А.^{1,2*}

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125993, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

²ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5)

*E-mail: a762rab@mail.ru

Для цитирования:

Заболоцкая А.Т., Александрова О.А. Финансовое поведение студенческой молодёжи в контексте «кризиса четверти жизни» // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 2. — С. 128-140. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-2-128-140; EDN: OYFKWQ

Аннотация. Вступая в третью декаду жизни, молодёжь сталкивается с существенными изменениями: отделение от родителей, окончание вуза, начало трудовой карьеры, смена социального окружения, приближение срока создания собственной семьи. Столкновение ожиданий и реальности может приводить к эмоциональному напряжению и стрессу. Усиливающим фактором выступают давящие ценности «общества потребления», в котором успех измеряется деньгами. Сегодня это усугубляется влиянием социальных сетей как площадок для демонстрации престижного потребления. Возникает противоречие между представлениями людей о необходимости соответствовать «взрослой жизни» в материальных аспектах и оценкой своих реальных возможностей. В статье представлены результаты исследования, включавшего опрос студентов и экспертные интервью, раскрывающие различные аспекты переживания молодёжью «кризиса четверти жизни» и того, как это сказывается на её финансовом поведении. Показано, что 3/4 опрошенных сами уже столкнулись с «кризисом четверти жизни» и у большинства его сейчас переживают знакомые. Почти четверть студентов часто и ещё половина иногда испытывают эмоциональный спад и желание «всё бросить», причиной чему — усталость, внешнее давление, страх жизни. В представлениях большей части респондентов сегодня успех и даже счастье тождественны высокому уровню потребительских возможностей, и это сказывается на их поведении на рынке труда (превалирование акцента на размере зарплаты) и в сфере финансов (склонность к импульсивному потреблению, низкая сберегательная активность, нейтрально-позитивное отношение к кредитам). Такое поведение, помимо давления ценностей «общества потребления», обуславливается низким уровнем доходов при существенном росте стоимости жизни и неопределённостью будущего.

Ключевые слова: молодёжь, студенты, «кризис четверти жизни», финансовое поведение, сберегательная активность, инвестиционная деятельность.

Постановка проблемы

Вступая в третью декаду своей жизни, молодёжь сталкивается с существенными изменениями: отделение от родителей, окончание вуза, начало трудовой карьеры, смена социального окружения, приближение срока создания собственной семьи — всё это заставляет переосмысливать себя в роли «взрослого». Столкновение сформированных в детстве и ранней юности ожиданий с действительностью может приводить к психоэмоциональному напряжению и даже стрессу — не случайно исследователи выделяют в качестве особого периода «кризис четверти жизни». Очевидно, что на представления, установки и модели поведения молодёжи, особенно с учётом ещё не устоявшихся её взглядов, большое влияние оказывает внешняя среда. Свойственные «обществу потребления» ценности сегодня оказывают мощнейшее воздействие на массовое сознание и благодаря современным масс-медиа, при этом именно молодёжь является основным потребителем их контента [1]. В результате возникает противоречие: с одной стороны — рубежный возраст («четверть жизни»), совпадающий с завершением образования и началом трудовой жизни, формирует представления о необходимости соответствовать «взрослой жизни» в её материальных аспектах, а с другой стороны — большинство молодых людей не в состоянии соответствовать характерным для современного российского общества завышенным стандартам потребления.

Это противоречие сказывается на финансовом поведении молодёжи, например, повышает активность в сфере потребления за счёт снижения сберегательной деятельности, усиливает склонность к привлечению кредитов и более рискованным действиям в сфере инвестиций. В настоящее время финансовое поведение молодёжи широко исследуется [2], однако его редко связывают с экзистенциальными факторами, имеющими отношение к «кризису четверти жизни», притом, что это может оказывать серьёзное влияние на текущее и будущее ма-

териальное благополучие молодых россиян. Цель настоящего исследования¹ состояла в определении влияния «кризиса четверти жизни» на установки и финансовое поведение студенческой молодёжи, для чего требовалось выявить её представления о жизненном успехе и способах его достижения, причинах, распространённости и проявлениях «кризиса четверти жизни», а также изучить её потребительское, сберегательное и инвестиционное поведение, отношение к привлечению кредитов.

Проблематика возрастных кризисов и сопряжённого с ними «кризиса идентичности» давно находится в центре внимания исследователей². Чаще всего говорится о «кризисе среднего возраста», но кризисы переживает и молодёжь. Так, Д. Левинсон кризис, переживаемый при переходе к «ранней взрослости», связывает с отделением от родителей [3]. Что касается «кризиса четверти жизни», то он возникает в период окончания вуза и начала профессиональной реализации и проходит через ряд фаз, начиная от ощущения безысходности, связанного с прежними отношениями и представлениями о карьере, через осознание возможности перемен, поиск своего пути, и заканчивая адаптацией и закреплением новых взглядов, ценностей и обязательств. Ключевые, порождающие кризис факторы, такие как стремление соответствовать ожиданиям либо примеру родителей, а также расхождение действительности и сформированных в детстве ожиданий от взрослой жизни, усугубляются давлением ценностей общества потребления и влиянием социальных сетей, провоцирующих сравнение личных достижений с успехами демонстрирующих свою жизнь ровесников и «звёзд». Восприятие под действием этих факторов собственной жизни приводит к сомнению в ранее принятых решениях (чаще всего — в выборе специальности

¹ Опрос проводился в Москве, но полученные данные можно экстраполировать на всех студентов, так как многие студенты Москвы приехали из регионов и реклама «общества потребления» с его критериями успеха не ограничена столицей.

² Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис — Москва: Флинта, 2006. — 341 с.

[4]), разочарованию в собственных достижениях). Поиск места в социуме сопровождается связанным с ощущением неопределённости подавленным эмоциональным состоянием. Внешним проявлением кризиса является снижение активности, замыкание в себе; внутренним — изменения в восприятии себя, разочарование в собственных способностях.

О распространённости явления говорят результаты многочисленных исследований. Так, в Великобритании исследования показали, что 70% тридцатилетних столкнулись с кризисом идентичности в двадцатилетнем возрасте, 86% испытывают давление относительно необходимости достижения до 30 лет успехов в карьере и личной жизни; 60% 18–24-летних испытывают давление, связанное с необходимостью достижения успеха. При этом молодёжь, с одной стороны, регулярно испытывает стресс, связанный с деньгами и работой, а с другой — беспокоится о влиянии испытываемого стресса на здоровье³. Что касается российской молодёжи, то исследование ВЦИОМ показало, что свыше 70% людей в возрасте от 18 до 35 лет верят в существование возрастного кризиса, пятая часть уже через него прошла, и порядка 14% находилась в состоянии кризиса во время опроса⁴.

Характерное для общества потребления материальное измерение «успеха» связывает проблематику «кризиса четверти жизни» с финансовым поведением. Возраст определяет степень зрелости личности, наличие жизненного опыта. Заметное влияние оказывает пол [5]. Родительская семья формирует установки в отношении распоряжения финансами, которым молодой человек будет следовать или, напротив, отвергать, в том числе, в зависимости от поведения референтных групп. На всё это воздействует сформировавшаяся в обществе экономиче-

ская культура [6]. В свою очередь, на особенности принятия решений влияют психологические особенности индивидов, имеющие отношение к толерантности к риску, экстраверсии, доброжелательности, добростности, нейротизму, открытости опыту. К внешним факторам относятся экономическая ситуация и политический контекст, в том числе, уровень институционального доверия, а также доступность получения финансовых знаний [7]. Ценностные установки [8] и финансовое поведение российской молодёжи изучаются с самых разных сторон [9; 10]. Исследования ВЦИОМ показывают, что, вне зависимости от пола, среди основных установок молодёжи преобладает зарабатывание денег, основные барьеры связаны с получением высшего образования, трудоустройством и в целом материальными проблемами⁵, а также, что наиболее рациональными в управлении финансами себя считают представители молодёжи⁶.

Результаты

В ходе исследования применялись массовый опрос (N=207)⁷ и серия полуструктурированных экспертных интервью (N = 9). Респондентами выступали студенты старших курсов бакалавриата и магистратуры факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ. Анкета включала в себя 3 содержательных блока, посвящённых представлениям студентов о жизненном успехе и способах его достижения, «кризисе четверти жизни», его причинах и проявлениях, а также различным аспектам финансового поведения. Сценарий интервью с экспер-

³ Stress Statistics UK 2018 – UK survey on causes of stress // Forth. – URL: <https://www.forthwithlife.co.uk/blog/great-britain-and-stress/> (дата обращения: 18.02.2025).

⁴ Кризис среднего возраста: миф или реальность? // ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/krizis-srednego-vozrasta-mif-ili-realnost> (дата обращения: 18.02.2025).

⁵ Современная молодёжь России. // ВЦИОМ – URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/sovremennaja-molodjozh-rossii-spezifika-i-kljuchevye-zaprosy> (дата обращения: 02.11.2024).

⁶ Финансовая (без)грамотность в России: мониторинг. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/finansovaja-bezgramotnost-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 02.11.2024).

⁷ Поскольку опрошено относительно небольшое количество респондентов, а также в опросе участвовали студенты только одного вуза и только гуманитарного профиля, данное исследование, скорее, является «пилотным».

тами⁸ состоял из 6 блоков, посвящённых социально-экономическим притязаниям молодёжи, её представлениям о механизмах восходящей мобильности, оценке актуальности проблемы «кризиса четверти жизни», моделях финансового поведения молодёжи и определяющих их факторах; эксперты также прокомментировали результаты массового опроса.

В силу особенностей факультета более 2/3 опрошенных составили девушки, большинство респондентов (64,3%) обучается на бюджетной основе, 15,5% изначально выбрали данное направление подготовки и ещё 39,6% рассматривали его как один из вариантов, в то же время 14,5% не хватило баллов, а 8,7% — финансов для получения другой специальности, ещё 21,7% было все равно, на каком направлении учиться. Наибольшие доли составили москвичи (41,5%) и приехавшие из городов с населением от 100 до 500 тыс. человек (30%). Треть опрошенных проживает с родителями, ещё треть живут одни, 3,9% с мужем/женой, пятая часть — с партнёром; в общении живут 8,2% и 1% в съёмной квартире с соседями. 70,5% респондентов считают семью, в которой они выросли, среднеобеспеченной, 21,3% — высоко обеспеченной и ещё 3,4% — богатой; малообеспеченной свою семью считают 4,8%. Полностью удовлетворены своим материальным положением 5,8% респондентов, основная же масса (59,9%) — скорее удовлетворена (треть — скорее не довольны, и 1% — совсем не удовлетворены). Девушки чаще, чем юноши относили себя к тем, кому «денег хватает на продукты и одежду, но покупка товаров длительного пользования — проблема», и заметно чаще юношей «скорее не удовлетворены» своим материальным положением. Основные источники дохода опрошенных — заработная плата (67,6%) и финансовая помощь родителей (27,5%); последнюю чаще называли девушки, в то время как юноши чаще указывали на «пассив-

ный заработок (инвестиции)». На момент опроса две трети работали полный день и ещё 12,1% — неполный, 14% имели подработку. Основные причины занятости (в порядке убывания): стремление к финансовой независимости от родителей (69,6%), желание приобретать престижные вещи (45,9%) или вести такой же образ жизни как окружающие (45,4%), приобретение опыта для дальнейшего успешного трудоустройства (40,2%); при этом юноши заметно чаще выбирали варианты «чтобы накопить на приобретение своего жилья» и «чтобы накопить на открытие бизнеса/стартапа». Ключевую роль при выборе работы играет размер ожидаемой зарплаты (68,6%), другие же аспекты, такие как соответствие призванию и интересам, получаемой специальности, перспективам карьерного роста при небольшой начальной зарплате заметно отстают (соответственно, 8,2%, 5,3% и 10,6%). Удовлетворённость текущим доходом в среднем составляет 5,7 баллов из 10 возможных: при этом выявилась заметная разница: юноши часто выбирали 7–8 баллов, в то время как среди девушек преобладали оценки в диапазоне 3–6 баллов.

По мнению опрошенных студентов, сегодня успешным в глазах окружающих человека делают, в первую очередь, его материальные возможности — стабильный и достаточно высокий доход (88,4% респондентов), наличие хорошей квартиры (61,4%); сбережений, позволяющих не беспокоиться о «завтрашнем дне» (53,1%); возможность регулярно отдыхать, путешествовать по миру (51,1%). Гораздо реже в качестве признаков жизненного успеха отмечались: наличие интересной, соответствующей призванию и способностям работы (33,8%); дружной семьи, детей (28,4%); хорошего образования (23,7%) и друзей (14%). Об этом же говорит и то, что 41,1% респондентов полностью и 49,3% скорее согласны с утверждением «сегодня понятия «успех» и «богатство» тождественны» (совершенно не согласны с этим лишь 0,5%). Более того, 6,8% полностью и ещё 61,4% скорее согласны с тем, что сегодня тождественны и понятия «счастье» и «богатство» (скорее

⁸ В качестве экспертов выступали специалисты с высшим социологическим или экономическим образованием, с общим стажем работы в среднем порядка 13 лет и опытом проведения исследований в области социологии/маркетинга, в том числе, по близкой проблематике.

либо полностью несогласны, соответственно, 28,5% и 3,4%). Достижению же успеха более всего содействуют наличие амбиций (82,6%), способность упорно трудиться (63,3%) и умение заводить полезные знакомства (57,5%). Девушки заметно чаще видят маркеры успеха в наличии «дружной семьи, детей», «хороших друзей» и «интересной работы», а юноши — в «хорошем автомобиле» и «престижных связях, знакомствах»; говоря о пути к успеху, юноши чаще указывали на «умение заводить полезные знакомства», «готовность рисковать» и материальное положение родительской семьи, а девушки — на «способность упорно трудиться» и «удачный брак».

Опрошенные эксперты согласны с тем, что сегодня молодые люди, действительно, «нацелены на обеспечение доступа ко всем имеющимся благам, так как в их картине мира владеть ими — равно быть счастливым и состояться в жизни». Подобное мировоззрение — «закономерный этап развития общества, который можно обозначить как «тренд на деньги»». С переходом к иной общественно-экономической формации «происходит формирование индивидуалистического самосознания, которое проще всего интерпретировать в рамках материальных объектов. Рыночная экономика также подкрепляет значимость денег в современном мире». Эти установки «подогреваются» экономической нестабильностью: «из опыта мировых кризисов проистекает преувеличенная ценность материальных «якорей безопасности»». Ценностные сдвиги усугубляются воздействием социальных сетей, «транслирующих демонстративное потребление и эстетику успешной жизни. В данном пространстве человек приобретает установки относительно личного позиционирования, сводящегося к наличию ряда благ, определяющих ценность человека». Действительно: «Влияние социальных сетей — огромное! Мы постоянно видим там картинки «красивой жизни» — дорогие вещи, машины, путешествия. И волей-неволей начинаешь думать, что именно это и есть успех и счастье».

Что касается «кризиса четверти жизни», то большинство опрошенных студентов (60,4%) считают его естественным процессом, сопровождающим взросление. В то же время, каждый пятый — связывает с «давлением современного общества, в котором все определяется потребительскими возможностями». Заметно меньше респондентов объясняют кризис неспособностью молодёжи адаптироваться к взрослой жизни (9,7%), непредсказуемостью современного мира (6,3%), модой на психологию (1,9%) и попыткой молодёжи обратить на себя внимание (1%). По мнению большинства (59,9%), все молодые люди сталкиваются с «кризисом четверти жизни» — просто в разной степени, однако каждый четвёртый респондент полагает, что наиболее подвержены ему те, кто ставит перед собой слишком амбициозные цели. Считающих, что здесь играет роль гендерный фактор, и кризису более подвержены молодые женщины или, напротив, мужчины, — немного (соответственно 6,8% и 5,3%), как и тех, кто видит причину в изначально заниженной самооценке (2,4%). А вот роль масс-медиа, напротив, видится студентам значительной: так, 70,5% полностью и 28,5% скорее согласны с утверждением, что социальные сети и массовая культура формируют у молодёжи слишком высокие требования к себе. Сравнение ответов девушек и юношей говорит о том, что и те, и другие в основном считают «кризис четверти жизни» естественным процессом взросления. Однако девушки заметно чаще связывают его с «давлением современного общества, где всё определяется потребительскими возможностями», и они же — значительно чаще «полностью согласны» с тем, что образы в соцсетях формируют завышенные требования. Юноши несколько чаще видят причину кризиса в неопределённости и непредсказуемости современного мира.

Эксперты сходятся во мнении, что проблема «кризиса четверти жизни» актуальна для российского общества. Но если одни полагают, что это просто «проживание нового этапа социализации, взросления и осознания себя в новой роли...», то другие акцен-

тируют внимание на влиянии специфического социально-экономического контекста. Причём как общего: *«Рыночная экономика, в которой выросли многие представители поколения, столкнувшегося с данным феноменом, тесно связана с понятием конкуренции, которую молодые люди переносят в жизнь, воспринимая её как соревнование, где необходимо достигать результатов к определённым срокам, например, реализоваться до 30 лет. Молодёжь стремится к быстрым результатам и тяжело проживает неудачи»*, так и текущего контекста, да ещё и помноженного на возрастные особенности: *«Социально-экономический, политический контекст, понижающие уровень стабильности, эмоциональное восприятие в контексте юношеского максимализма влекут за собой тяжёлое переживание неудач»*, *«Изменения в экономике, волатильность рынка труда и высокие ожидания, формируемые информационной средой, усиливают давление на молодёжь»*. И, опять же, на роли социальных сетей: *«Молодёжь смотрит на «идеальную» жизнь и думает, что у них всё не так»*.

Три четверти опрошенных сами уже столкнулись с «кризисом четверти жизни», и у 61,1% студентов его переживают знакомые. Проявляется кризис в отсутствии представлений о будущем (29,6%), желании чем-либо заниматься (29%), постоянном сравнении себя со сверстниками (13,2%), появлении либо усилении неуверенности в себе (8,5%), сомнениях в выборе специальности (8,3%), ощущении чрезмерной ответственности, тревожности и страхе перед будущим (по 0,5%). При этом нельзя сказать, что большинство опрошенных считают, что их ровесники достигли больших успехов: 8,7% полностью и 48,8% скорее не согласны с этим (полностью согласны лишь 5,8%). В то же время, говоря о себе, респонденты признают, что могли бы достичь большего (полностью с этим согласны 36,2% и скорее согласны 51,2%). По утверждению большинства студентов, успехи сверстников вызывают у них позитивные эмоции: 57% ими воодушевляются, а 11,8% — они восхищаются. Однако каждый четвёртый признал, что чужие успехи вызывают разочарование в себе

и стыд, а 5,8% — злость и раздражение, некоторые указали на зависть, апатию и равнодушие. При этом девушки чаще указывают на разочарование в себе, а юноши — на восхищение чужими успехами.

Согласно полученным данным, большинство опрошенных не испытывает морального давления со стороны окружающих по поводу достижения финансового успеха. Если же оно осуществляется, то, прежде всего, родителями: очень сильное давление ощущают 3,4%, не особенно сильное — 19,3%, ещё 21,7% его ощущают, но редко; похожая картина касается партнёра/супруга: очень сильное давление с его стороны отметили 3,4%, не особенно сильное — 15,9% (девушки чаще отмечают моральное давление со стороны родителей, друзей и знакомых). Тем не менее, почти четверть студентов часто и ещё 49,3% иногда испытывают эмоциональный спад и желание «всё бросить» (лишь 3,9% никогда не испытывают ничего подобного). И судя по ответам на открытый вопрос, основные причины подобных состояний — усталость, давление, неудачи, страх. Девушки намного чаще, чем юноши, испытывают эмоциональный спад и «желание всё бросить». А в качестве причин, помимо усталости и стресса, отмечают «неуверенность в себе», «страх не состояться», «постоянное сравнение со сверстниками», «завышенные ожидания от себя». Юноши чаще упоминают «лень», «отсутствие результатов», «неудачи», «усталость» и реже — сравнение с другими или давление социального окружения.

Тем не менее, большинство студентов настроены оптимистично: средняя оценка уверенности в том, что им удастся добиться всего, чего хотелось бы, составила 7,1 балла по десятибалльной шкале. Достичь поставленных целей респонденты планируют, прежде всего, за счёт упорного труда — 85,5%, поиска полезных связей — 58,9% и рационального обращения с финансовыми ресурсами — 41,4% (реже всего назывались удачный брак (9,7%), инвестирование (8,7%) и смена профессии (6,8%)). С учётом, как было показано выше, отождествления жизненного успеха и даже счастья с мате-

риальными возможностями, а также того, что обеспечить материальное благополучие респонденты надеются с помощью трудовых усилий и грамотного распоряжения заработанными средствами, остановимся несколько подробнее на том, каково их финансовое поведение сегодня.

Более чем на год планируют свою жизнь 46,8% опрошенных: чуть более четверти — на 1–3 года, 17,9% — на 3–5 лет и 1,4% — на 10 лет и более; ещё порядка 17% строят планы на год. При этом свой бюджет респонденты рассчитывают максимум на несколько месяцев вперёд (не планируют бюджет 13,5% опрошенных, и среди них чаще оказываются юноши). Планирование бюджета респонденты мотивируют, прежде всего, необходимостью контролировать расходы (70,9%), желанием создать «подушку безопасности» (52,4%), наличием определённых финансовых целей (46,6%). Основными статьями расходов для всех опрошенных являются: продукты питания (80,1%), развлечения (65%), одежда, обувь, аксессуары (60,2%), транспорт (40%).

Эксперты объясняют короткий горизонт планирования у молодёжи по-разному. Одни полагают, что долгосрочное планирование затруднено ожиданием *«значительных изменений в своём статусе (окончание учёбы, смена работы, создание семьи) в ближайшие годы»*, другие связывают его с *«экономической и социальной нестабильностью в стране и мире: молодёжь ощущает, что планы могут рухнуть в любой момент из-за внешних факторов»*. Получается, что *«молодёжь, с одной стороны, ещё сама не понимает, что ей надо и какими способами можно этого достичь, а, с другой, как политическая, так и экономическая обстановка не позволяют делать точных прогнозов на будущее»*. В результате возникает замкнутый круг: *«отсутствие уверенности в себе и мире сокращают горизонт планирования, что может привести к низкой сберегательной и кредитной активности...»*, при этом *«короткие горизонты планирования могут привести к недостаточной финансовой подготовленности и невозможности справляться с непредвиденными обстоятельствами, что*

в свою очередь может усугубить финансовые трудности в будущем».

Совершая покупки, порядка 40% респондентов руководствуются качеством товара, ещё 18% — его функциональностью и столько же — выгодой (скидки, акции). В то же время, чаще, чем каждый пятый, признался, что мотивом является радость от самой покупки; ещё для 2,4% студентов важны престижность вещи и её соответствие модным тенденциям. Импульсивные покупки весьма характерны для опрошенной аудитории: постоянно ими «грешат» 11,1% и ещё 54,6% — часто (никогда — лишь 2,9%). Их совершение 72,5% респондентов объясняют эмоциональным состоянием (существенно реже — подверженностью маркетинговым приёмам (15,5%) и неумением планировать финансы (3,9%)). Девушки заметно чаще делают импульсивные покупки и объясняют их *«эмоциональным состоянием (желание порадовать себя)»*; юноши совершают их реже и чаще под влиянием *«маркетинговых стратегий (скидки, акции)»*. Демонстративное потребление менее свойственно опрошенным: 24,2% утверждают, что никогда не покупают вещи только для того, чтобы быть не хуже других, соответствовать окружению, а 56,5% делают это, но редко.

Эксперты связывают склонность молодёжи к импульсивному потреблению с коротким горизонтом планирования (*«молодёжь часто придерживается принципа «живу сегодня»»*), а также со стрессом и с рекламой в социальных сетях, под влиянием которых молодёжь *«становится подверженной к трате некрупной суммы на ненужный товар, но который принесёт временную радость от покупки»*, и говорят о свойственном обществу потребления *«когнитивном диссонансе» (люди хотят казаться рациональными потребителями, но, скорее, относятся к эмоциональным)*, ведущем *«к снижению культуры накопления, развитию одноразового потребления»*.

Что касается сберегательного поведения, то половина опрошенных старается сначала отложить часть денег и порядка 40% сберегают то, что останется после текущих расходов (у 7,7% ничего не остаётся). В от-

сутствие текущих поступлений сбережений абсолютного большинства студентов хватит на несколько месяцев (на 3–6 (43%) и на 1–2 (23,7%); более, чем на год накоплений хватит у 2,9% опрошенных). Юноши чаще указывают на наличие сбережений более чем на 6 месяцев и на наличие крупных сумм; у девушек чаще либо нет сбережений, либо есть, но лишь на 1–2 месяца. Эксперты подтверждают, что *«значительная часть студентов функционирует в рамках модели, где потребление практически равно текущим доходам (стипендии, помощь родителей, нерегулярные заработки). Поэтому отсутствует значимое сбережение и инвестирование, финансовое планирование краткосрочное»*. Заметим, что ситуация, когда текущие поступления почти полностью уходят на покрытие повседневных расходов [11; 12], не оставляя возможностей для формирования сколько-нибудь серьёзных накоплений и инвестиций, характерна для большинства российских домохозяйств [13]. Своё влияние оказывают инфляция и экономическая нестабильность: *«Цены растут, а стипендии и зарплаты на стартовых позициях — не всегда. Постоянно какая-то неопределённость. Из-за этого сложно что-то планировать надолго. Хочется либо потратить деньги сейчас — пока они не обесценились, либо, наоборот, судорожно откладывать «на всякий случай»»*.

Свободные средства 60% респондентов оставляют на текущем счёте либо хранят в наличных рублях. Треть опрошенных пытаются приумножить средства, размещая их на банковский депозит. Получение процентов по вкладам называется чаще других и когда речь заходит о инвестировании (этот инструмент назвали 20,1% студентов, имеющих опыт инвестирования), следующими по частоте упоминаний идут спекуляции на курсе криптовалюты (15,4%). Кроме того, отмечались такие способы приумножения средств (в порядке убывания): накопительный счёт (9%), спекуляции с ценными бумагами (8%), вложение в ценные бумаги с целью получения дивидендов (6,7%), спекуляции на курсе иностранной валюты (5,7%), покупка ОФЗ (1%) и вложе-

ния в металлические счета (0,7%). В целом среди студентов преобладает положительное отношение к инвестированию: 36,2% респондентов уже имеют позитивный опыт и намерены продолжать, а 38,2% — ещё не инвестировали и хотят попробовать; кроме того, планируют продолжить инвестировать и 11,1%, имеющих негативный опыт (не пробовали и не намерены пробовать 13,5% опрошенных, и ещё 0,5% потерпели неудачу и больше рисковать не хотят). Юноши и в целом заметно чаще инвестируют (удачно либо, если не удачно, тем не менее с намерением продолжать), и чаще имеют опыт валютных спекуляций, обращения с криптовалютой и акциями; девушки чаще выбирают вариант «нет, но хочу попробовать» либо «нет, и не планирую», те же, кто инвестирует, чаще всего указывают на банковский депозит.

Эксперты полагают, что *«инвестиции представляются молодёжи быстрым способом обогащения — «золотой антилопой»*. Кроме того, *«привлекательность инвестирования можно объяснить созданным социальными сетями портретом инвестора, который представляется успешным и хорошо обеспеченным без рутинной работы, что создаёт впечатление быстрого успеха без усилий»*. Что касается инструментов для приумножения средств, то *«молодёжь делится на искателей безопасности и на азартных, нацеленных на стремительное обогащение»*. Соответственно, *«вклад не требует значительных усилий со стороны инвестора, поэтому многие молодые люди просто с наименьшим риском доверяют свои деньги банку»*, кроме того, именно такие модели *«вероятно, распространены среди родителей студентов»* (действительно, для россиян среднего и старших возрастов основной формой организованных накоплений являются банковские вклады [14]). Криптовалюта *«оказалась более рискованной, но в разы более прибыльным инструментом, однако требует большей включённости и навыков»*.

Очевидно, что при скромных доходах и, соответственно, накоплениях, крупные покупки ещё долго будут недоступны респондентам. И, действительно, ровно по-

ловина опрошенных считают, что очень нескоро смогут приобрести квартиру (на срок 5–10 лет указала четверть респондентов, на 3–5 лет — 6,3%, на 1–3 года — 3,9%). Приобретение автомобиля видится более реальным: лишь 16,4% уверены, что смогут приобрести его очень нескоро. Эксперты полагают, что применительно к этим вопросам *«молодёжь имеет достаточно объективное видение и трезво оценивает свои возможности»*. Но одновременно подчёркивают, что *«представления о невозможности совершения будущих крупных трат лежат в основе расточительности в настоящем»*, и предупреждают: *«понимание этого может привести к тому, что она откажется от накопления средств на будущие траты и будет активно потреблять доступные на данный момент блага»*; *«представления о невозможности крупных покупок мотивирует на траты в настоящем, кроме того, возрастает вероятность рискованного финансового поведения»*.

Отсутствие у респондентов достаточных собственных средств ставит вопрос об их отношении к заимствованиям. С явной опаской к кредитам относится порядка трети (19,3% предпочитают их избегать, а 16,4% — использовать только в крайнем случае). Остальные — нейтрально (48,3%) либо позитивно, видя в кредите удобный способ расширения потребительских возможностей (13%); считают возможным активное заимствование 2,9%. При этом большинство не имеет опыта привлечения займа в кредитном учреждении, а одалживает при необходимости у родственников и знакомых. Девушки чаще относятся к кредитам настороженно или отрицательно, а юноши — нейтрально или положительно (*«считаю удобным инструментом»*). Эксперты указывают, что *молодёжь «чаще прибегает к кредитным картам и системам, позволяющим делить сумму покупки на платежи, а также выходить на рынок инвестиций, чтобы расширить потребительские возможности»*.

Свои представления об управлении личными финансами опрошенные студенты, прежде всего, черпают из опыта родителей (72,1%), обучения финансовой грамотности

сти в школе и вузе (56,4%), а также из общения с друзьями и знакомыми (46,1%). Лишь 6% опрошенных указали на онлайн-курсы и блоги финансовых консультантов. Студенты довольно адекватно оценивают уровень своих знаний в данной сфере: лишь 6,8% убеждены, что умеют грамотно распоряжаться своими деньгами; остальные разделились: две трети скорее считают себя финансово грамотными, а более четверти в этом скорее сомневаются. Среднее значение оценки уровня финансовой грамотности студентов экспертами составило 6 баллов по десятибалльной шкале. Специалисты подчёркивают противоречивость установок: отмечается стремление *«к рационализации финансового поведения, обусловленное финансовой социализацией, связанной с общей тенденцией повышения уровня финансовой грамотности россиян и трендом на цифровизацию, позволяющую представлять общую картину трат»*, но одновременно — её склонность *«совершать мелкие регулярные необязательные траты»*; с одной стороны, *«желание сиюминутного обогащения делает привлекательными формы альтернативного заработка, например, криптовалюты, традиционная занятость уже не устраивает молодёжь, они хотят заработать как можно больше и как можно быстрее»*, с другой — *«даёт свои плоды внедрённая в учебные дисциплины финансовая грамотность, хотя и не все могут соотнести полученные знания с практикой»*.

По мнению экспертов *«экзистенциальные переживания»* оказывают сильное влияние на молодёжь, *«определяя её поведение в различных сферах деятельности, в том числе и как экономического субъекта»*. Судя по балльной оценке влияния, оказываемого *«кризисом четверти жизни»* на разные виды финансового поведения, он побуждает молодёжь больше тратить, развивать инвестиционную деятельность, снижать сберегательную активность и нейтрально-позитивно относиться к заимствованиям. Как сформулировал один из экспертов, *«только вышедшие из-под родительского крыла участники экономики стремятся попробовать все возможные стратегии управления бюд-*

жетом, чтобы выявить оптимальный лично для себя».

* * *

Как показал проведённый опрос студентов и подтвердили эксперты, переживание молодёжью «кризиса четверти жизни» является распространённым явлением, имеющим психоэмоциональные и экономические последствия, и последние сказываются как на жизни отдельных людей, так и на экономике в целом. Причины кризиса связаны не только с естественным процессом взросления, но и с характерным для современного российского общества культом успеха, измеряемого в материальных благах. Подобные установки подпитывают и многократно усиливают социальные сети, ставшие площадками для бесконечных «ярмарок тщеславия».

Представления о том, что сегодня определяет успешность и делает человека счастливым, и стремление отвечать этим критериям, оказывает влияние на поведение мо-

лодёжи на рынке труда и в сфере финансов. Так, для более, чем двух третей опрошенных студентов, ключевым фактором при трудоустройстве, далеко опережающим по своему значению призвание, содержание труда и другое, выступает размер зарплаты, а почти половина в качестве основного мотива занятости называет желание приобрести престижные вещи. При этом специалисты признают, что на финансовое поведение, его различные виды, помимо давления присущих «обществу потребления» ценностей и задаваемых социальными сетями потребительских стандартов, существенное влияние оказывают низкий уровень доходов (стипендий, зарплат) при высоком уровне стоимости жизни, а в последние годы — ещё и ускорившаяся инфляция, а также резко сокращающая горизонты планирования неопределённость в отношении будущего. С учётом того, что речь идёт о молодёжи, важно заметить, что всё это сказывается на её брачных и репродуктивных установках [15], а в конечном итоге — на демографических перспективах страны [16].

Литература и Интернет-источники

1. **Наберушкина, Э.К.** Интернет-зависимость молодёжи в условиях цифрового общества / Э.К. Наберушкина, А.А. Батеева, М.М. Сударев // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2025. — Т. 33. — № S1. — С. 877–883. DOI: 10.32687/0869-866X-2025-33-s1-877-883; EDN: LQUFSE
2. **Тюриков, А.Г.** Финансовое поведение россиян: практики, модели, эффективные инструменты / А.Г. Тюриков, Е.Л. Круглова, Д.А. Кунижева // Финансы: теория и практика. — 2025. — Т. 29. — № 6. — С. 107–120. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-6-107-120; EDN: RQEGDG
3. **Levinson, D.J.** A Conception of Adult Development / D.J. Levinson // American Psychologist. — 1986. — Vol. 41. — No.1. — P. 3–13. DOI: 10.1037/0003-066X.41.1.3
4. **Мельникова, Н.Е.** Кризис четверти жизни в студенческой среде сквозь призму удовлетворённости выбором профессии: социологический анализ / Н.Е. Мельникова, И.М. Смирнова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2022. — № 11–1. — С. 75–79. EDN: LYLHPA
5. **Fonseca, R.** What Explains the Gender Gap in Financial Literacy? The Role of Household Decision / R. Fonseca, K.J. Mullen, G. Zamarro, J. Zissimopoulos // The Journal of Consumer Affairs. — 2019. — No. 46. — P. 90–106. DOI: 10.1111/j.1745-6606.2011.01221
6. **Breuer, W.** National Culture and Household Finance / W. Breuer, A. J. Salzmänn // Global Economy and Finance Journal. — 2012. — Vol. 5. — No. 1. — P. 37–52. DOI: 10.2139/ssrn.1448698
7. **Макар, С.В.** Финансовая инфраструктура: точки доступа для населения / С.В. Макар, А.В. Ярашева, Н.В. Аликперова // Экономика. Налоги. Право. — 2021. — Т. 14. — № 3. — С. 56–66. EDN: MXNLUM

8. **Радаев, В.В.** Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ / В.В. Радаев // Социологические исследования. — 2018. — № 3. — С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029; EDN: YVQXQU
9. **Ярашева, А.В.** Особенности кредитного поведения молодёжи России: тенденции и риски / А.В. Ярашева, Н.В. Аликперова, Д.И. Марков // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 3. — С. 170–182. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.14; EDN: PEPDXL
10. **Марков, Д.И.** Особенности сберегательной культуры российской городской молодёжи: отношение к сбережениям и пенсии / Д.И. Марков // Социальное пространство. — 2024. — Т. 10. — № 1. EDN: AUKKAS
11. **Ярашева, А.В.** Структура потребительских расходов как показатель благополучия населения / А.В. Ярашева, С.В. Макар // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 2. — С. 210–220. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-210-220; EDN: GSQSQR
12. **Ткаченко, А.А.** Обеспечение достойного уровня жизни населения: возможности и реальность / А.А. Ткаченко // Экономика. Налоги. Право. — 2025. — Т. 18. — № 3. С. 6–18. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-6-18; EDN: WBNEFJ
13. **Щурина, С.В.** Особенности поведения населения на рынке сбережений / С.В. Щурина // Экономика. Налоги. Право. — 2025. — Т. 18. — № 3. — С. 52–66. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-52-66; EDN: PDSMIB
14. **Александрова, О.А.** Готовность жителей Москвы к финансовым отношениям в формате экономики совместного участия / О.А. Александрова, Е.И. Борковская // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 2. — С. 221–232. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-221-232; EDN: CIEVW
15. **Ярашева, А.В.** Факторы влияния на репродуктивные установки россиян: социологический срез / А.В. Ярашева, С.М. Кулешов, Н.А. Козырев // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 69–79. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-68-79; EDN: CPZQWG
16. **Ткаченко, А.А.** Концептуальные подходы к демографическому воспроизводству и демографическая политика / А.А. Ткаченко // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 15–28. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-15-28; EDN: KNXXSG

Сведения об авторах:

Заболоцкая Анастасия Тимофеевна, магистрант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: zabolockaya.nastya@gmail.com.

Александрова Ольга Аркадьевна, д.э.н., главный научный сотрудник, зам. директора по научной работе, ИСЭПН ФНИСЦ РАН; проф. кафедры социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: a762rab@mail.ru; ORCID: 0000-0002-9243-9242; РИНЦ SPIN-код: 4419–6003.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-128-140

FINANCIAL BEHAVIOR OF STUDENTS IN THE CONTEXT OF THE «QUARTER-LIFE CRISIS»

Anastasia T. Zabolotskaya¹, Olga A. Aleksandrova^{1,2*}

¹*Financial University under the Government of the Russian Federation
(49 Leningradsky prospect, Moscow, Russia, 125993)*

²*ISESP FCTAS RAS*

(24/35, build. 5 Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)

**E-mail: a762rab@mail.ru*

For citation:

Zabolotskaya A. T., Aleksandrova O. A. Financial behavior of students in the context of the «quarter-life crisis». *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 128-140. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-128-140 (in Russ.)

Abstract. *Entering their third decade of life, young people face significant changes: separating from their parents, graduating from university, starting a career, changing their social circle, and approaching the time to start their own family. The clash of expectations and reality can lead to emotional tension and even stress. A further exacerbating factor is the pressure placed on young people by the values of a «consumer society,» in which success is measured by material opportunities. Today, this is exacerbated by the influence of social media, which has become a platform for displaying prestigious consumption. A contradiction arises between young people's perceptions of the necessity to match «adult life» in its material aspects and their assessment of their actual capabilities. This article presents the results of a sociological study, including a student survey and expert interviews, revealing various aspects of students' experience of the «quarter-life crisis» and its effect on their financial behavior. It shows that three-quarters of respondents have already experienced a «quarter-life crisis» themselves, and most of them have acquaintances currently experiencing it. Almost a quarter of students frequently, and another half occasionally, experience emotional decline and the desire to «quit» due to fatigue, external pressure, fear of life, and other factors. Most respondents today equate success and even happiness with a high level of consumer opportunities, and this impacts their behavior in the labor market (predominating emphasis on salary) and finances (a tendency toward impulsive consumption, low savings activity, and a neutral-to-positive attitude to loans). According to experts, this financial behavior, in addition to the pressures of consumer society values and the impact of social media, is driven by low incomes, significantly rising cost of living, and uncertain future.*

Keywords: youth, students, «quarter-life crisis», financial behavior, savings activity, investment activity.

References and Internet sources

1. Naberushkina E. K., Bateeva A. A., Sudarev M. M. Internet-zavisimost' molodyozhi v usloviyakh tsifrovogo obshchestva [Internet addiction of youth in the context of digital society]. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2025. Vol. 33. No. S1. P. 877–883. DOI: 10.32687/0869-866X-2025-33-s1-877-883 (in Russ.)
2. Tyurikov A. G., Kruglova E. L., Kunizheva D. A. Finansovoye povedeniye rossiyan: praktiki, modeli, effektivnyye instrumenty [Financial behavior of Russians: practices, models, and effective tools]. *Finansy: teoriya i praktika [Finance: Theory and Practice]*. 2025. Vol. 29. No. 6. P. 107–120. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-6-107-120 (in Russ.)
3. Levinson D. J. A conception of adult development. *American Psychologist*. 1986. Vol. 41. No. 1. P. 3–13. DOI: 10.1037/0003-066X.41.1.3
4. Melnikova N. E., Smirnova I. M. Krizis chetverti zhizni v studencheskoj srede skvoz' prizmu udovletvorennosti vyborom professii: sotsiologicheskij analiz [The quarter-life crisis in the student community through the prism of satisfaction with career choice: sociological analysis]. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki [The Humanities and Social-Economic Sciences]*. 2022. No. 11–1. P. 75–79. (in Russ.)
5. Fonseca R., Mullen K. J., Zamarro G., Zissimopoulos J. What explains the gender gap in financial literacy? The role of household decision. *[The Journal of Consumer Affairs]*. 2019. No. 46. P. 90–106. DOI: 10.1111/j.1745-6606.2011.01221.
6. Breuer W., Salzmann A. J. National culture and household finance. *Global Economy and Finance Journal*. 2012. Vol. 5. No. 1. P. 37–52. DOI: 10.2139/ssrn.1448698

7. Makar S.V., Yarasheva A.V., Alikperova N.V. Finansovaya infrastruktura: tochki dostupa dlya naseleniya [Financial infrastructure: public access points]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics, Taxes and Law]. 2021. Vol. 14. No. 3. P. 56–66. DOI: 10.26794/1999-849X-2021-14-3-56-66 (in Russ.)
8. Radaev V.V. Millenialy na fone predshestvuyushchikh pokolenij: empiricheskij analiz [Millennials compared to previous generations: an empirical analysis]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies]. 2018. No. 3. P. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029 (in Russ.)
9. Yarasheva A.V., Alikperova N.V., Markov D.I. Osobennosti kreditnogo povedeniya molodyozhi Rossii: tendentsii i riski [Features of credit behavior of Russian youth: trends and risks]. *Narodonaselenie* [Population]. 2023. Vol. 26. No. 3. P. 170–182. DOI: 10.19181/population.2023.26.3.14 (in Russ.)
10. Markov D.I. Osobennosti sberegatel'noj kul'tury rossijskoj gorodskoj molodezhi: otnosheniye k sberezheniyam i pensii [Features of the savings culture of Russian urban youth: attitudes towards savings and pensions]. *Sotsial'noye prostranstvo* [Social Area]. 2024. Vol. 10. No. 1. (in Russ.)
11. Yarasheva A.V., Makar S.V. Struktura potrebitel'skikh rashodov kak pokazatel' blagopoluchiya naseleniya [The structure of consumer spending as an indicator of the well-being of the population]. *Narodonaselenie* [Population]. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 210–220. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-210-220 (in Russ.)
12. Tkachenko A.A. Obespechenie dostojnogo urovnya zhizni naseleniya: vozmozhnosti i real'nost' [Ensuring a decent standard of living for the population: possibilities and reality]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. [Economy. Taxes. Law.] 2025. Vol. 18. No. 3. P. 6–18. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-6-18 (in Russ.)
13. Shchurina S.V. Osobennosti povedeniya naseleniya na rynke sberezhenij [Peculiarities of population behavior in the savings market]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo*. [Economy. Taxes. Law.] 2025. Vol. 18. No. 3. P. 52–66. DOI: 10.26794/1999-849x-2025-18-3-52-66 (in Russ.)
14. Aleksandrova O.A., Borkovskaya E.I. Gotovnost' zhitelej Moskvy k finansovym otnosheniyam v formate ekonomiki sovместnogo uchastiya [Readiness of Moscow residents for financial relations in the format of sharing economy]. *Narodonaselenie* [Population]. 2025. Vol. 28. No. 2. P. 221–232. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-2-221-232 (in Russ.)
15. Yarasheva A.V., Kuleshov S.M., Kozyrev N.A. Faktory vliyaniya na reproduktivnyye ustanovki rossiyan: sotsiologicheskij srez [Factors influencing the reproductive attitudes of Russians: a sociological analysis]. *Narodonaselenie* [Population]. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 69–79. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-68-79 (in Russ.)
16. Tkachenko A.A. Kontseptual'nyye podkhody k demograficheskomu vosproizvodstvu i demograficheskaya politika [Conceptual approaches to demographic reproduction and demographic policy]. *Narodonaselenie* [Population]. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 15–28. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-4-15-28 (in Russ.)

Information about the authors:

Zabolotskaya Anastasia Timofeevna, Master's Student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: zabolockaya.nastya@gmail.com.

Aleksandrova Olga Arkadyevna, Doctor of Economics, Chief Researcher, Deputy Director for Research, ISESP FCTAS RAS; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact Information: e-mail: a762rab@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9243-9242; Elibrary SPIN-code: 4419-6003.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-141-151
EDN: OZYSWF

ВЛИЯНИЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЖИЗНЕННЫХ СИЛ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Демченко Т.С.^{1*}, Демченко М.В.²

¹Институт деловой карьеры
(109029, Россия, Москва, ул. Нижегородская, 32, стр. 5)

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
(125167, Россия, Москва, Ленинградский проспект, 49)

*E-mail: tstarshinova@mail.ru

Для цитирования:

Демченко Т.С., Демченко М.В. Влияние материального положения на восстановление жизненных сил предпринимателей // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 2. – С. 141-151. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-141-151; EDN: OZYSWF

Аннотация. Здоровье населения является залогом успеха экономического развития страны. В статье рассматривается влияние материального положения на такой важный процесс, как восстановление жизненных сил определённой социальной группы — предпринимателей. В статье ставились задачи 1) выявления зависимостей между: чувством усталости и недостатком сил от материального положения предпринимателей; частотой напряжённых ситуаций и стрессов в бизнесе от уровня материального положения предпринимателей; 2) выявления возможностей соблюдения баланса между работой и другими сферами жизни: личная жизнь, досуг, хобби, спорт; определение зависимости соблюдения баланса между работой и другими сферами жизни с материальным положением; 3) определения наиболее значимых показателей, помогающих предпринимателям восстанавливать силы; 4) установления зависимостей влияния материального положения на частоту применения показателей, помогающих восстанавливать силы предпринимателям. На основе проведённого опроса предпринимателей (N = 744) определяется их удовлетворённость материальным положением; выявляется: зависимость чувства усталости, недостатка сил от уровня материального положения; зависимость наличия напряжённых ситуаций, стрессов в бизнесе от уровня материального положения респондента; зависимость соблюдения баланса между работой и другими сферами жизни (личная жизнь, досуг, хобби) от уровня материального положения предпринимателя. Выявлены основные возможности (показатели), которые лучше всего помогают восстанавливать силы и определена зависимость реализации этих возможностей от материального положения предпринимателей.

Ключевые слова: жизненные силы, здоровье, предприниматель, материальное положение, усталость, стресс.

Введение

Без эффективной предпринимательской деятельности невозможно добиться результатов в экономике, укреплении суверенитета России. Идея начать свой бизнес, стать предпринимателем остаётся привлекательной для граждан [1]. Важность развития предпринимательской деятельности в России, стимулирования эффективного функционирования малого и среднего бизнеса в регионах доказана в трудах отечественных учёных [2; 3]. В этой связи является актуальным проанализировать здоровье, восстановление жизненных сил предпринимателей.

Многие учёные, исследуя здоровье, представляют его как одну из главных характеристик качества населения и компонента человеческого капитала. Доказано эмпирическим путём, что наблюдается тенденция роста сознательного отношения всех категорий населения к своему здоровью, осознанно люди стремятся к активному долголетию [4]. Всемирная организация здравоохранения включила жизненную силу в число пяти областей внутренней способности к функционированию человека [5]. Жизненные силы являются источником профессионального долголетия, что является значимым для любого человека, в том числе предпринимателя. В зарубежной литературе исследуются жизненные силы и их восстановление путём периодических перерывов в работе, организации свободного времени по вечерам, в выходные и в отпуске [6]. Кроме того, в качестве действенного механизма восстановления жизненных сил предполагается, что люди обмениваются психологической энергией во время встреч, усиливая жизненную силу друг друга [7].

Очевидно, что восстановление жизненных сил после трудового дня, стрессовых ситуаций будет положительно влиять на физическое и психологическое здоровье людей. Физическое и психологическое здоровье населения является одним из основных аспектов благополучия населения [11; 12]. Отечественные учёные рассматривают категорию «профессиональное здоровье»

через призму экономической ценности, представляя здоровье необходимым и основным условием высокого трудового потенциала. Кроме того, отмечается важность создания условий для раскрытия сил и возможностей личности, восстановления нарушенного психологического равновесия [13].

Одним из основных условий успешного восстановления сил является материальное положение человека [8–10]. Исследование материального положения по оценкам граждан на протяжении 20 лет продемонстрировало уменьшение доли респондентов, которые не удовлетворены своим материальным положением. Кроме того, наблюдается небольшой прирост граждан, удовлетворённых им [14, с. 32], что положительно повлияет на восстановление жизненных сил и здоровье населения.

Материалы и методы исследования

Целью исследования является анализ влияния материального положения предпринимателей на восстановление их жизненных сил. В статье решаются следующие задачи: 1) выявление зависимостей между: чувством усталости и недостатком сил от материального положения предпринимателей; частотой напряжённых ситуаций и стрессов в бизнесе от уровня материального положения предпринимателей; 2) выявление возможностей соблюдения баланса между работой и другими сферами жизни: личной жизнью, досуг, хобби, спорт; определение зависимости соблюдения баланса между работой и другими сферами жизни с материальным положением; 3) определение наиболее значимых показателей, помогающих предпринимателям восстанавливать силы; 4) установление зависимостей влияния материального положения на частоту реализации возможностей, помогающих восстанавливать силы предпринимателям.

При написании статьи авторы использовали данные первичной социологической информации Лонгитюда Малого Бизнеса ФОМ¹. Генеральная совокупность ис-

¹ Лонгитюд Малого Бизнеса ФОМ // ФОМ. — URL: <https://smbiz.fom.ru/hub> (дата обращения: 26.04.2025).

следования состояла из участников обществ с ограниченной ответственностью (ООО) или индивидуальных предпринимателей (ИП), зарегистрированных на территории РФ (6,59 млн человек)². Выборочная совокупность составила 744 предпринимателя, давших согласие регулярно участвовать в опросе на протяжении 10 лет (опрос начался в 2021 г., продолжительность проекта 10 лет, доступ к данным предоставляется по окончании календарного года, в котором они были собраны).

Результаты и обсуждение

Анализ влияния материального положения на периодичность испытания чувств усталости и недостатка сил продемонстри-

ровал следующие результаты: 1) наибольшее количество предпринимателей (29,5%) с хорошим материальным положением указали, что они никогда не испытывают чувства усталости, недостатка сил; 2) постоянно чувство усталости испытывают предприниматели с очень плохим (31%) и плохим (23%) материальным положением; 3) редко испытывают усталость респонденты со средним (22%), очень хорошим (21%) и хорошим (26%) материальным положением (рис. 1). Анализируя выявленную зависимость, можно сделать предположение, что чем лучше у респондента материальное положение, тем меньше он устаёт и чувствует недостаток сил. Результаты исследования показали, что предприниматели с хорошим и средним материальным положением сталкиваются постоянно с напряжёнными ситуациями, стрессами намного реже и меньше, чем респонденты с очень хорошим и очень плохим материальным положением (рис. 2).

² Рекордных 6,59 млн достигло число малых и средних предприятий в России // Минэкономразвития РФ. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/rekordnyh_659_mln_dostiglo_chislo_malyh_i_srednih_predpriyatiy_v_rossii.html (дата обращения: 20.04.2025).

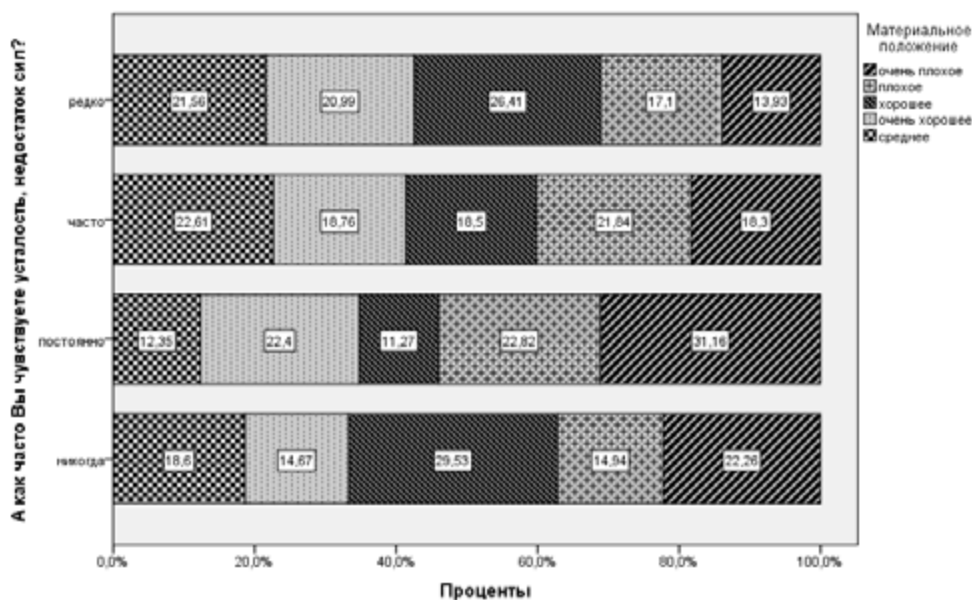

Рис. 1. Зависимость чувства усталости, недостатка сил от уровня материального положения, %

Fig. 1. Dependence of the feeling of fatigue, lack of strength on the level of financial situation, %

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

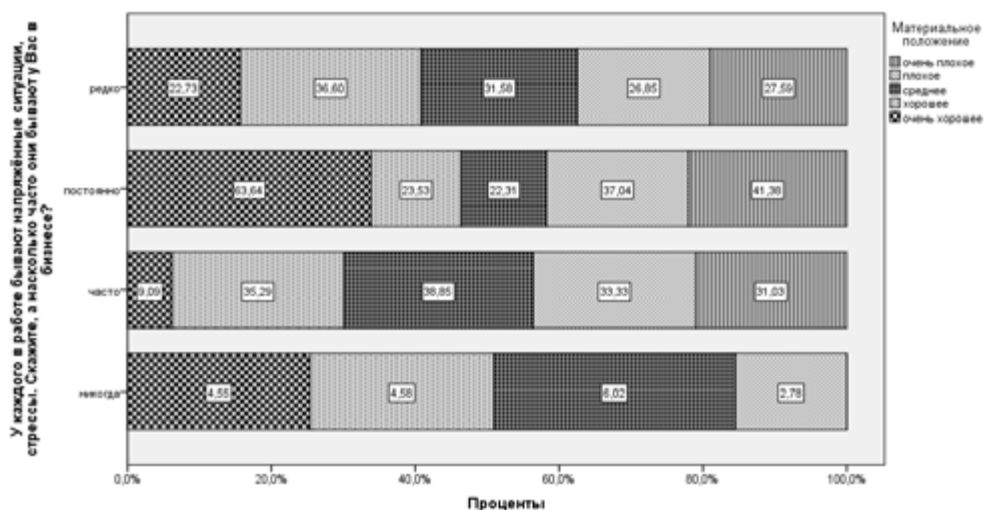

Рис. 2. Зависимость наличия напряженных ситуаций, стрессов в бизнесе от уровня материального положения респондента, %

Fig. 2. Dependence of the presence of tense situations, stresses in business on the level of the respondent's financial situation, %

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

Выявленные данные можно прокомментировать тем, что у предпринимателей с очень хорошим и очень плохим материальным положением преобладают повышенные риски ведения предпринимательской деятельности, от которых респондент испытывает стрессы. Обращает на себя внимание тот факт, что «часто» бывают напряженные ситуации, стрессы у 9% респондентов, у которых очень хорошее материальное положение, в то время как у респондентов другого материального положения этот вариант ответа в три раза чаще.

Соблюдение баланса между работой и другими важными элементами жизни (проведение досуга, наличие хобби, занятие спортом и др.) является неотъемлемой частью гармоничной жизни человека. Результаты исследования показали, что в целом, не наблюдается явная диспропорция в ответах респондентов с разным уровнем материального положения по этому показателю. Респондентам с хорошим и средним материальным положением в наибольшей степени удаётся соблюдать баланс между работой и личной жизнью, заняти-

ем спортом, хобби. Вариант ответа «не удаётся» чаще выбирали респонденты с очень хорошим, плохим и очень плохим материальным положением (рис. 3). Полученные результаты можно трактовать следующим образом: предприниматели с хорошим и средним материальным положением ведут более гармоничную жизнь и чаще находят оптимальный баланс между работой и другими сферами жизни, чем респонденты с очень хорошим достатком и с плохим и очень плохим доходом.

Восстановление сил после трудового дня является основным для поддержания здоровья человека. Предпринимателям был задан вопрос «Что лучше всего помогает Вам восстанавливать силы?», и были предложены варианты ответов с возможностью выбрать до трех из них, наиболее отражающих мнение респондентов. По результатам опроса выявлено, что четыре возможности (показателя) в наибольшей степени способствуют восстановлению их жизненных сил: сон, покой, отдых в целом; общение с семьёй, родными, детьми и их благополучие; активный

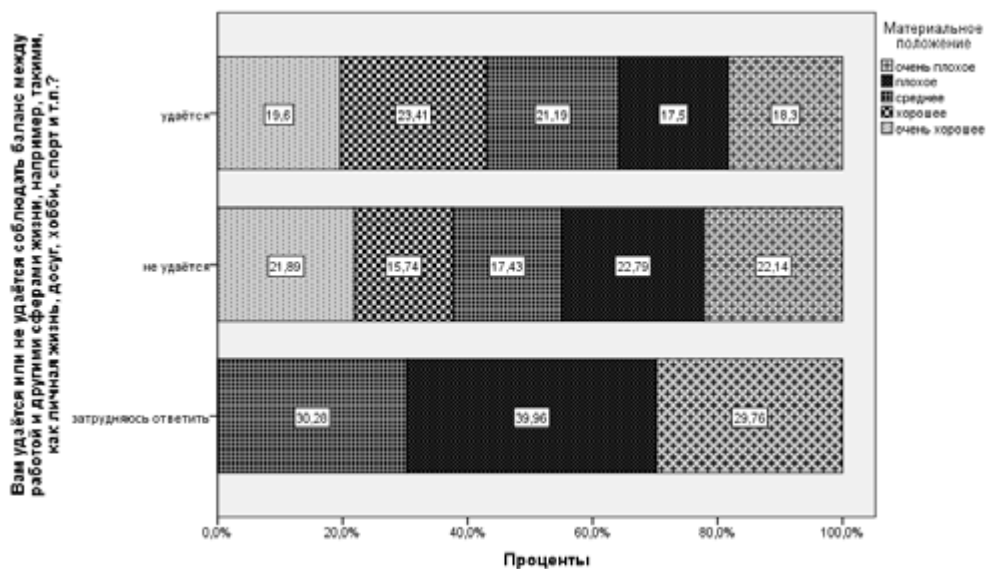

Рис. 3. Зависимость соблюдения баланса между работой и другими сферами жизни, например, такими как, личная жизнь, досуг, хобби от уровня материального положения предпринимателя

Fig. 3. Dependence of the balance between work and other areas of life, for example, personal life, leisure, hobbies on the level of financial situation of the entrepreneur

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

отдых, путешествия, поездки, смена обстановки; физическая нагрузка и занятие спортом (табл. 1).

В наибольшей степени используют сон, покой и отдых в целом предприниматели, которые оценили своё материальное положение, как плохое, далее — респонденты со средним доходом (рис. 4). Меньше всего предпринимателей с очень хорошим материальным положением восстанавливают свои силы с помощью семьи, родных, детей, в то время как в двое больше респондентов, которые оценили своё материальное положение как хорошее и среднее предпочитают восстанавливать силы этим способом (рис. 5). Респонденты с очень хорошим материальным положением предпочитают восстанавливать силы активным отдыхом, путешествиями, поездками, сменой обстановки. Анализируя данные (рис. 6), можно сделать вывод, что чем меньше у респондента доход, тем реже он использует активный отдых для восстановления сил. Та-

кой же вывод можно сделать и по показателю «физическая нагрузка, спорт». Чаще всего респонденты с очень хорошим материальным положением восстанавливают силы именно с помощью физических нагрузок.

Данные (рис. 7) демонстрируют следующую взаимосвязь: чем ниже доход у предпринимателя, тем реже он восстанавливается с помощью физических нагрузок и спорта. Однако, по данным отечественных исследований физические нагрузки стимулируют мозг на создание новых нейронов, это, в свою очередь, является профилактикой здоровья мозга и стимуляцией когнитивных функций. Поэтому занятия спортом улучшают психологическое здоровье и предотвращают патологии [15–18]. В этой связи особую актуальность приобретают принимаемые в последние годы меры по обеспечению доступности занятием физической нагрузкой и спортом для населения всех возрастов и уровня дохода.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Что лучше всего помогает восстанавливать силы?»

Table 1

Distribution of answers to the question “What is the best way to restore your strength?”

Что лучше всего помогает Вам восстанавливать силы?	Количество	%
Сон, покой, отдых в целом	284	25,6
Семья, родные, дети, их благополучие	134	12,1
Активный отдых, путешествия, поездки, смена обстановки	126	11,4
Физическая нагрузка, спорт	104	9,4
Природа	69	6,2
Занятие любимым делом, хобби	65	5,9
Общение	48	4,3
Смена деятельности, отвлечение от проблем	38	3,4
Дача, деревня	30	2,7
Время дома	28	2,5
Просмотр фильмов, сериалов, передач	23	2,1
Затрудняюсь ответить, нет ответа	23	2,1
Уединение	18	1,6
Алкоголь	16	1,4
Чтение, прослушивание книг	14	1,3
Баня, сауна	12	1,1
Другое	12	1,1
Работа над собой, оптимизм	9	0,8
Работа, загруженность	9	0,8
Еда, кофе	8	0,7
Секс	7	0,6
Культурные мероприятия	7	0,6
Вера в Бога	5	0,5
Домашние питомцы	5	0,5
Компьютерные игры, виртуальная реальность	5	0,5
Медитативные, оздоравливающие практики	5	0,5
Стараюсь не уставать	5	0,5
Итого	1109	100

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

Заключение

Уровень материального положения безусловно влияет на качество жизни человека, на частоту усталости и недостатка сил. Доказано эмпирическим путём, что постоянно чувство усталости преобладает у предпринимателей с очень плохим и плохим материальным положением. Чем выше доход у респондента, тем реже он чувствует усталость, недостаток сил. Однако, выявлено, что постоянно испытывают напря-

жённые ситуации и стрессы предприниматели с очень хорошим достатком, плохим и очень плохим уровнем дохода. Анализируя полученные данные, можно сделать вывод, что респонденты с хорошим и средним материальным положением реже подвержены стрессовым ситуациям. Подтверждает данное суждение также анализ рисунка 3: предприниматели с хорошим и средним материальным положением ведут более гармоничную жизнь и находят оптимальный баланс между работой и дру-

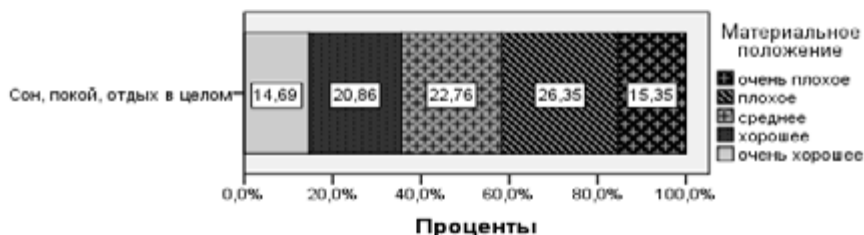

Рис. 4. Зависимость применения показателя «сон, покой, отдых в целом», способствующего восстановлению жизненных сил от материального положения предпринимателей, %

Fig. 4. Dependence of the use of the indicator «sleep, rest, rest in general,» which contributes to the restoration of vitality from the financial situation of entrepreneurs, %

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

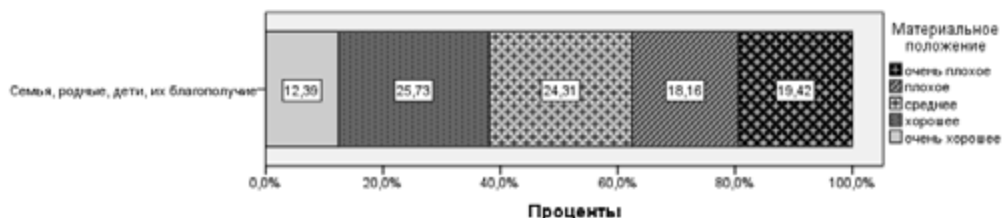

Рис. 5. Зависимость использования показателя «семья, родные, дети, их благополучие», способствующего восстановлению жизненных сил от материального положения предпринимателей, %

Fig. 5 Dependence of the use of the indicator «family, relatives, children, their well-being,» which contributes to the restoration of vitality from the financial situation of entrepreneurs, %

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

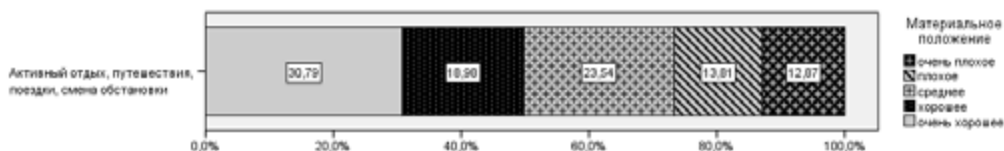

Рис. 6. Зависимость применения показателя «активный отдых, путешествия, поездки, смена обстановки», способствующего восстановлению жизненных сил от материального положения предпринимателей, %

Fig. 6. Dependence of the use of the indicator «active rest, travel, travel, change of situation,» which contributes to the restoration of vitality from the financial situation of entrepreneurs, %

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

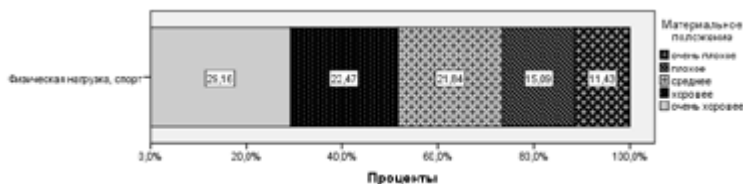

Рис. 7 Зависимость использования показателя «физическая нагрузка, спорт», способствующего восстановлению жизненных сил от материального положения предпринимателей, %

Fig. 7 Dependence of the use of the indicator «physical activity, sport,» which contributes to the restoration of vitality on the financial situation of entrepreneurs, %

Источник: расчёты авторов по данным исследования.

гими сферами жизни чаще, чем респонденты с очень хорошим достатком, а также предприниматели с плохим и очень плохим уровнем дохода. Выявлены основные меры, которые используются для восстановления жизненных сил предпринимателей: сон, покой, отдых в целом (25,6%); общение с семьёй, родными, детьми и их благополучие (12,1%); активный отдых, путешествия, поездки, смена обстановки (11,4%), физическая нагрузка и занятие спортом (9,4%).

Анализ зависимостей использования основных мер, способствующих восстановлению жизненных сил от материального положения предпринимателей, позволяет выявить следующую взаимосвязь: чем ниже у предпринимателя уровень дохода, тем реже он занимается физической нагруз-

кой и спортом, а также реже использует активный отдых, путешествия, поездки, смену обстановки для восстановления жизненных сил. Разумеется, для активного отдыха, путешествий, поездок, смены обстановки, а также для занятий физической культурой и спортом требуются дополнительные средства, поэтому респондентам, которые сталкиваются с финансовыми трудностями, затруднительно выделить средства на восстановление жизненных сил именно этими методами. Активный отдых, путешествия, поездки, смена обстановки с целью восстановления сил доступны в наибольшей степени для предпринимателей с очень хорошим достатком. Улучшить ситуацию и снизить финансовую нагрузку на предпринимателей позволят меры по развитию физической культуры и спорта.

Литература и Интернет-источники

1. **Александрова, О.А.** Предпринимательские установки как элемент финансово-экономической культуры студенческой молодёжи / О.А. Александрова, А.Г. Тюриков, Д.А. Кунижева, [и др.] // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 3. — С. 103–115. DOI: 10.19181 / population.2022.25.3.8; EDN: HGLANT
2. **Криничанский, К.В.** Связь финансов и роста в России: работает ли канал малого и среднего предпринимательства? / К.В. Криничанский, М.А. Юревич, А.В. Фатькин // Вопросы экономики. — 2023. — № 6. — С. 76–93. DOI: 10.32609 / 0042-8736-2023-6-76-93; EDN: EUUEWM
3. **Симаева, Е.П.** Развитие партнерского финансирования для поддержки малого и среднего бизнеса / Е.П. Симаева, Н.П. Симаева // Экономика. Налоги. Право. — 2024. — Т. 17. — № 5. — С. 67–76. DOI: 10.26794 / 1999-849X-2024-17-5-67-76; EDN: RBBFIU
4. **Русанова, Н.Е.** Здоровье населения: от индивидуальной ценности до базового фактора общественного развития / Н.Е. Русанова // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 1. — С. 109–121. EDN: XQCXKX
5. **Березина, Т.Н.** Жизненные силы как ресурс профессионального долголетия: обзор отечественных и зарубежных исследований / Т.Н. Березина // Современная зарубежная психология. — 2025. — Т. 14. — № 2. — С. 47–56. DOI: 10.17759 / jmfpr.2025140205; EDN: VKPLMC
6. **Sonnentag, S.** Recovery from work: Advancing the field toward the future / S. Sonnentag, B. H. Cheng, S. L. Parker // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. — 2022. — Т. 9. — P. 33–60. DOI: 10.1146 / annurevpsych-012420-091355
7. **Wei, T.** Liu, D. Dong // Journal of Consciousness Studies. — 2024. — Т. 31. — № 11–12. — P. 60–84. DOI: 10.53765 / 20512201.31.11.060
8. **Ткаченко, А.А.** Обеспечение достойного уровня жизни населения: возможности и реальность / А.А. Ткаченко // Экономика. Налоги. Право. — 2025. — Т. 18. — № 3. — С. 6–18. DOI: 10.26794 / 1999-849X-2025-18-3-6-18; EDN: WBHEFJ
9. **Мигранова, Л.А.** Методические подходы к оценке качества жизни населения в регионах / Л.А. Мигранова, В.В. Ульянов // Народонаселение. — 2017. — Т. 20. — № 3. — С. 116–129. EDN: ZWTFKX

10. **Будилова, Е.В.** Влияние демографических и социально-экономических факторов на популяционное здоровье населения / Е. В. Будилова, М. Б. Лагутин, Л. А. Мигранова // Народонаселение. — 2019. — Т. 22. — № 3. — С. 80–92. EDN: NXOLUX
11. **Швец, Ю.Ю.** Теневой эффект пандемии: коронавирус усугубил смертность от хронических заболеваний / Ю.Ю. Швец, Ю.А. Симагин, А.М. Луговской, [и др.] // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 3. — С. 73–84. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-3-73-84; EDN: ZEVHFI
12. **Ярашева, А.В.** Здоровые привычки как фактор нематериального благополучия населения (на примере медицинских работников) / А. В. Ярашева, О. А. Александрова, Д. И. Марков // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 1. — С. 150–161. EDN: GYUERU
13. **Борисевич, А.Р.** Сохранение здоровья личности как условие экологизации человека / А. Р. Борисевич, Н. В. Самусева // Актуальные проблемы педагогических исследований. Материалы XIV Аспирантских чтений, посвящённых Году малой родины (Минск, 20 апреля 2018 г.) / отв. ред. Е. Н. Артеменок. — Минск, 2018. — С. 72–76. EDN: CDNQWB
14. **Назарова, И.Б.** Показатели, характеризующие здоровье жителей России к 2021 году / И. Б. Назарова // Народонаселение. — 2022. — Т. 25. — № 2. — С. 28–38. DOI: 10.19181 / population.2022.25.2.3; EDN: XRXQCH
15. **Чурсинова, О.В.** Профилактика эмоционального выгорания: техники восстановления жизненных сил / О. В. Чурсинова // Проблемы социальной психологии и социальной работы. Материалы XVII Всероссийской Парыгинской научно-практической конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 15 апреля 2022 г.). — Санкт-Петербург, 2022. — С. 188–190. EDN: PQFKLL
16. **Богданова, Э.Н.** Средства рекреации и их влияние на восстановление жизненных сил человека / Э. Н. Богданова, Э. Г. Маилян // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. — 2015. — № 9–4. — С. 95–98. EDN: TOORDH
17. **Лопуха, А.Д.** Пути укрепления жизненных сил Российского этноса / А. Д. Лопуха, В. Е. Майнич // Гуманитарные проблемы военного дела. — 2021. — № 2 (27). — С. 60–68. EDN: ETCMRY
18. **Бакешин, К.П.** Средства психологического восстановления средствами физической культуры / К. П. Бакешин, С. А. Махова // Столыпинский вестник. — 2024. — Т. 6. — № 5. EDN: HAKXUH

Сведения об авторах:

Демченко Татьяна Сергеевна, к.соц.н., доцент, доцент кафедры менеджмента, рекламы и связей с общественностью Института деловой карьеры, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: tstarshinova@mail.ru; ORCID: 0000-0001-5176-2441; РИНЦ SPIN-код: 6730-7118.

Демченко Максим Владимирович, к.юр.н., доцент, зав. кафедрой правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: mvdemchenko@fa.ru.; ORCID: 0000-0001-7010-8445; РИНЦ SPIN-код: 2125-4453.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-141-151

IMPACT OF THE FINANCIAL SITUATION ON RESTORATION OF THE VITALITY OF ENTREPRENEURS

Tatyana, S. Demchenko^{1*}, Maxim V. Demchenko²

¹*Business Career Institute*

(32 bld. 5 Nizhegorodskaya str., Moscow, Russia, 109029)

²*Financial University under the Government of the Russian Federation*

(49 Leningradsky Prospekt, Moscow, Russia, 125167)

*E-mail: tstarshinova@mail.ru

For citation:

Demchenko T. S., Demchenko M.V. Impact of the financial situation on restoration of the vitality of entrepreneurs. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 141-151. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-141-151 (in Russ.)

Abstract. *Health of population is the key to success of the country's economic development, as well as ensuring security of its territory. The article considers impact of the financial situation on such an important process as restoration of the vitality of a certain category of citizens — entrepreneurs. The article set the following tasks: 1) to identify the dependencies: of feeling fatigue and lacking strength from the financial situation of entrepreneurs; frequency of tense situations and stresses in business from the level of financial situation of entrepreneurs; 2) to identify opportunities for maintaining a balance between work and other areas of life: personal life, leisure, hobbies, sports; dependence of maintaining a balance between work and other areas of life on the financial situation; 3) to identify the most significant indicators that help entrepreneurs to regain strength; 4) to find out dependencies of the impact of material situation on the frequency of using indicators that help entrepreneurs to restore strength. A hypothesis has been put forward: restoration of the vitality of entrepreneurs depends on the level of their financial situation. Based on a survey of entrepreneurs (N = 744), there is found out: their satisfaction with their financial situation; dependence of feeling fatigue, lack of strength on the level of financial situation; dependence of the presence of tense situations, stresses in business on the level of the respondent's financial situation; dependence of the balance between work and other areas of life, for example, personal life, leisure, hobbies on the level of the financial situation of entrepreneur. The main indicators have been identified that best help entrepreneurs to restore strength: outdoor activities, travel, change of surroundings; physical activity, sports; family, relatives, children, their well-being; sleep, rest, relaxation in general. There has been identified the dependence of the implementation of these indicators that contribute to restoration of vitality on the financial situation of entrepreneurs.*

Key words: vitality, health, entrepreneur, financial situation, fatigue, stress.

References and Internet sources

1. Aleksandrova O. A., Tyurikov A. G., Kunizheva D. A., et al. Predprinimatel'skiye ustanovki kak element finansovo-ekonomicheskoy kul'tury studencheskoj molodyozhi [Entrepreneurial attitudes as an element of the financial and economic culture of students]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 3. P. 103–115. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.8 (in Russ.)
2. Krinichansky K. V., Yurevich M. A., Fatkin A. V. Svyaz' finansov i rosta v Rossii: rabotaet li kanal malogo i srednego predprinimatel'stva? [Finance and growth nexus in Russia: does the SMEs channel matter?]. *Voprosy ekonomiki [Economic Issues]*. 2023. No. 6. P. 76–93. DOI: 10.32609/0042-8736-2023-6-76-93 (in Russ.)
3. Simaeva E. P., Simaeva N. P. Razvitiye partnerskogo finansirovaniya dlya podderzhki malogo i srednego biznesa [Development of partner financing to support small and medium-sized businesses]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, Taxes and Law]*. 2024. Vol. 17. No. 5. P. 67–76. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-5-67-76 (in Russ.)
4. Rusanova N. E. Zdorovye naseleniya: ot individualnoy tsennosti do bazovogo faktora obshchestvennogo razvitiya [Health of population: from individual value to the basic factor of economic development]. *Narodonaselenie [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 1. P. 109–121. (in Russ.)
5. Berezina T. N. Zhiznennyye sily kak resurs professional'nogo dolgoletiya: obzor otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniy [Vitality as a resource of professional longevity: a review of foreign and national studies]. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya [Journal of Modern Foreign Psychology]*. 2025. Vol. 14. No. 2. P. 47–56. DOI: 10.17759/jmfp.2025140205 (in Russ.)
6. Cheng B. H., Parker S. L. Recovery from work: Advancing the field toward the future. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. 2022. Vol. 9. P. 33–60. DOI: 10.1146/annurevorgpsych-012420-091355
7. Dong D. Sharing vitality at the moments of meeting. *Journal of Consciousness Studies*. 2024. Vol. 31. No. 11–12. P. 60–84. DOI: 10.53765/20512201.31.11.060

8. Tkachenko A.A. Obespecheniye dostojnogo urovnya zhizni naseleniya: vozmozhnosti i real'nost' [Ensuring a decent standard of living for the population: opportunities and reality]. *Ekonomika. Nalogi. Pravo [Economics, Taxes and Law]*. 2025. Vol. 18. No. 3. P. 6–18. DOI: 10.26794/1999-849X-2025-18-3-6-18 (in Russ.)
9. Migranova L. A., Ulyanov V.V. Metodicheskiye podkhody k otsenke kachestva zhizni naseleniya v regionakh [Methodic approaches to estimation of the quality of life of population in regions]. *Narodonaselenie [Population]*. 2017. Vol. 20. No. 3. P. 116–129. (in Russ.)
10. Budilova E. V., Lagutin M. B., Migranova L. A. Vliyaniye demograficheskikh i sotsialno-ekonomicheskikh faktorov na populyatsionnoye zdorovye naseleniya [Impact of the demographic and socio-economic factors on the population health]. *Narodonaselenie [Population]*. 2019. Vol. 22. No. 3. P. 80–92. (in Russ.)
11. Lugovskoy A. M., Morkovkin D.E. The shadow effect of the pandemic: coronavirus has increased mortality from cardiovascular diseases. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 73–84. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-73-84 (in Russ.)
12. Yarasheva A. V., Aleksandrova O.A., Markov D.I. Zdorovyie privychki kak faktor nematerial'nogo blagopoluchiya naseleniya (na primere meditsinskikh rabotnikov) [Healthy habits as a factor of non-material well-being of the population (on medical workers example)]. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No 1. P. 150–161. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-1-150-161 (in Russ.)
13. Borisevich A. R., Samuseva N. V. Sokhraneniye zdorovya lichnosti kak usloviye ekologizatsii cheloveka [Maintaining the health of the individual as a condition of ecologization of human]. Aktualnyye problemy pedagogicheskikh issledovaniy. Materialy 14 Aspirantskikh chteniy, posvyashchennykh Godu maloy rodiny. [Actual Problems of Pedagogical Research. Proceedings of XIV graduate school readings dedicated to the Year of Small Homeland]. Ed. E. N. Artemenok. Minsk. 2018. P. 72–76. (in Russ.)
14. Nazarova I.B. Pokazateli, kharakterizuyushchiye zdorovye zhiteley Rossii k 2021 godu [Indicators characterizing the health of Russian residents by 2021]. *Narodonaselenie [Population]*. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 28–38. DOI: 10.19181/population.2022.25.23 (in Russ.)
15. Chursinova O.V. Profilaktika emotsionalnogo vygoraniya: tekhniki vosstanovleniya zhiznennykh sil [Prevention of burnout: techniques for restoring vitality]. Problemy sotsialnoy psikhologii i sotsialnoy raboty. Materialy 17 Vserossiyskoy Paryginskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Sankt-Peterburg [Problems of Social Psychology and Social Work. Proceedings of XVII All-Russian Parygin scientific and practical conference with international participation]. St. Petersburg. 2022. P. 188–190. (in Russ.)
16. Bogdanova E. N., Mailyan E. G. Sredstva rekreatsii i ikh vliyaniye na vosstanovleniye zhiznennykh sil cheloveka [Means of recreation and their impact on the restoration of human vitality]. Teoreticheskiye i prikladnye aspekty sovremennoy nauki [Theoretical and Applied Aspects of Modern Science]. 2015. No. 9–4. P. 95–98. (in Russ.)
17. Lopukha A. D., Maynich V.E. Puti ukrepleniya zhiznennykh sil Rossiyskogo etnosa [Ways to strengthen the vitality of the Russian ethnic group]. Gumanitarnyye problemy voennogo dela [Humanitarian Problems of Military Affairs]. 2021. No. 2(27). P. 60–68. (in Russ.)
18. Bakeshin K. P., Makhova S.A. Sredstva psikhologicheskogo vosstanovleniya sredstvami fizicheskoy kultury [Means of psychological recovery by means of physical culture]. Stolypinskiy vestnik [Stolypin Herald]. 2024. Vol. 6. No. 5. (in Russ.)

Information about authors:

Demchenko Tatyana Sergeevna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Business Career Institute, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: tstarshinova@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5176-2441; Elibrary SPIN-code: 6730-7118.

Demchenko Maxim Vladimirovich, Candidate of Law, Associate Professor, Head of Department, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: mvdemchenko@fa.ru., ORCID: 0000-0001-7010-8445; Elibrary SPIN-code: 2125-4453.

Статья поступила в редакцию 12.08.2025, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-152-162
EDN: PAOEKX

САМООЦЕНКА ХАРАКТЕРИСТИК СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Малкина М.Ю.*, Гаранина А.А.

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
(603140, Россия, Нижний Новгород, проспект Ленина, 27)

*E-mail: mmuri@yandex.ru

Для цитирования:

Малкина М.Ю., Гаранина А.А. Самооценка характеристик современного российского предпринимателя // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 2. — С. 152-162. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-152-162; EDN: PAOEKX

Аннотация. Целью статьи является анализ и оценка личностных характеристик, качеств, ценностей, мотивов современных российских предпринимателей на основе обобщения данных глубинного интервью с предпринимателями Нижегородской области, проведённого зимой-весной 2025 года. Согласно самооценкам респондентов, современный опытный (зрелый) предприниматель — это лидер, знающий, как грамотно выстроить работу в команде, готовый к принятию самостоятельных решений. Его ключевыми качествами являются коммуникабельность, способность к риску, гибкость и адаптивность, хорошая смекалка, эмоциональный подход. Инновационным предпринимателям свойственны повышенная склонность к риску, хорошее знание новых технологий, нестандартное критическое мышление, упорство, любознательность. Молодых предпринимателей отличает жизнерадостность, изобретательность, открытость новому, стеничность к препятствиям, быстрое принятие решений, но при этом отсутствие опыта, связей и денег. Главными ценностями современных российских предпринимателей являются семья, развитие и самореализация, здоровье, удовольствие, «след после себя», гармония. А мотивами — достижение (в том числе финансовый успех), лидерство, признание. Проведённое исследование может быть полезно для управления процессом формирования и развития предпринимательства в современных условиях. Работа основана на опросе предпринимателей Нижегородской области, поэтому отражает черты предпринимателя этого региона. Другие регионы обладают экономическими, культурными и социальными особенностями, влияющими на портрет местного предпринимателя. Однако в целом многие черты предпринимателей являются универсальными для регионов России в силу единства институциональной и макроэкономической среды, истории и культуры предпринимательства в стране.

Ключевые слова: предпринимательство, инновационное предпринимательство, молодёжное предпринимательство, портрет предпринимателя, ценностные ориентации предпринимателя.

Постановка проблемы

Эволюция предпринимательства, как носительно нового феномена в российской экономике, требует теоретического осмысления. Целью настоящего исследования является анализ и оценка личностных характеристик, качеств, ценностей, мотивов российских предпринимателей на основе обобщения данных глубинных интервью с предпринимателями Нижегородской области, проведенного зимой-весной 2025 года. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью социальных аспектов развития предпринимательства в России.

Зарождение основ теории предпринимательства восходит к началу XVIII века. Впервые термин «предприниматель» употребил в работе «Эссе о природе торговли в общем плане» Р.Кантильон¹. В последующем учёные изучали характеристики предпринимателей как особого социального слоя общества. М.Вебер в начале XX в. среди основных качеств, свойственных предпринимателю, выделял трудолюбие, бережливость, честность, рациональность, социальные связи, этические ценности, стремление к успеху и статусу. Он отмечал, что предпринимательство — это не только экономическая деятельность, но и культурное явление. Он обнаружил связь между протестантскими ценностями и развитием предпринимательства в период расцвета рыночной экономики². В.Зомбарт в то же время писал, что предприниматель должен обладать качествами завоевателя, организатора и торговца одновременно³. Т.Веблен, изучая ценности буржуазного общества начала XX в., определял большую группу предпринимателей как «праздный класс», для которого свойственны показное безделье, расточительность и демонстративное потребление⁴. Й.Шумпетер в первой

половине XX в. указывал на важность «интуитивного чувствования» предпринимателя, а способность к логическому мышлению считал причиной неудач в бизнесе. Он утверждал, что важными факторами успеха предпринимателя являются: умение принимать самостоятельные решения, отсутствие неуверенности и страха перед возможным сопротивлением действительности, способность управлять подчинёнными. И выделял следующие важные характеристики предпринимателя: инновационность и креативность, готовность к риску и неудачам, динамичность и лидерство, социальные связи⁵. Современные зарубежные специалисты в области теории и практики предпринимательства Р.Хизрич и М.Питерс определяют бизнесмена «как человека, который затрачивает на это всё необходимое время и силы, берет на себя финансовый, психологический и социальный риск, получая в награду деньги и удовлетворение»⁶. К.Макконнелл и С.Брю называют предпринимательский талант особым человеческим ресурсом, играющим ключевую роль в экономике⁷.

Ряд исследований посвящён изучению современного российского предпринимателя. Так, В.В.Радаев в своём курсе лекций по «Экономической социологии» охарактеризовал качества, необходимые современному предпринимателю: интеллект и нацеленность на новое знание, воображение и изобретательность, личная энергия и воля к действию, сочетание ума и фантазии⁸. Между тем, в ходе развития предпринимательства в России все эти качества формируются постепенно, вместе с эволюцией экономической, социальной, политической, институциональной среды. А.В.Ярашева в своей работе «Поведенче-

¹ Кантильон Р. Опыт о природе торговли в общем плане. — Москва: Наука, 1975. — 400 с.

² Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. — Москва: Планета, 1990. — 326 с.

³ Зомбарт В. Современный капитализм. 2-е изд. — Москва: Типолитография Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1904.

⁴ Веблен Т. Теория праздного класса. — Москва: Прогресс, 1984. — 367 с.

⁵ Шумпетер Й. Теория Экономического развития. Исследования предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры. — Москва: Прогресс, 1982. — 455 с.

⁶ Хизрич Р., Питерс М. Предпринимательство или как завести собственное дело и добиться успеха. — Москва: Прогресс-Универс, 1991. — 160 с.

⁷ Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: Принципы, проблемы, политика. — Москва: Инфра-М, 1999. — 974 с.

⁸ Радаев В. В. Российские предприниматели: кто они? // Вестник статистики. — 1993. — № 9. — С. 28–35.

ская экономика: исследование ожиданий и стратегий населения» обратила внимание на то, что трансформация экономического поведения разных слоёв населения происходит под влиянием изменения как рациональных оснований принятия решений, так и ментальных (психологических) мотивов выбора стратегии [1].

Понимание качеств современного российского предпринимателя невозможно без изучения их эволюции в процессе развития рыночной экономики. Согласно исследованию А.Н.Боханова⁹, ценностные ориентации в советское время были сложными и противоречивыми, обусловленными спецификой экономической системы и идеологией. Они были нацелены на материальное благополучие и выживание. Период с 1917 по 1953 гг. автор характеризовал как инкубационный в развитии предпринимательства в России, сопровождающийся периодическим усилением репрессий. С 60-х годов XX века склонные к предпринимательству люди реализовывали себя в управленческой деятельности, в политике и теневой экономике.

Переход от плановой к рыночной экономике с начала 90-х годов XX века ознаменовался появлением новых типов российских предпринимателей, форм собственности, видов бизнеса и его организационно-правовых структур. Российские экономисты и социологи Т.И.Заславская [2], О.И.Шкаратан¹⁰, З.Т.Голенкова [3], А.Е.Чирикова [4] изучали социальный портрет предпринимателя периода становления рыночной экономики в России. Социально-экономические аспекты предпринимательства также исследовались в работах А.И.Агеева¹¹, Г.К.Гинса¹², В.Г.Рябокова¹³.

⁹ Боханов А.Н. Крупная буржуазия России. — Москва: Наука, 1992. — 30 с.

¹⁰ Шкаратан М.О. Феномен предпринимателя: интерпретация понятий. // Мир России. — 1994. — № 2. — С. 151–189.

¹¹ Агеев А.И. Предпринимательство: проблемы собственности и культуры. — Москва: Наука, 1991. — 238 с.

¹² Гинс Г.К. Предприниматель. — Москва: Посев, 1992. — 156 с.

¹³ Рябоков В.Г. Российское предпринимательство: социально-философский аспект. — Москва: КОИНФ, 1994. — 302 с.

А.Н.Боханов выделял два типа российских предпринимателей начала 1990-х гг.: «авантюристы» и «капиталисты»⁹. Институт социологии РАН в 1994 г. провёл исследование на тему «Молодые миллионеры», где охарактеризовал процесс формирования новой социокультурной общности предпринимателей, отличавшихся быстрым продвижением по социальной лестнице, упорной борьбой за место в бизнесе и политической элите России. В результате новая структура общности предпринимателей была представлена двумя группами: уважаемые бизнесмены, занимающиеся цивилизованным бизнесом в окологосударственных коммерческих структурах, и предприниматели, представляющие криминал, «теневики» и иные группировки¹⁴.

В то же время А.Ю.Чепуренко писал о непривлекательности предпринимательской деятельности для большей части российского общества, объясняя это отсутствием сформированных социокультурных предпосылок. Он отмечал, что идеал многих россиян не предприниматель — инноватор, а «начальник». А.Ю.Чепуренко также разработал концепцию вынужденных предпринимателей в России — тех, кто начинал свой бизнес не по собственному желанию, а из сложившихся обстоятельств. Вынужденные предприниматели зачастую были готовы работать без прибыли, в надежде на улучшение положения в будущем [5].

Особое внимание исследователи уделяли формированию и эволюции ценностных ориентаций российских предпринимателей и связывали их с видом активности [6]. В работе А.Л.Журавлева и В.П.Познякова в числе доминирующих ценностных ориентаций российских предпринимателей выделялись следующие: семья, здоровье, материальная обеспеченность, уверенность в себе, работа, свобода, друзья, любовь¹⁵. Психологи Тюменского государственного университета и Института психологии РАН изучали

¹⁴ Щекина, Е.Г. Субкультура новых русских предпринимателей. — Комсомольск-на-Амуре, 2005. — 166 с.

¹⁵ Журавлев А.Л., Позняков В.П. Социальная психология российского предпринимательства. Концепция психологических отношений. — Москва: Институт психологии РАН, 2012. — 480 с.

систему ценностных ориентаций владельцев малого бизнеса. В ходе проведённого в 2020 г. исследования они выяснили, что для предпринимателей прежде всего важна прибыль, а далее по значимости идут: профессионализм, ответственность, порядочность во взаимодействии с деловыми партнёрами и самореализация. При этом почти половина предпринимателей отметили приоритет семьи перед бизнесом¹⁶.

Особое место исследователи уделяли молодёжи как наиболее активному и адаптивному социальному слою, потенциально более способному к предпринимательской деятельности, исследовали мотивы и стимулы к развитию молодыми людьми собственного бизнеса. Например, О.А.Александрова с соавторами в своём исследовании установили, что треть российских студентов задумывается о собственном бизнесе прежде всего как о способе достижения финансового благополучия. Молодёжь предпочитает вести дела на формальной основе, без привлечения друзей и родственников [7]. М.Ю.Малкина и Д.Ю.Рогачев на основе обобщения данных глубинного интервью выявили характеристики, которые в представлении молодёжи способствуют достижению финансового успеха: целеустремлённость, коммуникабельность, решительность, финансовая грамотность, нестандартное (стратегическое) мышление, эгоизм [8].

Важную роль в выявлении портрета российского предпринимателя и его эволюции играют социологические опросы. В докладе Высшей школы менеджмента СПбГУ «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2018/2019» говорится, что за 30 анализируемых лет российский бизнес стал безопаснее, стала цениться деловая репутация. Меняется гендерный состав предпринимательского сообщества — в 1990 г. женщин в рядах предпринимателей было не более 15%. По сравнению с началом 2000-х гг., когда лишь каждый 20-й был вовлечён в предпринимательскую де-

ятельность, в 2018 г. уже каждый десятый респондент в возрасте 25–34 лет имел своё дело¹⁷. Исследование, проведённое в октябре 2019 г., также подтвердило кардинальные изменения в российском бизнесе за последние 30 лет. Портреты предпринимателей 1990-х и второго десятилетия 2000-х противоположны. Современный предприниматель отличается образованностью (33% респондентов), целеустремлённостью (18%), ответственностью (62%), компетентностью (71%), честностью (48%). В то время как предприниматель 1990-х гг. характеризовался рискованностью (22%), находчивостью (14%), типажом вор/бандит (62%), нахальностью (56%), наличием связей (45%)¹⁸.

Пандемия, антироссийские санкции, глобальные шоки отразились на портрете российского предпринимателя. Фонд «Общественное мнение» в рамках проекта «Социология малого бизнеса» в 2021 г. опросил предпринимателей из 23 регионов России. Основой вопроса исследования — чему научил кризис, вызванный пандемией COVID-19. Согласно полученным результатам, российские предприниматели усвоили урок необходимости подушки безопасности, стали чаще отказываться от кредитов, осваивать онлайн-технологии, появилась потребность обновлять знания, быть интеллектуально мобильными, способными отслеживать тренды. Сформировались навыки быстрого принятия решений, зачастую рискованных, работы на опережение, развились гибкость, клиентоориентированность, стрессоустойчивость. В то же время проявились понимание невозможности долгосрочного планирования, внутреннее ожесточение¹⁹.

¹⁷ Доклад «Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2018/2019» подготовлен Высшей школой менеджмента СПбГУ в рамках проекта Global Entrepreneurship Monitor (GEM). 2019. — URL: https://gsom.spbu.ru/files/folder_17/otchot_fin_rgb.pdf (дата обращения: 02.06.2025).

¹⁸ Российский бизнес глазами «отцов» и «детей» // PwC совместно с Аналитическим центром НАФИ. 2019. — URL: <https://nafi.ru/en/analytics/issledovanie-rossiyskiy-biznes-glazami-ottsov-i-detey/> (дата обращения: 03.06.2025).

¹⁹ Влияния пандемического кризиса на развитие российского предпринимательства // ФОМ. 2021. — URL: <https://biz360.ru/materials/uroki-krizisa-chemu-rabota-v-pandemiyu-nauchila-rossiyskikh-predprinimateley/> (дата обращения: 04.07.2025).

¹⁶ Исследование ценностных ориентаций бизнесменов ТюмГУ и Института психологии РАН. 2020. — URL: <https://naked-science.ru/article/column/psihologi-uznali-tsennost> (дата обращения: 01.06.2025).

Современные опросы обращают внимание на активный образ жизни предпринимателя. Так, по итогам обследования населения 2023 г., было дано следующее определение типичного российского предпринимателя: обычно это мужчина в возрасте 31–49 лет с высшим образованием, со спортивным хобби, оптимистично смотрящий в будущее и готовый вкладываться в своё развитие. Среди хобби предприниматели чаще всего упоминали: фитнес, борьба, командный спорт, а также охота, рыбалка, путешествия и чтение²⁰. ВЦИОМ в 2024 г. провёл опрос «Предпринимательство в России: мониторинг». Согласно полученным результатам, типичный российский предприниматель — это мужчина трудоспособного возраста (25–44 лет), с высшим образованием, имеющий хорошее материальное положение, активный пользователь Интернет²¹.

Таким образом, исследователи охарактеризовали эволюцию российского предпринимателя. Между тем, в современных условиях, отличающихся нестабильностью, а также особым вниманием российского государства к развитию предпринимательства и наличием многих мер его поддержки, остаётся потребность в более глубоком изучении характеристик, мотивов и ценностей современного предпринимателя с особым акцентом на особенностях молодёжного предпринимательства. Эти задачи ставятся в настоящей работе с использованием данных глубинных интервью и полученных на их основе самооценок предпринимателей.

Методология и результаты исследования

Для уточнения социально-экономического и психологического портрета современного российского предпринимателя

в 2025 г. авторами данной статьи были проведены глубинные интервью с 40 молодыми и опытными (зрелыми) предпринимателями Нижегородской области на тему «Образ российского предпринимателя: личностные характеристики, меры поддержки, барьеры на пути становления и развития». Предмет исследования — восприятие самими предпринимателями характеристик современного предпринимателя: опытного (зрелого), молодого, а также выяснение особых качеств инновационно активного предпринимателя. Опрашиваемые выбирались по следующим критериям: наличие собственного дела (независимо от отрасли); возрастная категория — до 44 лет; активно занимающиеся развитием бизнеса (участники различных проектов). По стажу предпринимательства респонденты распределились следующим образом: стаж 1–3 года — 30%, стаж 4–7 лет — 30%, стаж 8–12 лет — 30%, стаж 13–20 лет — 7,5%, стаж 21–22 года — 2,5%.

Анализ результатов интервью позволил выявить воспринимаемый нижегородскими предпринимателями на основе самооценки портрет зрелого предпринимателя, его основные черты и характеристики. Наиболее часто респонденты упоминали такие черты, свойственные предпринимателю, как лидерство или обладание лидерскими качествами, умение грамотно выстроить работу в команде и принимать самостоятельные решения. На втором месте по количеству упоминаний — умение грамотно общаться, налаживать контакты и располагать к себе, коммуникабельность и харизматичность. Следующими по распространённости в ответах респондентов фигурируют ответственность, готовность к риску, аналитические способности. Кроме того, предприниматели отмечают в числе собственных ключевых качеств: предприимчивость, креативность, способность к генерации идей. Респонденты убеждены, что предприниматель — это тот, кто «обладает чуйкой на тренды», «видит новые возможности», «обладает уверенностью, упорством, целеустремлённостью, гибкостью, стрессоустойчивостью, амбициозностью». Назы-

²⁰ Исследование ФОМ и Минэкономразвития // Предприниматели России: исследовательский мониторинг. 2023. — URL: <https://topfranchise.ru/stati/portret-rossiyskogo-predprinimatelya-v-2023-godu/> (дата обращения: 01.06.2025).

²¹ Мониторинг ВЦИОМ об отношении россиян к предпринимательству. 2024. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/predprinimatelstvo-monitoring> (дата обращения: 02.06.2025).

вались и другие качества, необходимые для современного российского предпринимателя: пунктуальность, инициативность, настойчивость, скорость действий, смелость, решительность, рациональность, находчивость, организаторские способности, «приносит пользу людям», «принимает нестандартные решения», «может думать горизонтально и вертикально, как стратегически, так и тактически», «способность двигаться в условиях неопределённости».

В рамках интервью респондентов просили дать определение, как они понимают, кто такой предприниматель. Продолжая фразу «Предприниматель — это человек, который ...», интервьюируемые выделяли основные функции предпринимателя: 1) управленческая, организаторская функция: «Занимает руководящий пост»; «Занимает все должности — и управленец, и бухгалтер, и маркетолог, погружается во все процессы, человек-оркестр»; «Может организовать бизнес-процессы для извлечения прибыли», «Может организовать себя, людей вокруг, все процессы»; 2) новаторская, креативная функции: «Тестирует определённые бизнес-гипотезы в поисках наиболее интересной, с целью получения прибыли»; «Делает что-то новое, что-то привносит на рынок»; «Генератор идей для заработка денег»; «Воплощает свои идеи в реальность»; «Не идёт по существующему пути, а пытается найти свой»; 3) социальная функция: «Создаёт для экономики рабочие места», «Видит потребности рынка и решает проблему»; «Что-то предпринимает, изобретает и делает жизнь людей лучше»; 4) преобразовательная функция: «Не хочет жить, как написано, а пишет сам»; «Воздействует на реальность, делает её такой, какой она нужна ему, а не таким, каким реальность хочет видеть его»; «Хочет изменить мир вокруг себя».

В рамках интервью отдельно задавался вопрос относительно особенностей российских предпринимателей. Респонденты отметили следующие особенности: «рискованные», «более гибкие и адаптивные», «готовы к малой прибыли», «с хорошей смекалкой», «с эмоциональным под-

ходом», «с иным способом принятия решений», «ему сказали «нет» — значит «да», «всё сам», «умеют работать в ограниченных условиях, мыслят глобально, умеют строить доверительные отношения». Кроме позитивных качеств, респонденты отмечали и негативные или неоднозначные особенности российских предпринимателей: «отсутствие системности», «авось проскочим», «не стремятся к долгосрочной перспективе», «умеют и любят торговаться, наглые, быстрые, изобретательные, изворотливые», «в России покупают у конкретного человека, а на Западе — конкретный продукт».

Кроме того, исследование выявило особенности инновационного предпринимательства в России. Для этого сначала выяснялось, как респонденты понимают, что такое рыночные инновации. Среди ответов фигурировали: «вывод наукоёмкого товара на рынок», «новое, уникальное, запатентованное», «инновация подразумевает MVP (Minimum Viable Product — *Минимально жизнеспособный продукт*), что значительно усложняет». В своих ответах они также делали акцент на большей неопределённости и рискованности инновационного предпринимательства («больше рисков, больше неизведанного», «когда ты не до конца понимаешь свою нишу, свой рынок, свою аудиторию, идёшь с полузакрытыми глазами»), большей затратности («инновации требуют изучения большого объёма информации», «другие люди, другой склад ума, другие возможности, трудозатратнее и по времени, и по деньгам», «внедрение новых технологий требует инвестора»). Кроме того, респонденты отмечали сложности инновационного предпринимательства, связанные с поиском и обработкой информации и меньшей вероятностью успеха («рынок не проверен, вывести товар на рынок не всегда возможно», «наличие хаотичного спроса», «можно сделать то, что никто не купит, так как рынок ещё не готов», «высокая вероятность быстрого закрытия бизнеса»).

Следующим вопросом интервью стало определение характеристик инновационного предпринимателя. Респон-

денты отмечали такие характеристики предпринимателя-инноватора, как целеустремлённость, самостоятельность, интеллект, образованность, особенно в области новых технологий, нестандартное, критическое, аналитическое мышление, инициативность, решительность, упорство и настойчивость, рискованность, трудолюбие, любознательность и здоровый авантюризм. «Человек, который находится на стыке новых технологий и может продавать»; «Скрупулёзный человек, готовый потратить годы на изучение чего-либо»; «Мыслит нестандартно и предлагает новые решения»; «Инновационный предприниматель — это уникальная комбинация мечтателя и реалиста, лидера и команды, риска и расчётливости. Именно такие люди становятся двигателями прогресса и вдохновляют других на новые идеи и их реализацию»; «Скорость, мышление, креатив, умение действовать, умение принимать решения»; «Прогрессивное мышление. Технологический идеализм»; «Он должен уметь выживать, не питаясь вообще. Человек должен быть очень рискованным от природы. Он понимает, что, если это не выстрелит, ему никто не поможет»; «Больше развит интеллект, критическое мышление, способность к анализу»; «Предприниматель — исследователь»; «Любопытство и технологичность. Он должен быть постоянно в тренде, изучать инновации».

Далее выяснялись характеристики и качества, свойственные молодому предпринимателю. Респонденты особо выделяли такие качества молодых предпринимателей, как жизнерадостность, эмоциональность, быстрота принятия решений, открытость новому и способность осваивать новое, изобретательность, но при этом отсутствие опыта, связей и денег. «Быстрые, гибкие, открыты к новому, быстро ловят тренды»; «Технологичные, высокая цифровая грамотность, активные пользователи социальных сетей»; «Предлагают решения, которые не на поверхности»; «Не видят преград, все делают на драйве»; «Больше эмоций, более горящие»; «Горят глаза на дело»; «Живут круглосуточно своей идеей»; «Живые, энергичные,

оптимистичные, весёлые»; «Отличие только в объёме знаний, компетенций, опыта»; «Степень страха у молодых ниже. Молодёжь сейчас активнее впитывает всё, что связано с инновациями. Их ограничивает только количество денег, которое они могут взять для развития бизнеса»; «Обладают способностью выживать, антихрупкостью»; «Если в традиционном бизнесе, где руководит человек 50+, не будет молодёжи, с «новыми мозгами», то этот бизнес зачахнет. Молодая кровь приходит с идеями»; «Хотят изменить мир»; «Хотят принести пользу людям»; «Ищут себя»; «Хорошо одеваются, стильно выглядят». Респонденты также указывают на негативные или неоднозначные характеристики молодых предпринимателей: «розовые очки, отсутствие опыта, капитала, много свободного времени», «с наглечой», «больше смелости, глупости и отваги», «мало опыта, порою даже не хватает, чтобы заплатить налог», «больше идеалистических порывов, чем прагматичных вещей», «им нужны тьюторы».

Один из вопросов интервью касался выявления ключевых ценностей у опрошенных предпринимателей. Самым распространённым ответом оказался семья (отметили 13 из 40 респондентов). Второй по значимости ценностью, по мнению респондентов, являются развитие и самореализация (10 респондентов). Далее упоминаются здоровье (4), удовольствие (4), «след после себя» (4), гармония (3). Также встречались следующие ответы: «счастье и радость в окружении», «любовь к тому, что ты делаешь, и любовь к себе за то, что ты делаешь», «свобода», «не останавливаться», «природное любопытство».

В интервью выявлялись также мотивы к предпринимательской деятельности (что побудило респондентов заняться предпринимательством). Опрошываемые называли мотивы, относящиеся к группам лидерства, достижения и признания. Упоминались экономические мотивы: денежный («Удовольствие от денег»), трудовой и мотив профессионального роста («Отсутствие развития в найме»); социальные и психологические мотивы: саморазвитие, самореализация («Желание воплотить свои идеи»,

«Оставить что-то после себя, иметь что-то свое», «Мечта детства»), значимость, общественное признание («Сделать то, что другие не могут», «Возможность повлиять на мир», «Примеры великих людей — Стив Джобс, Илон Маск»), творческая и прочая свобода («Свобода»), стремление к независимости («Образ будущего», «Семейный ресурс, сила рода»), влияние и одобрение других людей («Окружение», «Влияние наставника», «Случайное предложение от партнёра»); морально-этические («Приносить пользу людям»). Таким образом, проведённый опрос отразил восприятие представителями нижегородского предпринимательства основных характеристик и личностных качеств современного российского предпринимателя.

Заключение

Социально-экономический и социально-психологический портрет предпринимателя меняется вместе с ситуацией в стране. Портрет российского предпринимателя позволяет определить личностные качества, важные для успешного ведения и развития бизнеса в современных условиях, установить мотивы и ценности современных российских предпринимателей. Это необходимо для эффективного управления процессом развития предпринимательства в современных условиях. В результате исследования проанализирована эволюция качеств, характеристик, мотивов и ценностных ориентаций предпринимателей в ходе становления современной рыночной экономики. Посредством проведения глубинного интервью с нижегородскими предпринимателями сформированы современные портреты опытного (зрелого), молодого, инновационного предпринимателя, выявлены их отличительные особенности, а также ценностные ориентиры российских предпринимателей и мотивы заниматься предпринимательской деятельностью в современных российских условиях.

Портрет предпринимателя, по их самооценкам, отличается такими качествами как лидерство, умение грамотно выстро-

ить работу в команде и принимать самостоятельные решения. Российский предприниматель — «рискованный», «гибкий и адаптивный», «готов к малой прибыли», «с хорошей смекалкой», «с эмоциональным подходом». Среди характеристик инновационного предпринимателя отмечены целеустремлённость, самостоятельность, интеллект, образованность, особенно в области новых технологий, нестандартное мышление, инициативность, решительность, упорство, рискованность, трудолюбие, любознательность и здоровый авантюризм. В свою очередь, молодые предприниматели жизнерадостны, эмоциональны, стеничны к препятствиям, быстро принимают решения, открыты новому, изобретательны, но им не хватает опыта, социальных связей и средств. Ключевыми ценностями предпринимателей являются: семья, развитие и самореализация, здоровье, удовольствие, «след после себя», гармония. Кроме того, выявлены мотивы к предпринимательской деятельности: экономические (денежный, трудовой и мотив профессионального роста), социальные и психологические (саморазвитие и самореализация, значимость, общественное признание, творческая и прочая свобода, влияние и одобрение других людей), морально-этические (польза людям).

Сделанные выводы могут быть полезны как предпринимателям, так и управленческим структурам, ответственным за развитие предпринимательства, в том числе молодёжного и инновационного. Работа основана на опросе предпринимателей Нижегородской области, поэтому отражает черты прежде всего предпринимателя этого региона. Другие регионы России обладают экономическими, культурными и социальными особенностями, влияющими на портрет местного предпринимателя. Предпринимательство на Дальнем Востоке и в Сибири будет отличаться как по структуре, так и по характеру взаимодействия с властью и обществом. Столичные предприниматели более амбициозны и нацелены на масштабные проекты, выходящие как за пределы региона, так и страны. Однако в целом

многие черты предпринимателей являются универсальными для регионов России в силу единства институциональной и ма-

кроэкономической среды, истории и культуры предпринимательства в стране.

Литература и Интернет-источники

1. **Ярашева, А.В.** Поведенческая экономика: население на рынке кредитных услуг / А.В. Ярашева, С.В. Макап, Ю.А. Симагин // *Народонаселение*. — 2020. — Т. 23. — № 3. — С. 48–58. DOI: 10.19181 / population.2020.23.3.5; EDN: HRYZTW
2. **Заславская, Т.Н.** Бизнес-слой российского общества: понятие, структура, идентификация / Т.Н. Заславская // *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения*. — 1994. — № 5. — С. 7–15. EDN: HUAKYN
3. **Голенкова, З.Т.** Российский предприниматель: некоторые аспекты современной жизни / З.Т. Голенкова, Е.Д. Игитханян // *Социологические исследования*. — 2006. — № 11(271). — С. 29–37. EDN: OPCKSZ
4. **Чирикова, А.Е.** Человек больше богатства (этическое измерение лидеров российского предпринимательства) / А.Е. Чирикова // *Социологические исследования*. — 1997. — № 11. — С. 78–90. EDN: VRMXYY
5. **Чепуренко, А.Ю.** Что такое предпринимательство и какая политика в отношении предпринимательства нужна России? (заметки на полях работ современных зарубежных классиков) / А.Ю. Чепуренко // *Журнал Новой экономической ассоциации*. — 2012. — № 2(14). — С. 102–124. EDN: OZNIKJ
6. **Позняков, В.П.** Предпринимательство как ценность и ценности российских предпринимателей / В.П. Позняков // *Россия в глобализирующемся мире*. — Москва : Наука, 2007. — С. 517–528. EDN: SWNIET
7. **Александрова, О.А.** Предпринимательские установки как элемент финансово-экономической культуры студенческой молодежи / О.А. Александрова, А.Г. Тюриков, Д.А. Кунижева, [и др.] // *Народонаселение*. — 2022. — № 3. — С. 103–115. DOI: 10.19181 / population.2022.25.3.8; EDN: HGLAHT
8. **Малкина, М.Ю.** Влияние ценностей на финансовое поведение студенческой молодежи / М.Ю. Малкина, Д.Ю. Рогачев // *Народонаселение*. — 2024. — Т. 27. — № 3. — С. 165–179. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-3-165-179; EDN: CCPACE

Сведения об авторах:

Малкина Марина Юрьевна, д.э.н., проф., главный научный сотрудник, Центр макро- и микроэкономики, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

Контактная информация: e-mail: mmuri@yandex.ru; ORCID 0000-0002-3152-3934; ПИНЦ SPIN-код: 5055-0218.

Гаранина Алёна Александровна, аспирант, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия.

Контактная информация: e-mail: garanina@unn.ru; ORCID 0009-0001-5767-241X; ПИНЦ SPIN-код: 3223-9148.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-152-162

SOCIO-ECONOMIC PORTRAIT OF A MODERN RUSSIAN ENTREPRENEUR

Marina Yu. Malkina*, Alyona A. Garanina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(27 Lenina prospect, Nizhny Novgorod, Russia, 603140)

*E-mail: mmuri@yandex.ru

For citation:

Malkina M. Yu., Garanina A. A. Socio-economic portrait of a modern Russian entrepreneur. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 152-162. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-152-162 (in Russ.)

Abstract. *Entrepreneurs make a special social group of the Russian population, on whose activities the economic development of the country, the success and prosperity of the society and the realization of the personal potential of one of the most creative parts of the population depend. The purpose of the article is to analyze and evaluate the personal characteristics, qualities, values, motives of modern Russian entrepreneurs based on generalization of the data from an in-depth interview with entrepreneurs of Nizhny Novgorod oblast, conducted in winter-spring 2025. As a result of the study, a portrait of modern Russian entrepreneur was formed, his key characteristics, functions, value orientations and motives for doing business in the views of the entrepreneurs themselves, as well as the distinctive features of innovative and youth entrepreneurship were identified. According to the results obtained, modern mature entrepreneur is a leader who knows how to competently organize work in a team and is ready to make independent decisions. His key qualities are communication skills, risk-taking ability, flexibility and adaptability, good ingenuity, and an emotional approach. Innovative entrepreneurs are characterized by an increased propensity to take risks, good knowledge of new technologies, unconventional critical thinking, persistence, and curiosity. Young entrepreneurs are characterized by cheerfulness, inventiveness, openness to new things, resistance to obstacles, quick decision-making, but at the same time lack of experience, connections and money. The main values of modern Russian entrepreneurs are family, development and self-realization, health, pleasure, «leaving a trace behind», harmony. And the motives are achievement (including financial success), leadership, recognition. The conducted study can be useful for managing the process of formation and development of Russian entrepreneurship in modern conditions.*

Keywords: *entrepreneurship, innovative entrepreneurship, youth entrepreneurship, portrait of entrepreneur, value orientations of entrepreneur, motives of entrepreneur.*

References and Internet sources

1. Yarasheva A. V., Makar S. V., Simagin Yu. A. Povedencheskaya ekonomika: naseleniye na rynke kreditnykh uslug [Behavioral economy: population in the credit services market]. *Narodonaselenie. [Population]*. 2020. Vol. 23. No. 3. P. 48–58. DOI: 10.19181/population.2020.23.3.5 (in Russ.)
2. Zaslavskaya T. N. Biznes-sloy rossiyskogo obshchestva: ponyatiye. struktura. identifikatsiya. [The business stratum of Russian society: the concept, structure, and identification]. *Ekonomicheskiye i sotsialnyye peremeny: Monitoring obshchestvennogo mneniya [Economic and Social Changes: Monitoring of Public Opinion]*. 1994. No. 5. (in Russ.)
3. Golenkova Z. T., Igithkanyan E. D. Rossiyskiy predprinimatel: nekotoryye aspekty sovremennoy zhizni [Russian entrepreneur: some aspects of modern life]. *Sotsis [Sociological Studies]*. 2006. No. 11(271). P. 29–37. (in Russ.)

4. Chirikova A. E. Chelovek bolshe bogatstva [Man is greater than wealth]. Sotsis [*Sociological Studies*]. 1997. No. 11. P. 78–90. (in Russ.)
5. Chepurenskiy A. Yu. Chto takoye predprinimatelstvo i kakaya politika v otnoshenii predprinimatelstva nuzhna Rossii? [What is entrepreneurship and what entrepreneurship policy does Russia need?]. Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii [*Journal of the New Economic Association*]. 2012. No. 2(14). P. 102–124. (in Russ.)
6. Poznyakov V. P. Predprinimatelstvo kak tsennost i tsennosti rossiyskikh predprinimateley [Entrepreneurship as a value and values of Russian entrepreneurs]. Rossiya v globaliziruyushchetsya mire [*Russia in a Globalizing World*]. 2007. P. 517–528. (in Russ.)
7. Alexandrova O. A., Tyurikov A. G., Kunizheva D. A., et al. Predprinimatelskiye ustanovki kak element finansovo-ekonomicheskoy kultury studencheskoy molodezhi [Entrepreneurial attitudes as an element of the financial and economic culture of students]. Narodonaselenie [*Population*]. 2022. No. 2. P. 103–115. DOI: 10.19181/population.2022.25.3.8 (in Russ.)
8. Malkina M. Yu., Rogachev D. Yu. Vliyaniye tsennostey na finansovoye povedeniye studencheskoy molodozhi [Impact of values on financial behavior of student youth]. Narodonaselenie [*Population*]. 2024. No. 3. P. 165–179. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-3-165-179 (in Russ.)

Information about the authors:

Malkina Marina Yurievna, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

Contact Information: e-mail: mmuri@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-3152-3934; Elibrary SPIN-code: 5055–0218.

Garanina Alyona Alexandrovna, Postgraduate Student, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

Contact Information: e-mail: garanina@unn.ru; ORCID: 0009-0001-5767-241X; Elibrary SPIN-code: 3223–9148.

Статья поступила в редакцию 27.07.2025, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-163-174
EDN: AAAPPW

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ В СЕЛЬСКИХ РАЙОНАХ ГАНЫ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЖЕНЩИН

Энчилл Г.Л.

НИУ «Высшая школа экономики»
(101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, 20)

*E-mail: genchill@hse.ru

Финансирование:

Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках «Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ».

Для цитирования:

Энчилл Г.Л. Гендерный аспект в сельских районах Ганы: вызовы для развития женщин // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 2. — С. 163-174. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-2-163-174; EDN: AAAPPW

Аннотация. За последние несколько десятилетий правительства многих африканских стран и международные организации инициировали множество реформ, направленных на достижение гендерного равенства в странах Африки во всех аспектах социального, экономического и культурного развития. Несмотря на значительные усилия в Республике Гана, гендерные неравенства продолжают сохраняться на уровне местных общин, особенно в сельских районах страны. Это качественное исследование использует тематический анализ в соответствии с теоретическими измерениями гендерного режима по Коннеллу, основываясь на данных, собранных от 40 женщин из сельских общин Босоре и Абирем в районе Восточный Квабре Республики Гана в Западной Африке. В ходе анализа выявлено, что динамика власти в этих общинах определяется доминирующей формой маскулинности, которая формирует гендерные отношения и способствует исключению женщин с рынка труда. Социальные структуры власти, включая культурные нормы, признанные кланами и этническими группами, воспроизводят гендерный дискурс через существующие гендерные договорённости. Эти факторы негативно влияют на социальное и экономическое положение женщин, определяя отношения в домохозяйствах и взаимодействие моделей катексиса (переноса психической энергии) с ожидаемыми гендерными ролями, что ограничивает социальное и экономическое развитие женщин, их участие в общественной и культурной жизни. Исследование подчёркивает многомерность гендерного аспекта — власть, культура, экономическая аккумуляция и катексис — и предлагает рекомендации для преодоления основных гендерных барьеров в контексте устойчивого социального и экономического развития Республики Гана и, возможно, других африканских стран.

Ключевые слова: гендерное устройство, развитие женщин, социальная политика, устойчивое развитие, женщины Республики Гана.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-2-163-174

GENDER REGIME IN RURAL GHANA: DIMENSIONS FOR WOMEN'S DEVELOPMENT

Gabriella L. Enchill

*National Research University Higher School of Economics
(20 Myasnitskaya str., Moscow, Russia, 101000)*

E-mail: genchill@hse.ru

Acknowledgement:

This study was prepared as part of the Basic Research Program at HSE University.

For citation:

Enchill G.L. Gender regime in rural Ghana: dimensions for women's development. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 163-174. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-2-163-174

Abstract. *Over the past few decades, African governments and international organizations have initiated numerous reforms aimed at achieving gender equality. Despite these efforts being made in Ghana, gender inequalities persist at the community level. This qualitative study applies thematic analysis per the theoretical dimensions of Connell's gender regime, based on the analysis of data collected from a group of Ghanaian women (40 participants) within the rural communities of Bosore and Abirem in the Kwabre East district. It emerged that, power dynamics in the communities occur based on the dominant form of masculinity, which shape gender relations. This is where by the dynamics of social power structure, including cultural plays a role in the exclusion of the Kwabre women from the labour market. Such gender discourse are reproduced per existing gender arrangements, which within the communities' cultural contexts, these are recognized by clans and ethnic groups. This tend to affect the social and economic realities of the women, in regards to household dynamics, and how the patterns of cathexis interact with gender role expectations.*

Keywords: *gender arrangement, women's development, social policy, sustainable development, Ghanaian women.*

Introduction

The historical emergence of women's empowerment by recognizing their capabilities to develop [1], began from re-thinking and re-consideration of gender embodiments and gender dynamics [2]. These were later examined through social experiences of women caused by gender arrangement among certain regimes, due to the misrepresentation of women in developing countries [3]. However, the dimensions of gender regime are multifaceted, as they consist of social strategies, economic opportunities, and policy interventions that influence gender arrangements, in achieving gender equality [4]. As theorized by Pfau-Effinger, the concept of gender arrangement, describes the structured ways in which

societies organize gender relations within social systems such as work, family, and welfare [5]. According to Connell, these systems are embedded with gender hierarchies rooted in pre-existing social structures, which gender regimes tend to sustain [6].

During periods of rapid transformations in contemporary societies, nations experience global variations in gender regimes, arrangements, and structures. These variations are shaped by historical, cultural, and institutional factors, which interact with individual and collective agency to either challenge or reinforce existing norms [7]. This creates dynamic landscapes of gender relations, shaped by gender regimes. In developing countries, gender dynamics reflect the tension between long-standing structural

inequalities and progress driven by grassroots agency. Sub-Saharan Africa lags globally (68% parity closed) per the 2025 global gender gap [8], with rural women across countries like Ghana, Nigeria, and Kenya bearing economic exclusion through gendered labor divisions and limited agency. Ghana exemplifies the norm rather than outlier, unlike North Africa's wider gaps, Southern Africa's higher parity in some metrics, East Africa's mixed progress and land barriers, and West Africa's high informal work and wage gaps [8].

While progress varies, in African nations such as Ghana (high informal employment, cultural exclusion from labor), Rwanda (strong legal reforms, but rural women face undervalued care work), and Nigeria (rural women's economic exclusion, high gender gaps in agency that is similar to Ghana), gender regimes are shaped by persistent inequalities, entrenched traditions. This is where evolving agency dynamics are seen in Morocco, Tunisia, and Kenya (progress in labor policies, but cultural norms limit rural women's market access) as Namibia leads with better economic participation of rural women, and less rural-urban disparity [7; 8].

Ghana is a country in West Africa, with a population of 34.1 million (49,9% represents males, 50,1% represent females), and with 43,3% of rural population [9]. Bosore and Abirem rural areas, being the study area, are among the Kwabre East District's 86 settlements in the Ashanti Region of Ghana [10]. Ghana mirrors common patterns in West and East Africa, such as women compromising nearly half the agrifood workforce yet facing pervasive inequalities [7; 8]. In rural Ghana, these arrangements are more enforced through customary practices and community expectations compared to urban Ghana. While cultural norms continue to shape gender roles in urban areas, there is greater exposure to progressive ideas and policies that promote gender equality [11].

The Government of Ghana has been implementing policies that reflect social development goals, in that number, those tackling achievement of gender equality (SDG 5) [12]. Several profitable and non-profitable

organizations also focus on increasing Ghanaian women's access to relevant resources such as Rural Enterprise Programmes, conducted by the International Fund for Agricultural Development and the Government of Ghana [13], as well as Agricultural Development Programmes [14], and credit services in Ghana. These include Sinapi Aba Trust, WiLDAF-Ghana, and ActionAid International Ghana [15]. These programmes highlight the relevance for women's empowerment, especially when it comes to the recognition of their crucial role in both household sustenance and broader developmental goals in their social settings. Such as Mama's Helping Hand community-based group (emanated from ASA International's credit assistance to women) being the first local NGO empowering the rural women. Many obstacles remain, which are rooted in the system of gendered power relations, and institutional practices that structure the rural communities. These span from the rural women's underrepresentation in the rural organizations, decision-making entities, and their high risk of exposure to abuse, and unpaid labour.

This paper aimed to analyze the dimensions of gender regime for addressing women's issues in Ghana, by integrating theoretical underpinnings of Connell's gender regime [6]. Our study shows the extent of how existing cultural symbols shape power dynamics, how gender disparities affect the women's access to productive economic resources, and the influence of gender roles on the women's experience of cathexis. The structure of this paper moves from broad context pertaining to the introduction, and using a qualitative approach for reviewing materials, and methods employed, which the findings present a theoretical analysis of the empirical data on the dimensions shaping gender regime within rural Ghana.

Literature Review

In Ghana, gender regimes operate at multiple systemic levels (home, school, work, religious institutions, and media), which perpetuate gender inequalities within the societies [16].

Among the local people, many rural women who are eager to work and develop themselves tend to migrate to urban areas in search of better opportunities, significantly influencing the patterns of internal migration in Ghana. Even in the urban areas, gendered power dynamics are prevalent to the extent where the women are often confined in low-skilled and informal sector jobs [11]. Such conditions illustrate the persistence of gendered labour divisions within the Ghanaian social structure.

Globally, in 2024, Ghana was positioned at 88th out of 146 countries on the gender equality ranking, with a 70,1% closed gap compared to 2023 [17]. Ghana seems to be making progress in tackling inequalities, but women are overrepresented in informal and temporal jobs with limited opportunities [11], which has worsened since COVID-19 outbreak in 2020 [18]. Among African countries, Ghana is positioned as one of the worst countries when it comes to income inequality by gender, only second to Mali [19]. On average, Ghanaian women earn about 29,2% to 34,2% of what Ghanaian men earn. This is where the wage gap differs per the women's level of education and the sector they work. For instance, women with tertiary education earn 12.7% less than men with the same level of education, which is even worse among women with basic education (earn 60.1% less than men), and no education (earn 54,0% less than men)¹.

The occurrence of gender inequality is fuelled by cultural beliefs, traditions, values, and social practices that shape the challenges women face [20]. Here, Pfau-Effinger emphasizes on cultural models [5], which aligns with the dimension of Connell's gender regime. Pfau-Effinger argues that social actors such as families, and policy makers reinterpret cultural models, leading to divergent gender arrangements across societies [5]. Pfau-Effinger focused on the interplay between cultural family models (such as beliefs about caregiving roles), structural policies (such

as parental leave laws), and social actors' negotiations, determined among European countries like Finland, Germany, and the Netherlands.

The intersectionality of gender regime and gender arrangement, provided the context for understanding the gender knowledge behind people's action and social structures. It is in this context that Pfau-Effinger, and Connell integrated each other's theoretical perspectives in their works. Connell clarified that, «the four dimensions just discussed are tools for thinking...Birgit Pfau-Effinger's (1998) very sophisticated cross-national analysis of gender arrangements...different cultural models of gender underpin different divisions of labour...» [6, p. 85]. According to Connell, «gender arrangements are reproduced socially (not biologically) by the power of structures to shape individual action, so they often appear unchanging...» [6, p. 11]. On the other hand, Pfau-Effinger's perspective on gender arrangement incorporates insights from Connell's gender structure theory, which is reflected in Connell's analysis of gender and power [21].

Understanding the importance of diversity, and the influence of social, economic, cultural, and political arrangements is crucial in fostering women's empowerment, to regulate the gender order and gender underpinnings in our societies. The advancement of the theories of gender regime and arrangement span to Walby's perspective on analyzing gender relations beyond Western contexts. Walby's gender regime framework focused on the analysis of how gender relations are structured across four domains in social institutions of public spheres (economy, polity, civil society, and violence) [22]. Walby's theory also addresses the spatial variations in gender regimes, which Wisdanti continued with a study on the interplay of culture, gender, and spatial arrangement. Wisdanti analyzed how cultural norms and gender expectations shape the layout of living environments, and the use of space in houses. For example, women are expected to occupy the kitchens and back rooms of most houses, while men are expected to occupy the living rooms and front

¹ Twum M.A. A., Dome M.Z. Amid persistent gender inequalities, Ghanaians call for government action to bridge the gaps. Afrobarometer Publication. 2022. Available at: <https://www.afrobarometer.org/publication/ad573-amid-persistent-gender-inequalities-ghanaians-call-for-government-action-to-bridge-the-gaps/> (accessed: 08.06.2025).

terraces [23]. Wisdanti discovered how such spatial arrangements are shaped by existing gender arrangements, which are caused by deeply rooted cultural systems and family patterns [23]. With transformative approaches to gender regimes, Tamunomiegbam and Arinze explore how gender norms as a form of arrangement, are evolving in contemporary Africa. Tamunomiegbam and Arinze findings illustrated the evolution of African gender norms from rigid traditional frameworks toward more inclusive arrangements and understandings. Tamunomiegbam and Arinze's study highlight how progress is being made toward gender equality in Africa, but persistent biases remain [7].

On this note, to acquire relevant understanding when it comes to the dynamics of gender inequality in contemporary Ghana, led to an empirical analysis of gender regime. As pointed out by Walby, it is important to analyze the domains of economy, polity, civil society, and violence rather than tackling gender issues with models that only center on family [23]. This paper's analysis is centered on Connell's classical four dimensions of gender regime. This is because all structures of either formal or informal institutions become gendered over time, determining the significance of examining structural views on gender inequality, from the contexts of culture, economic, and power, to psychological well-being.

Materials and Methods

This study used a qualitative approach, with the adoption of participatory tools for a collaborative and deep knowledge generation about the social issue at hand was the core foundation, as data was collected through focus group discussion (10 participants per 4 groups). Small number of participants were purposely sampled to explore complex social phenomena such as gender regimes, where depth and contextual richness outweigh numerical scale [24]. The selection of 40 rural women from Bosore and Abirem communities in Ghana's Kwabre East District that is drawn exclusively from the Mama's Helping Hand CBO project, provides robust justification through theoretical saturation,

contextual relevance, and alignment with established methodological precedents to address potential critiques on sample size. While not generalizable to all Ghanaian women (43% rural population), the sample's homogeneity strengthens internal validity for theory-building, with triangulation via multiple groups mitigating bias.

This mirrors Corbin and Strauss's [25] quality trumps quantity when building context-specific models applicable beyond the site, as evidenced by alignment with Sub-Saharan Africa gender gaps [7; 8]. Data was collected within 19th January, 2022 to 25th November, 2023. Participants' consent to be sampled for the study were received, as they were also assured of confidentiality, which pseudonyms were used. A codebook for each focus group was developed [24], in which an emphasis on the relationships between categories and sub-categories to their sub-components was done via open, axial, and selective coding [25]. The data were then analyzed per existing social relations, in order to give meanings to the dimensions. Thus, to identify the experiences of the participants, understand the relation or variation of the dimensions of gender regime to their experiences, and discover the dynamics of their challenges and roles.

Gender Regime: The Four Dimensions

This study identified several key themes based on the theoretical frameworks of gender regime [6]. It aims to illustrate how gender regime functions at the community level in Ghana, and how it impacts Ghanaian women's empowerment, reflecting the views and circumstances of the participants in two rural Ghanaian communities of Bosore and Abirem.

Employing Connell's theoretical framework of gender regime, this analysis emphasizes the social relations and structures that organize differences. Gender regime is defined as «...a regular set of arrangements about gender: who was recruited to do what work...what social divisions were recognized...how emotional relations were conducted...and how these institutions were related to others...» [6, p. 72]. The analysis is done across four interconnected dimensions, viewing gender as a complex and

dynamic system embedded in every sphere of society.

This dimension concerns the distribution and exercise of power and authority based on gender. It encompasses how power is institutionalized and enforced to compliance, within the concept of gender roles and social positions. Connell determined, «Power, as a dimension of gender, was central to the Women's Liberation concept of 'patriarchy': the idea of men as a dominant 'sex class'... The power of husbands over wives...is still an accepted idea in much of the world, even in modified forms such as the idea of the father as 'head of the household'...» [6, p. 76].

In the cultural context of Ghana, changes in gender roles are complex [14], as the values of interdependence and community are conflicted with individual autonomy. These systemic issues rather condition the women to prioritize marital harmony over their personal safety and well-being, leading to their psychological distress of feeling trapped in abusive situations with limited means of escape. Sikweyiya et al., in their research on intimate partner violence, found that the Ghanaian men they studied used physical violence against their partners as a form of discipline. These men involve their wives in decision-making only on the condition that the wives remain obedient to them as the head of the family [26].

At the expense of some of the women facing crises in their homes, they still freely conform to the roles of a wife, which is to be submissive and obedient to their husbands. This is best narrated by Antie Aku (60 years): «*Women might have their rights, I understand. But when we marry, we shouldn't have such freedom to do anything without consulting our husbands. I will do nothing and follow what my husband is saying. We agreed to marry each other. We should know that there are certain things that we shouldn't do if our husbands tell us not to do*». The informant admits the existence of women's right with the idea that «women might have their rights», but her views show that the husband holds authority in decision-making, and the wife's freedom is limited by this dynamic. This raises important questions about how rights and responsibilities are balanced among males and

females, and whether limiting one relationship partner's freedom is healthy or fair.

Gender roles can vary depending on cultural, personal, and religious beliefs, which our research discovered that even among the young generation, some of them do not see male roles and their dominance to be an issue. This indicates the stability of beliefs from the old era that some aspect of traditional gender role beliefs remain stable within the young generation of this present era. Thus, the persistence of traditional gender norms across age groups, which young people are nurtured by such traditional arrangements, as they tend to also internalize gender roles observed in their family and communal environments. This is best said by Efua (24 years): «*I see no wrong with such preaching (women should be men's subordinates) because it is needful for men to be our heads*». Such gendered beliefs challenge the women because their childhood experiences are shaped by societal roles that define gendered behaviors and expectations, which is instilled in them via socialization. These power dynamics are driven by what Connell terms 'hegemonic masculinity' [27], in regards to the dominant forms of masculinity that tend to shape gender relations, such as cultural narratives that tend to symbolize domination.

Decoding Culture

Decoding culture is for addressing the cultural meanings, symbols, and discourses that construct and reinforce gender identities and roles. This is explained by Connell as, «...Whenever we speak of 'a woman' or 'a man', we call into play a tremendous system of understandings...and allusions that have accumulated through our cultural history. The 'meanings' of these words are enormously greater than the biological categories of male and female» [6, p. 83]. This involves how gender is represented and understood through culture, language, and social norms, thereby shaping the symbolic framework within which gender is lived. Over time, these have been institutionalized in the Ghanaian social settings, due to the ongoing transmission of

gender discourses from one generation to the next [28].

In our study, such gender discourses were identified within the context of local traditions that create gendered separate spheres, and misconceptions about women's roles and capabilities rendering them disempowered. The gender socialization of the local people, which occurs through their cultural practices, appears to be a significant barrier preventing women from participating in preferred community activities. Nkwa (64 years) asserted: *«Our upbringing and everything we do is centered on the values and attributes of the clan, and also the roles of each member. The men are our heads, and the women are like the 2nd in command, if no man is available but if the men are there, we, the women are the subordinates»*. This determines the influence of early childhood upbringing and family dynamics in shaping the rural women's social roles and beliefs, illustrating how dominant forms of masculinity shape and sustain gender relations, which society uses to legitimize men's power over women.

As a female reaches a certain age, there is a higher degree of social pressure and expectation for that female to get marriage, which shows a tension between individual life choices and collective cultural norms. This is coined by Ekuwa (42 years): *«The way people were telling me to marry whenever they see me in this community gave me that rush. Just because I was getting old»*. Per this phrase of Ekuwa, «gave me that rush» implies how the pressure is intense, which can lead physical or emotional response being mixed with the feeling of urgency. Sikapa (46 years) then added: *«I think the pressure from friends is one of them»*. All these pressure seems to be triggered by age, linking to the idea of «getting old». This reveals how females being unmarried beyond a certain age is seen as undesirable by the local people, representing how the power of community and social environments is being framed.

Social environments tend to set norms about what is considered «desirable» or «undesirable», for being unmarried beyond a certain age is negative. This reflects what the rural communities value, as such expectations about age and marriage are reinforced through

shared traditions, creating a collective understanding that pressure the women. These pressure are enforced through social sanctions such as gossips, pity, or exclusion, which are the product of collective beliefs. Such cultural symbols shape the identity of the rural communities, and the dynamics of social power structures, by playing a crucial role in shaping the exclusion of women from the labour market. This where by gender norms, social expectations, and power dynamics are reinforced, limiting the women's economic participation.

Gendered Accumulation and Economic Implications

The focus is on how production, labour, and economic rewards are organized along gender lines. As determined by Connell, «In the economy, work is done for pay, labour is bought and sold, and the products of labour are placed on a market where profit prevails. In the home, work is done for love or mutual obligation, the products of labour are a gift, and the logic of gift-exchange prevails» [6, p. 80]. This includes the sexual division of labour, gendered occupations, and the distribution of wealth and resources, determining how economic roles and benefits are often shaped by gender in society. The rural women experience inequality particularly in their pursuit of material conditions that enable freedom, as barriers limit their access to certain jobs and perpetuate wage gaps [29]. For instance, the period of COVID-19 led to high unemployment rate, which enabled a challenging job market in Ghana, and the entire world [30].

Most of the rural women lack the working skills, but are still embarking on ways to engage in paid jobs. This extract of Afra (26 years) narrates the issue best: *«I quite remember in 2020, when coronavirus broke out and there were lockdowns, and other restrictions, all our daily activities were stopped. I had the opportunity to apply for an online job but my mom was so serious that I should let my older brother apply for that job instead of me. Just because he is a man and has a family to take care of»*. Some women support the motion that men should have

more right to jobs than women, when there is scarcity. In agreement with Afra's mother, Efua (24 years) added: *«I agree with your mother because men have a huge responsibility to play when it comes to providing for their families, and jobs were nowhere to be found during that time»*. Both Afra and Efua's responses capture how in some families, women are expected to defer economic opportunities to the males. «He is a man and has a family to take care of» from Afra's response reveals how traditional gender roles are still practiced. This raises questions about how societal or familial expectations can restrict the choices of the women, especially for young females as Afra, and even Efua, who depicts how such mindset still prevail.

The ways how labour and caregiving responsibilities are divided between men and women, thereby influencing women's employment patterns and family roles. These practices are learned, reproduced, and institutionalized due to prevailing societal expectations surrounding masculinity and femininity. As backed by Connell based on 'the science of masculinities', «like sex role research, this is concerned with public conventions about masculinity. But rather than treat these as preexisting norms which are passively internalized and enacted...» [27, p. 35].

According to the response of Adowa (56 years): *«...compared to the old days. Girls were not supposed to even go to school or sit in front of any gathering. Front seats were for men, and back seats were for women»*. This reflects how men were given priority and visibility in public spaces («front seats»), while women were relegated to less prominent positions («back seats»), as it is still practiced in this modern times. Women who oppose such traditional practices may face consequences that can eventually lead to their stigmatization. This highlights how gender is shaped through social practices, with local people actively negotiating, contextualizing, and reshaping gender norms that are primarily rooted in power relations.

On this note, people leading fulfilling lives depend on good health; however, some of the participants suffer from domestic violence

within their matrimonial homes. This is due to the practice of gender norms, in which the behavior of some husbands is deemed unacceptable by the women, yet they feel unable to voice complaints because of the fear of potential consequences (such as intimate partner violence). Kesewaa (37 years) shared: *«... upon asking for my money (for her marriage ceremony) back, he (her husband) became aggressive towards me one day»*. Kesewaa's experience reveals a significant fear associated with the women asserting their right or demanding fairness (autonomy) caused by domestic aggression of men. This shows how the women's experiences of maltreatment are often silenced, reflecting power dynamics in their marital relationships, which can cause a shift in cathexis.

Cathexis: The Dimensions of Emotional and Sexual Attachment

The cathexis dimension of Connell draws on Caplan's perspective [28], exploring the interpersonal interactions, attachments, and antagonisms shaped by gender. As quoted by Connell, «A major arena of emotional attachment is sexuality...sexual relations involve culturally formed bodily relationships, not a simple biological reflex (Caplan, 1987). They have a definable social structure» [6, p. 81]. This dimension encompasses emotional bonds, sexual attraction and solidarity, illustrating how gender influences both personal and social relationships. Historically, African communities practiced a form of 'communal individualism', where individuals shared a primary bond of understanding. In contrast, contemporary African societies increasingly prioritize individualism [29], a shift that may challenge the formation and maintenance of attachments essential for healthy emotional connections.

During the aftermath of a divorce, there are also some consequences associated with the women. Sikapa (46 years) posited: *«Even if care is not taken (if the women are not protected by their family), no man will marry you in the community. Men will only approach you in this community when they just want to have their way*

with you (just for sex)». This determines how the lack of meaningful relationships and minimal social connections of the women can lead to their depression, negatively affecting their mental and physical health. This extract from Kukua (57 years) specifies: *«I was later on called as a witch by his family that I had bewitched him (her husband)»*. Being called a witch is a heavy social stigma, which in the case of Kukua, the family of her husband found it weird that their son is emotionally attached to her, so far as he allowed Kukua to make decisions for their family. The family rather expects their son being the male, to be the sole decision-maker, and Kukua's actions to reflect traditional femininity, by internalizing emotional and sexual attachments. This indicates how gendered patterns are manifested in cathexis.

Discussions

Given the significance of these arrangements, especially regarding cathexis, power relations, as well as economic and cultural conditions, it is essential to advocate for interventions that focus on empowering marginalized groups. However, Ghana is a multi-ethnic country, which her societies are composed of rich tapestry of ethnic groups, such as Akan, Mole-Dagbon, Ewe, Guarma, Guan, and others [30]. Within these ethnic groups, there are various clans, including Agona, Aduana, Efutu, and Bretuo, contribute significantly to the nation's development, conforming to cultural, social, and historical identities [30].

As confirmed, Ghana is a predominantly collectivist society, where collectivistic values positively correlate with the subjective well-being of its people [31]. In both communities, traditional and informal education, such as gender socialization rooted in cultural traditions, forms the foundation of the Kwabre people's way of life. I discovered that the subjective well-being of the participants is influenced by socio-economic, cultural and personal factors (table 1). These factors can either enhance or undermine the rural women's physical, and emotional well-being, which in turn affects their cathexis, as well as their overall happiness and life satisfaction.

Evidently, despite Ghana's constitutional provisions and active involvement of stakeholders / NGOs advocating for gender equality, shortcomings still persist. Dzorgbo and Gyan argue that the actual rights and welfare of women, in relation to ongoing gender issues, appear to be disconnected from these legal frameworks [32]. The practices of Kwabre people seem to be deeply rooted in traditional gender ideologies and religious beliefs. We also discovered that citizens of Ghana enjoy civil liberties regardless of their gender. Through our discussions with the participants, it emerged that the women prefer men as political leaders over women. The Kwabre women acknowledged the existing civil rights for women in Ghana, recognizing their rights to hold political office, participate in political representation, and vote.

Although this shows the participation of women in Ghana's political sphere, rural women such as the Kwabre women must be given opportunities to learn about the importance of their voices within their local communities. Empowering rural women helps establish a systematic agency that ensures marginalized groups are represented, while also addressing any methodological challenges involved in studying such populations [33].

Conclusion: Unlocking the Full Potential of Rural Ghanaian Women

This study has shed light on the entrenched gender regime in rural Ghana, specifically within Bosore and Abirem communities of Kwabre East District in the Ashanti Region. Drawing on qualitative data from 40 participants across four focus groups, the analysis reveals how dominant masculinity, cultural symbols rooted in Akan clan traditions, gendered economic exclusion, and emotionally constraining attachments systematically disempower the rural women. By applying Connell's gender regime alongside Pfau-Effinger's arrangements and Walby's institutional domains, this study bridges global theory with localized African feminist perspectives. This highlights how pre-colonial collectivist structures interact with modern policies to sustain hierarchies.

Table 1

Excerpts from Participant Responses Aligned with Connell's Gender Regime

Participants (Pseudonym, Age)	Key Quotes	Key Findings/Factors
Power Dimension: Male Authority and Household Dynamics		
Aku (60)	"Women might have their rights, I understand. But when we marry, we shouldn't have such freedom to do anything without consulting our husbands"	Spousal obedience as norm
Efua (24)	"I see no wrong with such preaching (women should be men's subordinates) because it is needful for men to be our heads"	Intergenerational acceptance of male headship
Culture Dimension: Clan Symbols and Social Pressures		
Nkwa (64)	"Our upbringing and everything we do is centered on the values and attributes of the clan...The men are our heads, and the women are like the second in command"	Clan-based subordination
Ekuwa (42)	"The way people were telling me to marry whenever they see me in this community gave me that rush. Just because I was getting old"	Age-triggered marriage pressure and decisions
Sikapa (46)	"I think the pressure from friends is one of them"	Peer enforcement of norms
Labor Dimension: Economic Exclusion and Job Prioritization		
Afra (26)	"I had the opportunity to apply for an online job but my mom was so serious that I should let my older brother apply... Just because he is a man and has a family to take care of"	Familial deferral to males (COVID-19 context)
Efua (24)	"I agree with your mother because men have a huge responsibility... jobs were nowhere to be found during that time"	Endorsement of male priority in scarcity
Adowa (56)	"Girls were not supposed to even go to school or sit in front of any gathering. Front seats were for men, and back seats were for women"	Historical gendered spatial exclusion
Cathexis Dimension: Emotional Attachment and Stigma		
Sikapa (46)	"Even if care is not taken if the women are not protected by their family, no man will marry you... Men will only approach you... just for sex"	Post-divorce isolation
Kukua (57)	"I was later on called as a witch by his family that I had bewitched him (her husband)"	Stigma against assertive women
Kesewaa (37)	"Upon asking for my money... he became aggressive towards me one day"	Violence linked to financial autonomy

Source: results of author's survey.

Per the study's key findings (see table 1), the power dimension underscores male authority as the household head, where women often internalize subservience to preserve marital harmony, even amid intimate partner violence. This pattern echoed in participant narratives like Aku's endorsement of spousal obedience.

Culturally, clan-based socialization enforces rural women's subordination through gendered spatial norms (e.g., back seating for women) and marriage pressures, limiting labor market entry, as voiced by Nkwa and Ekuwa. In labor dynamics, rural Ghanaian women confront a 29–34% wage gap, prioritization of men for scarce jobs during crises like COVID-19, and relegation to unpaid care work, exemplified by Afra's deferred opportunity. However, cathexis manifests in stigmatized post-divorce

isolation, with labels like «witch» for assertive women (Kukua), which erodes emotional well-being and social bonds. These interconnected dimensions form a self-reinforcing gender arrangement, where Ghana's 88th global gender parity ranking (70.1% gap closed) masks rural realities. This includes overrepresentation in vulnerable informal employment and persistent cultural barriers despite national policy efforts, positioning Ghana second only to Mali in gender income inequality among Africa nations.

Notably, longitudinal studies could track policy impacts, while comparative analyses across ethnic groups (Akan vs. Ewe) or regions (urban vs. rural) would refine generalizability. Quantitative integration such as econometric modeling of wage gaps, alongside decolonial

feminist epistemologies, promises deeper insights into agency amid structural constraints. Ultimately, transforming Ghana's rural gender regime demands transcending legal facades toward holistic empowerment, recognizing women as co-producers of development. By fostering equitable arrangements, Ghana can not only advance SDG 5, but catalyze sustainable progress across Africa's diverse yet interconnected rural landscapes.

References and Internet sources / Литература и Интернет-источники

1. Nussbaum M.C. *Women and Human Development: The Capabilities Approach*. Cambridge University Press. 2000. 312 p. DOI: 10.017 / CBO0780511841286
2. Connell R. Gender and social justice: Southern perspectives. *South African Review of Sociology*. 2011. Vol. 42. No. 3. P. 103–115. DOI: 10.1080 / 21528586.2011.621242
3. Idahosa G.E. Decolonizing the curriculum on African women and gender studies. *The Palgrave Handbook of African Women's Studies*. Palgrave Macmillan. 2019. P. 1–18. DOI: 10.1007 / 978-3-319-77030-7_66-1
4. Hermelink U., Trentini C. Gender-sensitive economic policies in the UNECE Region in the context of the economic and financial crisis. *UNECE Discussion Paper Series*. 2009. No. 3. P. 32–46.
5. Pfau-Effinger B. Gender cultures and the gender arrangement — a theoretical framework for cross-national research. *Innovation: The European Journal of Social Science*. 1998. Vol. 11. No. 2. P. 147–166. DOI: 10.1080 / 13511610.1998.9968559
6. Connell R. *Gender: In World Perspective*. 4th ed. Wiley and Sons. 2020. 208 p.
7. Tamunomiegbam A., Arinze D. From tradition to transformation: Evolving gender norms in contemporary Africa. *American Journal of Public Policy and Administration*. 2024. Vol. 9. No. 3. P. 1–36.
8. World Economic Forum. Global gender gap report: Insight report. *World Economic Forum*. 2005. 395 p.
9. African Development Bank. *Brief on Gender Equality and Women Empowerment in Ghana*. African Development Bank Group. 2024. P. 1–7.
10. Ghana Statistical Service. *2010 Population and Housing Census*. GSS District Analytical Report. 2014. P. 1–15.
11. Awumbila M. Women moving within borders: Gender and internal migration dynamics in Ghana. *Ghana Journal of Geography*. 2015. Vol. 7. No. 2. P. 132–145.
12. *Africa Human Development Report 2016. Accelerating Gender Equality and Women's Empowerment in Africa*. UNDP. 2016. 192 p.
13. Demedeme G., Opoku C.B. Economic empowerment of rural women: Assessing the effectiveness of the rural enterprise program (REP) in Ghana, West Africa. *Journal of Agricultural Extension and Rural Development*. 2022. Vol. 14. No. 1. P. 13–23. DOI: 10.5897 / jaerd2021.1287
14. Forkuor D., Korah A. NGOs and sustainable development: Experience from Upper West Region of Ghana. *Environment Development and Sustainability*. 2023. Vol. 25. No. 1. P. 351–374. DOI: 10.1007 / s10668-021-02057-w
15. Anyidoho N.A., Manuh T. Discourses on women's empowerment in Ghana. *Development*. 2010. Vol. 53. No. 2. P. 267–273. DOI: 10.1057 / dev.2010.30
16. Connell R. *Gender and Power: Society, The Person, and Sexual Politics*. Stanford University Press. 1987. 334 p.
17. Nartey P., Bahar O.S., Nabunya P. A review of the cultural gender norms contributing to gender inequality in Ghana: An ecological systems perspective. *Journal of International Women's Studies*. 2023. Vol. 25. No. 7. P. 14.
18. *Global Gender Gap 24. Insight Report*. World Economic Forum Organization. 2024. P. 12–35.
19. Danquah M., Osei R.D., Schotte S., Sen K. *Impact of COVID-19 on Employment and Earnings in Ghana*. Oxford University Press. 2024. 73 p.

20. Ghana Statistical Service. *Statistics on Wage Differentials on International Equal Pay Day*. GSS. 2023. P. 1–2.
21. Ridgeway C.L. *Framed by Gender: How Gender Inequality Persists in the Modern World*. Oxford University Press. 2011. 233 p.
22. Walby S. Varieties of gender regimes. *Social Politics: International Studies in Gender, State and Society*. 2020. Vol. 27. No. 3. P. 414–431. DOI: 10.1093 / sp / jxaa018
23. Wisdianti D. Culture, gender and spatial arrangement in traditional houses. *Budapest International Research and Critics Institute-Journal (BIRCI-Journal)*. 2021. Vol. 4. No. 3. P. 5566–5578.
24. Saldaña J. *The Coding Manual for Qualitative Researchers*. SAGE publ. 2012. P. 328.
25. Corbin J.M., Strauss A. Grounded theory research: Procedures, canons, and evaluative criteria. *Qualitative Sociology*. 1990. Vol. 13. No. 1. P. 3–21.
26. Sikweyiya Y., Addo-Lartey A.A., Alangea D.O., et al. Patriarchy and gender-inequitable attitudes as drivers of intimate partner violence against women in the central region of Ghana. *BMC Public Health*. 2020. Vol. 20. Art. 682. P. 1–11. DOI: 10.1186 / s12889-020-08825-z
27. Connell R. *Masculinities*. Cambridge UK. Polity Press. 1995. 295 p.
28. Caplan P. *The Cultural Construction of Sexuality*. Tavistock publ. 1987. 304 p.
29. Biar Z.M. Communal individualism: A critical analysis of the nature of African community. *Stellenbosch Theological Journal*. 2023. Vol. 9. No. 1. P. 1–16. DOI: 10.17570 / stj.2023.v9n1.a29
30. Mwakikagile G. *The People of Ghana: Ethnic Diversity and National Unity*. New Africa Press. 2017. 329 p.
31. Owusu-Ansah F.E. Cultural orientation and subjective well-being. *Journal of Science and Technology (Ghana)*. 2004. Vol. 24. No. 2. P. 76–83. DOI: 10.4314 / just.v24i2.32918
32. Dzorgbo D.B., Gyan S.E. Exploratory study of the current status of the rights and welfare of Ghanaian women: Taking stock and mapping gaps for new actions. *African Journal of Reproductive Health*. 2016. Vol. 20. No. 3. P. 136–148. DOI: 10.29063 / ajrh2016 / v20i3.18
33. Spivak C.G. *Can the Subaltern Speak?* Routledge. 1994. 46 p.

Информация об авторе:

Энчилл Габриэлла Лили, к.соц.н., научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: genchill@hse.ru; ORCID: 0000-0003-2251-5446; Elibrary SPIN-код: 4073–0228.

Information about the author:

Enchill Gabriella Leelee, Candidate in Sociology, Research Assistant, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: genchill@hse.ru; ORCID: 0000-0003-2251-5446; Elibrary SPIN-code: 4073–0228.

Статья поступила в редакцию 15.06.2025, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ РОССИИ

DOI: DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-175-189
EDN: DPYWMV

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДОСТУПНОСТЬ УСЛУГ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Тимаков И. В.

*Институт экономики Карельского научного центра РАН
(185030, Россия, Петрозаводск, проспект А. Невского, 50)*

E-mail: ivanvseti@gmail.com

Финансирование:

Исследование выполнено в рамках государственного задания Карельского научного центра РАН FMEN-2022-0001 «Комплексное исследование и разработка основ управления устойчивым развитием северного и приграничного поясов России в контексте глобальных вызовов».

Для цитирования:

Тимаков И. В. Экономическая доступность услуг здравоохранения в регионах России // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 2. — С. 175-189. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-175-189; EDN: DPYWMV

Аннотация. Статья посвящена изучению экономической доступности услуг здравоохранения в регионах России. Неравномерность развития медицинских учреждений, кадровый дефицит, негативные демографические тенденции, рост затрат, и социальное расслоение изменяют доступность медицинских услуг в регионах РФ. Наибольшие претензии населения сегодня вызывает коммерциализация медицины, низкое качество и незащищённость пациентов в рамках ОМС. На основе данных выборочных наблюдений качества и доступности услуг здравоохранения и др. региональных показателей, с применением экономико-математического инструментария (иерархический кластерный анализ агломеративным методом Уорда) построена типология регионов РФ по доступности здравоохранения в 2023 году. Анализировались 30 показателей здоровья, финансирования здравоохранения, оказания медицинских услуг и субъективных оценок проблем здравоохранения и др. Анализ доступности медицинских услуг показал дифференциацию регионов РФ на 5 групп: 1- наиболее благополучная, 2- недовольная, 3- максимально проблемная, 4- наименее проблемная, 5- удалённые регионы с дефицитом отдельных медуслуг и низкой плотностью населения. В условиях низкой плотности населения доступность здравоохранения значительно дифференцирована в местах расселения. Попытки поиска баланса между набором оказываемых медицинских услуг и адресностью медицинской помощи неизбежно способствуют изменению их доступности. При этом абсолютные значения числа недовольных услугами российского здравоохранения не велики. Коммерческая медицина не привлекает большое количество пациентов. В процессе реформы российского здравоохранения реализуемые планы столкнулись с неравенством развития медучреждений в регионах, негативными демографическими трендами и ростом фактических затрат на услуги здравоохранения. Но неравенство спроса на медуслуги и возможности медицинских учреждений в регионах не позволяют в полной мере обеспечить всеобщий охват услугами здравоохранения, обуславливая региональные различия в оценках здравоохранения.

Ключевые слова: доступность, здравоохранение, медицинские услуги, региональная дифференциация, типология.

Введение

Международная социальная политика в области здравоохранения во главу угла ставит всеобщий охват услугами здравоохранения, как глобальный приоритет для Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ)¹. Всеобщий охват предполагает доступность медицинских услуг для всех граждан в независимости от их происхождения и социального статуса [1]. Под доступностью услуг здравоохранения понимается возможность своевременно получить необходимое количество медицинского обслуживания в различных формах, не испытывая при этом чрезмерных трудностей. Что достигается через мероприятия по обеспечению населения безопасными и эффективными медицинскими услугами за счёт использования эффективных механизмов предоплаты и государственного финансирования.

Данный подход согласуется с конституционными гарантиями России и большинства развитых стран, и отвечает достижению цели устойчивого развития (ЦУР) по обеспечению здоровья и благополучия (№ 3 среди ЦУР ООН в повестке до 2030 г.). Через доступность медицинских услуг обеспечивается право на здоровье, в особенности для наиболее уязвимых групп населения². В то же время международная практика реализации национальной политики связана с финансовыми возможностями национальных систем здравоохранения. Бюджетные, организационные и кадровые ограничения являются барьерами на пути к доступности медицинских услуг и требуют эффективного использования имеющихся ресурсов. Нередко стремление к эффективности расходов создаёт проблемы доступа к медицинскому обслуживанию и меняет общественное восприятие существующей системы здравоохранения. Фи-

нансовая защита пациента обеспечивается через государственные гарантии охраны здоровья. Предполагается, что государство обеспечивает финансовую защиту пациента при потере здоровья и получении медицинских услуг, заболевание не вызовет значительных расходов, банкротства или других проблем [2]. В России реализация подобной политики связана с гарантиями системы здравоохранения перед пациентами, где бюджетные возможности имеют базовое значение [3].

Бесплатная помощь в рамках «Обязательного медицинского страхования» (ОМС) охватывает все виды медицинской помощи, за исключением стоматологии и лекарственного обеспечения. Не все граждане РФ знают и реализуют своё право на бесплатное медобслуживание. Ещё меньше готово защищать свои права в судах [4]. Ограничения ресурсов и отсутствие прозрачности государственных гарантий являются основным фактором расходов российских семей в области здравоохранения. Если услуга недоступна бесплатно в государственном секторе, пациент вынужден приобретать её на коммерческом рынке с использованием собственных средств. Поэтому частные расходы на здравоохранение являются индикатором эффективности и доступности действующей системы медицинского обслуживания [5]. На международном уровне в рамках ЦУР ООН приняты индикаторы всеобщего охвата услугами здравоохранения: доля населения с доступом к основным медицинским услугам и доля населения со значительными тратами на здоровье. Доступ к медуслугам и расходы домохозяйств на здоровье отражают фактическое получение необходимой медицинской помощи. Слишком высокие расходы наносят ущерб остальному потреблению и определяются как катастрофические. К ним относят значения доли расходов домохозяйств на здравоохранение — более 10% и 25% от дохода по критериям ВОЗ, в странах с развивающейся экономикой критерий превышает 40% дохода [6]. Данные критерии позволяют сравнить Россию с другими странами по доступности здравоохранения [7].

¹ World Health Organization et al. Primary health care on the road to universal health coverage: 2019 global monitoring report. 2021. — URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/328913> (дата обращения: 02.04.2026).

² ВОЗ. Повышение доступности медицинских технологий и инноваций: на стыке здравоохранения, интеллектуальной собственности и торговли. — Женева, 2020. — 440 с. DOI: 10.34667/tind.44346

Приведённая на рис. 1 оценка населения со значительными тратами на здоровье в РФ основана на микроэкономических данных общенациональных опросов «Russia Longitudinal Monitoring survey, RLMS-HSE»³. К расходам на здравоохранение отнесены расходы на: амбулаторное, стационарное лечение, стоматологию, лекарственное обеспечение. Включение медикаментов и стоматологии в медицинские расходы увеличивает в 5–6 раз число домохозяйств, достигающих пороговых значе-

ний расходов семейного бюджета на здоровье⁴. К 2023 г. доля домохозяйств с этими расходами выросла до максимума за 10 лет, как, впрочем, и с расходами на стационарную и амбулаторную помощь (12,8% от выборки). Расходы на амбулаторные и стационарные услуги по критериям ВОЗ к 2023 г. превышали 25% доходов у 0,8% российских домохозяйств, более 10% доходов — у 2,4%, уровень в 40% от дохода превышают только 0,1% домохозяйств с расходами на медицинскую помощь (ЛПУ).

³ HSE (nd) Russia longitudinal monitoring survey, RLMS-HSE (далее – RLMS-HSE). – URL: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu>; <https://www.hse.ru/org/hse/rlms> (дата обращения: 02.04.2026).

⁴ Здесь и далее оценка показателя доступности услуг здравоохранения в РФ основана на данных RLMS-HSE за период 2011–2023 годов. – URL: <https://www.hse.ru/org/hse/rlms> (дата обращения: 02.04.2026).

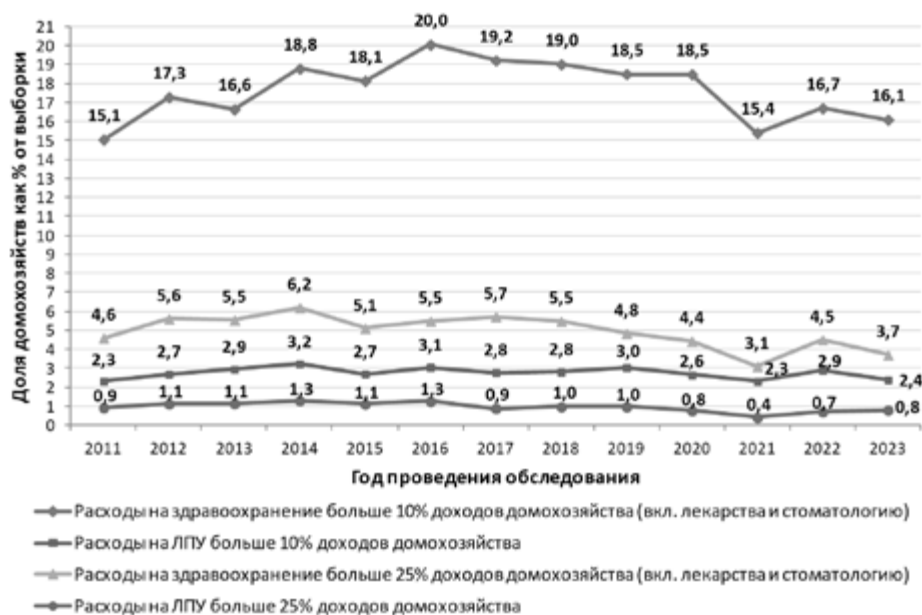

Рис. 1. Расходы российских домохозяйств на здравоохранение

Fig. 1. Russian household expenditures on health care

Источник: расчёты автора по данным RLMS-HSE.

Через включение расходов на здравоохранение в показатели благосостояния, производится оценка глубины влияния этих расходов на семьи с разным уровнем бедности [8]. В РФ наибольший риск бедности

из-за трат на здоровье наблюдался в малообеспеченных семьях, где больше 40% доходов на здравоохранение в 2023 г. тратили 3,1% семей и велика вероятность их отказа от приобретения медикаментов; на стаци-

онарную и амбулаторную помощь — 0,7% домохозяйств. Амбулаторная и стационарная помощь, являясь частью системы ОМС, доступна на платной основе не всем группам пациентов.

Ситуация с платежами из собственного кармана в здравоохранении РФ после 2011 г. постепенно стабилизировалась. Наибольший рост платежей наблюдался по медикаментам до 2016 года. Государственная программа здравоохранения обеспечивает относительную финансовую защиту для большинства населения. Сложно согласиться с некоторыми авторами [9], что основным фактором роста индивидуальных расходов является лучшее качество платных медицинских услуг. Выбор в пользу платных услуг зависит от потребностей, возможностей и предпосылок групп пациентов [10]. Основной угрозой роста трат на здоровье является стоимость и доступность лекарственных препаратов, и их влияние на низкодоходную группу домохозяйств. Для финансовой защиты таких домохозяйств расширение гарантий бесплатного лекарственного обеспечения наиболее перспективно.

Платные медуслуги в регионах вызывают трудности домохозяйств, а бюджеты и ресурсы здравоохранения распределяются на разное число пациентов с разной эффективностью — это затрагивает незащищённые слои населения. Удовлетворённость качеством и доступностью услуг здравоохранения формирует отношение населения к социальной политике государства [11]. Наибольшие претензии населения сегодня вызывает коммерциализация медицины, низкое качество услуг и незащищённость в рамках ОМС.

Проблема доступности услуг здравоохранения обостряется в условиях региональных систем здравоохранения. На территории России большое значение приобретают не только финансовые ограничения систем здравоохранения, но и проблемы наличия и качества медицинских услуг в местах проживания. Важным фактором является территориальная неоднородность расселения и размещения объектов регио-

нального здравоохранения. Рассматривая проблемы регионального здравоохранения, исследователи уделяют больше внимания социально-экономическим показателям здоровья и системы здравоохранения [12]. Но региональное неравенство медицинского обслуживания непосредственно влияет на субъективную оценку пациентами системы здравоохранения. Потеря доверия к системе будет способствовать отказу пациентов от медицинской помощи и игнорированию проблем своего здоровья. Особенно это характерно для регионов Крайнего Севера, где удалённость и низкая плотность населения создают барьеры доступности медицинских услуг.

Материалы и методы

Целью исследования выбрано изучение доступности услуг здравоохранения в российских регионах через субъективные оценки домохозяйствами проблем российского здравоохранения. Доступность услуг здравоохранения — возможность их получения в местах проживания в соответствии с медицинскими показаниями для всех пациентов. Анализ дифференциации качества услуг по регионам РФ основан на данных «Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения» Росстата и других статистических показателей регионов РФ за 2023 год. Набор исходных данных по проблемам здравоохранения, включал 92 социологических и статистических показателя. В дальнейшем, в результате отбора были использованы 30 показателей по регионам России.

Дифференциация регионов по доступности здравоохранения включала 85 регионов за исключением новых субъектов РФ из-за отсутствия официальной статистической информации по ним на период урегулирования вопросов их интеграции⁵. Регионы с аномальными, резко выделяющимися из общего распределения данных, значе-

⁵ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. — Москва, 2023. — 1126 с.

ниями отдельных показателей обеспеченности бюджетов разных уровней и домохозяйств (Санкт-Петербург, Москва), а также некоторых демографических показателей (Республика Чечня и Республика Ингушетия), были исключены из первоначальной кластеризации и добавлены по итогу к близким по значениям группам. С учётом количества регионов для оценки особенностей межгрупповой дифференциации проведён иерархический кластерный анализ данных агломеративным методом Уорда. В качестве меры различий используется квадратичное Евклидово расстояние. Безразмерность выборки обеспечивается Z-стандартизацией. Данные включают показатели «Регионов России» и «Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения» Росстата⁶. Анализируются данные на 2023 г., с учётом их доступности на момент проведения исследования. Социологическая выборка основана на информационном массиве ВПН-2020 48 тыс. домохозяйств по субъектам РФ⁷. За единицы отбора принимались счётный участок и жилое помещение с постоянным населением. Случайный отбор проводился Росстатом по городскому и сельскому населению в каждом субъекте РФ. Осуществлялся личный опрос членов домохозяйств по месту проживания по форме федерального статистического наблюдения. Исползованные базы микроданных репрезентативны на все части домохозяйств и на всё население РФ, с применением весовых коэффициентов, как обратно пропорциональные вероятности отбора.

Множество переменных включало показатели оценки опыта получения меди-

цинских услуг, субъективные оценки существующих проблем здравоохранения, а также показатели здоровья, финансирования здравоохранения, населения и экономики региона. Всего 30 объясняющих переменных и переменная регионов, по которой осуществлялась кластеризация (табл. 1). Для проведения иерархического кластерного анализа использовался статистический пакет SPSS. Показатели отражали как работу системы здравоохранения региона по оказанию медицинской помощи, так и социально-экономическое положение населения региона. Субъективные оценки качества и доступности здравоохранения сочетались с опытом получения медицинской помощи жителями регионов в 2023 году.

Результаты

Предварительный анализ государственной политики в области здравоохранения РФ позволил подтвердить наличие тенденции к выравниванию подушевых показателей финансового обеспечения здравоохранения в регионах РФ, а также наличия регионов с резко выделяющимися из общего распределения значениями показателей. К регионам с выделяющимися значениями показателей отнесены города Санкт-Петербург и Москва как крупнейшие мегаполисы, отличающиеся плотностью населения и обеспеченностью ресурсами здравоохранения, где удельные показатели значительно превосходят другие регионы страны. В дальнейшем эти регионы были отнесены к 4 группе с высокой степенью обеспеченности и доступности здравоохранения.

В результате анализа для полученного набора данных были выбраны 5 кластеров (групп), среди которых 3 сравнительно крупных кластера (группы) включают 80% регионов и 2 небольших кластера (группы). В каждый кластер вошли регионы с близкими значениями признаков (рис. 2). Содержательная интерпретация объединяющих характеристик каждой группы регионов позволяет выделить региональные особенности и их влияние на доступность здравоохранения в регионах. Для характеристики

⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Стат. сб. / Росстат. – Москва, 2023. – 1126 с.; Итоги Выборочного наблюдения качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения в 2023 году // Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (дата обращения: 02.04.2026).

⁷ Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения 2023 // Росстат. – URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/GKS_KDU_2023/index.htm (дата обращения: 02.04.2026).

Таблица 1

Перечень переменных

Table 1

Set of variables

Показатели		Минимум	Максимум	Медиана	РФ
v1	Название регионов России (81 регион)	-	-	-	-
v2	Граница бедности в среднем на душу (рубль)	11548	27685	13823	14339
v3	ВРП на душу населения (в текущих ценах, тыс. рублей)	306	11995	715	1073,7
v4	Среднедушевые денежные доходы (рублей/месяц)	25619	156988	42684	53579
v5	Розничные продажи алкогольной продукции на душу населения (в литрах этанола)	1,0	11,8	6,9	7
v6	Потребительские расходы в среднем на душу населения (рублей/месяц)	17547	56231	32507	41231
Показатели здравоохранения региона					
v7	Среднедушевые расходы консолидированного бюджета на здравоохранение (рублей/человека)	3081	82639	9180	13448
v8	Расходы бюджета ТФОМС в пересчёте на население (руб./чел.)	13410	84302	18229	20422
v9	Численность врачей всех специальностей (человек/10тыс. населения)	31,7	76,4	48,5	52
v10	Смертность населения трудоспособного возраста (человек на 100 тыс. населения соответствующего возраста)	199,8	976,3	645,1	558
v11	Число обращений за медицинской помощью (за 12 мес., %)	29,0	84,4	65,2	63,2
Проблемы медобслуживания на основе опыта пациентов (за год)					
v12	Отказ в оказании медицинской помощи (%)	0,0	3,0	0,2	0,4
v13	Плохая организация приёма пациентов (%)	0,3	27,0	6,0	7,3
v14	Плохое качество медицинской помощи (%)	0,0	21,5	3,1	4,7
v15	Проблемы с льготным лекарственным обеспечением (%)	0,0	8,7	1,3	1,7
v16	Проблема плохого отношения со стороны медицинского персонала (%)	0,0	14,6	2,4	3,2
v17	С проблемами не сталкивались (%)	42,2	98,3	86,2	82,3
Мнение пациентов о наличии проблем медобслуживания					
v18	Характер изменения качества медицинского обслуживания (лучше/хуже, %)	2,7	44,9	22,5	22,0
v19	Увеличение объёма платной медицинской помощи как негативное явление в медобслуживание (%)	33,3	98,4	84,3	80,0
v20	Высокая стоимость лекарств как негативное явление в медобслуживание (%)	72,4	99,8	95,8	93,8
v21	Снижение качества медицинского обслуживания как негативное явление в медобслуживание (%)	24,3	82,1	56,8	54,7
v22	Отсутствие правовой защиты пациента как негативное явление в медобслуживание (%)	15,4	81,6	44,8	44,3
v23	Недостаточное количество хорошо оснащённых поликлиник как негативное явление в медобслуживание (%)	18,5	87,3	55,3	54,3
v24	Недостаточное количество хорошо оснащённых больниц как негативное явление в медобслуживание (%)	16,5	87,0	56,3	54,0
v25	Невнимательное отношение медицинского персонала как негативное явление в медобслуживание (%)	11,7	70,1	43,9	42,7
v26	Недостаточно высокая квалификация медперсонала как негативное явление в медобслуживание (%)	25,7	70,0	47,4	47,3

Показатели		Минимум	Максимум	Медиана	РФ
v27	Усложнение процедуры записи на прием к врачу (%)	27,1	91,6	56,7	53,7
v28	Дефицит лекарств, трудно найти в продаже необходимые лекарства и медикаменты (%)	8,9	56,5	29,7	29,7
v29	Нехватка среднего медицинского персонала (%)	13,0	65,1	37,3	36,7
v30	Мало и низкоэффективная медпомощь, полученная в организациях первичного звена (%)	0,7	25,5	11,7	11,3
v31	Неудовлетворенность работой поликлиники (%)	31,7	89,0	63,9	60,7

Источник: составлено автором.

каждой группы проведён анализ средних значений переменных по кластерам (группам) включая некоторые дополнительные показатели из изначального набора данных (табл. 2). Среди характеристик, влияющих на доступность здравоохранения в регионах, рассматривались состояние здоровья населения, нагрузка на медицинские учреждения, проблема коммерциализации медицины, проблемы медобслуживания на основе опыта пациентов, мнение пациентов о наличии проблем медобслуживания, а также финансовая обеспеченность и благосостояние населения регионов.

Первая группа регионов характеризуется как наиболее благополучная с точки зрения доступности медуслуг. В этой группе наибольшая доля респондентов не сталкивалась с проблемами здравоохранения, негативное мнение о проблемах здравоохранения высказывалось реже, чем в других группах. В целом негативное мнение соответствует проблемам здравоохранения, с которыми сталкивались респонденты в предшествующий период. Среди таких проблем рост платного обслуживания и проблема лекарственного обеспечения. При этом, несмотря на удовлетворённость здравоохранением в группе высокая доля медпомощи за счёт собственных средств, что вызывает затруднения у отдельных домохозяйств. Это следствие низкого уровня благосостояния населения и ограничений бюджетов регионального здравоохранения. По мнению респондентов, качество медобслуживания хуже не становится. В поликлиниках и госпиталях недовольство вызывают неофициальные и дополнительные платежи. Транс-

портная доступность поликлиник также является негативным фактором.

Вторая группа регионов характеризуется как недовольная доступностью медуслуг. Средняя доля респондентов столкнулась с проблемами здравоохранения, тогда как негативное мнение о проблемах здравоохранения высказывалось на высоком уровне. Негативное мнение представителей группы не соответствует проблемам, с которыми сталкивались пациенты в исследуемый период. Высокое число респондентов оплатили услуги, которые должны быть оказаны бесплатно в рамках программы ОМС. При этом негативное мнение большого числа респондентов коснулось почти всех указанных проблем здравоохранения. Наиболее негативно оценили проблемы записи на приём к врачу и нехватку соответствующего медперсонала. На фоне максимально негативной самооценки здоровья и невысокого благосостояния в группе больше всего востребованы платные медуслуги. Нехватка средств на оплату медуслуг способствует ограничению остальных расходов населения или отказу от оплаты помощи. При этом формируется негативное отношение к коммерциализации медицины, низкому качеству бесплатного медобслуживания и проблеме удалённости медучреждений. Высокое число респондентов группы отметило продолжающееся ухудшение качества медобслуживания.

Третья группа регионов характеризуется как максимально проблемная и наиболее негативная по отношению к доступности здравоохранения. Несмотря на востребованность платных медуслуг на среднем

Рис. 2. Группы регионов РФ по оценкам доступности услуг здравоохранения

Fig. 2. Clustering of Russian regions by affordability of healthcare services

Источник: расчёты автора.

уровне, наибольшее число респондентов столкнулось с проблемами здравоохранения практически по всем пунктам, отмеченным в вопроснике. Это не только проблемы оплаты бесплатных медуслуг, льготного лекарственного обеспечения и плохого качества медобслуживания, но и отказ в оказании медпомощи, плохая организация приёма пациентов и плохое отношение медперсонала.

Четвертая группа регионов характеризуется как наименее проблемная по доступности здравоохранения, с высокой долей платного медобслуживания и относительно благополучным населением. Высокие значения подушевых показателей финансирования регионального здравоохранения при высокой нагрузке на медучреждения и низкой доле медпомощи за счёт собственных средств. Обеспеченное население не испытывает проблем с получением платных медуслуг и обращается к ним из-за экономии времени. Несмотря на высокое число обращений, минимальное число респондентов столкнулось с проблемами низкого качества услуг, плохого отношения медперсонала и льготного лекарственного обеспечения. Плохую организацию мед-

помощи и отказ в оказании медуслуг отметили среднее число респондентов. Мнение о проблемах доступности здравоохранения в группе наименее негативно. Низкое число тех, кто отметил ухудшение качества здравоохранения.

Пятая группа регионов характеризуется как удалённые регионы с дефицитом отдельных медуслуг и низкой плотностью населения. Подушевые показатели финансирования здравоохранения максимальны, но при этом наибольшая смертность и заболеваемость. Высокий уровень благосостояния не способствует использованию платных медуслуг при максимальной их востребованности, что объясняется их дефицитом в местах проживания. Несмотря на относительно благополучные подушевые показатели обеспеченности здравоохранения, с проблемами, указанными в вопроснике, столкнулось высокая доля респондентов. Негативное мнение о здравоохранении высказывалось преимущественно о квалификации персонала, дефиците лекарств, и в меньшей степени о снижении качества медпомощи, нехватке медперсонала и недостаточной оснащённости медучреждений. Доступность здравоохранения в дан-

Таблица 2

Основные характеристики полученных групп и средних значений показателей

Table 2

Table of group characteristics and average values of indicators

	Расположение на территории РФ				
	1 группа: Относительно здоровы и довольны местным здравоохранением, но малообеспеченные (25 регионов)	2 группа: Недовольные здравоохранением, относительно бедные регионы (26 регионов)	3 группа: Наиболее проблемные и недовольные здравоохранением (17 регионов)	4 группа: Без проблем в здравоохранении, обеспечены с высокой долей платной медицины (25 регионов)	5 группа: Удалённые регионы, с дефицитом отдельных медуслуг (7 регионов)
	Финансовая обеспеченность регионального здравоохранения				
	Южная часть России (СКФО, ПФО).	Западная часть России (СЗФО, ЦФО, СФО, ДФО и ЮФО) и в Сибирском ФО.	Регионы СЗФО, ЦФО, СФО, ДФО и ПФО.	Регионы СЗФО, УФО и ЦФО (Москва).	Регионы СФО и УФО.
	Удельные показатели ВРП, расходов консолидированного бюджета на здравоохранение, расходов бюджета ТФОМС выше минимальных значений при высокой плотности населения.				
	Удельные показатели ВРП, расходов консолидированного бюджета на здравоохранение, расходов бюджета ТФОМС выше минимальных значений при высокой плотности населения.	Удельные показатели ВРП, расходов консолидированного бюджета на здравоохранение, расходов бюджета ТФОМС выше минимальных значений при высокой плотности населения.	Удельные показатели ВРП, расходов консолидированного бюджета на здравоохранение, расходов бюджета ТФОМС на среднем уровне среди групп при средней плотности населения.	Удельные показатели ВРП, расходов консолидированного бюджета на здравоохранение, расходов бюджета ТФОМС высокие среди групп при низкой плотности населения.	Удельные показатели ВРП, расходов консолидированного бюджета на здравоохранение, расходов бюджета ТФОМС максимальны среди групп при низкой плотности населения.
v7	7787 (рублей/человека)	8751 ((рублей/человека)	10594 ((рублей/человека)	19426 (рублей/человека)	54593 (рублей/человека)
v8	15900 (рублей/человека)	16459 (рублей/человека)	19083 (рублей/человека)	23549 (рублей/человека)	50483 (рублей/человека)
	Состояние здоровья населения				
	Наименьшие значения смертности среди регионов, с высоким значением ожидаемой продолжительности здоровой жизни. Низкие показатели заболеваемости, хронизации болезней. В группе представлены регионы с плохой самооценкой здоровья, значение показателя выше среднего.	Низкие значения смертности при средней ожидаемой продолжительности здоровой жизни. В группе максимально негативная самооценка состояния здоровья. При этом значения показателя заболеваемости минимальны среди других групп, тогда как наличие хронических заболеваний выше среднего.	Высокие значения смертности среди регионов при высокой ожидаемой продолжительности здоровой жизни. Группа с самооценкой здоровья, близкой к среднему. При этом значения заболеваемости высокие среди групп, тогда как хронические заболевания и инвалидность имеют среднее значение.	Средние значения смертности при низкой ожидаемой продолжительности здоровой жизни. Группа с самооценкой здоровья, близкой к среднему. При этом значения заболеваемости высокие среди групп, тогда как хронические заболевания и инвалидность имеют среднее значение.	Максимальные значения смертности при минимальной ожидаемой продолжительности здоровой жизни. Группа с высокой самооценкой здоровья, значение минимально. Значения заболеваемости максимальны среди групп, но хронические заболевания и инвалидность на минимальных значениях.
v10	551 (человек на 100 тыс.)	604 (человек на 100 тыс.)	647 (человек на 100 тыс.)	610 (человек на 100 тыс.)	673 (человек на 100 тыс.)
v5	5,4 л	6,6 л	8,0 л	8,7 л	9,5 л
	Нагрузка на медицинские учреждения				
	Низкое значение обращений за медицинской помощью и нагрузка на медицинские учреждения.	Среднее значение обращений за медицинской помощью и нагрузка на медицинские учреждения.	Максимальное значение обращений за медицинской помощью и нагрузка на медицинские учреждения.	Высокое значение обращений за медицинской помощью, как и нагрузка на медицинские учреждения.	Минимальное значение обращений за медицинской помощью, как и нагрузка на медицинские учреждения.
v11	61,9%	62,5%	72,1%	65,3%	58,3%

Благосостояние населения				
	Максимальная доля малоимущих, с доходами ниже ПМ. Наименьшие среднее денежные доходы. При этом расходы домохозяйств на здравоохранение на среднем уровне.	Высокая доля малоимущих, с доходами ниже ПМ. Средние денежные доходы выше, чем в первой группе. При этом высокие расходы домохозяйств на здравоохранение.	Средняя доля малоимущих, с доходами ниже ПМ. Средние денежные доходы на среднем уровне среди групп. При этом доля расходов домохозяйств на здравоохранение максимальна.	Низкая доля малоимущих, с доходами ниже ПМ. Средние денежные доходы выше среднего уровня среди групп. При этом доля расходов домохозяйств на здравоохранение ниже среднего.
v6	26805 (рублей/месяц)	28187 (рублей/месяц)	30664 (рублей/месяц)	36802 (рублей/месяц)
v4	32410 (рублей/месяц)	34448 (рублей/месяц)	37563 (рублей/месяц)	48139 (рублей/месяц)
Проблемы медобслуживания на основе опыта пациентов				
	Максимальная доля респондентов с проблемами не сталкивались. Средняя доля тех, кто сталкивался с проблемами льготных лекарств и платных услуг. Остальные значения низки или минимально. Качество медобслуживания значимо хуже не становиться, наименьшее значение среди групп.	Высокая доля столкнувшихся с проблемой оплаты бесплатных услуг. Средняя доля тех, кто сталкивался с проблемами из-за низкого качества медицинской помощи и плохого отношения медперсонала. Качество медобслуживания становится хуже, значение выше среднего среди групп.	Максимум столкнувшихся с отказом в оказании медпомощи, плохой организацией приёма, оплатой платных услуг, плохим качеством помощи, проблемами с льготными лекарствами, плохим отношением медперсонала. Минимум тех, кто с проблемами не сталкивался.	Минимальная доля респондентов столкнувшихся с плохим качеством помощи, проблемами с льготными лекарствами, плохим отношением медперсонала, отказом в оказании помощи и плохой организацией приёма. Низкая доля тех, кто с проблемами не сталкивался.
v13	5,5%	5,6%	13,4%	6,3%
v14	3,3%	3,9%	8,7%	2,7%
v15	1,7%	1,6%	2,3%	1,6%
v17	87,2%	84,4%	71,3%	86,0%
Мнение пациентов о наличии проблем медобслуживания				
	Негативные явления в медобслуживании отметили: среднее часто: рост платного обслуживания, проблемы записи к врачу и стоимости лекарственных обеспечения. Остальные отметили низко. В поликлиниках и госпитальных учреждениях вызывают неофициальные и дополнительные платежи, а также, транспортная доступность.	Негативные явления в медобслуживании отметили: максимально часто: сложность записи на приём к и нехватку медицинского персонала. Отметим увеличение платных услуг, высокую стоимость лекарств, снижение качества обслуживания, недостаточную оснащённость медперсонала, отсутствие правовой защиты и дефицит лекарств.	Негативные явления в медобслуживании отметили: максимальное часто: увеличение платной медпомощи, высокую стоимость лекарств, снижение качества помощи, отсутствие правовой защиты, слабую оснащённость поликлиник и больниц, невидительность медперсонала. Также часто отметили сложность записи на приём, нехватку медперсонала и его квалификации.	Негативные явления в медобслуживании отметили: среднее часто: снижение качества помощи, отсутствие правовой защиты, недостаточную оснащённость поликлиник и больниц, невидительность медперсонала и дефицит лекарств. Остальные отметили низко и минимально.
v19	82,5%	85,3%	89,3%	65,9%
v21	48,0%	62,5%	66,1%	40,8%
v26	41,1%	52,4%	54,7%	35,8%
v27	48,9%	61,4%	60,6%	47,4%
v28	25,8%	35,5%	29,0%	21,0%
v29	30,1%	45,2%	44,0%	24,7%

Источник: составлено автором.

ной группе регионов стала жертвой географической удалённости и низкой плотности расселения, где медицинская инфраструктура не всегда способна обеспечить доступное качество и доступность медуслуг.

Государственное регулирование стремиться к выравниванию обеспечения медицинской помощью, что затруднено в условиях дальних и малонаселённых пунктов. Регионы Крайнего Севера представлены почти во всех группах по доступности здравоохранения в РФ (кроме первой): 7 регионов вошли в пятую группу, 6 — в наиболее благополучную четвёртую группу, по 5 регионов Крайнего Севера оказались в проблемной третьей группе и недовольной второй группой. Это подтверждает важность географического фактора и плотности расселения для обеспечения доступности и всеобщего охвата услугами здравоохранения.

Обсуждение

Неравномерность расселения меняет спрос на медуслуги, а также кадровое и техническое обеспечение медицинских учреждений в районах страны. При малой плотности населения и удалённости пациентов от медицинских учреждений неизбежны дополнительные затраты на стационарную инфраструктуру учреждений здравоохранения в малонаселённых пунктах. Такие затраты ухудшают подушевые показатели здравоохранения снижая общую эффективность в границах административно-территориального деления. В условиях низкой плотности населения на территории региона доступность здравоохранения значительно дифференцирована в местах расселения. Удельные показатели в пересчёте на население не способны дать исчерпывающую информацию об охвате медуслугами в удалённых поселениях. Субъективные оценки жителей этих поселений учитывают существующую дифференциацию качества и доступности медуслуг. Кроме того, демографические показатели населения в районах, где больше молодого и здорового населения, также оказывают влияние на оценки доступности услуг здравоохранения.

Оптимизация затрат через маршрутизацию пациентов и интенсификацию протоколов лечения не улучшает доступность, создавая при этом устойчивые негативные представления населения о проблемах российского здравоохранения (регионы 5 группы). Плохое здоровье и ограниченные финансовые возможности оказывают влияние на доступность медицинских услуг в недовольных регионах. Важную роль в оценках доступности играет субъективное восприятие пациентов, которое не всегда отражает реальный опыт получения медицинских услуг (регионы 2 группы). Тем не менее, потеря доверия пациентов к системе здравоохранения становится барьером в обеспечении доступности, когда пациенты недооценивают ухудшение своего здоровья. Попытки поиска баланса между набором оказываемых медицинских услуг и адресностью медицинской помощи не способствуют изменению доступности услуг здравоохранения в лучшую сторону.

Рассматривая показатели субъективной оценки доступности здравоохранения, мы использовали их сравнительные значения для оценки региональных различий, не стремясь ранжировать регионы по уровню проблем и негативных оценок здравоохранения. Для пациентов доступность субъективна и включает множество составляющих, где экономический аспект связан со спросом на платные медицинские услуги. Во многих работах дифференциация регионов осуществляется на основе статистических показателей финансовой обеспеченности, объёма оказанных услуг и наличия ресурсов здравоохранения. Изменения здоровья населения и ожидаемой продолжительности жизни являются индикаторами эффективности региональной политики здравоохранения [12]. Но целевой аудиторией проводимой политики является население. Оценки пациентами доступности и качества здравоохранения показывают их отношение к политике охраны здоровья в регионах. Полученные межрегиональные различия не в полной мере учитывают недовольство различных групп респондентов внутри регионов.

Заключение

Международные подходы к оценке эффективности здравоохранения рассматривают изменение здоровья населения и доступность медицинских услуг в качестве основных показателей. В то время как российские власти стремятся оценивать эффективность социальной политики через производительность труда⁸. По мнению главы Минэкономразвития РФ, «доступность — это важно, но это одно из направлений, а надо заниматься ещё эффективностью»⁹, что подразумевает некоторую оценку «выработки на человека». Данный подход в большей степени учитывает объём работы, осуществляемой врачом, чем её результативность, выраженную в приросте здоровья или дополнительного времени жизни. Повышение эффективности через рост нагрузки и нормы выработки на врачей также не способствуют улучшению оценок качества и доступности здравоохранения. Страдает социальное восприятие доступности и качества услуг здравоохранения, при увеличении нагрузки на ме-

дицинский персонал. Представляется, что подобный учёт преследует в большей степени бюджетные цели, чем системную долгосрочную работу над улучшением здоровья россиян. При этом абсолютные значения числа недовольных услугами российского здравоохранения к общему числу пациентов не велики. Коммерческая медицина не привлекает большое количество пациентов. Амбулаторный и госпитальный сегменты покрываются медуслугами по программам ОМС. Использование личных средств для целей здравоохранения не превышает уровней катастрофических расходов, хотя преимущественно исключённые из ОМС лекарственное обеспечение и стоматология резко увеличивают эти расходы.

В процессе реформы российского здравоохранения реализуемые планы столкнулись с неравномерностью развития медицинских учреждений в регионах, негативными демографическими трендами и ростом фактических затрат на услуги здравоохранения. Государственное регулирование стремится к выравниванию обеспечения медицинской помощью, в том числе устанавливая подушевые нормативы финансирования с учётом особенностей регионов. Но возможности медицинских учреждений не позволяют в полной мере обеспечить всеобщий охват услугами здравоохранения, обуславливая региональные различия в оценках здравоохранения.

⁸ Путин призвал повысить производительность труда в социальной сфере // РИА Новости. — URL: <https://ria.ru/amp/20240229/sotssfera-1930281050.html> (дата обращения: 29.02.2025).

⁹ Виноградова Е., Овчинникова Ю. Власти оценят производительность труда врачей и учителей // РБК, Экономика. — URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/10/2024/6710c50d9a7947424da3e1f2> (дата обращения: 17.02.2025).

Литература и Интернет-источники

1. **Kessides, I.** Toward Defining And Measuring The Affordability Of Public Utility Services / I. Kessides, R. Miniaci, C. Scarpa, P. Valbonesi // Policy Research Working Papers. — 2009. — P. 3. DOI: 10.1596 / 1813-9450-4915
2. **Himmelstein, D.U.** Medical Bankruptcy In The United States, 2007: Results of a National Study. / D.U. Himmelstein, D. Thorne, E. Warren, S. Woolhandler // The American Journal of Medicine. — 2009. — No. 122(8). — P. 741–746. DOI: 10.1016 / j.amjmed.2009.04.012
3. **Дайхес, А.Н.** Обзор российских и зарубежных подходов к формированию государственных гарантий бесплатной медицинской помощи / А.Н. Дайхес, Д.В. Федяев // ФАРМАКОЭКОНОМИКА. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. — 2017. — Т. 10. — № 3. — С. 59–65. DOI: 10.17749 / 2070-4909.2017.10.3.059-065; EDN: ZTUQA]
4. **Орлов, К.О.** Проблемы реализации прав граждан в сфере лекарственного обеспечения / К.О. Орлов // Социально-политические науки. — 2018. — № 3. — С. 124–126. EDN: XSRPUD

5. **Зарубина, О.А.** Факторы и значение частных расходов в здравоохранении / О.А. Зарубина, Н.Н. Сисигина // ФАРМАКОЭКОНОМИКА. Современная фармакоэкономика и фармакоэпидемиология. — 2016. — № 4. — С. 24–30. EDN: VWVSVE
6. **Ху, К.** Household catastrophic health expenditure: a multicountry analysis / K. Xu, D. B. Evans, K. Kawabata, [и др.] // The Lancet. — 2003. — Vol. 362. — No. 9378. — P. 111–117. DOI: 10.1016 / S0140-6736(03)13861-5
7. **Каткова, И.П.** Российское здравоохранение в контексте задач достижения всеобщей доступности услуг здравоохранения к 2030 году / И.П. Каткова // Народонаселение. — 2020. — Т. 25. — № 1. — С. 135–147. DOI: 10.19181 / population.2020.25.1.11; EDN: HAIQUZ
8. **Wagstaff, A.** Catastrophe and impoverishment in paying for health care: with applications to Vietnam 1993–1998. / A. Wagstaff, E. van Doorslaer // Health Economics. — 2003. — Vol. 12 — No. 11. — P. 921–933. DOI: 10.1002 / hec.776
9. **Шишкин, С.В.** Частный сектор здравоохранения в России: состояние и перспективы развития / С.В. Шишкин, Е.Г. Потапчик, Е.В. Селезнева // Вопросы экономики. — 2013. — № 4. — С. 94–112. EDN: PYATTN
10. **Давитадзе, А.П.** Обращения в государственные и частные медицинские организации: выбор пациентов / А.П. Давитадзе, Е.А. Александрова // Народонаселение. — 2023. — Т. 26. — № 2. — С. 139–152. DOI: 10.19181 / population.2023.26.2.12; EDN: YEDGYO
11. **Восколович, Н.А.** Доступность услуг здравоохранения как основа социальной защищённости населения / Н.А. Восколович // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 2. — С. 87–96. DOI: 10.19181 / population.2021.24.2.8; EDN: KKSBLJ
12. **Шибалков, И.П.** Подходы к совершенствованию региональной политики в сфере охраны здоровья населения / И.П. Шибалков // Народонаселение. — 2017. — № 3. — С. 144–158. DOI: 10.26653 / 1561-7785-2017-3-11; EDN: ZWTFLR

Сведения об авторе:

Тимаков Иван Всеволодович, к.э.н., научный сотрудник, Институт экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: ivanvseti@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7525-2793; ПИНЦ SPIN-код: 9154–3732.

DOI: DOI: 10.24412/1561–7785–2026–2-175-189

ECONOMIC AFFORDABILITY OF HEALTHCARE SERVICES IN RUSSIAN REGIONS

Ivan V. Timakov

*Institute of Economics of the Karelian Research Center RAS
(50 Aleksandra Nevskogo prospekt, Petrozavodsk, Russia, 185030)*

E-mail: ivanvseti@gmail.com;

Funding:

The study was carried out within the framework of the state task of the Karelian Research Center RAS «Comprehensive study and elaboration of management principles for sustainable development of Russia's northern and borderland areas in the context of global challenges».

For citation:

Timakov I.V. Economic affordability of healthcare services in Russian regions. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 175–189. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-175-189 (in Russ.)

Abstract. *The article studies the affordability of healthcare services in the Russian regions. Uneven development of medical institutions, personnel shortages, negative demographic trends, rising costs, and social stratification are changing the availability of medical services in the regions of the Russian Federation. The greatest complaints today are caused by the commercialization of medicine, low quality of medical services, and legal insecurity of compulsory medical insurance patients. Using statistical method (Ward's hierarchical cluster analysis), a typology of Russian regions by affordability of healthcare in 2023 was constructed based on statistical observations of the quality and accessibility of healthcare services and other regional indicators. The variables included indicators of the regional economy and population, health, healthcare financing, provision of medical services and subjective assessments of healthcare problems. 30 variables in total. Analysis of the affordability of medical services showed differentiation of regions by 5 groups: 1 — the most prosperous, 2 — urbanized and dissatisfied, 3 — the most problematic and the most negative, 4 — the least problematic, 5 — remote regions with a deficit of certain medical services and low population density. In the regions, in conditions of low population density, the affordability of healthcare is significantly differentiated in places of settlement. Attempts to find a balance between the range of medical services and the targeting of medical care contribute to changes in their affordability. At the same time, the absolute number of people dissatisfied with Russian healthcare services is not large. Commercial medicine does not attract a large number of patients. During the reform of Russian healthcare, the plans implementation faced unequal development of regional medical institutions, negative demographic trends and growth of actual healthcare costs. However, inequality in demand for medical services and resources of regional medical institutions do not allow for full provision of universal health care, causing regional differences in health care assessments.*

Keywords: *affordability, healthcare, medical services, regional differentiation, typology.*

References and Internet sources

1. Kessides I., Miniaci R., Scarpa C., Valbonesi P. *Toward Defining and Measuring the Affordability of Public Utility Services*. World Bank policy research working paper 4915. 2009. P. 3.
2. Himmelstein D. U., Thorne D., Warren E., Woolhandler S. *Medical bankruptcy in the United States, 2007: Results of a National Study*. *The American Journal of Medicine*. 2009. No. 122(8). P. 741-746.
3. Daikhes A. N., Fedyaev D. V. *Obzor rossiyskikh i zarubezhnykh podkhodov k formirovaniyu gosudarstvennykh garantiy besplatnoy meditsinskoy pomoshchi* [Provision of free medical care in Russia and elsewhere: review of regulatory and legal aspects]. *FARMAKOEKONOMIKA* [FARMAKOECONOMICS. *Modern Pharmacoeconomics and Pharmacoepidemiology*]. 2017. Vol. 10. No. 3. P. 59–65. DOI: 10.17749/2070-4909.2017.10.3.059-065 (in Russ.)
4. Orlov K. O. *Problemy realizatsii prav grazhdan v sfere lekarstvennogo obespecheniya* [Problems of execution of rights to drugs supply]. *Sotsialno-politicheskiye nauki* [Sociopolitical Sciences]. 2018. No. 3. P. 124–126. (in Russ.)
5. Zarubina O. A., Sisigina N. N. *Faktory i znachenie chastnykh raskhodov v zdravookhraneni* [Factors and effects of private health spending]. *FARMAKOEKONOMIKA* [FARMAKOECONOMICS. *Modern Pharmacoeconomics and Pharmacoepidemiology*]. 2016. No. 4. P. 24–30. (in Russ.)
6. Xu K., Evans D. B., Kawabata K., et al. *Household catastrophic health expenditure: a multicountry analysis*. *The Lancet*. 2003. Vol. 362. No. 9378. P. 111–117.
7. Katkova I. P. *Rossiyskoye zdravookhraneniye v kontekste zadach dostizheniya vseobshchej dostupnosti uslug zdravookhraneniya k 2030 godu*. [Russian healthcare in the context of achieving universal access to health services by 2030] *Narodonaselenie*. [Population]. 2020. Vol. 23. No. 1. P. 135–147. (in Russ.)
8. Wagstaff A., Doorslaer E. van. *Catastrophe and impoverishment in paying for health care: with applications to Vietnam 1993–1998*. *Health Economics*. 2003. Vol. 12. No. 11. P. 921–933.

9. Shishkin S. V., Potapchik E. G., Selezneva E. V. Chastnyy sektor zdravookhraneniya v Rossii: sostoyaniye i perspektivy razvitiya [Private health care sector in Russia: present state and development prospects]. *Voprosy Ekonomiki* [Issues of Economics]. 2013. No. 4. P. 94–112. (in Russ.)
10. Davitadze A. P., Aleksandrova E. A. Obrashcheniya v gosudarstvennye i chastnyye meditsinskiye organizatsii: vybor patsientov [Utilization of public and private healthcare facilities: patient choice] *Narodonaselenie*. [Population] 2023. Vol. 26. No. 2. P. 139–152. (in Russ.)
11. Voskolovich N. A. Dostupnost' uslug zdravookhraneniya kak osnova sotsial'noj zashchishchonnosti naseleniya [Availability of healthcare services as the basis for social protection of population] *Narodonaselenie*. [Population] 2021. Vol. 24. No. 2. P. 87–96. (in Russ.)
12. Shibalkov I. P. Podkhody k sovershenstvovaniyu regional'noj politiki v sfere okhrany zdorov'ya naseleniya [Approaches to improvement of the regional policy in the sphere of health protection] *Narodonaselenie*. [Population]. 2017. No. 3. P. 144–158. (in Russ.)

Information about the author:

Timakov Ivan Vsevolodovich, Candidate of Economics, Researcher, Institute of Economics of the Karelian Research Center RAS, Petrozavodsk, Russia.

Contact information: e-mail: ivanvseti@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7525-2793; Elibrary SPIN-code: 9154–3732.

Статья поступила в редакцию 03.06.2025, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-190-202
EDN: EGD LNA

КАДРОВЫЙ ДЕФИЦИТ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: РИСКИ ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Киварина М. В.¹, Бабаева З. Ш.^{2*}, Дохолян С. В.³

¹Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого
(173003, Россия, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41)

²Дагестанский государственный университет
(367000, Россия, Махачкала, ул. Магомета Гаджиева, 41)

³ИСЭПН ФНИСЦ РАН
(117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5)

*E-mail: bzsh2020@yandex.ru

Для цитирования:

Киварина М.В., Бабаева З.Ш., Дохолян С.В. Кадровый дефицит в цифровую эпоху: риски для регионального технологического развития // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 2. — С. 190-202.
DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-2-190-202; EDN: EGD LNA

Аннотация. В статье исследуется проблема дефицита квалифицированных кадров в условиях цифровой трансформации экономики российских регионов и его влияние на технологический суверенитет. Актуальность исследования обусловлена тем, что кадровый дефицит в IT-сфере, приобретающий выраженную региональность, трансформируется из отраслевой проблемы в стратегическую угрозу национальной безопасности России, поскольку препятствует технологическому развитию регионов. Целью исследования является комплексный анализ проблемы кадрового дефицита в цифровой сфере на региональном уровне, выявление его структурных характеристик, а также систематизация рисков, связанных с дефицитом IT-специалистов в регионах. Проанализированы межрегиональные различия в обеспеченности цифровыми компетенциями, выявлены основные факторы углубления кадрового разрыва и риски для технологического развития территорий. Методы проведения работ — сравнительный анализ (для оценки межрегиональных различий); статистический анализ (расчёт показателей динамики, структуры и вариации); кластерный анализ (для типологизации регионов по уровню кадровой обеспеченности цифровой экономики); экспертные оценки (для квалификации рисков и формирования рекомендаций). Новизна работы состоит в обосновании необходимости формирования региональных стратегий развития цифровых компетенций персонала. По результатам исследования сделан вывод, что кадровый дефицит в цифровой экономике, усугублённый региональной дифференциацией, представляет собой угрозу технологическому суверенитету страны. Преодоление данной угрозы требует перехода от отраслевых к территориально-ориентированным решениям, нацеленным на сглаживание пространственных дисбалансов на рынке труда и создание в регионах устойчивой экосистемы для воспроизводства и удержания IT-кадров.

Ключевые слова: регионы, технологическое развитие, цифровые компетенции персонала, дефицит человеческого капитала, цифровизация.

В условиях геополитической турбулентности и усиления санкционного давления на Россию вопрос технологического суверенитета приобретает критическое значение для обеспечения национальной безопасности и устойчивого социально-экономического развития. Технологический суверенитет представляет собой способность государства самостоятельно создавать, развивать и контролировать критически важные технологии. Достижение этой цели невозможно без наличия достаточного количества квалифицированных специалистов, обладающих актуальными цифровыми компетенциями. Проблема кадрового дефицита в сфере информационных технологий и цифровой экономики приобретает особую остроту на региональном уровне. Если в столичных агломерациях наблюдается концентрация высококвалифицированных кадров, то большинство российских регионов сталкивается с масштабным оттоком специалистов, старением кадрового состава, недостаточным уровнем подготовки выпускников образовательных учреждений и отставанием программ профессионального развития от требований цифровой экономики. По данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, по состоянию на 2023 г. дефицит IT-специалистов в России составлял от 500 до 700 тыс. человек¹. При этом региональная асимметрия в распределении кадров усугубляет проблему: около 60% специалистов в области информационных технологий сконцентрированы в столичных агломерациях, в то время как регионы Северного Кавказа, Сибири, Дальнего Востока испытывают критический недостаток таких кадров². Данная ситуация создаёт системные риски для регионального технологического развития, среди которых можно выделить: невозможность самостоятельной разработки и внедрения цифро-

вых решений; снижение конкурентоспособности региональной экономики; углубление цифрового неравенства; ограничение возможностей инновационного развития; утрата контроля над критически важной инфраструктурой.

Исследование базируется на междисциплинарном подходе, сочетающем методы экономической теории, региональной экономики, статистического анализа и теории управления человеческими ресурсами. В качестве методологической основы использованы концепции человеческого капитала, пространственного развития и институциональной экономики. Эмпирическую базу исследования составили данные Росстата, Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ, Министерства науки и высшего образования РФ, региональных органов статистики за период 2018–2023 годов. Также использованы результаты аналитических исследований НИУ ВШЭ, РАНХиГС, Центра стратегических разработок.

Методы, методология и информационная база исследования

Концепция технологического суверенитета получила развитие в научной литературе последних лет в связи с усилением глобальной конкуренции и фрагментацией мировой экономики. В работах отечественных исследователей (С.Ю. Глазьев [1], В.В. Ивантер [2], А.Н. Клепач [3]) технологический суверенитет рассматривается как ключевой элемент национальной безопасности и необходимое условие независимого развития страны. Технологический суверенитет предполагает наличие нескольких взаимосвязанных компонентов: научно-технологического потенциала (способность исследовательских коллективов, научных организаций, университетов и инновационных предприятий региона к генерации новых знаний и технологий); производственно-технической базы (возможность материализации технологий в продукты и услуги); кадрового потенциала (наличие специалистов, способных раз-

¹ Минцифры оценило дефицит кадров в IT-отрасли в 500–700 тыс. человек // Коммерсант. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6161948> (дата обращения: 10.01.2026).

² Более 60% выпускников IT-специальностей трудоустроены в крупных городах России // tek.fm. – URL: <https://news.tek.fm/news/348866> (дата обращения: 10.01.2026).

рабатывать и применять технологии); институциональной среды (система управления и регулирования технологического раз-

вития); инфраструктурного обеспечения (материально-техническая база для технологического развития) (рис. 1).

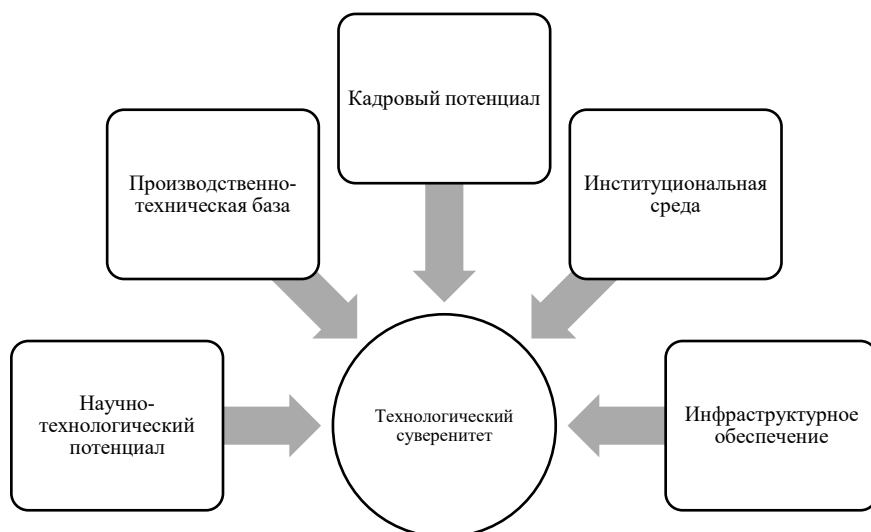

Рис. 1. Ключевые составляющие технологического суверенитета

Fig. 1. Key components of technological sovereignty

Источник: составлено авторами.

Теория человеческого капитала, разработанная Т. Шульцем³, Г. Беккером [4] и развитая другими исследователями, подчёркивает ключевую роль знаний, навыков и компетенций работников в обеспечении экономического роста и технологического прогресса. В условиях цифровой экономики значимость человеческого капитала многократно возрастает, поскольку именно люди являются создателями, носителями и пользователями цифровых технологий. Российские экономисты (Р. И. Капелюшников, И. М. Албегова, Т. Г. Леонова [5], В. Е. Гимпельсон [6], Н. В. Зубаревич [7]) отмечают специфические особенности формирования и распределения человеческого капитала в российских регионах: значительную дифференциацию качества образования; миграционный отток квалифицированных кадров из периферийных регио-

нов; несоответствие структуры подготовки кадров потребностям региональной экономики; ограниченные возможности непрерывного профессионального развития вне крупных городских центров.

Цифровые компетенции представляют собой особую категорию профессиональных навыков, актуальность которых экспоненциально возрастает в условиях цифровой трансформации экономики. Европейская рамка цифровых компетенций (DigComp) выделяет пять ключевых областей: информационная грамотность, коммуникация и кооперация, создание цифрового контента, безопасность, решение проблем. В контексте российских реалий исследователи (Н. В. Днепрова, И. В. Шевцова [8], Р. Д. Яценко [9], Э. Морган, Е. А. Князев [10]) дополняют эту структуру специфическими компетенциями, связанными с работой в условиях импортозамещения, использованием отечествен-

³ Schulz T. Investment in Human Capital // American Economic Review. – 1961. – № 1. – P. 1–17.

ного программного обеспечения и адаптацией к быстро меняющейся технологической среде. Особую значимость приобретают так называемые «сквозные» цифровые технологии, определенные в рамках национальной программы «Цифровая экономика РФ»: большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного реестра, квантовые технологии, новые производственные технологии, промышленный интернет, робототехника и сенсорики, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальности. Специалисты, владеющие компетенциями в этих областях, становятся критически важным ресурсом для обеспечения технологического суверенитета.

Результаты анализа кадрового обеспечения цифровой трансформации российских регионов

Анализ статистических данных за 2018–2023 гг. свидетельствует о нарастании проблемы дефицита квалифицированных кадров в цифровой сфере на региональном уровне. По данным исследования НИУ ВШЭ «Индикаторы цифровой экономики 2025» численность ИТ-специалистов ежегодно возрастает, за период 2019–2023 гг. её при-

рост составил 23,3%⁴ (рис. 2). Однако, доля организаций, испытывающих потребность в ИТ-специалистах, возросла с 38% в 2018 г. до 63% в 2023 году. При этом региональная дифференциация данного показателя составляет от 28% в Чеченской Республике до 78% в Москве.

Структура кадрового дефицита характеризуется следующими параметрами: 1) количественный дефицит: по оценкам Ассоциации предприятий компьютерных и информационных технологий (АПКИТ), общая потребность экономики в ИТ-специалистах составляет порядка 2,2–2,5 млн человек⁵, при этом фактическая численность занятых в секторе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) по данным Росстата на конец 2022 г. составила 1,8 млн человек; 2) квалификационный дефицит: даже при формальном наличии специалистов наблюдается несоответствие их компетенций требованиям работодателей. Согласно опросу российских ИТ-компаний, проведенному в 2023 г., только 43% выпускников профильных вузов обладают навыками, достаточными для начала работы без дополнительного обучения;

⁴ Индикаторы цифровой экономики: 2025: статистический сборник. – Москва: НИУ ВШЭ, 2025. – 120 с.

⁵ ИТ-кадры для цифровой экономики в России. – URL: https://apkit.ru/files/it-personnel%20research_2024_APKIT.pdf (дата обращения: 10.01.2026).

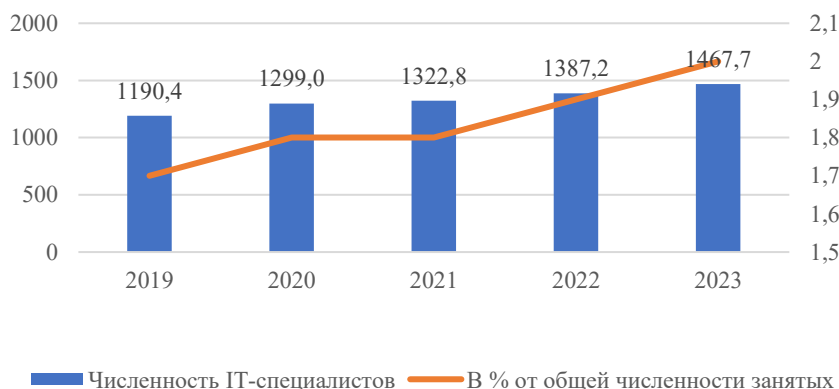

Рис. 2. Динамика численности ИТ-специалистов (в тыс. человек по левой шкале и % по правой)

Fig. 2. Dynamics of the number of IT specialists

Источник: индикаторы цифровой экономики: 2025, НИУ ВШЭ

3) структурный дефицит: наиболее острая нехватка кадров наблюдается в сегментах искусственного интеллекта и машинного обучения (дефицит 78%), кибербезопасности (дефицит 71%), анализа больших данных (дефицит 65%), разработки встроенных систем (дефицит 58%). Анализ распределения специалистов в области ИКТ по федеральным округам выявляет концентрацию

ресурсов в Центральном ФО. По данным на 2023 г., региональное распределение IT-специалистов характеризуется следующими показателями (табл. 1). Коэффициент вариации численности IT-специалистов по ФО составляет 1,87, что свидетельствует о крайне высокой степени пространственной неоднородности.

Таблица 1

Показатели регионального распределения IT-специалистов (2023)

Table 1

Indicators of the regional distribution of IT specialists (2023)

Федеральный округ (ФО)	Доля IT-специалистов от их общей численности в стране, %	Плотность IT-специалистов, человек на 1000 занятых	Средняя заработная плата, тыс. рублей
Центральный	52,3	18,4	185,0
Северо-Западный	17,8	13,7	142,0
Приволжский	11,4	5,8	98,0
Сибирский	8,9	4,7	87,0
Уральский	6,2	5,1	94,0
Южный	2,4	2,9	76,0
Дальневосточный	0,8	2,1	82,0
Северо-Кавказский	0,2	0,7	58,0

Источник: данные Росстата.

Анализ образовательной инфраструктуры выявляет существенные региональные диспропорции в подготовке специалистов для цифровой экономики. По данным Министерства науки и высшего образования РФ, в 2023 г. по направлениям подготовки, связанным с информационными технологиями, обучалось около 420 тыс. студентов в 387 вузах⁶. Распределение образовательных возможностей крайне неравномерно: в Центральном ФО сосредоточено 38% студентов IT-направлений, при этом ведущие технические вузы (МГТУ имени Н.Баумана, МФТИ, НИУ ВШЭ, МГУ) обеспечивают подготовку специалистов высокой квалификации. В Северо-Западном ФО обучается 19% студентов, при этом СПбГУ, ИТМО, СПбПУ формируют мощный кадровый резерв. В остальных федеральных округах наблюдается дефицит образовательных

программ высокого уровня, отставание материально-технической базы, недостаток преподавателей-практиков. Качественные характеристики подготовки также различаются: соотношение мест государственного финансирования к общему приему по IT-направлениям в регионах Центра составляет 58%, в то время как в регионах Дальнего Востока и Северного Кавказа — 38–42%. В системе среднего профессионального образования (СПО) наблюдается отставание программ от требований современной цифровой экономики. Только 23% учреждений СПО имеют программы, ориентированные на цифровые технологии. Материально-техническая база устарела в 67% учреждений СПО в регионах за пределами крупных агломераций⁷.

⁶ ВУЗы по информационным технологиям // TAdviser. — URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> Статья: ВУЗы по информационным технологиям (дата обращения: 10.01.2026).

⁷ Дудырев Ф.Ф., Анисимова К.В., Артемьев И.А. и др. Среднее профессиональное образование в России: ресурс для развития экономики и формирования человеческого капитала: аналитический доклад / — Москва: НИУ ВШЭ, 2022. — 100 с.

Одним из критических факторов углубления регионального кадрового дефицита является интенсивная миграция специалистов. Анализ данных показывает следующие тенденции: 1) внутрироссийская миграция: ежегодно из регионов в Москву и Санкт-Петербург переезжает около 45–50 тыс. IT-специалистов. Наиболее интенсивный отток наблюдается из регионов Приволжского ФО (28% выпускников профильных вузов), Сибирского ФО (31%), Уральского ФО (24%); 2) международная миграция: с 2022 г., в условиях геополитической турбулентности, наблюдается усиление оттока IT-специалистов за рубеж. По различным оценкам, Россию покинуло от 70 до 150 тысяч специалистов в области информационных технологий. При этом из регионов миграция шла по двум маршрутам: прямая эмиграция за рубеж (преимущественно из Москвы и Санкт-Петербурга) и каскадная миграция (сначала в столицы, затем за границу); 3) обратная миграция: позитивным трендом 2023 г. стало возвращение части специалистов в Россию (оценочно 15–20% от уехавших)⁸. Однако эти специалисты концентрируются преимущественно в столичных регионах, что не решает проблему регионального дефицита. Чистая миграция IT-специалистов для регионов (кроме Москвы и Санкт-Петербурга) составляет отрицательную величину порядка 35–40 тысяч человек ежегодно, что эквивалентно выпуску 70–80 региональных вузов по профильным направлениям. Факторы углубления кадрового дефицита IT-специалистов можно разделить на группы.

1. Экономические факторы: А) Дифференциация оплаты труда — региональные различия в заработной плате IT-специалистов достигают 3–4 раза. Если средняя зарплата в Москве составляет 185 тыс. рублей, то в регионах Северного Кавказа — 55–65 тыс. рублей, Дальнего Востока — 70–85 тыс. рублей, центральных регионов России — 75–95 тыс. рублей. При этом стоимость жизни в крупных региональных центрах (с учётом стоимости жилья, транспор-

та, услуг) различается не столь значительно, что делает работу в регионах экономически менее привлекательной; Б) Структура региональной экономики — в регионах с преобладанием добывающей промышленности, сельского хозяйства или традиционной обрабатывающей промышленности спрос на IT-специалистов ограничен функциями поддержки инфраструктуры. Отсутствие инновационных секторов экономики снижает возможности применения передовых компетенций. Например, в Кемеровской области при наличии мощного промышленного комплекса доля организаций, использующих ERP-системы, составляет лишь 12% против 34% в среднем по России; В) Инвестиционная привлекательность — регионы с низкой привлекательностью испытывают дефицит средств для финансирования инновационных и цифровых проектов. В 2022 г. инвестиции в цифровую экономику в Центральном ФО составили 68% от общероссийского объема, в то время как доля Дальневосточного ФО — менее 1,5%.

2. Образовательные факторы: А) Качество образовательных программ — анализ образовательных программ региональных вузов показывает отставание содержания от актуальных требований работодателей на 2–3 года. Опрос работодателей 2024 г. показал, что 67% региональных компаний оценивают уровень подготовки выпускников местных вузов как недостаточный для решения современных задач цифровизации [11]; Б) Материально-техническая база — лишь 18% региональных вузов (за исключением столичных) имеют современное оборудование и программное обеспечение для подготовки специалистов по искусственному интеллекту, большим данным, кибербезопасности. Стоимость лицензий на профессиональное программное обеспечение и обновление аппаратных средств создаёт существенные финансовые ограничения для региональных образовательных учреждений; В) Кадровый состав преподавателей — средний возраст преподавателей технических дисциплин в региональных вузах составляет 54,7 года, при этом доля преподавателей моложе 35 лет — менее 15%. От-

⁸ Уехавшие специалисты всё чаще возвращаются в Россию // Известия. — URL: <https://iz.ru/1530793/milana-mishieva/priznat-svoe-mesto> (дата обращения: 10.01.2026).

ток молодых преподавателей в коммерческий сектор усугубляет проблему. Доля преподавателей, имеющих опыт практической работы в IT-компаниях, в региональных вузах составляет 23% против 48% в ведущих столичных университетах; Г) Несогласованность с рынком труда — в 58% регионов отсутствуют эффективные механизмы взаимодействия между образовательными учреждениями и работодателями в части формирования заказа на подготовку кадров. Это приводит к структурным диспропорциям: избытку специалистов по одним направлениям и дефициту по другим.

3. Социально-демографические факторы: А) старение населения — в большинстве регионов России (за исключением республик Северного Кавказа и ещё нескольких регионов) наблюдается старение населения. Средний возраст специалистов в области ИКТ в региональных организациях составляет 43,2 года (в Москве — 34,7 года). При этом освоение новых цифровых компетенций в более зрелом возрасте происходит медленнее; Б) молодёжная миграция — наиболее активная и образованная молодёжь стремится к переезду в крупные города. По данным социологических опросов, 67% выпускников школ в малых городах и сельской местности планируют переезд для получения образования и последующей работы. Только 18% намерены вернуться в родной регион после обучения;⁹ В) урбанизация — концентрация возможностей в региональных столицах приводит к обезлюдению периферийных территорий. В 43 регионах России более 60% населения сконцентрировано в региональном центре, при этом остальная территория испытывает острый дефицит базовых кадров с цифровыми компетенциями.

4. Инфраструктурные факторы: А) цифровая инфраструктура — несмотря на реализацию федеральных программ по развитию цифровой инфраструктуры, в регионах сохраняется значительное отставание.

По данным Росстата на 2023 г., доступ к широкополосному интернету имеют 87% домохозяйств в городах (в Москве — 98%), но только 56% в сельской местности. В 18 регионах доля населённых пунктов с доступом к Интернету со скоростью выше 10 Мбит/с составляет менее 40%; Б) инновационная инфраструктура — технопарки, бизнес-инкубаторы, центры компетенций находятся в крупных городах. Из 194 технопарков в сфере высоких технологий 68% расположены в Центральном и Северо-Западном ФО. В 23 регионах отсутствует инфраструктура поддержки IT-стартапов и инновационных проектов; В) жилищная инфраструктура — проблема доступного жилья для молодых специалистов стоит особенно остро в дальневосточных и сибирских регионах. Стоимость жилья в региональных центрах при низких заработных платах создаёт барьер для привлечения кадров.

5. Институциональные факторы: А) региональная политика — в 47% регионов отсутствуют специализированные стратегии или программы развития кадрового потенциала цифровой экономики. Меры поддержки IT-специалистов (льготная ипотека, налоговые преференции, гранты) реализуются неравномерно и охватывают лишь 15–20% потенциальных бенефициаров; Б) взаимодействие власти и бизнеса — эффективные модели государственно-частного партнёрства в сфере подготовки кадров функционируют только в 12 регионах-лидерах. В остальных регионах взаимодействие носит формальный характер, отсутствуют механизмы совместного финансирования образовательных программ, стажировок, исследовательских проектов; В) бюрократические барьеры — излишняя регламентация, сложность процедур согласования проектов в регионах создаёт дополнительные препятствия для развития IT-бизнеса и, соответственно, формирования спроса на специалистов.

Дефицит квалифицированных кадров в цифровой сфере создаёт комплекс взаимосвязанных рисков для технологического развития регионов, которые можно классифицировать по нескольким основаниям. К критическим рискам (угрожающим

⁹ Почти треть молодых людей в РФ хочет переехать из своего населённого пункта // Ведомости. — URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/10/09/1145410-pochti-tret-molodih-lyudei-v-rf-hochet-pereehat> (дата обращения: 11.01.2026).

базовой функциональности региональных экономических систем) относятся невозможность самостоятельного обслуживания критической инфраструктуры (энергетика, транспорт, ЖКХ); зависимость от внешних подрядчиков в обеспечении информационной безопасности; отсутствие специалистов для импортозамещения технологических решений. Существенные риски (ограничивающие развитие) включают невозможность реализации проектов цифровой трансформации региональной экономики; отставание в внедрении современных технологий управления; ограничение конкурентоспособности региональных предприятий. Умеренные риски (снижающие эффективность) имеют следствием замедление темпов цифровизации; повышение стоимости реализации IT-проектов; снижение качества цифровых сервисов для населения.

На основе анализа текущих трендов и факторов можно выделить три вероятных сценария развития ситуации с кадровым обеспечением технологического развития регионов.

1. Инерционный сценарий (вероятность реализации 55%): при сохранении текущих тенденций региональная дифференциация будет углубляться. К 2030 г. концентрация IT-специалистов в Москве и Санкт-Петербурге может достичь 75–80%. Большинство регионов окажутся в ситуации критической зависимости от внешних поставщиков технологических решений. Технологический разрыв между столицами и регионами увеличится с нынешних 3–5 лет до 7–10 лет. Ряд регионов утратит возможность самостоятельного управления критической инфраструктурой.

2. Умеренно-оптимистичный сценарий (вероятность 35%): при реализации целенаправленной государственной политики по развитию региональных IT-центров и стимулированию подготовки кадров возможна стабилизация ситуации. Формирование 10–15 региональных IT-хабов (Казань, Нижний Новгород, Екатеринбург, Новосибирск, Томск, Владивосток, Ростов-на-Дону и другие) позволит снизить концен-

трацию до 55–60% в столицах. Регионы-лидеры смогут обеспечить базовый уровень обеспечения кадрами с цифровыми компетенциями.

3. Оптимистичный сценарий (вероятность 10%): при комплексной трансформации системы подготовки кадров, массовом переобучении специалистов, создании привлекательных условий для жизни и работы в регионах возможно сокращение регионального разрыва. Развитие удалённой работы и распределённых команд может частично нивелировать проблему географической концентрации. К 2030 г. регионы смогут обеспечить 70–80% потребности в специалистах собственными силами.

На основе кластерного анализа можно выделить пять типов регионов, требующих различных подходов к решению проблемы кадрового обеспечения. Типологизация регионов была выполнена на основе следующих индикаторов: плотность IT-специалистов на 1000 занятых, доля организаций, испытывающих дефицит цифровых кадров, объём инвестиций в цифровую экономику на душу населения, доля студентов IT-направлений в общей численности обучающихся, а также сальдо миграции специалистов в сфере информационных технологий. Тип А — регионы-лидеры (Москва, Санкт-Петербург): относительная обеспеченность кадрами, но высокая конкуренция за специалистов. Тип Б — регионы с развитым IT-сектором (Республика Татарстан, области Нижегородская, Новосибирская, Томская, Свердловская): наличие образовательной и инновационной инфраструктуры, но отток кадров в столицы. Тип В — Промышленные регионы (Челябинская, Кемеровская, Вологодская области, Пермский и Красноярский края и др.): мощная промышленная база, но дефицит специалистов по цифровизации производства. Тип Г — регионы со слаборазвитой экономикой (республики Северного Кавказа, Алтай, Тыва, ряд областей Центральной России): низкий уровень экономического развития и соответственно ограниченный спрос на IT-специалистов. Тип Д — Стратегически важные регионы (Дальний Вос-

ток, Калининградская область, Республика Крым): особое геополитическое значение, необходимость обеспечения технологического суверенитета при объективных сложностях с кадрами.

Для каждого типа регионов требуется специфический набор приоритетных мер политики в области развития человеческого капитала для цифровой экономики. Для регионов-лидеров: фокус на развитии глобально конкурентных компетенций и центров передового опыта. Создание исследовательских центров по приоритетным направлениям с участием ведущих мировых специалистов; программы повышения квалификации в области компьютерных наук и ИИ; привлечение иностранных специалистов; развитие венчурной экосистемы для стимулирования прорывных проектов. Для регионов с развитым ИТ-сектором: акцент на создании условий, конкурентных со столицами, и формировании региональной идентичности. Целевые программы «умного города» для повышения качества жизни; налоговые льготы на региональном уровне для ИТ-компаний и специалистов; маркетинг региона как привлекательного места для жизни и работы в ИТ; развитие технологических брендов региона. Для промышленных регионов: ориентация на практические компетенции для цифровизации традиционных отраслей. Программы переподготовки инженеров для работы с цифровыми технологиями; создание центров компетенций по промышленному интернету на базе крупных предприятий; прикладные исследовательские проекты в партнёрстве вузов и промышленности; целевое обучение специалистов для конкретных предприятий с гарантией трудоустройства. Для регионов со слаборазвитой экономикой: создание базы для будущего развития и использование возможностей аутсорсинга. Массовые программы базовой цифровой грамотности населения; создание центров удалённой работы для выполнения заказов компаний из других регионов; развитие фриланс-платформ; привлечение социальных инвестиций в образовательную инфраструктуру. Для стратегически важных ре-

гионов: использование административных ресурсов и специальных программ для обеспечения критического уровня кадровой обеспеченности. Федеральные программы привлечения специалистов с существенными финансовыми стимулами; размещение государственных ИТ-центров и центров обработки данных; обязательства крупных государственных компаний по созданию центров разработки; развитие филиалов ведущих вузов; особые условия для бизнеса (свободные экономические зоны, преференции).

Эффективная реализация стратегии развития кадрового потенциала требует постоянного мониторинга и гибкой корректировки мер. Для этого необходимо создание региональных систем ежегодного мониторинга рынка труда в ИТ-сфере: обследования потребности работодателей в специалистах; анализ трудоустройства выпускников и миграционных потоков специалистов. Важное значение имеет регулярная оценка эффективности образовательных программ, мер поддержки, инфраструктурных проектов; использование методов контрольных групп для оценки эффекта вмешательств; корректировка программ на основе полученных данных. Действенным инструментом может стать создание региональных советов по развитию кадрового потенциала цифровой экономики с участием власти, бизнеса, образования, экспертного сообщества; регулярные конференции для обсуждения проблем и поиска решений; механизмы обратной связи от бизнеса и специалистов.

Заключение

Кадровый дефицит в цифровой сфере представляет собой критический фактор риска для технологического развития российских регионов. Масштаб проблемы таков, что без принятия комплексных системных мер большинство регионов окажутся в ситуации технологической зависимости, неспособности самостоятельно управлять критической инфраструктурой и реализовывать проекты цифровой трансформации.

На федеральном уровне необходимо принятие программы «Цифровые кадры регионов» на период 2027–2031 гг.; создание системы грантов для регионов на развитие образовательной и инновационной инфраструктуры; стимулирование создания региональных технологических центров крупными государственными компаниями; разработка специальных программ привлечения специалистов в стратегически важные регионы; совершенствование системы мониторинга рынка труда в цифровой сфере. На региональном уровне — разработка и реализация региональных стратегий развития кадрового потенциала цифровой экономики; создание эффективных институтов управления цифровым развитием; развитие механизмов государственно-частного партнёрства в подготовке кадров; реализация комплексных мер по удержанию и привлечению специалистов; активное использование потенциала государственного и муниципального заказа для стимулирования регионального ИТ-сектора. На уровне образовательных организа-

ций требуются глубокая модернизация образовательных программ с учётом требований работодателей; привлечение практиков из ИТ-индустрии к образовательному процессу; развитие проектного обучения на базе реальных задач; создание механизмов непрерывного обновления компетенций преподавателей.

Региональный аспект технологического суверенитета страны является необходимым условием устойчивого и сбалансированного её развития. Концентрация технологического потенциала в двух агломерациях при обезлюдении и технологическом отставании остальной территории страны создаёт риски для национальной безопасности и социальной стабильности. Реализация предложенных мер потребует значительных инвестиций, однако альтернатива — сохранение и углубление технологической зависимости регионов — обойдётся значительно дороже как экономически (потери ВРП), так и стратегически (риски для национальной безопасности).

Литература и Интернет-источники

1. **Глазьев, С.Ю.** Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах / С.Ю.Глазьев. — Москва : Книжный мир, 2018. — 768 с. EDN: VQDBYV
2. **Ивантер, В.** Возможности ускорения темпов экономического роста в России / В.Ивантер // Общество и экономика. — 2019. — № 7. — С. 5–11. DOI: 10.31857/S020736760005829-0; EDN: TGDEMU
3. **Клепач, А.Н.** Пространственное измерение долгосрочного роста российской экономики / А.Н.Клепач // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2024. — Т. 248. — № 4. — С. 114–129. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-114-129; EDN: VTMDQY
4. **Becker, G.S.** Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis / G.S.Becker // Journal of Political Economy. — 1962. — Vol. 70. — Iss. 5. — Part 2. — P. 9–49. DOI: 10.1086/258724
5. **Капелюшников, Р.И.** Человеческий капитал России: проблемы реабилитации / Р.И.Капелюшников, И.М.Албегова, Т.Г.Леонова, [и др.] // Общество и экономика. — 1993. — № 9–10. — С. 3–14. EDN: RWUVNH
6. **Гимпельсон, В.Е.** Поляризация или улучшение? Эволюция структуры рабочих мест в России в 2000-е годы / В.Е.Гимпельсон, Р.И.Капелюшников // Вопросы экономики. — 2015. — № 7. — С. 87–119. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-7-87-119; EDN: TZFVXB
7. **Зубаревич, Н.В.** Регионы России: неравенство, кризис, модернизация / Н.В.Зубаревич. — Москва : Независимый институт социальной политики, 2010. — 160 с. EDN: VNFDJX
8. **Днепровская, Н.В.** Открытые образовательные ресурсы и цифровая среда обучения Н. В. Днепровская, И. В. Шевцова // Высшее образование в России. — 2020. — Т. 29. — № 12. — С. 144–155. EDN: SPGQAC

9. **Яценко, Р.Д.** Компетенции персонала в условиях цифровой экономики / Р.Д. Яценко // Междисциплинарные исследования в социально-гуманитарных науках: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции (Белгород, 30 ноября 2018 г.). — Белгород : Агентство перспективных научных исследований, 2018. — С. 137–139. EDN: YRCZFJ
10. **Морган, Э.** Управление и организационная адаптация российских университетов в условиях ресурсного дефицита / Э. Морган, Е. А. Князев // Университетское управление: практика и анализ. — 2003. — № 1. — С. 17–29. EDN: HTNLEZ
11. **Киварина, М.В.** Совершенствование цифровых компетенций персонала как фактор технологического развития предприятий в регионах / М.В. Киварина, Г.Д. Баторшина // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2025. — Т. 14. — № 1. — С. 51–56. EDN: RWFACW

Сведения об авторах:

Киварина Мария Валентиновна, д.э.н., доцент, проф. Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия.

Контактная информация: e-mail: mariya.kivarina@novsu.ru; ORCID: 0000-0002-8533-4573; РИНЦ SPIN-код: 4180–0385.

Бабеева Зоя Шапиулаховна, д.э.н., проф., Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия.

Контактная информация: e-mail: bzsh2020@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2577-7820; РИНЦ SPIN-код: 5444–1530.

Дохлян Сергей Владимирович, д.э.н., проф., главный научный сотрудник, ИСЭПН ФНИСЦ РАН Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sergsvd@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4609-448X; РИНЦ SPIN-код: 6492–9940.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-190-202

PERSONNEL SHORTAGE IN THE DIGITAL AGE: RISKS FOR REGIONAL TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT

Maria V. Kivarina¹, Zoya Sh. Babaeva^{2*}, Sergey V. Dokholyan³

¹*Yaroslav the Wise Novgorod State University*

(41 B. St. Petersburg str., Veliky Novgorod, Russia, 173003)

²*Dagestan State University*

(41 Magomet Gadzhiev str., Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia, 367000)

³*ISESP FCTAS RAS*

(24/35, build. 5 Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218)

**E-mail: bzsh2020@yandex.ru*

For citation:

Kivarina M. V., Babaeva Z. Sh., Dokholyan S. V. Personnel shortage in the digital age: risks for regional technological development. *Narodonaselenie*. [Population]. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 190-202. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-190-202 (in Russ).

Abstract. *The relevance of the study is due to the overlap of two systemic challenges: the global trend of digital transformation of economy and the geopolitical turbulence, exacerbating the need for technological sovereignty of the regions. The personnel shortage in the IT sector, which is acquiring a pronounced regional asymmetry, is transforming from an industry problem into a strategic threat to national security, as it blocks the ability of regions to develop independently and creates risks*

of dependence on external solution providers. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the problem of personnel shortage in the digital sphere at the regional level and an assessment of its impact on the technological sovereignty of the subjects of the Russian Federation. The article examines the problem of shortage of qualified personnel in the context of the digital transformation of the economy of Russian regions and its impact on technological sovereignty. The inter-regional differences in the provision of digital competencies are analyzed, the main factors of the deepening of the personnel gap and the risks to the technological independence of the territories are identified. The methods of the study are comparative analysis (for assessment of inter-regional differences); statistical analysis (for calculation of indicators of dynamics, structure and variation); cluster analysis (for typologization of regions by the level of staffing in the digital economy); expert assessments (to qualify risks and form recommendations). The novelty of the work consists in substantiating the need to form regional strategies for development of digital competencies of personnel as a condition for ensuring technological sovereignty. Based on the results of the study, the authors concluded that the personnel shortage in the digital economy, aggravated by its significant regional differentiation, poses an immediate threat to the technological sovereignty of the country at the subnational level. Overcoming this threat requires a shift from industry-based to geographically-oriented solutions aimed at smoothing spatial imbalances in the labor market and creating a sustainable ecosystem in the regions for reproduction and retention of IT personnel.

Keywords: regions, technological development, digital competencies of personnel, shortage of human capital, digitalization.

References and Internet sources

1. Glazyev S. Yu. Ryvok v budushcheye. Rossiya v novykh tekhnologicheskoy i mirokhozayajstvennom ukladakh [A Leap into the Future. Russia in the New Technological and World Economic Structures]. Moscow. Knizhnyj Mir [Book World]. 2018. 768 p. (in Russ.)
2. Ivanter V. Vozmozhnosti uskoreniya tempov ekonomicheskogo rosta v Rossii [On the opportunities for the acceleration of economic growth in Russia]. Obshchestvo i ekonomika [Society and Economics]. 2019. No. 7. P. 5–11. DOI: 10.31857/S020736760005829-0 (in Russ.)
3. Klepach A. N. Prostranstvennoye izmereniye dolgosrochnogo rosta rossijskoj ekonomiki [Spatial dimension of long-term growth of the Russian economy]. Nauchnyye Trudy Volnogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii [The Proceedings of the Free Economic Society of Russia]. 2024. Vol. 248. No. 4. P. 114–129. DOI: 10.38197/2072-2060-2024-248-4-114-129 (in Russ.)
4. Becker G. S. Investment in human capital: a theoretical analysis. *Journal of Political Economy*. 1962. Vol. 70. Iss. 5. Part 2. P. 9–49. DOI: 10.1086/258724
5. Kapelyushnikov R. I., Albegova I. M., Leonova T. G., et al. Chelovecheskij kapital Rossii: problemy reabilitatsii [Human capital of Russia: problems of rehabilitation]. Obshchestvo i ekonomika [Society and Economics]. 1993. No. 9–10. P. 3–14. (in Russ.)
6. Gimpelson V. E., Kapelyushnikov R. I. Poliarizatsiya ili uluchsheniye? Evolyutsiya struktury rabochikh mest v Rossii v 2000-e gody [Polarization or upgrading? Evolution of employment in transitional Russia]. Voprosy ekonomiki [Issues of Economics]. 2015. No. 7. P. 87–119. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-7-87-119 (in Russ.)
7. Zubarevich N. V. Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya [Regions of Russia: Inequality, Crisis, Modernization]. Moscow. Nezavisimyy institut sotsial'noy politiki [Independent Institute of Social Policy]. 2010. 160 p. (in Russ.)
8. Dneprovskaya N. V., Shevtsova I. V. Otkrytyye obrazovatel'nyye resursy i tsifrovaya sreda obucheniya [Open educational resources in the development of digital learning environment]. Vyscheye obrazovaniye v Rossii [Higher Education in Russia]. 2020. Vol. 29. No. 12. P. 144–155. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-12-144-155 (in Russ.)

9. Yatsenko R. D. Kompetentsii personala v usloviyah tsifrovoj ekonomiki [Personnel competencies in the digital economy]. *Mezhdistsiplinarnyye issledovaniya v sotsial'no-gumanitarnykh naukakh: sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Belgorod, 30 noyabrya 2018 g.) [*Interdisciplinary Research in Social Sciences and the Humanities. Proceedings of the international scientific and practical conference* (Belgorod, November 30, 2018)]. In 3 parts. Belgorod. 2018. P. 137–139. (in Russ.)
10. Morgan E., Knyazev E. A. Upravleniye i organizatsionnaya adaptatsiya rossijskikh universitetov v usloviyakh resursnogo defitsita [Management and organizational adaptation of Russian universities in the conditions of resource shortage]. *Universitetskoye upravleniye: praktika i analiz* [*University Management: Practice and Analysis*]. 2003. No. 1. P. 17–29. (in Russ.)
11. Kivarina M. V., Batorshina G. D. Sovershenstvovaniye tsifrovyykh kompetentsij personala kak faktor tekhnologicheskogo razvitiya predpriyatij v regionakh [Digital competencies of personnel as a factor in the development of regional enterprises]. *Vestnik sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologiy* [*Herald of Siberian Institute of Business and Information Technologies*]. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 51–56. (in Russ.)

Information about the authors:

Kivarina Maria Valentinovna, Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher, Yaroslav the Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia.

Contact information: e-mail: mariya.kivarina@novsu.ru; ORCID: 0000-0002-8533-4573; Elibrary SPIN code: 4180–0385.

Babayeva Zoya Shapiulakhovna, Doctor of Economics, Professor, Dagestan State University, Makhachkala, Russia.

Contact information: e-mail: bzsh2020@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2577-7820; Elibrary SPIN code: 5444–1530.

Dokholyan Sergey Vladimirovich, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, ISESP FCTAS RAS Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sergsvd@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4609-448X; Elibrary SPIN code: 6492–9940.

Статья поступила в редакцию 08.02.2026, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-203-217
EDN: FOOMNK

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НАСЕЛЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ

Волков А.Д.^{*}, Аверьянов А.О., Рослякова Н.А., Ларина А.А.

Институт проблем управления имени В. А. Трапезникова РАН
(117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 65)

^{*}E-mail: kov8vol@gmail.com

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта РФФИ проект № 23–78–10192. — URL: <https://rscf.ru/project/23-78-10192/>.

Для цитирования:

Волков А.Д., Аверьянов А.О., Рослякова Н.А., Ларина А.А. Территориальные особенности социо-культурных характеристик населения муниципальных образований Российской Арктики // Наро-донаселение. — 2026. — Т. 29. — № 2. — С. 203-217.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-203-217; EDN: FOOMNK

Аннотация. Статья посвящена изучению социокультурных характеристик населения территорий Российской Арктики. Объектом исследования стали муниципальные образования (округа и районы) европейской части арктического макрорегиона ($n=32$). Фактологическая основа представлена результатами опроса населения ($n=4871$). Измерение социокультурных характеристик респондентов на индивидуальном уровне осуществлялось с использованием модели Г. Хофстеде и методик Б. Ю и А. Хейдари на основе ранее адаптированного и апробированного авторами инструментария. Для сравнения арктических муниципальных территорий был использован однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Для выявления различий между отдельными муниципальными территориями был применён апостериорный критерий Тьюки (Tukey HSD test). Для выявления устойчивых групп муниципальных образований, отражающих территориальные различия в социокультурных характеристиках, был проведён кластерный анализ (иерархическая кластеризация, алгоритмы K-means и BDSCAN). Идентифицированы средние значения шести показателей в каждом из 32 исследуемых муниципалитетов. Наибольшими отличиями от среднего по территориям характеризуется Заполярный район Ненецкого АО и Терский район Мурманской области. Выделяются 5 кластеров территорий, сходных по значениям социокультурных характеристик. Проведённый анализ территориальной дифференциации социокультурных характеристик мужчин и женщин позволил выявить, что наибольшее расхождение наблюдается в рамках показателя «Маскулинность / феминность». Результаты позволяют говорить о том, что отдельные показатели характеризуются различной изменчивостью в разрезе территорий. При этом ряд показателей (например, «Долгосрочность ориентаций») сохраняет низкую изменчивость в отношении как пространства, так и пола. Сделан вывод о том, что территориально детерминированные факторы в большей степени влияют на выраженность социокультурных характеристик муниципалитетов, чем другие факторы, в частности — факторы пола и возраста. Практическое значение исследования заключается в формировании основ спецификации программ содействия предпринимательству, закрепления населения, содействия социальной стабильности на территориях Арктической зоны России.

Ключевые слова: Арктика, муниципалитеты, социокультурные характеристики, маскулинность, дистанция власти, коллективизм, методика Г. Хофстеде, территориальная дифференциация.

Введение

Идентификация социокультурных характеристик населения территорий Арктической зоны Российской Федерации (АЗ РФ) представляет актуальную научную задачу по нескольким основным причинам. Первой из них является важность аналитического обеспечения управленческих новаций в период трансформационных изменений подходов к регулированию социально-экономического развития Арктики [1; 2]. Привязка этих новаций к решению практических задач должна опираться на научный базис, в полной мере раскрывающего специфику рассматриваемых территорий. Так, например, задача закрепления существующего населения и привлечения мигрантов для обеспечения баланса трудовых ресурсов, необходимого для перспективной реализации экономических проектов и поддержания освоённости пространства, определяет поиск мотивационных механизмов, учитывающих социокультурные особенности проживающего населения. С учётом того, что все большее значение в реализации арктических проектов приобретает вахтовая миграция [3], важность указанных аспектов возрастает в контексте необходимости обеспечения социальной стабильности в условиях повышенных рисков [4; 5].

Второй причиной является особый исторический путь формирования сообществ в условиях Арктики, сочетающий в себе с одной стороны многонациональность, а с другой — традиционность¹. Следует отметить, что на разных этапах заселения Российской Арктики (главным образом — на протяжении XX в.) осуществлялось как принудительное переселение народов и этнических групп, локализация заключённых (система ГУЛАГ) [6], так и характерное для второй половины XX в. привлечение активной и пассионарной молодёжи со всех концов СССР [7]. Затем — ускоренная дегра-

дация экономики в постсоветский период (главным образом обусловленная сравнительными издержками «северности» и несоответствием модели освоения Севера новым реалиям) [8]. Особое значение имеет существование старожильского и коренного населения на части арктических территорий. К тому же, аспекты воспроизводства населения в настоящее время дифференцированы в разрезе арктических территорий: если для подавляющего большинства районов и округов европейской части АЗ РФ характерны миграционный отток и сниженные показатели рождаемости, то на восточных территориях, напротив, отмечаются миграционный и естественный прирост, связанные как с традициями и социокультурными особенностями проживающего населения, в том числе — представителей коренных малочисленных народов, так и с притоком мигрантов из других регионов (и в первую очередь — молодёжи) [9]. Данные аспекты предполагают формирование уникальных социокультурных особенностей исследуемых регионов.

И третьей причиной является малая исследованность социокультурных особенностей населения, проживающего в АЗ РФ, в контексте его социальных и экономических практик. В условиях общей ограниченности соответствующих научных данных в масштабах России [10], и относительной исследованности центральных и экономически развитых территорий [11–13], АЗ РФ остаётся малоизученной. Основные результаты, полученные в указанной предметной области, связаны с оценкой роли социокультурных факторов в воспроизводстве человеческого капитала [14; 15], исследованием социокультурных основ жизнестойкости коренного населения Арктики [16], социокультурных и социально-психологических факторов реализации предпринимательского потенциала в арктических регионах [17]. Так в работе В. В. Маркина и соавторов рассматривается значение ценностных ориентаций в процессе формирования и воспроизводства человеческого капитала в арктических регионах [14]; работа А. Д. Волкова и соавторов посвящена вы-

¹ В ходе наших исследований этот аспект наиболее ярко проявился, например, в практиках интеграции приезжих в поморские артели, как традиционной формы хозяйственной самоорганизации поморских сообществ. Преобладающий объем знаний о промысле и жизни в условиях Арктики передаются в рамках общих условий хозяйствования от коренных поморов к приезжим.

явлению связей между социокультурными особенностями населения Арктической Карелии и практиками воспроизводства человеческого капитала [15]. В то же время, в научных трудах прослеживается нехватка комплексного, «сплошного» по своему охвату исследования социокультурных особенностей арктических территорий.

Указанные аспекты определяют постановку цели исследования — выявление территориальных особенностей и дифференциации социокультурных характеристик населения муниципальных образований АЗ РФ. Значимость исследования определяется ограниченностью данных о социокультурной специфике арктических территорий на уровне муниципальных образований (МО), полученных с использованием единого стандартизированного инструментария.

Методология и данные

В ходе исследования социокультурных особенностей населения регионов европейской части АЗ РФ был опрошен 4871 респондент в возрасте от 15 до 72 лет². В исследование были включены МО, обладающие статусом территорий АЗ РФ. Опрос проводился очно, путём случайного поквартирного обхода. В ряде случаев анкета оставлялась для самостоятельного заполнения респондентом (с сопутствующим инструктажем и контролем заполнения). В анкету была включена методика измерения социокультурных характеристик по шести показателям модели Г. Хофстеде³ на индивидуальном уровне. Методическую основу составили шкалы, разработанные Б. Ю с соавторами и А. Хейдари с соавторами. Инструментарий исследования и его валидность были апробиро-

ваны в предыдущих работах авторского коллектива [18].

Дизайн исследования предполагает квотный тип выборки — группы были сформированы на основе данных муниципальной статистики о половозрастной структуре населения. Среднее отклонение структуры выборки от генеральной совокупности по половозрастным группам составило от 0,4% (Республика Коми) до 2,2% (Мурманская область). Для целей исследования был осуществлён ремонт выборки, в процессе ремонта было проведено взвешивание исходных данных, после чего среднее отклонение выборки от генеральной совокупности составило 0,2%. В табл. 1 приведены количественные характеристики исследуемых регионов, в табл. 2 — основные характеристики выборки по полу, образованию и роду деятельности респондентов.

Для сравнения арктических МО между собой был использован однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). Для выявления различий между отдельными МО был применён апостериорный критерий Тьюки (Tukey HSD test). Для выявления устойчивых групп МО, отражающих территориальные различия в социокультурных характеристиках, был проведён кластерный анализ. В ходе исследования апробировано несколько подходов, в том числе иерархическая кластеризация, алгоритмы K-means и BDSCAN.

Результаты исследования

Результаты анализа наглядно могут быть представлены с помощью графики. На рис. 1 визуализировано изменение средних значений шести социокультурных характеристик модели Г. Хофстеде, измеренных на индивидуальном уровне, по муниципальным образованиям европейской части АЗ РФ. Показатели рассчитаны как среднее значение социокультурной характеристики на той или иной территории. Пунктирной линией отражено средние значения характеристики по всем арктическим территориям (рис. 1).

² К европейской части Российской Арктики относятся 5 регионов: Архангельская область, Мурманская область, Ненецкий АО, Республика Карелия, Республика Коми.

³ Yoo B., Donthu N., Lenartowicz T. Measuring Hofstede's five dimensions of cultural values at the individual level: development and validation of CVSCALE // Journal of International Consumer Marketing. — 2011. — Vol. 23. — No. 3–4. — P. 193–210; Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and organizations: Software of the mind. Revised and expanded. — New York, 2010. — URL: [https://eedu.nbu.bg/pluginfile.php/900222/mod_resource/content/1/дата обращения: 20.06.2025](https://eedu.nbu.bg/pluginfile.php/900222/mod_resource/content/1/дата%20обращения%2020.06.2025).

Таблица 1

Основные характеристики объекта исследования

Table 1

Main characteristics of the research object

Регион	Включенность в АЗ РФ	Количество исследуемых территорий*	Численность населения в возрасте 15-72 лет	Численность респондентов, человек
Архангельская область	Частично	8	420326	1145
Мурманская область	Все районы	12	425565	1258
Ненецкий АО	Все районы	2	30091	601
Республика Карелия	Частично	6	81686	1042
Республика Коми	Частично	4	103341	825
Общий итог	–	32	1061009	4871

*В Мурманской области в исследование не включены территории пяти закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО); в Архангельской области не вошла территория ЗАТО «Новая Земля».

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

Таблица 2

Основные характеристики выборки

Table 2

Main characteristics of the sample

Характеристики выборки		Количество человек	Доля от общего числа респондентов, %
Общий объём выборки		4871	100
Пол	Женщины	2530	51,94
	Мужчины	2341	48,06
Образование	Основное общее (школа) и ниже	534	10,96
	Начальное профессиональное	190	3,90
	Среднее профессиональное	1865	38,29
	Неоконченное высшее	240	4,93
	Высшее (специалист, бакалавр, магистр)	1963	40,30
	Послевузовское (аспирантура)	35	0,72
	Есть учёная степень	44	0,90
Род деятельности	Работаю по найму в бюджетной организации	1505	30,90
	Государственный/муниципальный служащий	594	12,19
	Военнослужащий	70	1,44
	Работаю по найму на частном предприятии	1124	23,08
	Индивидуальный предприниматель, работаю на себя	198	4,06
	Являюсь общественным деятелем	13	0,27
	Перебиваюсь временными заработками	59	1,21
	Временно не работаю, но активно ищу работу	88	1,81
	Обучающийся, студент	364	7,47
	Нахожусь на пенсии	718	14,74
	Нахожусь в отпуске по уходу за ребёнком	40	0,82
	Веду домашнее хозяйство	43	0,88
	Нет ответа	55	1,13

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

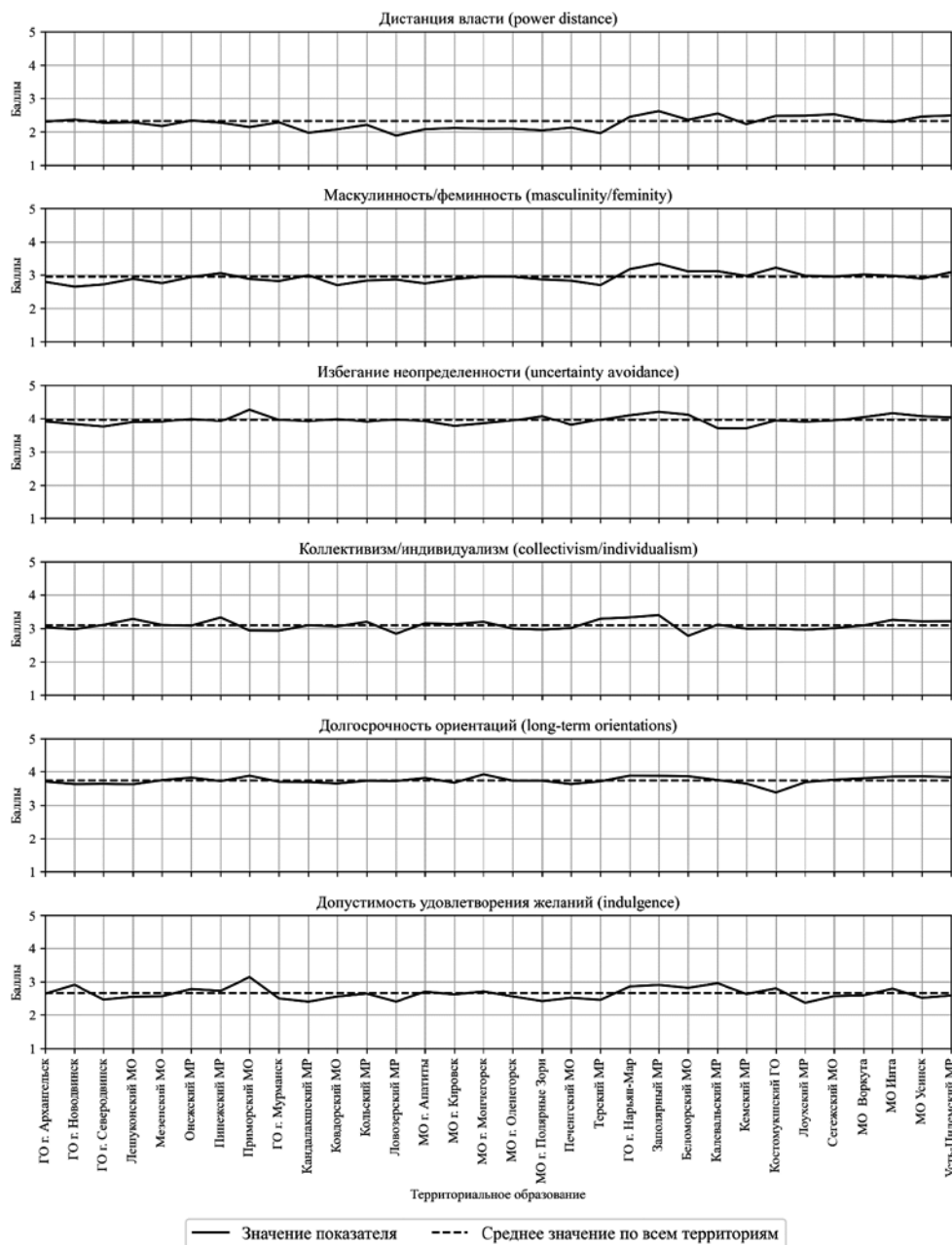

Рис. 1. Социокультурные характеристики модели Г. Хофстеде, средние значения на муниципальном уровне

Fig. 1. Sociocultural characteristics of the Hofstede model, average values at the municipal level
Примечание: порядок представления МО на оси абсцисс соответствует алфавитному порядку их названий в рамках региона. Порядок регионов соответствует табл. 1. Наименования МО сокращены: ГО — городской округ; МО — муниципальный округ; МР — муниципальный район.
Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

Графики на рис. 1 свидетельствуют о том, что, с одной стороны, значения социокультурных характеристик в зависимости от территориального образования дифференцированы. С другой стороны, значительные отклонения индивидуальных значений общего среднего наблюдаются лишь у отдельных территорий. Например, наиболее сильное отклонение значения характеристики «Допустимость удовлетворения желаний» наблюдается лишь в одном муниципальном образовании — Приморском МО Архангельской области. В рамках показателя «Дистанция власти» максимальное значение наблюдается у Заполярного МР, а минимальное — у Ловозерского МР, близкие к минимальному значения зафиксированы в соседствующих друг другу Терском и Кандалакшском МР Мурманской области. В рамках показателя «Маскулинность» наибольшие значения наблюдаются в Заполярном МР и Костомукшском ГО, а минимальные — в ГО Новодвинск, Ковдорском МО и Терском МР. В рамках показателя «Избегание неопределённости» наибольшим значением характеризуется Приморский МО, а минимальными — Калевальский и Кемский МР. При рассмотрении показателя «Коллективизм» максимальное значение зафиксировано в Заполярном МР, минимальное — в Беломорском МО. Наи-

меньшим уровнем показателя «Долгосрочность ориентаций» отличается Костомукшский ГО, наибольшим значением — МО Мончегорск.

Для статистической оценки видимых различий на первом этапе был применён одновыборочный Т-критерий. Для избегания ошибки первого рода была использована поправка на множественную проверку гипотез. В результате пороговое значение p -value составило 0,0016. В табл. 3 приведены средние значения социокультурных характеристик модели Г.Хофстеде в целом для территорий европейской части АЗ РФ, а также число МО, чьи показатели статистически значимо отличаются от этих значений в разрезе трех уровней значимости.

С учётом скорректированного показателя значимости наибольшее число различий приходится на социокультурные характеристики «Дистанция власти» и «Избегание неопределённости». В целом результаты сравнительного анализа показывают, что отклонение показателей отдельных муниципальных образований от среднего для всех территорий значения является скорее исключением, чем правилом. Какой-либо закономерности в отклонениях социокультурных характеристик отдельных территорий от средних значений выявлено не было. Показатели лишь 9 из 32 территорий стати-

Таблица 3

Отклонения средних значений социокультурных характеристик населения МО от общего для всех территорий среднего

Table 3

Deviations of average values of socio-cultural characteristics of the population of municipal territories from the average for all territories

Показатель:	PD	MF	UA	COL	LTO	IND
Среднее	2,32	2,95	3,96	3,10	3,74	2,66
Стандартное отклонение	0,73	0,86	0,62	0,68	0,58	0,79
Уровень значимости:	Количество МО, чьи показатели отличаются от общеарктических					
0,05	19	11	15	15	11	17
0,01	17	9	11	11	11	12
0,0016	12	6	9	5	3	7

Примечание. PD – Дистанция власти (Power distance); MF – Маскулинность/феминность (Masculinity/feminity); UA – Избегание неопределённости (Uncertainty avoidance); COL – Коллективизм/индивидуализм (Collectivism/ individualism); LTO – Долгосрочность ориентаций (long-term orientations); IND – Допустимость удовлетворения желаний (Indulgence).

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

стически значимо не отличаются от среднего значения для всех территорий европейской Арктики.

Поскольку территориальные различия в значениях показателей могут быть обусловлены как пространственными характеристиками МО, так и факторами, связанными со структурой населения (например, пол и возраст) введём в анализ фактор пола и рассмотрим различия между средними значениями показателей по территориям отдельно для мужчин и женщин. Если дифференциация между МО сохранится при сравнении в рамках отдельных групп, это будет дополнительным подтверждением наличия территориальной специфики социокультурных характеристик. На рис. 2 визуализировано изменение средних значений шести социокультурных характеристик модели Г.Хофстеде по арктическим МО для мужчин и женщин. Дополнительно отражены средние значения характеристики по всем арктическим территориям для обоих полов. Приведённые данные позволяют выделить два ключевых аспекта. Во-первых, сравнение социокультурных характеристик между МО по каждой из двух групп позволяет говорить о сохранении территориальных различий в рамках показателей, рассчитанных для мужчин и женщин. Во-вторых, показатели по группам мужчин и женщин в рамках каждой отдельно взятой территории также различаются.

Рассмотрим первый аспект. Данные были разделены на две подвыборки на основе половой принадлежности. Далее для сравнения средних значений социокультурных характеристик между муниципальными образованиями был применён однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA). В обоих случаях результаты показали наличие статистически значимых различий между муниципальными образованиями (табл. 4). Для выявления различий между отдельными муниципальными территориями был применён апостериорный критерий Тьюки (Tukey HSD test). Из проведённых сравнений среди мужчин различия между парами территорий оказались статистически значимыми в 265 случаях, а среди женщин — в 165 (p -value < 0.05).

В рамках сопоставления территорий по группе мужчин наибольшее число различий приходится на социокультурную характеристику «Избегание неопределённости» — 22,6% и «Коллективизм / индивидуализм» — 19,2%, при этом по показателю «Долгосрочность ориентаций» наблюдается наименьшая доля отклонений — 13,6%. Среди женщин наибольшее число статистически значимых различий между МО приходится на показатель «Дистанции власти» — 32,3% и «Маскулинность / феминность» — 22,6%, наименьшее число отклонений приходится на показатель «Долгосрочность ориентаций» — 9,0%. Эти результаты позволяют говорить о том, что отдельные социокультурные показатели характеризуются различной изменчивостью в разрезе МО.

Рассмотрим второй аспект. Величина различий между значениями показателей среди мужчин и женщин зависит как от конкретного территориального образования, так и от конкретной социокультурной характеристики, которая измеряется. Так, в рамках показателей «Избегание неопределённости» и «Долгосрочность ориентаций» значения, рассчитанные по мужчинам и по женщинам имеют сопоставимые по выраженности отличия в подавляющем большинстве территорий. В то время как в рамках показателя «Дистанции власти» различия между значениями показателя по мужчинам и по женщинам сильно дифференцированы в зависимости от территорий. Для проверки гипотез о наличии различий в средних значениях социокультурных характеристик между мужчинами и женщинами был применён Т-критерий Стьюдента, (с поправкой на множественные сравнения). По результатам анализа выявлено, что средние значения показателей «Избегание неопределённости» ($t = 0.556$, $df = 4869$, p -value = 0.578) и «Долгосрочность ориентаций» ($t = -0.135$, $df = 4869$, p -value = 0.893) статистически значимо не различаются. Проведение аналогичных расчётов на уровне муниципальных образований показало, что в большинство различий между мужчинами и женщинами приходится на показатель

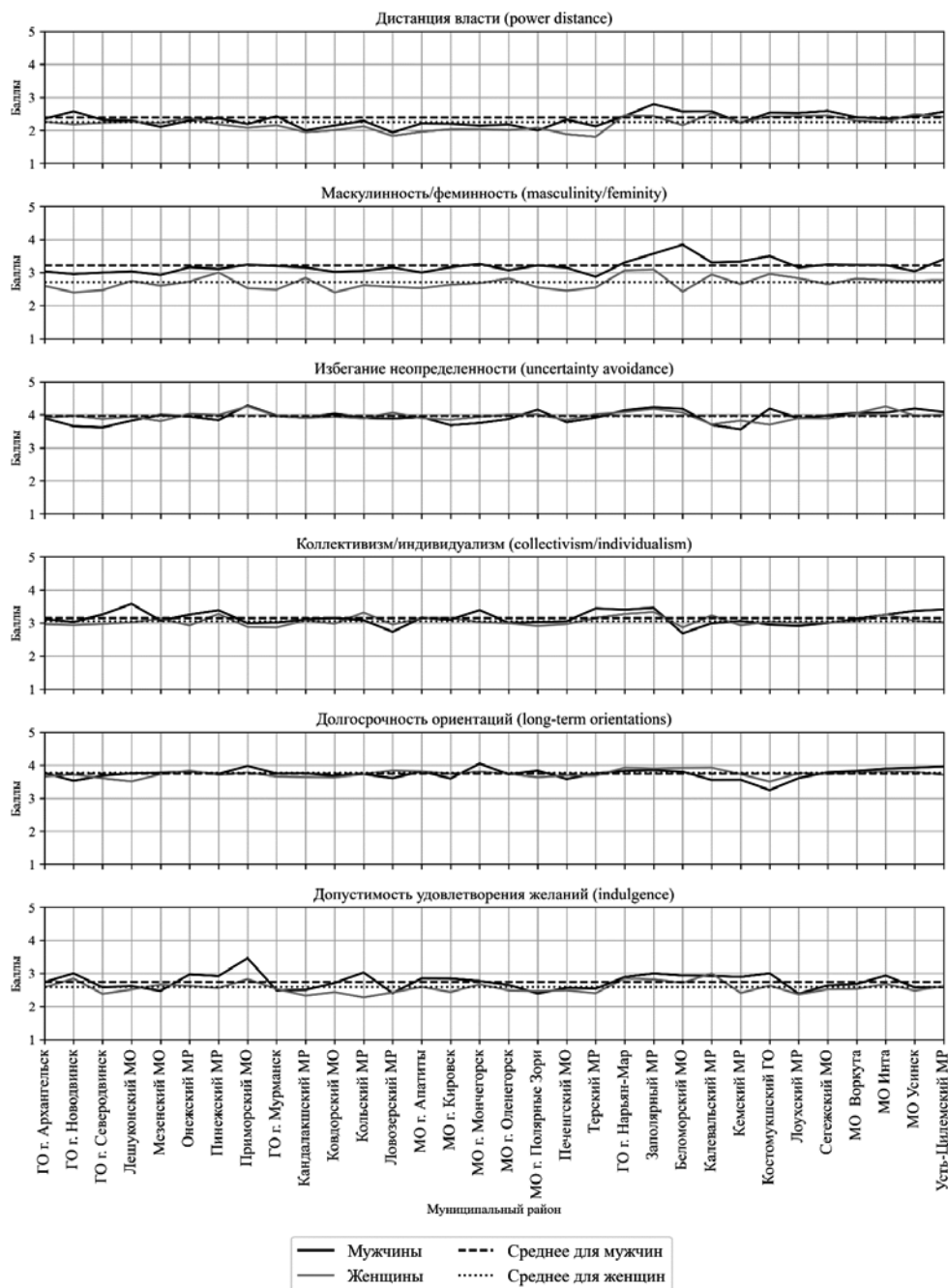

Рис. 2. Социокультурные характеристики модели Г. Хофстеде, средние значения на муниципальном уровне по группам мужчин и женщин

Fig. 2. Sociocultural characteristics of the Hofstede model, average values at the municipal level for groups of men and women

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

Таблица 4

Результаты однофакторного дисперсионного анализа социокультурных характеристик 32 муниципальных образований для мужчин и женщин

Table 4

Results of one-way ANOVA of sociocultural characteristics of 32 municipalities for men and women

Показатель:	PD	MF	UA	COL	LTO	IND
Мужчины						
df	31	31	31	31	31	31
F-statistic	4.964	4.511	6.847	6.313	6.022	5.365
p-value	<0.0001	<0.0001	<0.0001	<0.0001	<0.0001	<0.0001
Женщины						
df	31	31	31	31	31	31
F-statistic	5.780	5.621	3.651	3.514	3.441	3.603
p-value	<0.0001	<0.0001	<0.0001	<0.0001	<0.0001	<0.0001

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

«Маскулинность / феминность». Из 192 проведённых тестов (по 32 на каждую из шести социокультурных характеристик) статистически значимые различия ($p\text{-value} < 0.01$) были выявлены лишь в 42, из которых почти половина приходится на указанный показатель.

Аналогичные вычисления были проведены для выявления зависимости значений социокультурных характеристик от возраста респондента. Для этого респонденты были разделены на три возрастные группы: 15–34 года, 35–54 и 55–72 года. Результаты однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA) показывают, что статистически значимые различия социокультурных характеристик в зависимости от возрастной группы наблюдаются у всех показателей кроме «Долгосрочности ориентаций» ($p\text{-value} = 0.14$, для показателя «Избегание неопределённости» $p\text{-value} = 0.014$, для остальных показателей $p\text{-value} < 0.001$). Сравнение средних значений социокультурных характеристик МО в рамках каждой из возрастных групп позволяет сделать вывод о сохранении различий между по всем социокультурным характеристикам (табл. 5).

Для выявления различий между отдельными МО в каждой возрастной группе был применён апостериорный критерий Тьюки (Tukey HSD test). Напомним, что число сочетаний 32 МО по одной социокультурной

характеристике составляет 496 (пар территорий), а по всем шести — 2976. На уровне $p\text{-value} < 0.05$ было выявлено, что в возрастной группе от 15 до 34 лет статистически значимые различия в средних значениях социокультурных характеристик наблюдаются между 152 парами арктических территорий, в возрастной группе от 35 до 54 лет между 133 парами, и в возрастной группе от 55 до 72 лет между 144 парами. В первой и третьей возрастных группах наибольшая разница между территориями прослеживается в значениях социокультурной характеристики «Дистанция власти», во второй группе в значениях социокультурной характеристики «Допустимость удовлетворения желаний».

Выводы

В рамках проведённого исследования выявлена территориальная дифференциация значений социокультурных характеристик населения европейской части Российской Арктики. Идентифицированы средние значения шести показателей модели Г. Хофстеде при измерении на индивидуальном уровне в рамках каждого из 32 исследуемых муниципалитетов. Наибольшими отличиями характеризуется Заполярный МР Ненецкого АО, что может быть объяснено особым этническим составом населения, включающего в первую очередь ненцев и русских,

Таблица 5

Результаты однофакторного дисперсионного анализа социокультурных характеристик 32 муниципальных образований для возрастных групп

Table 5

Results of one-way variance analysis of socio-cultural characteristics of 32 municipalities for age groups

Показатель:	PD	MF	UA	COL	LTO	IND
Возрастная группа 15-34 лет						
df	31	31	31	31	31	31
F-statistic	4.845	3.177	4.494	3.284	6.077	3.852
p-value	< 0.0001	< 0.0001	< 0.0001	< 0.0001	< 0.0001	< 0.0001
Возрастная группа 35-54 лет						
df	31	31	31	31	31	31
F-statistic	4.109	3.408	3.229	4.186	2.414	4.619
p-value	< 0.0001	< 0.0001	< 0.0001	< 0.0001	< 0.0001	< 0.0001
Возрастная группа 55-72 лет						
df	31	31	31	31	31	31
F-statistic	5.495	2.763	3.334	3.755	3.322	4.725
p-value	< 0.0001	< 0.0001	< 0.0001	< 0.0001	< 0.0001	< 0.0001

Источник: расчёты авторов на основе данных опроса.

а также отличными от других МО экономическими и географическими условиями, характером расселения. Выделяется Терский МР (Мурманская область), населённый главным образом поморами и, также как и Заполярный МР Ненецкого АО, характеризующийся расселением вдоль берегов моря и рек.

Проведённый анализ территориальной дифференциации средних значений социокультурных характеристик респондентов мужского и женского пола выявил, что наибольшее расхождение наблюдается в рамках показателя «Маскулинность / феминность», а в разрезе возрастных групп — наибольшие различия наблюдаются в рамках показателя «Допустимость удовлетворения желаний». Полученные результаты

позволяют предполагать, что в целом территориально детерминированные факторы в большей степени влияют на выраженность социокультурных характеристик, чем другие факторы, в частности — факторы пола и возраста. Практическое значение исследования заключается в формировании аналитических основ спецификации программ содействия предпринимательской активности, закрепления существующего населения, а также содействия социальной стабильности на территориях АЗ РФ. Перспективой дальнейших исследований является соотнесение и поиск закономерностей в распределении значений территориальных показателей социокультурных характеристик с особенностями локальных экономик и социальной инфраструктуры.

Литература и Интернет-источники

1. **Зайков, К.С.** Организационные механизмы реализации политики России в Арктике в XXI в. / К.С. Зайков, Н.А. Кондратов, С.А. Липина, Л.К. Бочарова // Арктика и Север. — 2020. — № 39. — С. 75–109. EDN: NYFAOA
2. **Скуфына, Т.П.** Химеры прошлого и навигация по новейшим условиям развития, рискам и возможностям управления российской Арктикой / Т.П. Скуфына, Е.А. Корчак, С.В. Баранов // Арктика и Север. — 2021. — № 43. — С. 45–76. EDN: NRFLKY

3. **Хотеева, Е.А.** Перспективы развития потенциала Российской Арктики: мотивационные драйверы трудовых мигрантов (на примере вахтовой занятости) / Е.А.Хотеева, А.В.Симакова, И.С.Степуть // Социологическая наука и социальная практика. — 2024. — Т. 12. — № 4. — С. 156–178. EDN: GXZKVR
4. **Ruddell, R.** Boomtown Policing: Responding to the Dark Side of Resource Development / R.Ruddell // A Journal of Policy and Practice. — 2011. — Vol. 5. — No. 4. — P. 328–342. DOI: 10.1093 / police / par034
5. **Westwood, E.** Does resource development increase community sexually transmitted infections? An environmental scan / E.Westwood, M.Orenstein // The Extractive Industries and Society. — 2016. — Vol. 3. — No. 1. — P. 240–248. DOI: 10.1016 / j.exis.2015.10.008
6. **Лыткина, Т.С.** Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930–1950е гг. / Т. С. Лыткина, В. В. Фаузер // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2016. — Т. 19. — № 1. — С. 90–109. EDN: VVCCBN
7. **Фаузер, В.В.** Население Республики Коми: от советского прошлого к арктическому будущему / В.В.Фаузер, А.В.Смирнов // ЭКО. — 2021. — № 9. — С. 168–192. DOI: 10.30680 / ECO0131-7652-2021-9-168-192; EDN: ZAKPTB
8. **Shiklomanov, N.** Dealing with the bust in Vorkuta, Russia / N.Shiklomanov, D.Streletskiy, L.Suter, [и др.] // Land Use Policy. — 2020. — Vol. 93. — P. 103908. DOI: 10.1016 / j.landusepol.2019.03.021
9. **Симагин, Ю.А.** Динамика численности населения муниципалитетов Российской Арктики в 2010–2023 годах / Ю. А. Симагин, Д. Д. Муртузалиева // Региональные проблемы преобразования экономики. — 2024. — № 9(167). — С. 162–169. EDN: UJXJMP
10. **Аузан, А.А.** Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка / А. А. Аузан, А. И. Бахтигараева, В. А. Брызгалин, [и др.] // Вопросы экономики. — 2020. — № 7. — С. 75–91. DOI: 10.32609 / 0042-8736-2020-7-75-91; EDN: YLTOWI
11. **Латова, Н.В.** Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г.Хофстеда) / Н.В.Латова // Вестник Института социологии. — 2016. — № 4(19). — С. 155–179. DOI: 10.19181 / vis.2016.19.4.433; EDN: XWETNN
12. **Chimenson, D.** The paradox and change of Russian cultural values / D.Chimenson, T.Fang, R. L. Tung, A.Panibratov // International Business Review. — 2021. — Vol. 31. — С. 101944. DOI: 10.1016 / j.ibusrev.2021.101944; EDN: UDPTOA
13. **Бахтигараева, А.И.** Социокультурные особенности регионов России: общее и различия / А.И.Бахтигараева, В.А.Брызгалин, Е.Н.Никишина, Н.А.Припузова // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. — 2021. — № 5. — С. 29–51. DOI: 10.38050 / 01300105202152; EDN SJQDKA
14. **Маркин, В.В.** Воспроизводство человеческого капитала в арктических регионах России: социокультурный контекст / В.В.Маркин, А.Н.Силин, К.О.Малинина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2021. — Т. 14. — № 5. — С. 220–243. DOI: 10.15838 / esc.2021.5.77.13; EDN: GWKJTT
15. **Волков, А.Д.** Социокультурные особенности населения Арктического региона и практики воспроизводства человеческого капитала: есть ли связь? / А.Д.Волков, А.О.Аверьянов, Н.А.Рослякова, А.В.Васильева // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 3. — С. 124–136. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-3-124-136; EDN: ZTUKRJ
16. **Воробьева, Н.А.** Человек и север: к вопросу о социокультурных и медико-биологических источниках жизнестойкости / Н.А.Воробьева, Т.И.Трошина // Экология человека. — 2019. — № 7. — С. 42–48. DOI: 10.33396 / 1728-0869-2019-7-42-48; EDN: QMUWCH
17. **Максимов, А.М.** Социокультурные и социально-психологические факторы предпринимательского потенциала в российской Арктике / А.М.Максимов, А.В.Уханова, Т.С.Смак // Арктика и Север. — 2018. — № 33. — С. 157–177. DOI: 10.17238 / issn2221-2698.2018.33.157; EDN: YTRNHF

18. **Волков, А.Д.** Измерение социокультурных характеристик по шести показателям модели Хофстеде: апробация инструментария для расчёта значений на индивидуальном уровне / А.Д. Волков, А.О. Аверьянов, Н.А. Рослякова, С.В. Тишков // Вестник Института социологии. — 2024. — Т. 15. — № 1. — С. 43–69. DOI: 10.19181 / vis.2024.15.1.4; EDN: UVPWKI

Информация об авторах:

Волков Александр Дмитриевич, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт проблем управления имени В.А. Трапезникова РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: kov8vol@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0451-8483; РИНЦ SPIN-код: 2133–8597.

Аверьянов Александр Олегович, младший научный сотрудник, Институт проблем управления имени В.А. Трапезникова РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: aver@petrsu.ru; ORCID: 0000-0003-2884-8110; РИНЦ SPIN-код: 1194–8767.

Рослякова Наталья Андреевна, к.э.н., старший научный сотрудник, Институт проблем управления имени В.А. Трапезникова РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: na@roslyakova24.ru; ORCID: 0000-0002-7511-2141; РИНЦ SPIN-код: 7405–4998.

Ларина Алина Алексеевна, инженер-исследователь, Институт проблем управления имени В.А. Трапезникова РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: alallarina@gmail.com; ORCID: 0009-0001-3544-8185; РИНЦ SPIN-код: 8033–3955.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-2-203-217

TERRITORIAL FEATURES OF THE SOCIO-CULTURAL CHARACTERISTICS OF THE POPULATION OF MUNICIPALITIES OF THE RUSSIAN ARCTIC

**Alexander D. Volkov*, Alexander O. Averyanov,
Natalia A. Roslyakova, Alina A. Larina**

*V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences RAS
(65 Profsoyuznaya str., Moscow, Russia, 117997)*

**E-mail: kov8vol@gmail.com*

Funding:

The research was funded by the Russian Science Foundation project No. 23–78–10192. — URL: <https://rscf.ru/project/23-78-10192/>.

For citation:

Volkov A.D., Averyanov A.O., Roslyakova N.A., Larina A.A. Territorial features of the socio-cultural characteristics of the population of municipalities of the Russian Arctic. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 203-217. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-2-203-217 (in Russ.)

Abstract. *The article is devoted to study of socio-cultural characteristics of the population of territories of the Russian Arctic. The object of the study were municipalities (okrugs and rayons) of the European part of the Arctic macroregion (n = 32), with the exception of closed administrative territorial entities. The factual basis is presented by the results of a mass survey of the population (n = 4871). Measuring the socio-cultural characteristics of respondents at the individual level was carried out using the Hofstede model and the methods of B. Yu. and A. Heydari on the basis of the tools previously adapted and tested by the authors. To compare the Arctic municipal territories with each other, a single-*

factor analysis of variance (ANOVA) was used. To identify differences between separate municipal territories, *a posteriori* Tukey's HSD test was used. To identify stable groups of municipalities reflecting territorial differences in socio-cultural characteristics, a cluster analysis was carried out (hierarchical clustering, K-means and BDSCAN algorithms). The average values of six indicators of the Hofstede model were identified when measured at the individual level within each of 32 studied municipalities. The greatest differences from the territorial average are characteristic of Zapolyarny rayon of the Nenets Autonomous Okrug and Tersky raion of Murmansk Oblast. Five clusters of territories with similar values of socio-cultural characteristics are identified. The conducted analysis of the territorial differentiation of the average socio-cultural characteristics of male and female individuals showed that the greatest discrepancy is observed within the indicator «Masculinity / Femininity». The results allow us to say that separate socio-cultural indicators are characterized by different variability across territories. At the same time, a number of indicators (for example, «Long-term orientations») retain a fairly low variability in relation to both the spatial factor and the gender factor. It is concluded that territorially determined factors have a greater impact on the manifestation of the socio-cultural characteristics of municipalities than other factors, in particular, the factors of gender and age. The practical significance of the study lies in formation of analytical foundations for the specification of programs to promote entrepreneurial activity, to consolidate the existing population, and to support social stability in the territories of the Arctic zone of the Russian Federation. The prospects for further research are to study and correlate the patterns in distribution of values of territorial indicators of the socio-cultural characteristics with the features of local economies and social infrastructure.

Keywords: Arctic, Arctic municipalities, socio-cultural characteristics, masculinity, power distance, collectivism, Hofstede's methodology, territorial differentiation.

References and Internet sources

1. Zaikov K.S., Kondratov N.A., Lipina S.A., Bocharova L.K. Organizatsionnyye mehanizmy realizatsii politiki Rossii v Arktike v 21 v. [Organizational mechanisms for implementing Russia's Arctic strategy in the 21st century]. *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2020. No. 39. P. 75–109. (in Russ.)
2. Skufyina T.P., Korchak E.A., Baranov S.V. Khimery proshlogo i navigatsiia po novejsim usloviyam razvitiya, riskam i vozmozhnost'am upravleniya rossijskoj Arktikoj [Chimeras of the Past and navigation through the latest development conditions, risks and opportunities for managing the Russian Arctic]. *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2021. No. 43. P. 45–76. (in Russ.)
3. Khoteeva E.A., Simakova A.V., Stepus I.S. Perspektivy razvitiia potentsiala Rossijskoj Arktiki: motivatsionnyye draivery trudovykh migrantov (na primere vahtovoj zaniatosti) [Prospects for the development of the potential of the Russian Arctic: motivational drivers of labor migrants (based on the example of shift employment)]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika [Sociological Science and Social Practice]*. 2024. Vol. 12. No. 4. P. 156–178. (in Russ.)
4. Ruddell R. Boomtown policing: responding to the dark side of resource development. *A Journal of Policy and Practice*. 2011. Vol. 5. No. 4. P. 328–342. DOI: 10.1093 / police / par034
5. Westwood E., Orenstein M. Does resource development increase community sexually transmitted infections? An environmental scan. *The Extractive Industries and Society*. 2016. Vol. 3. No. 1. P. 240–248. DOI: 10.1016 / j.exis.2015.10.008
6. Lytkina T.S., Fauzer V.V. Gosudarstvennoye upravleniye prinuditel'noj migratsiej kak sposob osvoyeniya Severa Rossii v 1930-1950-ye gg. [Forced migration as a way of Russian North development in the 1930s-1950s]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noj antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*. 2016. Vol. 19. No. 1. P. 90–109. (in Russ.)
7. Fauzer V.V., Smirnov A.V. Naseleniye Respubliki Komi: ot sovetskogo proshlogo k arkticheskomu buduschemu [Population of the Komi Republic: from the Soviet Past to the Arctic Future]. *EKO [ECO]*. 2021. No. 9. P. 168–192. DOI: 10.30680 / ECO0131-7652-2021-9-168-192 (in Russ.)

8. Shiklomanov N., Streletskiy D., Suter L., et al. Dealing with the bust in Vorkuta, Russia. *Land Use Policy*. 2020. No. 93. DOI: 10.1016 / j.landusepol.2019.03.021
9. Simagin Yu. A., Murtuzaliev D.D. Dinamika chislennosti naseleniya munitsipalitetov Rossiiskoi Arktiki v 2010–2023 godakh [The dynamics of the population of municipalities of the Russian Arctic in 2010–2023]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki [Regional Problems of Economic Transformation]*. 2024. No. 9(167). P. 162–169. (in Russ.)
10. Auzan A.A., Bakhtigaraeva A.I., Bryzgalin V.A., et al. Sotsiokul'turnye faktory v ekonomike: proydennyye rubezhi i aktual'naia povestka [Sociocultural factors in economics: milestones and perspectives]. *Voprosy ekonomiki [Issues of Economics]*. 2020. No. 7. P. 75–91. DOI: 10.32609 / 0042-8736-2020-7-75-91 (in Russ.)
11. Latova N.V. Kul'turnaia spetsifika rossiyan (etnometricheskij analiz na osnove kontseptsii G. Hofstede) [Russians' cultural specificity (an ethnometrical analysis based on Geert Hofstede's concept)]. *Vestnik Instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology]*. 2016. Vol. 4. No. 19. P. 155–179. DOI: 10.19181 / vis.2016.19.4.433 (in Russ.)
12. Chimenson D., Fang T., Tung R.L., Panibratov A. The paradox and change of Russian cultural values. *International Business Review*. 2022. Vol. 31. No. 3. DOI: 10.1016 / j.ibusrev.2021.101944
13. Bakhtigaraeva A.I., Bryzgalin V.A., Nikishina E.N., Pripuzova N.A. Sotsiokul'turnyye osobennosti regionov Rossii: obshcheye i razlichiya [Sociocultural specifics of Russia's regions: common features and differences]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika [Lomonosov Economics Journal]*. 2021. No. 5. P. 29–51. DOI: 10.38050 / 01300105202152 (in Russ.)
14. Markin V.V., Silin A.N., Malinina K.O. Vosproizvodstvo chelovecheskogo kapitala v arkticheskikh regionakh Rossii: sotsiokul'turnyi kontekst [Reproduction of human capital in the Arctic regions of Russia: socio-cultural context]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast]*. 2021. Vol. 14. No. 5. P. 220–243. DOI: 10.15838 / esc.2021.5.77.13 (in Russ.)
15. Volkov A.D., Averyanov A.O., Roslyakova N.A., Vasilieva A.V. Sotsiokul'turnyye osobennosti naseleniya Arkticheskogo regiona i praktiki vosproizvodstva chelovecheskogo kapitala: est' li svyaz'? [Socio-cultural features of the population of the Arctic region and practices of human capital reproduction: is there a connection?] *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 3. P. 124–136. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-3-124-136 (in Russ.)
16. Vorobyeva N.A., Troshina T.I. Chelovek i sever: k voprosu o sotsiokul'turnykh i mediko-biologicheskikh istochnikakh zhiznestoikosti [Human and North: on the issue of social-cultural and medical and biological sources of viability]. *Ekologiya cheloveka [Human Ecology]*. 2019. Vol. 26. No. 7. P. 42–48. DOI: 10.33396 / 1728-0869-2019-7-42-48 (in Russ.)
17. Maksimov A.M., Ukhanova A.V., Smak T.S. Sotsiokul'turnyye i sotsial'no-psikhologicheskiye faktory predprinimatel'skogo potentsiala v rossiiskoi Arktike [Sociocultural and socio-psychological factors of entrepreneurial potential in the Russian Arctic]. *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2018. No. 33. P. 157–177. DOI: 10.17238 / issn22212698.2018.33.157 (in Russ.)
18. Volkov A.D., Averyanov A.O., Roslyakova N.A., Tishkov S.V. Izmereniye sotsiokul'turnykh kharakteristik po shesti pokazatel'am modeli Hofstede: aprobatsiya instrumentariya dl'a raschota znachenij na individual'nom urovne [Measuring sociocultural characteristics according to the six indicators of the Hofstede model: testing the toolkit for calculating values at the individual level]. *Vestnik Instituta sotsiologii [Bulletin of the Institute of Sociology]*. 2024. Vol. 15. No. 1. P. 43–69. DOI: 10.19181 / vis.2024.15.1.4 (in Russ.)

Information about the authors:

Volkov Alexander Dmitrievich, Candidate of Economics, Senior Researcher, V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: kov8vol@gmail.com; ORCID: 0000-0003-0451-8483; Elibrary SPIN-code: 2133–8597.

Averyanov Alexander Olegovich, Junior Researcher, V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: aver@petrsu.ru; ORCID: 0000-0003-2884-8110; Elibrary SPIN-code: 1194-8767.

Roslyakova Natalia Andreevna, Candidate of Economics, Senior Researcher, V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: na@roslyakova24.ru; ORCID: 0000-0002-7511-2141; Elibrary SPIN-code: 7405-4998.

Larina Alina Alekseevna, Research Engineer, V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: alallarina@gmail.com; ORCID 0009-0001-3544-8185; Elibrary SPIN-code: 8033-3955.

Статья поступила в редакцию 23.06.2025, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-218-227
EDN: JRLMIS

ПРОБЛЕМЫ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ И СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ КЕМСКО-БЕЛОМОРСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

Питухина М.А.*, Белых А.Д., Пашкова Т.В.

Петрозаводский государственный университет
(185910, Россия, Петрозаводск, проспект Ленина, 33)

*E-mail: maria.pitukhina@gmail.com

Финансирование:

Исследование выполнено за счёт гранта РФ (проект № 25-28-00019). – URL: <https://rscf.ru/project/25-28-00019/>

Для цитирования:

Питухина М.А., Белых А.Д., Пашкова Т.В. Проблемы коренного населения и стратегия развития Кемско-Беломорской агломерации // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 2. – С. 218-227. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-2-218-227; EDN: JRLMIS

Аннотация. Авторы статьи приняли участие в стратегической форсайт-сессии зимой 2024 г. на тему «Направления развития Кемско-Беломорской агломерации — ОНП Арктической зоны России», организатором которой выступило Правительство Республики Карелия и корпорация ВЭБ. Целью форсайт-сессии стало выявление проблем местного населения Кемско-Беломорской агломерации для разработки нового мастер-плана арктической территории. По результатам сессии были определены ключевые проблемы арктической агломерации у местного населения — поморов; выявлен перечень перспективных направлений развития агломерации. В основу данного исследования также легла полевая экспедиция в агломерацию летом 2024 г., целью которой стала верификация сформированного ранее перечня проблем в ходе форсайт-сессии зимой 2024 года. Экспедиция по Карельскому Поморью и общение с местным населением позволили выявить более обширный перечень социальных проблем у местного населения, нежели в ходе сессии. «Глубинка» Карелии переживает большие сложности, связанные со старением населения, миграционным оттоком молодёжи, низкой рождаемостью, безработицей, высоким износом жилого фонда и коммунальной инфраструктуры, проблемой газификации, территориальной недоступностью медпомощи, дефицитом узких специалистов, высокой заболеваемостью «северными» болезнями, малокомплектными школами и подобными. Работа имеет практическую значимость для пространственного развития регионов Арктической зоны России (АЗ РФ), а её подходы применимы к другим арктическим агломерациям. Чтобы сохранить традиционный образ жизни поморов и замедлить отток населения из Беломорского и Кемского районов, важно разработать законопроект о предоставлении поморам, как этнокультурной коренной социальной группе, аналогичных прав, которые имеют коренные малочисленные народы севера, включённые в реестр Федерального агентства по делам национальностей России. Особенно важно сделать это в ближайшее время, когда идёт обсуждение инициативы в Минвостокразвитии о включении в перечень участников программы «Дальневосточная и арктическая ипотека» представителей коренных малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни.

Ключевые слова: Карельская Арктика, проблемы населения, арктическая агломерация, социально-экономическое развитие, мастер-план, традиционный образ жизни, поморы.

Республика Карелия — регион, расположенный на северо-западе России, имеющий общую границу со странами НАТО и входящий в арктическую зону (в соответствии с «Стратегией развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года»). Территория Кемско-Беломорской агломерации находится на побережье Белого моря, занимает площадь 29441 км². Реализация планов развития Кемско-Беломорской агломерации предусмотрена в Стратегии развития Арктики¹ и более конкретно в Мастер-плане — проекте, определяющем сбалансированное развитие агломерации, имеющем значение для социально-экономического развития и локальных территорий, и региона и страны в целом.

Мастер-план Кемско-Беломорской агломерации — комплексный документ стратегического планирования, устанавливающий приоритеты, цели и результаты социально-экономического и пространственного развития населённых пунктов, входящих в состав агломерации, а также нацеленный на обеспечение функций в области национальной безопасности и экономических функций (при реализации базы для развития минерально-сырьевых центров и транспортно-инфраструктурных проектов в Арктике). Исследование проблем населения Кемско-Беломорской агломерации проводилось на основе системного и нормативного подходов, методов сравнительного и статистического анализа, экспертных оценок, а также полевого исследования на побережье Белого моря в Республике Карелия.

Обзор литературы

Одним из центральных аспектов формирования поморской общности является взаимодействие различных этнических групп (славянских, финно-угорских, скандинавских и др.) [1]. Социальная организация поморов, основанная на принципах «большой семьи» и артельной системы, играла ключевую роль в поддержании устойчивости их хозяйственной деятельности. Эти структуры не только регулировали промысловую активность, но и формировали особый тип коллективного сознания, ориентированный на взаимопомощь и выживание в экстремальных условиях. При этом важно отметить, что самосознание поморов не было одинаковым: региональные различия, обусловленные географическим положением и спецификой локальных промыслов, создавали внутригрупповую дифференциацию. Тем не менее, общность промысловых традиций и стратегий адаптации к арктическим условиям выступала объединяющим фактором. Культурная специфика поморов проявляется в сохранении элементов, восходящих к ранним этапам заселения Севера, а также в формировании самобытных фольклорных традиций. Поморские говоры, сохраняющие древние диалектные черты, и морская лексика, обогащённая заимствованиями из иностранных языков, стали важными маркерами идентичности. Фольклорные традиции, включая былинный эпос и промысловые обряды, отражают глубокую связь поморов с морем и их восприятие окружающего мира как пространства, требующего постоянного преодоления. Суровые условия жизни, включая зимовки на отдалённых островах и дальние плавания, сформировали особый тип ментальности, основанный на физической и моральной крепости².

Феномен поморского культурного возрождения, начавшийся в конце 1980-х гг. в Архангельской области, представляет собой двухуровневый процесс. На первом уровне движение, инициированное общественными организациями, стремилось к созданию новой идентичности, обращаясь к историческому прошлому и культурным традициям поморов. Формирование поморской идентичности опирает-

ся на возрождение, начавшийся в конце 1980-х гг. в Архангельской области, представляет собой двухуровневый процесс. На первом уровне движение, инициированное общественными организациями, стремилось к созданию новой идентичности, обращаясь к историческому прошлому и культурным традициям поморов. Формирование поморской идентичности опирает-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Правительство России. — 2020. URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202010260033.pdf> (дата обращения: 07.07.2025).

² Бернштам Т.А. Поморы: формирование группы и система хозяйства / Институт этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. — Ленинград: Ленинградское отделение издательства «Наука», 1978. — 176 с.

ся на исторические документы, традиции, диалект и данные переписи населения [2]. С изменением природоохранного законодательства, лишившего деревни экономической основы, местные жители включились в движение, используя легитимизацию этничности для защиты своих прав и доступа к ресурсам. Этнизация экономических интересов укрепила поморскую идентичность, объединив оба уровня движения. Однако эффективность стратегий ограничена: апелляция к международным нормам слабо реализуема, а государство, признавая поморов как этнокультурное сообщество, справедливо отказывает им в статусе коренного малочисленного народа.

Исследования, посвящённые адаптации арктических сообществ к социально-экономическим и климатическим изменениям, подчёркивают значимость сохранения территориальной и социокультурной целостности как основы жизнестойкости [3–9]. Так, анализ поселений Приморского района Архангельской области выявил, что устойчивость местных сообществ формируется благодаря тесным социальным связям, взаимопомощи и активному использованию местных ресурсов (несмотря на депопуляцию и отсутствие промышленного производства). При этом климатические изменения, выражающиеся в увеличении неблагоприятных погодных явлений, требуют пересмотра традиционных практик мобильности и жизнедеятельности. [10]

В контексте поддержки коренных и малочисленных народов Севера (поморы не входят в перечень коренных малочисленных народов России, так как являются субэтносом русского народа) отмечается, что меры, направленные на упрощение доступа к традиционным видам хозяйственной деятельности, а также различные социальные инициативы, могут служить моделью для укрепления устойчивости поморских сообществ. Также одним из перспективных направлений поддержки культуры народов Севера является развитие этнотуризма, который не только способствует сохранению культурного наследия, но и создаёт новые рабочие места, стимулируя раз-

витие смежных отраслей, таких как транспорт, гостеприимство, культура. Особенность арктической экономики заключается во взаимодействии трёх секторов: корпоративного (крупный бизнес), традиционно (экономика коренных народов) и трансфертного (государственного). В исследовании [11] предлагаются новые подходы к оценке этнотуризма (сектора традиционной экономики КМНС) в системе арктической экономики.

Методология исследования

Авторы статьи приняли участие в стратегической форсайт-сессии на тему «Направления развития Кемско-Беломорской агломерации — ОНП Арктической зоны России», организатором которой выступило Правительство Республики Карелия (РК) и корпорация ВЭБ. Мероприятие прошло в рамках работы над мастер-планом развития агломерации³. Участники сессии рассмотрели потенциал Кемско-Беломорской агломерации в контексте развития Северного морского пути (СМП), определили приоритеты и возможности экономического развития, в том числе минерально-сырьевой, аквахозяйственный и туристический потенциал.

По мере развития дискуссии на тему «Направления развития Кемско-Беломорской агломерации — опорного населённых пунктов Арктической зоны России» и подходов к решению проблем и запросов агломерации со стороны автономных линий планирования — корпоративной (ВЭБ) и региональной (Правительство РК), возникли запросы и муниципальной линии, характерные как для Кеми, так и для Беломорска. В ходе сессии обсуждения были сфокусированы на двух направлениях развития

³ Подвели итоги первого этапа мастер-плана развития Кемско-Беломорской агломерации // Общественно-политическая газета «Карелия». 2024. 17 апреля. — URL: <https://gazeta-karelia.ru/news/2024/04/podveli-itogi-pervogo-etapa-master-plana-razvitiya-kemsko-belomorskoj-aglomeratsii/> ; Подготовлен мастер-план развития Кемско-Беломорской агломерации // Само. ТВ 360. 2024. 5 ноября. — URL: <https://samo.tv360.ru/2024/11/05/podgotovlen-master-plan-razvitiya-kemsko-belomorskoj-aglomeratsii/> (дата обращения: 07.07.2025).

Кемско-Беломорской агломерации: 1) строительство морского торгового порта в Беломорске. Данный порт должен разгрузить порты Мурманска и Усть-Луги. Его рентабельность выглядит перспективно в случае транспортировки щебня из карьеров Беломорского района и руды АО «Карельского окатыша» города Костомукша. Грузы могут поставляться по железнодорожным веткам в порт Беломорска с дальнейшим выходом на мощности СМП в Азию; 2) развитие круглогодичного туризма агломерации. Так, в качестве важного туристического объекта было предложено организовать горный парк на карьере Сосновец в Беломорском районе, а также расширить функционал в туристических целях — построить пассажирские причалы и заправки, в том числе с акцентом на китайских туристов по аналогии с Териберкой.

Динамика численности населения Кемско-Беломорской агломерации характеризуется вымиранием, низким коэффициентом рождаемости и высоким коэффициентом смертности, миграционным оттоком населения трудоспособного возраста, низкой долей трудоспособного населения. Согласно данным Всероссийской переписи населения 2021 г., численность агломерации составила 25200 человек (4,8% населения РК) и, к сожалению, ежегодные данные Росстата свидетельствуют о нисходящем тренде в численности населения агломерации — в 2025 г. численность двух районов агломерации (Кемского и Беломорского) составила 24628 человек. Неконкурентная зарплата провоцирует отток населения экономически активного возраста и косвенно влияет на низкий уровень занятости. Наблюдается дисбаланс спроса и предложения рабочей силы по профессионально-квалификационным требованиям, острая нехватка квалифицированного персонала. Значительная часть рабочих мест (40%) представлена предприятиями ОАО «РЖД», часть трудоспособного населения не может найти работу в соответствии со своей специализацией. В настоящее время среднемесячные доходы в Кемско-Беломорской агломерации составляют 63,5 тыс. рублей,

что на 45% ниже, чем в среднем по Арктике. Отрасль с самыми высокими зарплатами — сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство — создаёт 7% рабочих мест. Отрасль транспортировки и хранения (27% рабочих мест), показывает зарплату на 20% выше средней по региону.

Среди перечня заявленных инфраструктурных проектов в Карельской Арктике лидерами являются проекты Кемско-Беломорской агломерации, наиболее крупные среди которых: 1) гидроэлектростанции «Белопорожские» (11,8 млрд рублей), спа-комплекс в посёлке Рабочеостровск (1,5 млрд рублей); морской торговый порт (9,5 млрд рублей), визит-центр «Беломорские петроглифы» (1,148 млрд рублей)⁴. Прогнозируется, что около 3100 рабочих мест будет создано на арктических территориях РК в рамках реализации запланированных инвестпроектов, из них 810 рабочих мест — на территории агломерации. Очевидно, что для создания дополнительных рабочих мест при реализации заявленных инвестпроектов необходима газификация арктических территорий РК. Так, в рамках актуализированной программы газификации РК планируется завершить строительство газопровода «Волхов-Сегежа-Костомукша» и продолжить работы над газопроводом до Мурманска, который станет импульсом развития Кемско-Беломорской агломерации.

Ещё одним методом исследования выступило полевое исследование в самой Кемско-Беломорской агломерации летом 2024 года. Не вызывает сомнения факт, что проблемы народосбережения, благополучия семей в АЗ РФ стоят гораздо острее, чем в среднем по стране, в силу природно-климатической и инфраструктурной специфики региона. Одной из причин сложившейся ситуации является нехватка финансовых средств на развитие АЗ РФ.

⁴ 10 тысяч рабочих мест будет создано в Карелии до 2030 года в рамках реализации инвестпроектов // Администрация Главы Республики Карелия. 2023. 23 марта. — URL: <https://gov.karelia.ru/news/23-03-2023-10-tysyach-rabochikh-mest-budet-sozdano-v-karelii-do-2030-goda-v-ramkakh-realizatsii-investproektov/> (дата обращения: 07.07.2025).

**Основные проблемы жителей
Кемско-Беломорской агломерации
(по результатам зимней стратегической
сессии и летней экспедиции)**

В стратегической сессии зимой 2024 г. по развитию Кемско-Беломорской агломерации приняли участие 125 человек, в том числе учёные и эксперты, представители региональных и муниципальных органов власти, НКО, руководители крупных предприятий РК, жители агломерации, а также авторы статьи. В ходе сессии удалось актуализировать ключевые проблемы, с которыми сталкиваются местные жители. Перечень проблем по итогам сессии представлен в табл. 1. Базовые проблемы условно можно разделить на несколько категорий — городская среда, транспорт, логистика, образование, здравоохранение, спорт, культура, туризм и ЖКХ. Представленный круг проблем, которые волнуют жителей Кемско-Беломорской агломерации, является достаточно полным. Важно, что появился такой инструмент как мастер-план развития арктических агломераций, который позволит решить ряд проблем в ближайшее время.

В рамках исследования обозначенных выше проблем у местного населения (поморов) ключевое внимание также уделяем анализу исторического и культурного генезиса данной группы населения, а также её адаптации к экстремальным условиям региона. Поморы — это этнографическая группа русского населения, проживающая на побережье Белого моря и впадающих в него рек. Их культура формировалась под влиянием сурового климата, морского промысла и взаимодействия с соседними народами. Поморы проживают в условиях холодного арктического и субарктического климата, что формирует их выносливость, приспособленность к трудностям и уважение к природе. До сих пор Белое море определяет образ жизни, экономику и мировоззрение поморов. Основные занятия поморов — ловля рыбы (треска, сёмга) и охота на морского зверя (тюлени, моржи). Жизнь в суровых условиях способствовала развитию коллективизма. Поморы помогали друг

другу в промысле и строительстве. Мужчины занимались промыслом, женщины — домашним хозяйством, обработкой рыбы, воспитанием детей. Поморы разговаривают на особом диалекте русского языка (поморская говора), который включает архаизмы и заимствования из языков соседних народов. Соседство с карелами и саамами также повлияло на формирование поморской культуры.

Авторы статьи приняли участие в экспедиции в Кемско-Беломорскую агломерацию летом 2024 г. по «жемчужному поясу» Белого моря — поморским деревням. Цель экспедиции — выявление проблем поморов, верификация обозначенных проблем на стратегической сессии зимой 2024 года. Так, при участии в сходе жителей поморского села Вирма Беломорского района особенно продуктивным в экспедиции стал метод наблюдения. Поморское поселение Вирма сталкивается с рядом проблем, связанных с буквально выживанием населения — отсутствием интернета в селе, закрытие последнего магазина, Белое море подтапливает местное кладбище, местные люди также лишены своего исконного права на вылов рыбы и охоту, любительское рыболовство осуществляется строго по лицензиям. *Житель села Вирма, 63 года: «В 2024 году квота на лося в Беломорском районе составила всего 13 особей, это очень мало для нашего района, где традиционный промысел помора неразрывно связан как с рыболовством, так и с охотой. Для сравнения квота на лося в Лоухском районе Республики Карелия составила 84 особи. Также новые ограничения на вылов рыбы Росрыболовством не подразумевают каких-либо льгот для поморов как коренных малочисленных народов Севера, чей промысел исконно связан с добычей рыбы и морского зверя. Штрафы за нарушения вылова рыбы введены огромные и достигают 300 тыс. рублей».*

Несколько иным примером стала жизнь в старинном поморском селе Колежма. Рыболовный промысел всегда был основным видом деятельности колхоза, что выгодно отличало «Зарю Севера» от колхозов внутренней Карелии, вынужденных занимать-

Таблица 1

**Три базовые проблемы Кемско-Беломорской агломерации
по результатам стратегической сессии, 2024**

Table 1

Three basic problems of the Kemsco-Belomorskaya agglomeration
according to the results of the foresight session, 2024

Категория	Проблема № 1	Проблема № 2	Проблема № 3
Городская среда	Плохое состояние фасадов, дорог, мостов	Бродячие собаки	Заброшенные строения, в том числе в центре города
Транспорт	Плохое состояние дорог	Уборка дорог от снега	Проблемы с общественным транспортом
Экология	Вывоз мусора	Отсутствие чистой питьевой воды	Вырубка деревьев, дефицит озеленения
Образование	Состояние зданий детских учреждений	Дефицит внешкольного образования	Реорганизация школ
Здравоохранение	Дефицит медицинских кадров	Очереди в медучреждениях	Не осуществляется часть медицинских услуг
Спорт и культура	Отсутствие возможностей для досуга молодежи	Плохое состояние стадиона, отсутствие инфраструктуры	Расположение открытых спортплощадок
Жильё	Неблагоустроенные и аварийные здания	Дефицит вторичной недвижимости	Очередь на переселение
ЖКХ	Износ инфраструктуры ЖКХ	Высокая стоимость услуг ЖКХ	Аварийные дворы
Туризм	Дефицит и плохое состояние мест размещения, питания	Отношение местных жителей к коммерциализации и застройке памятников природы и истории	Дефицит парковочных мест в порту

Источник: составлено авторами статьи по результатам стратегической сессии.

ся убыточным сельским хозяйством. Предприятие Колежмы «Заря Севера» работает уже 95 лет, оно сохранило традиционный промысел поморов — вылов рыбы: в 2023 г. они заготовили 800 тонн рыбы, что на 60% больше, чем в прошлом сезоне. В Колежме мы пообщались с председателем колхоза «Заря Севера» И.Г.Егоровым, который сказал: *«Рыболовецкий колхоз «Заря Севера» находится в числе лидеров по заготовке водорослей (302 тонны) в 2024 году. Мы не успеваем перерабатывать водоросли и продавать их».*

Экспедиция по Карельскому Поморью и общение с населением в ходе полевого исследования летом 2024 г. позволили выявить: 1) обширный перечень социальных проблем у местного населения. «Глубинка» Карелии переживает большие сложности, связанные со старением населения, миграционным оттоком молодежи, низкой рождаемостью, безработицей, высоким износом жилого фонда и коммунальной инфраструктуры, проблемой газификации, территори-

альной недоступностью медпомощи, дефицитом узких специалистов, высокой заболеваемостью «северными» болезнями (повышенный холестерин и т.п.), малокомплектными школами, утратой поморского говора, бедностью дорожной сети, отсутствием водоочистных сооружений в районных центрах Кеми и Беломорске; 2) *острая необходимость сохранения традиционного образа жизни у поморов. Одним из главных выводов экспедиции по Карельскому Поморью стало осознание острой необходимости сохранения традиционного образа жизни поморов, это, в свою очередь, позволит решить ряд острых социальных проблем агломерации и замедлит отток населения. Ключевым шагом к этому станет разработка и принятие законопроекта о предоставлении поморам, как этнокультурной группе, прав, которые имеют коренные малочисленные народы Севера. Это позволит им осуществлять традиционный промысел (рыболовство и охоту) без ограничений квотами, обеспечивая*

сохранение не только их культуры, но и традиционного образа жизни, неразрывно связанного с природой Белого моря. Особенно важно это сделать в ближайшее время, когда обсуждается инициативы Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ совместно с Минвостокразвития РФ о включении в перечень участников программы «Дальневосточная и арктическая ипотека» представителей коренных малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни.

Выводы и рекомендации

1. Одним из перспективных направлений развития Кемско-Беломорской агломерации, согласно мнению местного населения — поморов, является арктический и этнографический туризм. Район туристской активности «Карельское Беломорье» характеризуется высокой плотностью объектов туристского показа, основными из которых являются археологические памятники, занесённые в перечень объектов международного наследия ЮНЕСКО (беломорские петроглифы — «Бесовы следки» и комплекс «Залавруга»), саамские каменные лабиринты на островах Белого моря, архитектурный ансамбль Соловецкого монастыря. Перспективным на территории туристской зоны является экологический туризм. Территория д. Нюхча включена в список ценных болот России со статусом водно-болотного угодья национального масштаба, представляя интерес для научного и экологического туризма. Религиозный туризм связан с посещением Соловецкого монастыря, который располагается в непосредственной близости от городов Кемь и Беломорск. Основной туристский сезон на Соловках длится с июня по октябрь.

2. Главными результатами полевой экспедиции по Карельскому Поморью стали — обширный пласт социальных проблем агломерации и острая необходимость сохранения традиционного образа жизни поморов. Люди должны понимать, что они строят (какое будущее), в каком проекте участвуют (для чего мастер-план), в качестве кого (идентичность). Для устранения разрыва интересов требуется постоянный диалог. В его основе — решаемые местные проблемы. Экспедиция продемонстрировала острую необходимость сохранения традиционного образа жизни, неразрывно связанного с Белым морем. Принятие законопроекта о предоставлении поморам, как этнокультурной коренной социальной группе, аналогичных прав, которые имеют коренные малочисленные народы Севера, представляется необходимым шагом, поскольку позволит им осуществлять традиционное рыболовство и охоту без ограничений квотами. В более широком контексте данная мера позволит замедлить отток населения из агломерации.

3. Около 40% территории Карелии входит в Арктическую зону России, что открывает особые возможности для бизнеса и жителей региона: налоговые преференции, получение бесплатного арктического гектара земли, доступ к льготной ипотеке под 2%. Стоимость мероприятий комплексного плана Кемско-Беломорской агломерации оценивается в 16,7 млрд рублей, а инвестиционных проектов агломерации — ещё на 11 млрд рублей. В горизонте десяти лет планируется качественное изменение жизни поморов, решение обозначенных местными жителями проблем, привлечение инвесторов и возрождение Карельского Поморья.

Литература и Интернет-источники

1. **Окованцев, В.С.** Своеобразие поморов онежского полуострова и зимнего берега в генетическом контексте севера Европы / В. С. Окованцев, Г. Ю. Пономарев, А. Т. Агджоян, [и др.] // Вестник Российского государственного медицинского университета. — 2022. — № 5. — С. 5–14. DOI: 10.24075 / vrgmu.2022.046; EDN: ILGYTH
2. **Тулаева, С.А.** Поморская идея: возникновение и развитие / С. А. Тулаева // Этнографическое обозрение. — 2009. — № 4. — С. 3–16. EDN: KNOHHD

3. **Питухина, М.А.** Арктические местные сообщества и зарубежная трудовая миграция в российской Арктике / М.А. Питухина, О.В. Толстогузов, А.Д. Белых // Север и рынок: формирование экономического порядка. — 2022. — Т. 25. — № 3. — С. 70–86. DOI: 10.37614 / 2220-802X.3.2022.77.005; EDN: PBKTFH
4. **Hillemann, F.** Socio-economic predictors of Inuit hunting choices and their implications for climate change adaptation / F. Hillemann, B. A. Beheim, E. Ready // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. — 2023. — Vol. 378. — No. 1889. EDN: GHSNHE
5. **Konnov, A.** Traditional livelihood, unstable environment: Adaptation of traditional fishing and reindeer herding to environmental change in the Russian Arctic / A. Konnov, Ya. Khmel'nitskaya, M. Dugina, [и др.] // Sustainability. — 2022. — Vol. 14. — No. 19. — P. 12640. DOI: 10.3390 / su141912640; EDN: HWUOFW
6. **Desjardins, S.P. A.** Looking Back While Moving Forward: How Past Responses to Climate Change Can Inform Future Adaptation and Mitigation Strategies in the Arctic / S. P. A. Desjardins, P. D. Jordan, T. M. Friesen // Quaternary International. — 2020. — Vol. 549. — P. 239–248. DOI: 10.1016 / j. quaint.2020.05.043; EDN: VWBWAV
7. **Ford, J.D.** The Resilience of Indigenous Peoples to Environmental Change / J. D. Ford, N. King, E. K. Galappaththi, [и др.] // One Earth. — 2020. — Vol. 2. — No. 6. — P. 532–543. DOI: 10.1016 / j. oneear.2020.05.014; EDN: EESAJD
8. **Galappaththi, E.K.** Adapting to climate change in small-scale fisheries: Insights from indigenous communities in the global north and south / E. K. Galappaththi, J. D. Ford, E. M. Bennett, F. Berkes // Environmental Science & Policy. — 2021. — Vol. 116. — P. 160–170. DOI: 10.1016 / j. envsci.2020.11.009; EDN: MYAVCS
9. **Замятина, Н.Ю.** Оценка потенциала жизнестойкости городов Российской Арктики / Н. Ю. Замятина, Е. А. Котов, Р. В. Гончаров, [и др.] // Вестник Московского университета. Серия 5. География. — 2022. — № 5. — С. 52–65. EDN: WENZGV
10. **Ненашева, М.В.** Феномен жизнестойкости в теории и практике адаптации арктических сообществ к экологическим вызовам / М. В. Ненашева // Арктика и Север. — 2022. — № 47. — С. 188–205. DOI: 10.37482 / issn2221-2698.2022.47.188; EDN: HBJJZV
11. **Потравный, И.М.** Этнотуризм в оценках экономического и социального благополучия населения в Арктике / И. М. Потравный, М. А. Питухина, А. Д. Белых // Арктика: экология и экономика. — 2025. — Т. 15. — № 1. — С. 143–155. DOI: 10.25283 / 2223-4594-2025-1-143-155; EDN: KUWKCW

Информация об авторах:

Питухина Мария Александровна, д.полит.н., проф. Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: maria.pitukhina@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7012-2079; РИНЦ SPIN-код: 3545–2252.

Белых Анастасия Дмитриевна, специалист управления научных исследований Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: anastasiya.belykh098@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7361-6696; РИНЦ SPIN-код: 1650–5342.

Пашкова Татьяна Владимировна, д.ист.н., проф. Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия.

Контактная информация: e-mail: finsdep@petsu.ru; ORCID: 0000-0002-0505-4767; РИНЦ SPIN-код: 9866–8566.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-2-218-227

POPULATION PROBLEMS AND DEVELOPMENT STRATEGY OF THE KEMSKO-BELOMORSKAYA AGGLOMERATION

Maria A. Pitukhina*, Anastasia D. Belykh, Tatyana V. Pashkova

Petrozavodsk State University

(33 Lenina prospect, Petrozavodsk, Russia, 185910)

*E-mail: maria.pitukhina@gmail.com

Funding:

The research was funded by the Russian Science Foundation (grant No. 25–28–00019). – URL: <https://rscf.ru/project/25–28–00019/>.

For citation:

Pitukhina M.A., Belykh A.D., Pashkova T.V. Population problems and development strategy of the Kemsco-Belomorskaya agglomeration. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 218–227. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-2-218-227 (in Russ.)

Abstract. Authors of the article participated in a strategic foresight session «Development Directions of the Kemsco-Belomorskaya Agglomeration — A Priority Development Area in Russia's Arctic Zone» organized by the Government of the Republic of Karelia and VEB.RF (State Development Corporation). The session results identified the key problems facing the local population — the Pomors — in the Arctic agglomeration and a list of promising areas for the agglomeration development. The study also bases on a field expedition to the agglomeration in the summer of 2024, the purpose of which was to verify the list of problems indicated by the local population during a foresight session in the winter of 2024. The expedition to Karelian Pomorye and interactions with the local population revealed a more extensive list of social problems among the local population than identified during the session. The Karelian hinterland is experiencing significant challenges related to population aging, youth migration, low birth rates, unemployment, deterioration of housing and public infrastructure, gasification issues, inaccessible healthcare, shortage of focused specialists, high incidence of «northern» diseases (high cholesterol), under-enrolled schools, and so on. The study has practical significance for the spatial development of the Arctic Zone of the Russian Federation (AZRF), and its approaches can be applied to other Arctic agglomerations. For instance, it was found that to preserve the Pomors' traditional way of life, it is crucial to develop a bill on including the Pomors into the Federal Register of indigenous small-numbered peoples of the North with traditional lifestyles.

Keywords: Karelian Arctic, population problems, Arctic agglomeration, socio-economic development, master plan, the Pomors, traditional lifestyle.

References and Internet sources

1. Okovantsev V.S., Ponomarev G.Y., Agdzhoyan A.T., et al. Svoyeobraziye pomorov onezhskogo poluostrova i zimnego berega v geneticheskom kontekste severa Yevropy [Peculiarity of Pomors of Onega Peninsula and Winter Coast in the genetic context of Northern Europe]. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta [Bulletin of RSMU]*. 2022. No. 5. P. 5–14. DOI: 10.24075 / vrgmu.2022.046 (in Russ.)
2. Tulaeva S.A. Pomorskaya ideya: vozniknoveniye i razvitiye [The Pomor idea: emergence and development]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*. 2009. No. 4. P. 3–16. (in Russ.)
3. Pitukhina M.A., Tolstoguzov O.V., Belykh A.D. Arkticheskiye mestnyye soobshchestva i zarubezhnaya trudovaya migratsiya v rossijskoj Arktike [Arctic local communities and foreign labor migration in the Russian Arctic]. *Sever i rynek: formirovaniye ekonomicheskogo poriyadka [North and Market: Forming an Economic Order]*. 2022. No. 3. P. 70–86. DOI: 10.37614 / 2220-802X.3.2022.77.005 (in Russ.)

4. Hillemann F., Beheim B.A., Ready E. Socio-economic predictors of Inuit hunting choices and their implications for climate change adaptation. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. 2023. Vol. 378. No. 1889. DOI: 10.1098 / rstb.2022.0395
5. Konnov A., Khmel'nitskaya Y., Dugina M., et al. Traditional livelihood, unstable environment: Adaptation of traditional fishing and reindeer herding to environmental change in the Russian Arctic. *Sustainability*. 2022. Vol. 14. No. 19. DOI: 10.3390 / su141912640
6. Desjardins S.P. A., Jordan P.D., Friesen T.M. Looking back while moving forward: How past responses to climate change can inform future adaptation and mitigation strategies in the Arctic. *Quaternary International*. 2020. Vol. 549. P. 239–248. DOI: 10.1016 / j.quaint.2020.05.043
7. Ford J.D., King N., Galappaththi E.K., et al. Resilience of indigenous peoples to environmental change. *One Earth*. 2020. Vol. 2. No. 6. P. 532–543. DOI: 10.1016 / j.oneear.2020.05.014
8. Galappaththi E.K., Ford J. D., Bennett E.M., Berkes F. Adapting to climate change in small-scale fisheries: Insights from indigenous communities in the global north and south. *Environmental Science and Policy*. 2021. Vol. 116. P. 160–170. DOI: 10.1016 / j.envsci.2020.11.009
9. Zamyatina N. Yu., Kotov E.A., Goncharov R.V., et al. Otsenka potentsiala zhiznestojkosti gorodov Rossijskoj Arktiki [Resilience potential of the Russian Arctic cities]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5. Geografiya [Lomonosov Geography Journal]*. 2022. No. 5. P. 52–65. (in Russ.)
10. Nenasheva M.V. Fenomen zhiznestojkosti v teorii i praktike adaptatsii arkticheskikh soobshchestv k ekologicheskim vyzovam [Resilience in the theory and practice of Arctic communities' adaptation to environmental challenges]. *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2022. No. 47. P. 188–205. DOI: 10.37482 / issn2221-2698.2022.47.188 (in Russ.)
11. Potravny I.M., Pitukhina M.A., Belykh A.D. Etnoturizm v otsenkakh ekonomicheskogo i sotsial'nogo blagopoluchiya naseleniya v Arktike [Ethno-tourism in assessments of economic and social well-being of the Arctic population]. *Arktika: ekologiya i ekonomika. [Arctic: Ecology and Economy]*. 2025. Vol. 15. No. 1. P. 143–155. DOI: 10.25283 / 2223-4594-2025-1-143-155 (in Russ.)

About the authors:

Pitukhina Maria Alexandrovna, Doctor of Political Sciences, Professor, Petrozavodsk State University, Russia.

Contact information: e-mail: maria.pitukhina@gmail.com; ORCID: 0000-0001-7012-2079; Elibrary SPIN-code: 3545–2252.

Belykh Anastasia Dmitrievna, Analyst, Petrozavodsk State University, Russia.

Contact information: e-mail: anastasiya.belykh098@gmail.com; ORCID: 0000-0002-7361-6696; Elibrary SPIN-code: 1650–5342.

Pashkova Tatyana Vladimirovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Petrozavodsk State University, Russia.

Contact information: e-mail: finsdep@petsu.ru; ORCID: 0000-0002-0505-4767; Elibrary SPIN-code: 9866–8566.

Статья поступила в редакцию 09.07.2025, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-2-228-240
EDN: JXDUZO

СТРУКТУРА И РОЛЬ СЕЛЬСКИХ СЕМЕЙНЫХ ДОМОХОЗЯЙСТВ В ФОРМИРОВАНИИ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЁЖИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

Хизбуллина Р.Р.^{1*}, Мухаметзянова Л.К.², Валеева А.Ф.³

¹Казанский государственный энергетический университет
(420066, Россия, Казань, ул. Красносельская, 51)

²Академия наук Республики Татарстан
(420111, Россия, Казань, ул. Баумана, 20)

³Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации
(420081, Россия, Казань, ул. Н. Ершова, 58)

*E-mail: mine_post@inbox.ru

Финансирование:

Работа выполнена за счёт гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

Для цитирования:

Хизбуллина Р.Р., Мухаметзянова Л.К., Валеева А.Ф. Структура и роль сельских семейных домохозяйств в формировании традиционных ценностей молодёжи (на примере Республики Татарстан) // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 2. — С. 228-240. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-2-228-240; EDN: JXDUZO

Аннотация. В работе с теоретико-методологических позиций и на базе эмпирических, статистических данных рассмотрены субъекты сельского домохозяйства, характеризующиеся двойственностью социально-экономического значения: с одной стороны это трудовой капитал села и рабочая сила, с другой — сила воспроизводства семейных хозяйственных ячеек, традиций, ценностей. Проведён анализ распределения домохозяйств по основным демографическим типам в городских и сельских поселениях по данным, переписи населения 2002, 2010, 2020 (2021) г., численности и состава домохозяйств в сельском населении РФ, а также семейных ячеек, входящих в состав частных домохозяйств по размеру и количеству детей моложе 18 лет по Республике Татарстан. Исходя из статистического анализа данных Всероссийской переписи населения 2020 г., данных Росстата, Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), а также информации о реализации государственной программы «Развитие молодёжной политики в Республике Татарстан на 2019–2025 годы» и подпрограммы «Сельская молодёжь» определено, что сегодня государственная поддержка сельской молодёжи и институт семьи видятся как основополагающий базис в системе формирования социально-экономической устойчивости села и интериоризации традиционных семейных ценностей, преемственности семейного дела. Сформулирован вывод о влиянии сельского семейного домохозяйства и его поддержки в процессе формирования и воспроизводства ценностей молодёжи, которые проявляются в следующих аспектах: передаче традиций семейного дела, развитии трудового воспитания, укреплении экологической сознательности, воспитании духа коллективизма и традиционных установок. Предложена модель поддержки развития сельских семейных домохозяйств.

Ключевые слова: домохозяйства, село, семья, сельская молодёжь, традиции, ценности.

Введение

В рамках положений социально-экономической теории, несмотря на дифференцированные подходы к пониманию концепции домохозяйств, могут быть найдены общие трактовки в части не только экономического, но и социального и социокультурного значения. Сегодня современные домохозяйства сохраняют социально-экономическое значение для развития страны, однако, претерпевают структурную трансформацию, которая может сказаться на социально-экономическом развитии сельских территорий и демографии села. Работы Г.С. Беккера¹ в области экономической социологии обнаруживают взаимосвязь социального и экономического в контексте анализа изучения развития домохозяйств и определения категорий полезности ими реализуемых, влияющих на их развитие и, в первую очередь на систему распределения труда между членами домохозяйств, взаимодействий между членами семьи, определяя их значимость в соответствии с вкладом в производственный процесс каждого и них

Отечественный исследователь А.Д. Паланова отмечает, что в современной экономической теории основополагающим остаётся кейнсианский подход, который применительно к категоризации домохозяйства позволяет интерпретировать его в качестве экономической единицы, в числе прочих характеристик квалифицирующейся как поставщик экономических ресурсов в национальную экономику [1]. Отечественная научная школа социологии села базируется на методологии и эмпирическом анализе исторических, политических, социально-экономических предпосылок, условий и тенденций состояния уклада и перспектив развития сельской местности и её трудовых ресурсов [2]. На региональном уровне исследования в области социологии семьи, демографии и социологии села освещены в работах специалистов ОСП «Центр семьи и демографии» Республики Татарстан (РТ) на базе исследований проблем се-

мы и демографии в регионе, выявлении тенденций и прогнозирования развития республики [3].

Домохозяйство, являясь субъектом, обозначается в качестве первичного элемента социально-экономической системы, в рамках которой реализуется задача принятия управленческих решений, планирования деторождения, распределения бюджета, формирования стратегии повышения уровня жизни в рамках отдельной ячейки в контексте социально-экономических и географических условий (сельской местности / городской среды), а также имеет ряд объективных агрегированных показателей при анализе деятельности (структура, платёжеспособность, показатели развития, потребления, инвестиций, сбережения и пр.) [4]. Рассматривая сельские домохозяйства как социально-экономический феномен, уместным видится определение Е.А. Чулковой, которая в описании базисных критериев сельских домохозяйств опирается на их понимание как семьи или группы людей (семейных ячеек), совместно проживающих в сельской местности, ведущих общее сельское и домашнее хозяйства на основе традиционного жизненного уклада [5]. Сегодня, сельские семейные домохозяйства остаются одним из основополагающих базисов формирования социально-экономической устойчивости села, социализации молодого поколения, в процессе чего формируются установки на демографическую, трудовую идентичность молодёжи, а также происходит воспроизводство и трансляция традиционных семейных ценностей, приобщение к семейному делу [6].

Опираясь на подходы отечественных исследователей о понимании семейного домохозяйства как социально-экономической категории, обобщим, что, во-первых, оно определяется наличием трудовых ресурсов для получения экономических благ и финансово-накопительного обеспечения, условиями сохранения и масштабирования традиционных семейных ценностей, семейного дела, ориентацией на деторождение. Во-вторых, формирование семейных ценностей как традиционных

¹ Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. – Москва: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.

нравственных ориентиров и установок молодёжи позволяет сохранить и закреплять духовно-нравственные традиции семьи посредством преемственности семейного дела, семейных ценностей, приращения результатов семейного предпринимательства и труда [7].

В статье рассматривается роль сельских семейных хозяйств в формировании ценностей молодого поколения в современных условиях урбанизации, обозначаются реальные практики и потенциальные возможности сохранения молодёжи на селе и сохранения традиционных ценностей на примере РТ. С целью определения особенностей современного развития сельских семейных домохозяйств были использованы: 1) методы вторичного анализа данных отечественных исследований в области экономики домохозяйств, данные Всероссийской переписи населения-2020, данные Росстата в части показателей структуры семьи и домохозяйств; 2) показатели региональной программы «Сельская молодёжь»² и, в частности, удельные веса сельской молодёжи, участвующей в программах социального и экономического развития села, в общем количестве сельской молодёжи; 3) данные эмпирических исследований ВЦИОМ.

Результаты и обсуждение

Численность населения РТ на начало 2024 г. и итогам Всероссийской переписи населения 2020 г., составляла 4,0 млн человек, из них 0,9 млн человек приходилось на село³. Сельское семейное домохозяйство мы будем рассматривать как социально-экономическую единицу, состоящую из отдельных семей с детьми и одиночек с учётом сельской территориальной принадлежности. Одними из основных видов деятельности сельских семейных домохозяйств являются: сельскохозяйственная деятель-

ность и фермерство, животноводство и ведение подсобного хозяйства, ремесла и работа по найму с целью обеспечения инфраструктуры села. Домохозяйства с развитой семейной династией могут быть более успешными в части семейного предпринимательства, однако, статистика, говорит о фактической стагнации развития и роста состава домохозяйств на селе и увеличения доли «одиночек». Данная проблема отмечается не только в нашей стране. Например, исследования, проведённые среди домохозяйств в Италии с опорой на данные переписи населения показывают, что в настоящее время происходит сокращение числа домохозяйств с пятью и более членами, старение населения, отток молодого поколения из сельской местности [8].

В России миграция молодёжи из села и выделение совершеннолетних из родительской семьи видится одной из причин уменьшения среднего размера домохозяйств, а семьи с детьми составляют лишь 1 / 5 часть домохозяйств (рис. 1). Согласно данным Росстата по РТ, число таких семейных ячеек в сельских населённых пунктах существенно ниже по сравнению с городским населением (табл. 1). Вместе с тем, наметилась некоторая положительная тенденция в ориентации на репродуктивное поведение молодёжи. Так, по данным ВЦИОМ, сегодня укрепляется понимание идеальной семьи как многодетной во всех возрастных группах, особенно среди молодёжи в возрасте 18–24 лет; россияне ориентируются в основном, на рождение 1–2 детей, но отмечается, хоть и медленный, рост намерения иметь 3–4 детей⁴. В данной связи, роль государства видится в необходимости социально-экономической поддержки членов таких домохозяйств, а также масштабирование программ мотивации сохранения молодёжи на селе, как важной потенциальной ресурсной силы.

В докладе на XVII Международной конференции статистиков труда фиксируется определение доходной единицы как одно-

² Региональный проект «Сельская молодёжь». – URL: <https://docs.cntd.ru / document / 406881445 / titles / 10EA1K> (дата обращения: 09.04.2025).

³ Возрастно-половой состав населения городских округов и муниципальных районов Республики Татарстан на начало 2024 г.: Стат. сборник / Татарстанстат. – Казань, 2024. – С. 6.

⁴ Репродуктивные планы россиян: два пишем, три в уме? // ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru / analytical-reviews / analiticheskii-obzor / reproduktivnye-planynorossijan-dva-pishem-tri-v-ume> (дата обращения: 29.03.2025).

го, так и группы лиц, которые связаны родством в пределах домохозяйства, совместно распоряжающихся доходом. Доходная еди-

ница рассматривается как наиболее адекватная для использования при исследовании экономического благосостояния с опо-

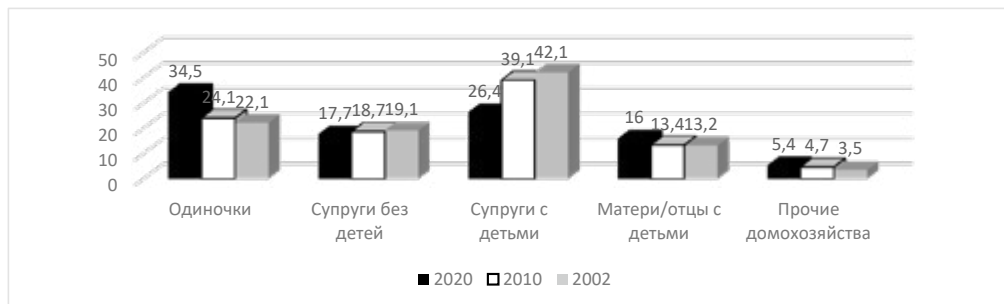

Рис. 1. Распределение домохозяйств по демографическим типам в сельских поселениях согласно данным переписей населения 2002, 2010, 2020 / 2021 гг., %, РФ (выборочные данные)

Fig. 1. Distribution of households by demographic types in rural settlements according to the census data of 2020 / 2021, 2010, 2002, %, Russia (sample data)

Источник: Прокофьева Л.М., Корчагина И.И. Демографическая структура семей и домохозяйств в России, её динамика по данным переписей населения // Демографическое обозрение. — 2023. — № 2. — С. 4–17.

рой на данные по доходу⁵. Совместное планирование бюджета рассматривается как одно из условий сохранения традиционных ценностей у молодёжи в части понимания значимости семьи как экономически устойчивой единицы с функцией общего распределения экономических благ, ресурсов, финансов.

По данным ВЦИОМ, 63% опрошенных россиян обсуждают семейный бюджет совместно с супругом / супругой или другими членами семьи (28% принимают решения самостоятельно); 83% опрошенных, живущих с супругом и детьми, вместе занимаются планированием бюджета⁶. В рамках развития традиций семейного домашнего хозяйства этот аспект важен, поскольку, являясь самостоятельным экономическим субъектом, семейное домохозяйство, хотя и имеет автономность в структуре внутреннего распределении финансов, но детер-

минировано внешними факторами и зависимо от внешних условий, покупательской способности, а также во всех случаях, когда речь идёт о приоритетном созидательно-бытовом и экономическом направлении деятельности (наличия субсидий, государственной поддержки и систем кредитования и прочего).

В традициях семейных домохозяйств, в большей степени преобладает консервативный подход к расходам и политике расходования / сбережения в целом, следовательно, к сохранению стабильности и привычного уклада. Согласно результатам, приведённым исследователями Китая, в сельских домохозяйствах обнаруживается влияние традиционных семейных ценностей на политику предупредительного сбережения и сдерживания инвестиции домохозяйств в рискованные финансовые активы [9]. По данным Росстата, в РТ фиксируется, хотя и незначительный, но стабильный рост уровня располагаемых ресурсов сельских домохозяйств (рис. 2.).

Наблюдается рост расходов домашних хозяйств села на потребление (в том числе расходы на питание, оплату услуг и про-

⁵ Report II, Household income and expenditure statistics. — Geneva, 2003. — P. 46. — URL: <https://www.ilo.org/resource/conference-paper/report-ii-household-income-and-expenditure-statistics-seventeenth> (дата обращения: 01.04.2025).

⁶ Дела семейные // ВЦИОМ. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dela-seimeinye> (дата обращения: 29.03.2025).

Таблица 1

**Семейные ячейки, входящие в состав частных домохозяйств
по размеру и количеству детей моложе 18 лет, РТ**

Table 1

Family cells included in private households by the size and number of children under 18 years old,
Tatarstan

Группа населения	Число семейных ячеек	В них лиц	Из общего числа семейных ячеек – ячейки, состоящие из:					Средний размер семейной ячейки, человек
			2 человека	3 человека	4 человека	5 и более человек		
						число ячеек	в них лиц	
Все населённые пункты	1045742	2887413	545375	267529	180771	52067	270992	2,8
Городские пункты	795077	2178766	417138	206880	137226	33833	174946	2,7
Сельские пункты	250665	708647	128237	60649	43545	18234	96046	2,8
Супружеские пары без детей	81855	163710	81855	-	-	-	-	2,0
Супружеские пары с детьми, из них	101583	383227	-	44618	39832	17133	90045	3,8
с детьми моложе 18 лет, в том числе:	66273	267598	-	18108	31842	16323	85906	4,0
с 1 ребёнком	29017	100290	-	18108	8747	2162	10978	3,5
с 2 детьми	26408	109360	-	-	23095	3313	16980	4,1
с 3 детьми	8845	44877	-	-	-	8845	44877	5,1
с 4 детьми	1453	8885	-	-	-	1453	8885	6,1
с 5 и более детьми	550	4186	-	-	-	550	4186	7,6

Источник: Всероссийская перепись населения — 2020. Число и состав домохозяйств. — URL: <https://16.rosstat.gov.ru/vpn2020> (дата обращения: 12.05.2025).

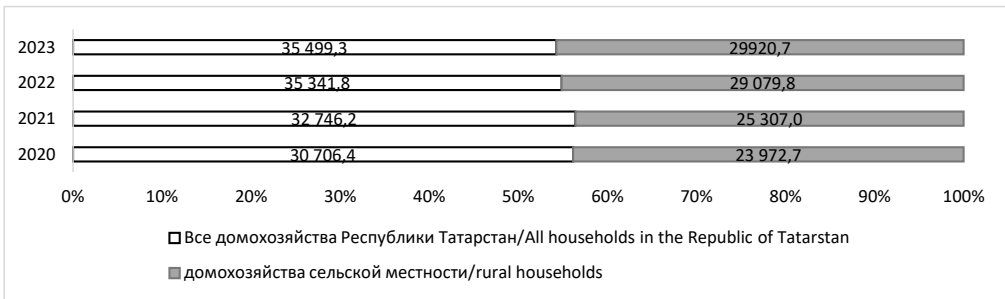

Рис. 2. Уровень располагаемых ресурсов домашних хозяйств, РТ (в среднем на члена домохозяйства в месяц), руб., 2020–2023 гг. (выборочные данные)

Fig. 2. The level of household disposable resources, Tatarstan (on average per household member per month), rubles, 2020–2023 (sample data)

Источники: Уровень располагаемых ресурсов домашних хозяйств в зависимости от места проживания по субъектам РФ. — URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyaajstv; Состав расходов на потребление домашних хозяйств различных социально-экономических категорий. — URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения 11.05.2025).

чее (рис. 3). Несмотря на небольшой рост ресурсов сельских домохозяйств, стоит обратить внимание на поддержку и масштабирование ресурсных возможностей жителей села, а также возможностей увеличения их доходной части (в частности, поддержки семейного дела, трудоспособного молодого населения). Д.М.Хомяков и В.И.Кашин⁷ отмечают, что сегодня экономическое

⁷ Кашин В.И. Спасаем село – спасаем Россию // Доклад на парламентских слушаниях на тему: «Законодательное обеспечение реализации государственной программы

развитие сельских территорий является фундаментальной компонентой в рамках стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 года. Однако, в докладе В.И.Кашина отмечается старение населения, фиксируется снижение числа населения моложе трудоспособного (–23%) и тру-

«Комплексное развитие сельских территорий». – URL: <http://komitet-agro.duma.gov.ru/novosti/11fdcbd5-fd99-459c-b65f-aece74522043>; Хомяков Д.М. Комплексное развитие сельских территорий: что имеем и что должны сохранить. – URL: <https://iarex.ru/articles/131789.html> (дата обращения: 21.04.2025).

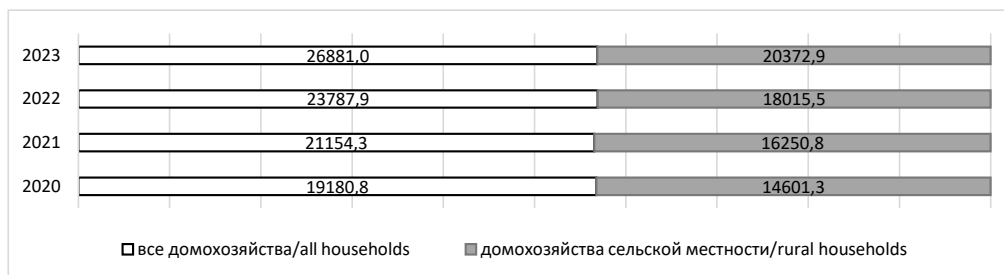

Рис. 3. Расходы домашних хозяйств на потребление, руб., 2020–2023 гг., (в среднем на члена домашнего хозяйства в месяц, выборочные данные по сост. на 07.2024)

Fig. 3. Household consumption expenditures, rubles, 2020–2023, (average per household member per month, selective data by comp. as of 07.2024)

Источник: Уровень располагаемых ресурсов домашних хозяйств в зависимости от места проживания по субъектам РФ. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozayjstv; Состав расходов на потребление домашних хозяйств различных социально-экономических категорий. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13271> (дата обращения 11.05.2025).

доспособного населения (–6%) сельской местности (рис. 4). А удельный вес расходов в рамках реализации Государственной программы «Комплексное развитие сельских территорий» в общих расходах федерального бюджета в 2020–2025 гг. составлял 0,17% против 0,58% по базовой версии.

Несмотря на фиксируемый рост доли домохозяйств-одиночек, в настоящее время на государственном уровне предпринимаются попытки поддержки социально-экономического развития сельских семейных домохозяйств и предпринимательской активности семейных династий. В 2025 г. в рамках реализации специального проекта Торгово-промышленной палаты РФ «Семейные компании России» в Казани состоялось выездное заседание Всероссийского

семейного совета с участием экспертов и семейных предпринимателей из тридцати четырёх регионов России с целью обсуждения актуальных вопросов и кейсов развития семейного дела и его роли в реализации политики государства в интересах будущего⁸. Определено, что важную роль в сохранении семейного предпринимательства и в развитии сельских семейных домохозяйств является поддержка молодёжи и снижение миграционных потоков посредством создания экономических и социальных условий в сельской местности, поддержка семейных традиций и дела.

⁸ Всероссийский семейный совет в Республике Татарстан: общие итоги и результаты работы. – URL: <https://news.tpprf.ru/ru/news/6658928> (дата обращения: 13.03.2025).

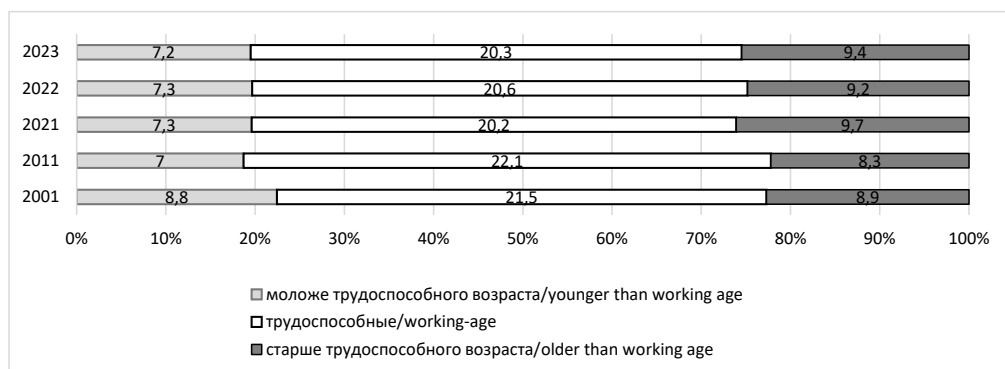

Рис. 4. Показатели динамики сельского населения, %, РФ

Fig. 4. Indicators of rural population dynamics, %, Russia

Источник: Хомяков Д.М. Комплексное развитие сельских территорий: что имеем и что должны сохранить. — URL: <https://iarex.ru/articles/131789.html> (дата обращения: 21.04.2025).

При участии авторов в 2024 г. были определены миграционные настроения в молодёжной среде РТ (онлайн-опрос, $n=1019$, 14–35 лет, выборка многоступенчатая, квотная; параметры квот — поселенческий и половозрастной составы населения РТ). По итогам опроса работающей молодёжи (не суммируя с результатами опроса учащейся молодёжи, для которой причиной миграции и оседания в городах в подавляющем большинстве является возможность получения образования) определено, что основными причинами, определяющими их миграционное поведение являются: низкий уровень зарплат, отсутствие карьерных перспектив, невозможность получения образования по интересующим специальностям, безработица, отсутствие привлекательных рабочих мест. Желание остаться в родном населённом пункте респонденты связывают с поддержкой близких и родственников (16,9%), боязнью перемен (14,3%), а также наличием собственного жилья (12,9%), удовлетворённостью жизнью в своём населённом пункте (11,6%) (рис. 5): семья и близкие играют значимую роль в нивелировании миграционных настроений молодёжи на селе.

Т. К. Ростовская и А. Б. Синельников отмечают, что понимание значимости института семьи и необходимость создания условий для устойчивого демографического роста

нашей страны через формирование традиционных семейных духовно-нравственных ценностей легли в основу «Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности до 2036 года» и национального проекта «Семья» [10].

Авторское видение фокусируется на необходимости пролонгации действующих мероприятий, программ и проектов, которые, как в «Год семьи» (2025), так и сегодня формируют основу сплочения семьи, семейного досуга и совместной семейной домохозяйственной деятельности на основе идей сохранения преемственности поколений. Формирование чувства общности интересов в семье, семейная сплочённость на основе образцов поведения и следования традиционным ценностям, транслируемым в семье, способствует укреплению молодых семей. По данным ВЦИОМ, 7 из 10 россиян отмечают крепкую семью как наиболее важную ценность⁹. В.В. Локосов отмечает, что преодоление многолетнего сокращения численности населения страны возможен, в том числе посредством возврата части населения к традиционным семейным ценностям [11]. Исследователями справедливо формулируется опасение ри-

⁹ Ценность #1: навстречу году семьи / ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennost-1-navstrechu-godu-semi> (дата обращения 14.04.2025).

сков обеспечения преемственности в сельскохозяйственном производстве в связи с возрастным составом сельских террито-

рий и старением сельского населения, увеличением среднего возраста — до 49,7 лет к 2030 г. [12; 13].

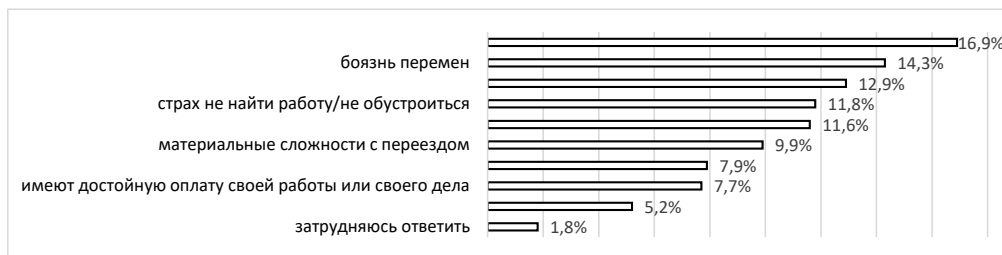

Рис. 5. Причины остаться в родном населенном пункте (по мнению работающей молодежи), %, РТ

Fig. 5. Reasons to stay in your native settlement (according to working youth), %, RT

Источник: Социальное самочувствие молодежи в Республике Татарстан в 2024 году / Министерство по делам молодежи РТ, ГБУ «Республиканский центр молодежных, инновационных и профилактических программ «Навигатор», под ред. Г. А. Шариповой — Казань: ГБУ РЦ «Навигатор», 2024. — С. 50–51.

Рис. 6. Удельный вес сельской молодежи, участвующей в программах социального развития села, в общем количестве сельской молодежи, %, РТ

Fig. 6. The proportion of rural youth participating in rural social development programs in the total number of rural youth, %, Tatarstan

Источник: Цель, задачи, индикаторы оценки результатов государственной программы «Развитие молодежной политики в Республике Татарстан на 2019–2025 годы» и финансирование по её мероприятиям. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/577952705/titles/M1N4HU> (дата обращения: 29.03.2025).

На региональном уровне в направлении поддержки интериоризации традиционных семейных ценностей через общность семейного предпринимательства на селе отметим работу Министерства сельского хозяйства и продовольствия РТ, по инициативе которого был проведен республиканский конкурс «Семейная фермерская династия Республики Татарстан» среди крестьянских (фермерских) хозяйств, который соответствует целям и задачам реализации Нацпроекта «Семья», направленного на объединение мер по поддержке семей и продвижению семейных ценностей¹⁰.

¹⁰ Семейная фермерская династия Республики Татарстан. — URL: <https://agro.tatarstan.ru/index.htm/news/2376713.htm> (дата обращения: 13.05.2025).

Отметим, что достижение стабильного социального, ресурсного уровня и развития на селе зависит от реализуемых установок сельской молодежи в отношении ценности преемственности семейного дела и получения образования для дальнейшего развития. Преемственность династий семейных домохозяйств также выступает компонентой потенциального повышения социально-экономического уровня сельских поселений. Авторами выявлено, что удельный вес молодежи, участвующей в программах развития села, в общем количестве сельской молодежи в процентном значении в 2025 г. демонстрирует рост по сравнению с 2018 г. (базовым) — на 13,9%. (рис. 6). Сохранение моло-

дэжи в рамках села возможно через вовлечение молодого поколения в территориальные проекты [14]. Авторами проанализированы данные удельного веса сельской молодёжи, участвующей в программах экономическо-

го развития села, в общем количестве сельской молодёжи РТ: показатель по сравнению с 2024 г. демонстрирует стабильность, а в сравнении с 2021 г. отмечен устойчивый рост (2021 г. — 4,8%, 2024 г. — 5,4%) (рис. 7).

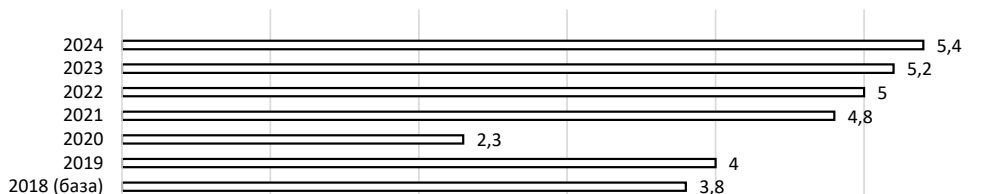

Рис. 7. Удельный вес сельской молодёжи, участвующей в программах экономического развития села, в общем количестве сельской молодёжи, %, РТ

Fig. 7. Share of rural youth participating in rural economic development programs in the total number of rural youth, %, Tatarstan

Источник: Цель, задачи, индикаторы оценки результатов государственной программы «Развитие молодёжной политики в Республике Татарстан на 2019–2025 годы» и финансирование по её мероприятиям. — URL: <https://docs.cntd.ru/document/577952705/titles/M1N4HU> (дата обращения: 29.03.2025).

В рамках федерального проекта российской Федерации «Молодые предприниматели села», разработанной при участии Министерства сельского хозяйства РФ, Министерства науки и высшего образования РФ, Министерства труда и социальной защиты РФ по поручению Президента Российской Федерации по итогам Государственного Совета РФ по аграрной политике 2019 г., предполагается дальнейшее развитие предпринимательской активности сельской молодёжи¹¹. Перечисленные программы представляют лишь часть федеральной и региональной работы с молодёжью на селе, отражая понимание запроса на сохранение молодёжи в сельской местности исходя из существующей ситуации оттока и, как следствия, социально-экономической стагнации в развитии сельских семейных домохозяйств.

Выводы

С опорой на эмпирические, статистические данные и показатели вовлеченно-

сти молодёжи в развитие семейных домохозяйств сельской местности можно сделать вывод о некоторых признаках стагнации развития сельских домохозяйств. Например, увеличение числа домохозяйств-одиночек, снижение количества молодого трудоспособного населения, отсутствие у молодёжи устойчивой ориентации на рождение 2-х детей и более, снижение численности и состава сельских семейных домохозяйств. Вместе с тем, в последнее время отмечаются позитивные тенденции в вопросе поддержки молодёжи, субсидий сельских предпринимательских инициатив, молодых семей села со стороны государства. Видится возможной реализация модели, где формирование условий для устойчивого развития семейных домохозяйств, предпринимательской активности сельской молодёжи позволит минимизировать экономические и ресурсные потери.

На основе анализа статистических данных, вторичного анализа, а также синтеза и осмысления состояния семейных домохозяйств и настроений молодёжи села определена модель развития как результирующая следующих факторов / условий. Компонентами структуры социально-экономической модели поддержки разви-

¹¹ Молодые предприниматели села. — URL: <https://xn-80ahddxcqb6a6ioc.xn--p1ai/news/glavnyenovosti/postroim-biznes-na-sele-molodyezh-selazapuskayet-proekt-molodye-predprinimateli-sela/> (дата обращения: 01.04.2025).

тия сельских семейных домохозяйств с ориентацией на вовлечение молодого поколения в семейное дело на селе являются: 1) государственные субсидии, гранты и налоговые льготы, направленные на стабильность развития села и поддержку конкурентоспособности продукции, создаваемой и реализуемой сельскими семейными домохозяйствами, расширение льгот для молодёжных предпринимательских инициатив на селе в составе сельских домохозяйств; 2) пролонгация действующих программ развития молодёжи села, молодёжных семейных домохозяйств в сельской местности, предоставление грантов на развитие семейного дела; 3) формирование образовательной инфраструктуры села посредством увеличения помещений для обучения, тренировки, прототипирования средств для развития села, организация консультации, увеличе-

ния количества грантовых программ поддержки стартап-проектов сельской молодёжи, молодых семей, молодых семейных домохозяйств на селе; 4) инвестирование в сельскохозяйственную отрасль в части модернизации транспортной доступности, логистики, улучшения состояния объектов ЖКХ на селе, развитие социальной инфраструктуры в сельской местности с целью сохранения числа семейных домохозяйств села и нивелирования оттока сельской молодёжи, создания условий для расширения семей. В целом, влияние сельского семейного домохозяйства на ценности молодёжи проявляется во многих аспектах: передача традиционных ценностей, развитие трудового воспитания, укрепление экологической сознательности, воспитание духа коллективизма и формирование социальных ценностей и установок.

Литература и Интернет-источники

1. **Паланова, А.Д.** Эволюция подходов к определению роли домашних хозяйств в экономике / А.Д. Паланова // Тарифное регулирование и экспертиза. — 2019. — № 1. — С. 2–4. EDN: USBVFT
2. **Нефедова, Т.Г.** Трансформация сельского хозяйства России и проблемы трудовых ресурсов в сельской местности / Т.Г. Нефедова // Экономические и социальные проблемы России. — 2025. — № 2(62). — С. 137–155. DOI: 10.31249/espr/2025.02.07; EDN: UAFVW
3. **Ильдарханова, Ч.И.** Опыт Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан в научно-методическом сопровождении демографической политики Республики Татарстан / Ч.И. Ильдарханова, Г.Н. Ершова, В.Н. Архангельский // Вопросы управления. — 2024. — Т. 18. — № 5(90). — С. 35–47. DOI: 10.22394/2304-3369-2024-5-35-47; EDN: JUQLJM
4. **Миронова, А.А.** Семья и домохозяйство в России: демографический аспект. / А.А. Миронова, Л.М. Прокофьева // Демографическое обозрение. — 2018. — Т. 5. — № 2. — С. 103–121. EDN: XWCDYT
5. **Чулкова, Е.А.** Сельские домашние хозяйства как многофункциональный объект управления в региональной экономике / Е.А. Чулкова // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. — 2012. — № 3(35). — С. 158–161; EDN: PBPEDB
6. **Абдульязнов, А.Р.** Брачное и репродуктивное поведение современной российской молодёжи / А.Р. Абдульязнов, Г.М. Рустамова // Народонаселение. — Т. 27. — № S1. — 2024. — С. 94–106. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-94-106; EDN: RGQIRV
7. **Акутина, С.П.** Формирование семейных ценностей молодёжи в эпоху трансформации преемственности поколений / С.П. Акутина // Межпоколенческие отношения: современный дискурс и стратегические выборы в психолого-педагогической науке и практике. — Москва, 2020. — С. 111–113. DOI: 10.24411/9999-047A-2020-00029; EDN: BOZKRM
8. **Verrascina, M.** A territorial reading of households and families changes in Italy over the last 50 years / M. Verrascina, S. Dardanelli, A. Guglielmi. // Rivista Italiana di Economia Demografia e Statistica. — 2026. — Vol. LXXX. — No. 4. DOI: 10.71014/sieds.v80i3.460
9. **Ye, J.** Do Traditional Family Values Affect Household Asset Allocation? — Empirical from China / J. Ye, L. Zhao // Journal of Family and Economic Issues. — 2024. — Vol. 46. — P. 277–296.

DOI: 10.1007 / s10834-024-10004-w; EDN: PRGIDK

10. **Ростовская, Т.К.** Ценности брака как основа благополучия российских семей / Т.К. Ростовская, А.Б. Синельников // Вопросы управления. — 2025. — Т. 19. — № 2. — С. 6–16. EDN: BRNKHT
11. **Локоsov, В.В.** Демографическое развитие России: динамика и социально-экономические риски / В.В. Локоsov // Вестник Российской академии наук. — 2020. — Т. 90. — № 3. — С. 251–258. DOI: 10.31857 / S086958732003010X; EDN: BOPSEX
12. **Морковкин, Д.Е.** Экономические последствия депопуляции сельских территорий для развития аграрного сектора / Д.Е. Морковкин, Д.И. Ряховский, Ю.А. Симагин, Н.А. Назарова // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 4. — С. 93–104. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-4-93-104; EDN: AFTRKI
13. **Симагин, Ю.А.** Результаты исследований демографических проблем России в XXI веке / Ю.А. Симагин // Народонаселение. — 2021. — Т. 24. — № 4. — С. 4–22. DOI: 10.19181 / population.2021.24.4.1; EDN: GQUDHJ
14. **Теодорович, М.Л.** Социальные детерминанты приверженности молодежи малых городов территории проживания / М.Л. Теодорович, Н.В. Шангин, Н.Н. Патокина / Семья и работа: материалы международной научно-практической конференции (Нижегород, 19–20 сентября 2024 г.). — Нижний Новгород, 2024. — С. 687–691. EDN: IZJYMI

Сведения об авторах:

Хизбуллина Радмила Радиковна, к.соц.н., доцент, Казанский государственный энергетический университет, Казань, Россия.

Контактная информация: e-mail: mine_post@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-0026-217X; ПИНЦ SPIN-код: 4595–6584.

Мухаметзянова Лилия Касымовна, к.биол.н., главный учёный секретарь Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия.

Контактная информация: e-mail: muhametzyanova@mail.ru; ПИНЦ SPIN-код: 8258–2239.

Валеева Алсу Фоатовна, д.соц.н., проф., Казанский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, Казань, Россия.

Контактная информация: e-mail: alsval@mail.ru; ПИНЦ SPIN-код: 7153–2137.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-2-228-240

STRUCTURE AND ROLE OF RURAL FAMILY HOUSEHOLDS IN THE FORMATION OF TRADITIONAL VALUES OF YOUTH (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

Radmila R. Khizbullina^{1*}, Lilia K. Mukhametzyanova², Alsu F. Valeeva³

¹Kazan State Power Engineering University
(51 Krasnoselskaya str., Kazan, Russia, 420066)

²Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
(20 Baumana str., Kazan, Russia, 420111)

³Kazan Cooperative Institute, Branch of the Russian University of Cooperation
(58 N. Ershova str., Kazan, Russia, 420081)

*E-mail: mine_post@inbox.ru

Funding:

The work was funded by a grant of the Tatarstan Academy of Sciences provided to young candidates of sciences (postdoctoral fellows) within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan «Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan».

For citation:

Khizbullina R.R., Mukhametzyanova L.K., Valeeva A.F. Structure and role of rural family households in the formation of traditional values of youth (on the example of the Republic of Tatarstan). *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 228-240. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-2-228-240 (in Russ.)

Abstract. *In working with theoretical and methodological positions and on the basis of empirical, statistical data, there is considered rural household characterized by duality of the socio-economic character: on the one hand, it is the labor capital and labor force of the village, on the other hand, it is the power of social production and reproduction of family economic units, traditions, values. There has been identified the problem of preserving the values of family affairs as traditional in rural areas, based on an analysis of the distribution of households by major demographic types in urban and rural settlements, censuses of 2002, 2010, 2020 (2021), the number and composition of households in rural population of the Russian Federation, as well as family units as parts of private households by size and by number of children under the age of 18 in the Republic of Tatarstan, scaling of single households. Statistical analysis of data from the All-Russian Population Census of 2020, data from the Federal State Statistics Service, Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), as well as information on the implementation of the state program «Development of youth policy in the Republic of Tatarstan for 2019–2025» and the subprogram «Rural youth» showed that today state support for rural youth and the institution of family are seen as the fundamental basis in the system of formation of socio-economic stability of the village and interiorization of traditional family values, of family continuity. The conclusion is formulated about the influence of the rural family household and its support in the process of forming and reproducing the values of youth, which are manifested in the following aspects: transfer of family traditions, development of labor education, strengthening of environmental consciousness, fostering the spirit of collectivism and traditional values. A model for supporting the development of rural family households is proposed.*

Keywords: households, village, family, rural youth, traditions, values.

References and Internet sources

1. Palanova A.D. Evolyutsiya podkhodov k opredeleniyu roli domashnikh khozyaystv v ekonomike [Evolution of approaches to determining the role of households in the economy]. *Tarifnoe regulirovanie i ekspertiza [Tariff Regulation and Expertise]*. 2019. No. 1. P. 2–4. (in Russ.)
2. Nefedova T.G. Transformatsiya sel'skogo khozyaystva Rossii i problemy trudovykh resursov v sel'skoy mestnosti [Transformation of agriculture in Russia and regional problems of labor resources in rural areas]. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye problemy Rossii [Economic and Social Problems of Russia]*. No. 2 (62). 2025. P. 137–155. DOI: 10.31249 / espr / 2025.02.07 (in Russ.)
3. Ildarkhanova Ch. I., Ershova G.N., Arkhangelsky V.N. Opyt Tsentra sem'i i demografii Akademii nauk Respubliki Tatarstan v nauchno-metodicheskom soprovozhdenii demograficheskoy politiki Respubliki Tatarstan [Experience of the Family and Demography Center of the Tatarstan Academy of Sciences in scientific and methodological support of the demographic policy of the Republic of Tatarstan]. *Voprosy upravleniya [Management Issues]*. Vol. 18. No. 5 (90). 2024, P. 35–47. DOI: 10.22394 / 2304-3369-2024-5-35-47 (in Russ.)
4. Mironova A.A., Prokofieva L.M. Sem'ya i domokhozyaystvo v Rossii: demograficheskiy aspekt [Family and household in Russia: the demographic aspect]. *Demograficheskoye obozreniye [Demographic Review]*. 2018. Vol. 5. No. 2. P. 103–121. (in Russ.)
5. Chulkova E.A. Selskiye domashniye khozyaystva kak mnogofunktsional'nyy ob'yekt upravleniya v regional'noy ekonomike [Rural households as multifunctional object of management in regional economy]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [Izvestia of Orenburg State Agrarian University]*. 2012. No. 3(35). P. 158–161. (in Russ.)

6. Abdulzyanov A.R., Rustamova G.M. Brachnoye i reproduktivnoye povedeniye sovremennoy rossiyskoy molodyozhi [Mating and reproductive behavior of modern Russian youth]. *Narodonaselenie [Population]*. Vol. 27. No. S1. 2024. P. 94–106. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-S1-94-106 (in Russ.)
7. Akutina S.P. Formirovaniye semeynykh tsennostey molodyozhi v epokhu transformatsii preymstvennosti pokoleniy [Formation of family values of young people in the era of transformation of generational continuity]. *Mezhpokolencheskiye otnosheniya: sovremennyy diskurs i strategicheskiye vybory v psikhologo-pedagogicheskoy nauke i praktike. [Intergenerational Relations: Current Discourse and Strategic Choices in Psychological and Pedagogical Research and Practice]*. Moscow. 2020. P. 111–113. DOI: 10.24411 / 9999-047A-2020-00029 (in Russ.)
8. Verrascina M., Dardanelli S., Guglielmi A. A territorial reading of households and families changes in Italy over the last 50 years. *Rivista Italiana di Economia Demografia e Statistica*. 2026. Vol. LXXX. No. 4. Available at: <https://www.rieds-journal.org/rieds/article/view/460/470> (Accessed: 10 April 2026).
9. Ye J., Zhao L. Do traditional family values affect household asset allocation? — Empirical from China. *Journal of Family and Economic Issues*. 2024. Vol. 46. P. 277–296. DOI: 10.1007 / s10834-024-10004-w
10. Rostovskaya T.K., Sinelnikov A.B. Tsennosti braka kak osnova blagopoluchiya rossiyskikh semey [Marriage value as the basis for the Russian families well-being]. *Voprosy upravleniya [Management Issues]*. 2025. Vol. 19. No. 2. P. 6–16. (in Russ.)
11. Lokosov V.V. Demograficheskoye razvitiye Rossii: dinamika i sotsial'no-ekonomicheskiye riski [Population change in Russia: dynamics and socio-economic risks]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*. 2020. Vol. 90. No. 3. P. 251–258. DOI: 10.31857 / S086958732003010X (in Russ.)
12. Morkovkin D.E., Ryakhovsky D.I., Simagin Yu. A., Nazarova N.A. Ekonomicheskiye posledstviya depopulyatsii sel'skikh territoriy dlya razvitiya agrarnogo sektora [Economic consequences of the rural areas depopulation for agricultural development]. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 4. P. 93–104. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2025-4-93-104 (in Russ.)
13. Simagin Yu. A. Rezul'taty issledovaniy demograficheskikh problem Rossii v 21 veke [Results of the study of demographic problems in Russia in the 21st century]. *Narodonaselenie [Population]*. 2021. Vol. 24. No. 4. P. 4–22. DOI: 10.19181 / population.2021.24.4.1 (in Russ.)
14. Teodorovich M.L., Shangin N.V., Patokina N.N. Sotsial'nyye determinanty priverzhennosti molodezhi malykh gorodov territorii prozhivaniya [Social determinants of the commitment of youth in small towns to the territory of residence]. *Sem'ya i rabota: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Family and Work. Proceedings of the international scientific and practical conference]*. Nizhny Novgorod, 19–20 September 2024. Nizhny Novgorod. 2024. P. 687–691. (in Russ.)

Information about the authors:

Khizbullina Radmila Radikovna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Contact information: e-mail: mink_post@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-0026-217X; Elibrary SPIN-code: 4595–6584

Mukhametzyanova Lilia Kasymovna, Candidate of Biological Sciences, Chief Scientific Secretary of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia

Contact information: e-mail: mukhametzyanova@mail.ru; Elibrary SPIN-code: 8258–2239.

Valeeva Alsu Foatovna, Doctor of Sociology, Professor, Kazan Cooperative Institute, Branch of the Russian University of Cooperation, Kazan, Russia

Contact information: e-mail: alsval@mail.ru; Elibrary SPIN-code: 7153–2137.

Статья поступила в редакцию 26.05.2025, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-2-241-256
EDN: JMFEFC

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Полянская Е.В.

Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания
(675000, Россия, Благовещенск, ул. Калинина, 22)

E-mail: polanska2011@yandex.ru

Для цитирования:

Полянская Е.В. Демографическое развитие Амурской области: проблемы и перспективы // Народонаселение. — 2026. — Т. 29. — № 2. — С. 241-256. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-2-241-256; EDN: JMFEFC

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции демографического развития в Амурской области за 20-летний период (2004–2024 гг.). Несмотря на экономический рост, не происходит снижения неравенства и бедности, что вносит вклад в депопуляцию. Выявлена смена доминирующих факторов сокращения населения: если в 2007–2018 гг. ключевым фактором была миграционная убыль, то с 2019 г. преобладающее значение приобрела естественная убыль. Анализ трансформации структуры населения по возрасту выявил ситуацию с сокращением трудового потенциала и ростом демографической нагрузки пожилыми возрастными группами, что связано, в том числе с ростом смертности трудоспособного населения. Численность сельского населения убывает более быстрыми темпами, чем численность городского населения, что связано с более высокой смертностью в сельской местности по всем ведущим причинам. Процессы старения нарастают в городской и сельской местности, при этом глубина старения в сельской местности больше, чем в городской. Показано, что на снижение рождаемости оказывает негативное влияние сокращение женщин в наиболее репродуктивных возрастах. В то же время, сельское население оказалось более отзывчивым на введение мер поддержки для стимулирования рождаемости, о чём свидетельствует более высокий суммарный коэффициент рождаемости. Традиционно в сельской местности рождаемость была более интенсивной, чем в городской, но в настоящее время эти различия снижаются. Полученные результаты подчёркивают важность учёта региональных особенностей при реализации демографической политики, необходимость межведомственного взаимодействия для обеспечения демографического развития регионов России.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, демографическая нагрузка, суммарный коэффициент рождаемости, Дальний Восток, естественная убыль, миграционная убыль.

Введение

Проблемы демографического развития Дальневосточного федерального округа (ДФО) находятся в приоритете государственной политики более 20 лет, о чем свидетельствует большое количество государственных программ и постановлений, направленных на преодоление отрицательных демографических трендов в макрорегионе. В 2024 г. закончился срок действия ключевых национальных проектов — «Здравоохранение» и «Демография», которые не привели к улучшению демографической ситуации в стране [1; 2]. Среди многообразных причин был и недоучёт региональных особенностей, которые значительным образом влияют на эффективность реализации мер государственной политики [3; 4].

В отечественных работах регионы ДФО часто являются объектами исследований, в которых подчёркивается, что основной демографической проблемой регионов, за исключением Республики Саха (Якутия), выступает депопуляция, вызванная сочетанием низкой рождаемости, высокой смертности и миграционного оттока [5–8]. В числе причин сложной демографической ситуации в макрорегионе — диспропорции территориальных и демографических характеристик, низкий уровень и качество жизни, интенсивный многолетний миграционный отток, преимущественно населения трудоспособных и детских возрастов, суровые климатические условия [9–13].

В научных публикациях прослеживаются сочетание двух основных подходов к решению демографических проблем ДФО: социально-экономический и миграционный. По мнению многих учёных, миграционный отток — следствие неудовлетворённости базовыми условиями жизни, а миграционная политика не способна переломить тренд без комплексных изменений в экономике и социальной сфере. Так, Е.Л. Мотрич отмечает, что, поскольку главной причиной сокращения численности населения выступает миграционный отток, основным источником прироста населения должно быть создание благоприятных условий

для закрепления населения и мигрантов, формирование позитивной мотивации для привлечения новых жителей, а также обеспечение дальневосточных жителей социальными стандартами не ниже «среднероссийских» [14].

В исследовании Ю.А. Авдеева и В.Л. Ушаковой проводится критический анализ существующей демографической политики на Дальнем Востоке. Авторы отмечают, что ставка на стимулирование рождаемости и снижение смертности не может привести к желаемому результату из-за деформации возрастной структуры населения, вызванной массовым оттоком в 1990-е годы. Учёные подчёркивают, что существующая ресурсно-экспортная модель экономики способствует оттоку населения, поэтому необходим переход к новой индустриализации и развитию отраслей, ориентированных на долгосрочные приоритеты социально-экономического развития региона [15]. По мнению Л.Л. Рыбаковского, в числе комплекса мер, призванных выравнивать демографическую динамику, относятся борьба со смертностью от внешних причин, развитие социальной, улучшение транспортной доступности [16]. Несмотря на общность многих демографических проблем в регионах Дальнего Востока, глубина их проявления, долгосрочность и наличие ресурсов для преодоления негативных тенденций существенно различаются [17; 18].

В соответствии с «Национальной программой социально-экономического развития Амурской области на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.», утверждённой Постановлением Правительством Амурской области № 381 от 24 апреля 2023 г., к ключевым конкурентным преимуществам региона являются близость к КНР, значительные запасы минерально-сырьевых и лесных ресурсов. Тем не менее, регион характеризуется ежегодной убылью населения. Вместе с тем, научных работ по особенностям демографических процессов в Амурской области мало. Цель данной статьи заключается в комплексном анализе демографического развития Амурской области за период 2004–2024 гг. с акцентом на ключевые тен-

денции, проблемы и перспективы. Информационной базой исследования послужили официальные данные Росстата. Для оценки процесса демографического старения населения анализировались коэффициенты демографической нагрузки, средний возраст, а также рассчитывался индекс глубины старения населения (доля населения в возрасте 75–89 лет) в общем числе населения старше трудоспособного возраста) для городского и сельского населения, который широко используется исследователями [19–22].

Результаты исследования

Общие итоги динамики населения и определяющих её компонентов. Амурская область занимает 60-е место по общей численности населения среди субъектов РФ и 13-е — по общей площади. Численность населения области на 1 января 2024 г. составляла 750,83 тыс. человек. В регионе продолжается ежегодное сокращение численности населения, начавшееся в 1990 году. За период с 2004 г. численность населения Амурской области, сократилась на 123,9 тыс. человек, или на 14,2%.

В большей степени уменьшается сельское население (на 19,4%) нежели городское (на 11,6%). Вместе с тем, доля сельского населения в области все ещё остаётся выше среднероссийской, составляя, по данным 2024 г., 31,5%.

С 2004 по 2024 гг. скорость сокращения численности городского населения в целом снижалась, в то время как сельского — росла. Однако, за последние три года (2022–2024 г.) наблюдается сокращение темпов убыли как городского, так и сельского населения. Максимальные темпы убыли населения были зафиксированы в 2011 г., когда сельское население уменьшилось на 3%, а городское на 1% по сравнению с 2010 годом. Это было связано с результатами Всероссийской переписи населения 2010 г., которые выявили, что миграция из региона в этот период по данным текущего учёта была сильно недооценена. В Амурской области процесс сокращения населения связан как с естественной убылью, так и с миграционным оттоком населения. Однако вклад их в убыль населения на протяжении рассматриваемого 20-летия значительно различается (рис. 1).

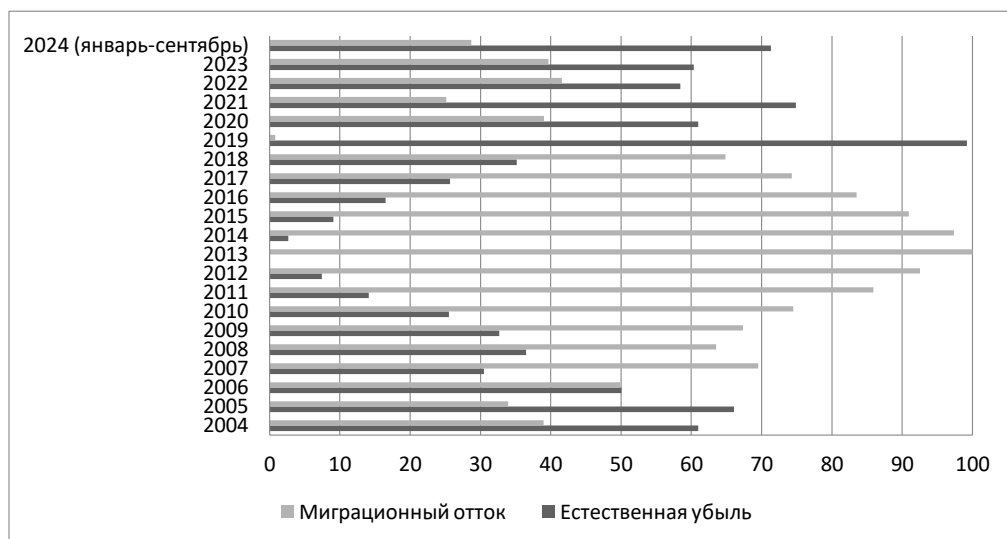

Рис. 1. Компоненты естественного движения населения, 2004–2024 гг., %

Fig. 1. Components of natural population movement, 2004–2024, %

Источник: рассчитано по данным Росстата.

Таблица 1

**Динамика компонент естественного движения городского и
Сельского населения Амурской области, 2005-2023 гг., ‰**

Table 1

Dynamics of mortality of urban and rural population in Amur region, 2005-2023, ‰

Год	Городское население			Сельское население			Всего		
	ОКС	ОКР	КЕП	ОКС	ОКР	КЕП	ОКС	ОКР	КЕП
2005	16,5	12	-4,5	18,6	10,9	-7,7	17,2	12,3	-4,9
2010	14,4	13	-1,4	17,2	12,9	-4,3	15,3	13,8	-1,5
2011	14	12,9	-1,1	16,4	15,4	-1	14,8	13,6	-1,2
2012	14	13,7	-0,3	16,2	15,1	-1,1	14,8	14,4	-0,4
2013	13,2	13,2	0	15,3	15,6	0,3	13,9	14,1	0,2
2014	13,4	12,7	-0,7	14,9	15,9	1	13,9	13,7	-0,2
2015	13,3	13,4	0,1	15,1	15,7	0,6	13,9	13,4	-0,5
2016	13,4	13,1	-0,3	14,7	13,4	-1,3	13,8	13	-0,8
2017	12,9	12,2	-0,7	14,5	12,6	-1,9	13,4	11,9	-1,5
2018	13	11,4	-1,6	14,5	11,3	-3,2	13,5	11,2	-2,3
2019	13,6	10,2	-3,4	15,2	10,7	-4,5	14,2	10,1	-4,1
2020	16	10,4	-5,6	17,1	9,9	-7,2	16,3	10	-6,3
2021	17,9	9,7	-8,2	20,3	9,3	-11	18,7	9,6	-9,1
2022	14,2	9,1	-5,1	16,2	9,5	-6,7	14,8	9,1	-5,7
2023	13,5	9,2	-4,3	15,4	9,1	-6,3	14,1	9,2	-4,9

Примечания: ОКС – общий коэффициент смертности; ОКР – общий коэффициент рождаемости; КЕП – коэффициент естественного прироста (убыли).

Источник: рассчитано по данным Росстата.

С 2004 по 2006 гг. сокращение населения было обусловлено, в первую очередь, естественной убылью. В этот период доля естественной убыли в общей убыли населения колебалась в диапазоне от 50,1% до 66,1%. После 2007 г. и до 2018 г. главным источником сокращения численности населения выступала миграционная убыль, доля которой составляла от 69,5% в 2007 г. до 64,9% в 2018 году. В 2014 г. по данным социологического опроса, 39,3% респондентов планировали покинуть Амурскую область. Среди основных факторов, которые мотивировали на отъезд, неизменными остаются плохая экология (43,7%), неудовлетворённость условиями работы (26,6%), низкое качество жизни (17,1%)¹.

¹ Агаркова О.А., Войт Л.Н. Отношение населения к миграционным процессам, касающимся Амурской области // Бюллетень физиологии и патологии дыхания. – 2014. – № 51. – С. 75–78.

Распространение коронавирусной инфекции COVID-19 с 2020 г. привело к росту естественной убыли в регионе. Но, уже начиная с 2022 г. ситуация начала меняться в лучшую сторону. И в 2023 г. показатель естественной убыли составил –4,9‰, что приблизилось к допандемийному уровню (–4,1‰ в 2019 г.) В настоящее время, естественная убыль остаётся на высоком уровне (–5,3‰ за январь-ноябрь 2024 г.), что гораздо выше среднего уровня по ДФО (–3,1‰). На этом фоне роль миграционного фактора сокращается.

Естественное движение населения в городской и сельской местности Амурской области имеет специфику. Естественная убыль населения в сельской местности носит более интенсивный характер на протяжении всего рассматриваемого периода.

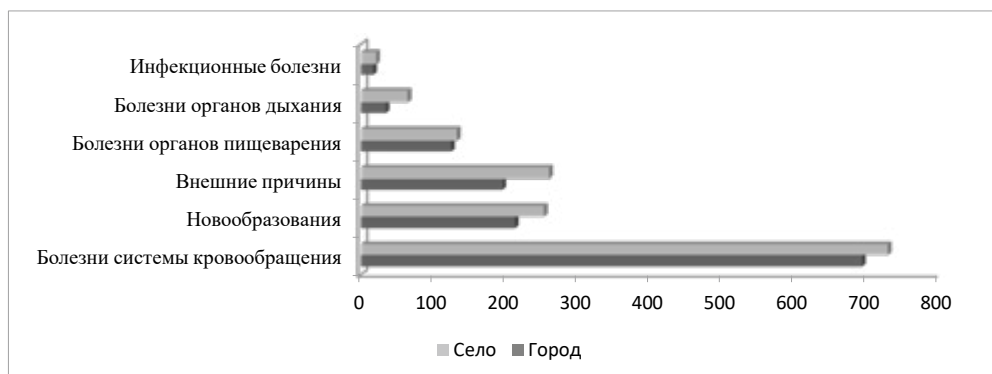

Рис. 2. Смертность городского и сельского населения в Амурской области от некоторых причин, 2024 г., на 1000 населения

Fig. 2. Mortality of urban and rural population in the Amur Region from certain causes, 2024, per 1,000 population

Источник: рассчитано по данным Амурстата.

да (табл. 1). Её источником является, прежде всего, более высокая общая смертность сельского населения (рис. 2). Тем не менее, значение общих коэффициентов смертности снижается за 2005–2023 гг. примерно с одинаковой интенсивностью на 17–18% в городе и селе. Общие коэффициенты рождаемости на протяжении большей части рассматриваемого периода, помимо 2011–2015 гг., были близки в городском и сельском населении и не компенсировали для сельского населения повышенных потерь из-за смертности.

По всем ведущим классам причин смерти показатели смертности сельского населения превышают аналогичные показатели для городских жителей. Болезни системы кровообращения остаются доминирующей причиной смерти как в городской, так и в сельской местности, при этом уровень смертности сельского населения незначительно превышает городской; по классу новообразований также фиксируется умеренное превышение сельских показателей над городскими. Наиболее выраженная диспропорция зафиксирована по болезням органов дыхания: уровень смертности сельского населения превышает городской на 87,7%, что свидетельствует о дефиците доступности специализированной пульмонологиче-

ской помощи в сельских территориях и согласуется с результатами ранее проведённых исследований [23]. Значительный внутрирегиональный разрыв выявлен и в уровне смертности от внешних причин: превышение показателя смертности сельских жителей над городскими составило 33,1%. Данные тенденции коррелируют с общерегиональными закономерностями на Дальнем Востоке².

Возрастная структура населения и глубина демографического старения. Неблагоприятные тенденции сокращения численности населения существенно влияют на структуру половозрастной пирамиды (рис. 3).

Согласно классификации Г.Сундберга, тип возрастной структуры населения в регионе можно классифицировать как старое, убывающее население. В половозрастной пирамиде населения региона на начало 2024 г. обращает на себя внимание выраженная диспропорция женского и мужского населения. В возрастных группах до 29 лет в Амурской области отмечается превышение численности мужского населения над женским: на 1000 мужчин в возрасте до 4 лет приходится 949 женщин, 5–9 лет —

² Щербакова Е.М. Воспроизводство городского и сельского населения России // Демоскоп Weekly. – 2025. – № 1095–1096.

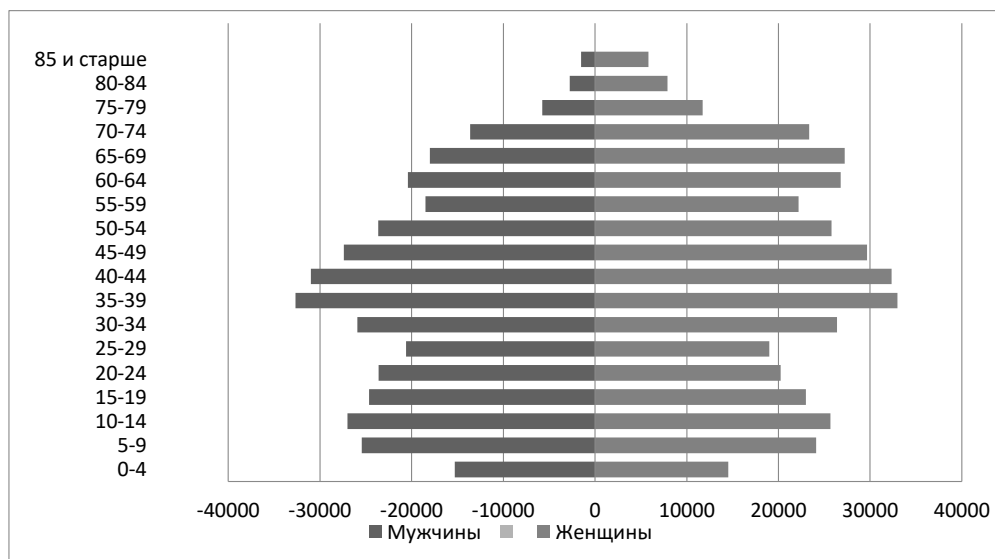

Рис. 3. Половозрастная пирамида, Амурская область в 2024 году

Fig. 3. Age and sex pyramid, Amur region in 2024

Источник: рассчитано по данным Росстата.

948, 10–14 лет–951, 15–19 лет — 932, 20–24–858, 24–29–922 женщины. В группах старше 45 лет превалирует численность женского населения над мужским: на 1000 мужчин в возрастной группе 45–49 лет приходится 1083 женщины, 50–54 года — 1092, 55–59 лет — 1201, 60–64 года — 1313. Начиная с 65 лет разница составляет более 1,5 раза (65–69 лет — 1512; 70–74 года — 1711), с 75 лет — 2 раза и выше (75–79 лет — 2043; 80–84 года — 2867). Максимальный разрыв в соотношении мужского и женского населения отмечается в возрастной категории 85 лет и старше (3798 женщины на 1000 мужчин), что связано с большей продолжительностью жизни среди женского населения. Быстрые изменения происходят в структуре населения старше трудоспособного возраста, на что указывает рост индекса глубины старения, который наиболее выражен в сельских населённых пунктах, а также увеличение среднего возраста населения (табл. 2). Это свидетельствует о превалировании проживания наиболее пожилых жителей Амурской области в сельских пунктах.

Многолетний период сокращения городского и сельского населения, низкой рождаемости и роста продолжительности жизни, преимущественно в женской популяции привели к деформации демографической структуры населения. Период с 2004–2007 гг. был наиболее благоприятным для региона с точки зрения получения «демографического дивиденда», который выразился в наиболее низкой демографической нагрузке на население рабочих возрастов. Начиная с 2007 г. в регионе превалирует демографическая нагрузка со стороны пожилых, нежели детей: коэффициент демографической нагрузки пожилыми вырос на 35,6%, коэффициент демографической нагрузки младшими возрастами на 14%. Увеличение нагрузки также связано с сокращением численности трудоспособного населения, которая сократилась на 121 тыс. человек или на 21,3%.

Процессы воспроизводства и смертности населения. Демографический прогноз. В целом, в регионе отмечается рост продолжительности жизни (рис. 4). Традиционно, продолжительность жизни (ОПЖ)

Таблица 2

**Характеристика возрастной структуры населения Амурской области,
2004 и 2024 гг. (на 1 января соответствующего года)**

Table 2

Characteristics of the age structure of the Amur Region population,
2004 and 2024 (as of January 1 of the corresponding year)

Год	Место проживания	Средний возраст, лет	Индекс глубины старения, всего	Доля женщин в возрастах (лет), %			
				20-24	25-29	30-34	35-39
2004	всего	33,19	2,70	8,31	7,86	7,05	6,15
	город	32,95	2,93	8,90	8,20	7,24	6,12
	село	33,61	2,30	7,01	7,00	6,64	6,22
2024	всего	39,03	5,4	5,13	4,75	6,63	8,25
	город	38,79	5,31	5,39	4,98	7,04	8,66
	село	39,54	5,70	4,57	4,23	5,71	7,35

Источники: рассчитано по данным Росстата, данным Demoscope Weekly.

женщин больше, чем у мужчин (в 2023 г. — на 12,44 года). Для региона характерна незначительная конвергенция в показателях ОПЖ между мужчинами и женщинами, за счёт роста ОПЖ как у женщин (на 7,13 лет), так и у мужчин (на 8,09 лет) за последние 20 лет. С 2022 г. по настоящее время, продолжается процесс восстановительного роста продолжительности жизни

ни после критического снижения в пандемийный период. В 2023 г. показатель ожидаемой продолжительности жизни населения Амурской области вырос незначительно (на 0,05 лет), исключительно за счёт вклада женского населения, поскольку ожидаемая продолжительность жизни у мужчин сократилась на 0,3 года по сравнению с 2022 годом.

Рис. 4. Изменение показателя ОПЖ в Амурской области, 2004–2023 гг. (лет)

Fig. 4. Change in life expectancy at birth in the Amur Region, 2004–2023 (years)

Источник: составлено по данным Росстата.

С 2018 по 2023 гг. уровень смертности в детских и старших возрастах в целом снижался в Амурской области, что способствовало росту ожидаемой продолжительности жизни (табл. 3). Однако, с 2021 г. регион характеризуется незначительным ростом смертности детского населения, что требует незамедлительного внимания со стороны системы здравоохранения. Смертность населения трудоспособного возраста, кото-

рая являлась ключевым показателем Национального проекта «Здравоохранение», также имеет тенденцию к росту за анализируемый период.

Важно отметить, что на Дальнем Востоке тенденция роста смертности детского населения с 2021 г. характерна исключительно для Амурской области (табл. 4). В большинстве субъектов Дальнего Востока зафиксировано существенное сниже-

ние уровня смертности детей 0–17 лет как в долгосрочном горизонте (2018–2023 гг.), так и в постпандемийный период 2021–

2023 гг., что позволяет говорить о закреплении тренда снижения смертности детского населения.

Таблица 3

Динамика смертности в основных возрастах в Амурской области (на 100 тыс. человек)

Table 3

Mortality dynamics in the main ages in the Amur region (per 100,000 population)

Показатель	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Темп убыли/ роста
Смертность детей 0-17 лет	62,3	57,5	54	43,8	45,5	48,6	-21,99
Смертность населения трудоспособного возраста	659,6	687,1	743,5	765,5	692,4	752,4	14,07
Смертность населения старше трудоспо- собного возраста (женщины 55 лет и стар- ше, мужчины 60 лет и старше)	4186,4	4360,5	5122	6056,3	4587,6	4107,8	-1,88

Источник: сформировано на основе данных Амурстата

Таблица 4

Динамика смертности детского населения на 100 тыс. человек

Table 4

Dynamics of child mortality per 100,000 population

Регионы Дальнего Востока	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Республика Бурятия	61,9	61,5	54,9	54,2	44,8	49,3
Забайкальский край	76,2	66,1	58,6	68,2	58,8	65,6
Республика Саха (Якутия)	59,9	53,8	54,9	46,9	47	37,5
Камчатский край	56,6	85,6	65,7	49	54,1	43,1
Приморский край	56,2	60	55,9	54,6	61	49,1
Хабаровский край	62,7	56,1	49	53,2	52	38,1
Амурская область	62,3	57,5	54	43,8	45,5	48,6
Магаданская область	60,4	47,4	37,7	45,2	46,8	40,2
Сахалинская область	40	44,3	44,9	41,2	46,9	33,8
Еврейская автономная область	96,8	105,8	71,2	94,7	42	61,1
Чукотский автономный округ	126,2	86,9	103,9	137,8	151,2	126,4

Источник: сформировано на основе данных ЕМИСС <https://www.fedstat.ru/indicator/43894>

Снижению рождаемости в Амурской области способствует сокращение женского населения в активном репродуктивном возрасте. В настоящее время из активных репродуктивных возрастов выходят наиболее многочисленны поколения женщин, рождённых в 1980-е годы. На смену приходят малочисленные поколения, родившиеся в девяностых годах и начале двухтысячных. На сокращение рождаемости оказывает негативное влияние и возрастная струк-

тура женщин в наиболее репродуктивном возрасте, которая имеет различия между городским и сельским населением. Репродуктивный потенциал сельского населения уступает городскому. В 2004 г. доля женщин в наиболее активных репродуктивных возрастах (20–39 лет) среди женщин сельского населения составляла 26,87%, в то время как в городском 30,46%. К 2024 г. доля женщин репродуктивного возраста сократилась до 21,86% в селе и 26,07% в городе.

С наибольшей скоростью сократилось число женщин в возрастной группе 20–24 года — на 46,8% в городской и 47,5% в сельской популяции, что в первую очередь связано со спадом рождаемости в 2000-х годах. В возрастной группе 30–34 года в городских образованиях наблюдается прирост численности женщин — на 24,8% (19086 человек в 2004 г. до 23828 в 2024 г.). Численность сельского населения в данной возрастной группе, напротив, сократилась на 5% и составила 8884 женщины к 1 января 2024 года.

В целом за последние 20 лет в Амурской области величина СКР сохраняется ниже уровня, необходимого для простого замещения поколений их детьми. Значения СКР позволяют предположить, что репродуктивные намерения в сельской местности выше, чем в городской (рис. 5). Максимальные значения СКР в регионе отмечались в период 2013–2018 гг., когда интенсивность рождений была наиболее высокой, однако даже в тот период не было замещения родительских поколений детьми.

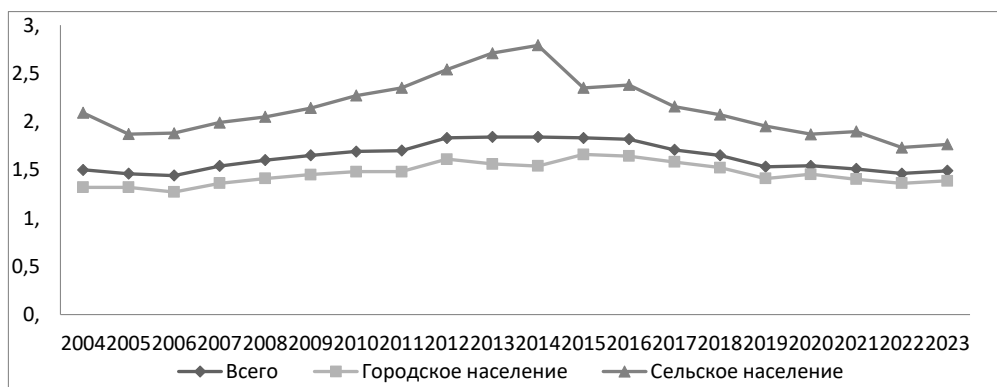

Рис. 5. Динамика СКР в Амурской области, 2004–2023 годы

Fig. 5. Dynamics of the total fertility rate in the Amur region, 2004–2023

Источник: составлено по данным Амурстата.

В 2008–2018 гг. в сельской местности значение СКР обеспечивало простое воспроизводство и даже прирост населения. После 2019 г. рождаемость женщин, проживающих на селе, стала снижаться и достигла значения 1,76 в 2023 году. Суммарная рождаемость горожанок за весь период была ниже уровня, необходимого для простого воспроизводства, и никогда не достигала уровня 2,0. Поскольку рождаемость у сельского населения начала быстро снижаться после 2014 г., с 2019 г., различия между ним и городским населением сократились до небывалого ранее уровня.

Демографический прогноз для Амурской области до 2045 г. указывает на продолжение депопуляции, старение населения и миграционную убыль. Согласно среднему варианту прогноза, население Амур-

ской области будет неуклонно снижаться. Также сохранится отрицательный естественный прирост, однако разрыв в числе умерших и родившихся будет сокращаться. Миграция остаётся одним из ключевых факторов сокращения населения области. В прогнозе заложена устойчивая миграционная убыль, которая, тем не менее, будет снижаться к 2045 году. СКР увеличивается, но остаётся ниже уровня простого воспроизводства. Негативной тенденцией также является увеличение доли пожилых при сокращении трудоспособного населения и детей, что ведёт к росту демографической нагрузки. (табл. 5).

Несмотря на то, что Амурская область лидирует на Дальнем Востоке по росту ВРП, по мере экономического роста не происходит снижение неравенства и бедности.

Таблица 5

**Данные прогноза основных демографических показателей
в Амурской области до 2045 г., средний вариант**

Table 5

Data forecasts of the main demographic indicators in the Amur region until 2045, average option

Показатель	Абсолютное значение		Темп роста/убыли в %
	2026	2045	2026/2045
Численность населения	736650	656327	-12,24
Население моложе трудоспособного возраста	141682	117267	-20,82
Население трудоспособного возраста	449046	406223	-10,54
Население старше трудоспособного возраста	145922	132837	-9,85
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	69,68	75,20	7,34
Суммарный коэффициент рождаемости	1,392	1,690	17,63
Миграционный прирост (убыль)	-2052	-1449	-41,61
Естественный прирост	-4530	-72	-6191,67

Источник: составлено по данным Амурстата.

Таблица 6

Динамика коэффициентов фондов и Джинни в Амурской области (2004-2024 гг.)

Table 6

Dynamics of the fund coefficient and the Gini coefficient in the Amur region (2004-2024).

Коэффициент	2004	2007	2010	2014	2017	2020	2021	2022	2023	2024
Фондов	9,4	11,3	11,3	12,8	13,3	13,6	13,6	14,4	14,6	14,6
Джинни	0,341	0,368	0,367	0,385	0,391	0,394	0,394	0,401	0,403	0,403

Источник: составлено по данным Амурстата.

В настоящее время неравенство в распределении доходов населения в Амурской области продолжает расти. Так, коэффициент Джинни (индекс концентрации доходов) в регионе ещё в 2018 г. превысил критический (по отношению к экономическому росту) уровень, определённый Мировым банком в 0,4, и продолжает увеличиваться (табл. 6). То же можно сказать о коэффициенте фондов.

За 20 лет (2004–2024 гг.) реальные доходы населения Амурской области четыре раза опускались ниже 100% с максимальным падением 9,8% в 2023 году. Как результат этой тенденций — доля бедного населения (с доходами ниже прожиточного минимума) хотя и снизилась в области с 33,8% в 2004 г. до 11,8% в 2023 г., но оста-

ётся выше, чем в среднем по России (17,6% и 8,5% соответственно). Это выступает негативным фактором, приводящим к оттоку населения из региона. В таких условиях социально-экономического развития Амурская область будет продолжать терять население, а демографический кризис будет усиливаться.

Заключение

Проведённый комплексный анализ демографического развития Амурской области за период 2004–2024 гг. выявил устойчивую тенденцию к сокращению численности населения региона, обусловленную как естественной убылью, так и миграционным оттоком. Несмотря на реализуемые меры

государственной поддержки и экономический рост, не удалось добиться существенного снижения неравенства и бедности, что продолжает стимулировать депопуляционные процессы.

В последние годы доминирующим фактором сокращения населения стала естественная убыль, при этом миграционная убыль сохраняет значительное влияние. Наиболее остро негативные демографические тенденции проявляются в сельской местности, где отмечаются более выраженные процессы роста смертности и старения населения. Сокращение численности женщин репродуктивного возраста негативно сказывается на рождаемости, а различия между городским и сельским населением по этому показателю постепенно сглаживаются. Этот процесс сохранится и в ближайшие годы, поскольку численность женщин репродуктивного возраста будет сокращаться вследствие низкой рождаемости в 1990-х годах. В условиях сокращения населения трудоспособного и младше трудоспособного возраста меры по стимулированию рождаемости в дальнейшем так и не будут приносить ожидаемых результатов. Ситуация усугубляется в связи с ростом смертности в данных возрастных группах, что негативно сказывается на демографическом потенциале.

Анализ возрастной структуры населения показал рост демографической нагрузки на трудоспособное население, что связано с увеличением доли пожилых и сокращением числа молодых жителей региона. Это влечёт за собой дополнительные социально-экономические вызовы, связанные с обеспечением достойного уровня жизни и медицинского обслуживания для стареющего населения. Рост численности самых возрастных жителей Амурской области требует увеличения акцента на развитие гериатрической медицинской помощи.

Проведённый анализ смертности выявил устойчивую тенденцию: по всем ведущим классам причин смерти показатели сельских жителей превышают городские, достигая максимального разрыва по болезням органов дыхания (87,7%) и внешним

причинам (33,1%), что может быть обусловлено низкой доступностью медицинской помощи и более высокой концентрацией поведенческих факторов риска в сельской местности. Тревогу вызывает также рост смертности детского населения в последние годы, который можно рассматривать как индикатор нарастающих структурных диспропорций в системе охраны здоровья детей.

В целом можно указать низкую вероятность достижения целевых демографических параметров, заложенных в документах стратегического характера, поэтому необходим пересмотр ожиданий относительно будущих значений ключевых демографических показателей. Прогноз до 2045 г. указывает на продолжение депопуляции, усиление процессов старения и сохранение миграционной убыли, несмотря на возможный рост суммарного коэффициента рождаемости. Для преодоления негативных тенденций необходим комплексный подход, включающий развитие социальной инфраструктуры, повышение качества жизни, формирование благоприятных условий для закрепления населения и стимулирование внутренней и внешней миграции.

Распространение коронавирусной инфекции COVID-19 усугубило ситуацию со смертностью и привело к снижению ожидаемой продолжительности жизни. Отрицательный естественный прирост в Амурской области сопровождается и миграционным оттоком, хотя его скорость снижается. В то же время, в 2023 г. наметились позитивные изменения, связанные со снижением темпов естественной и миграционной убыли населения. Для прироста продолжительности жизни в регионе необходимо сосредоточиться на мерах по снижению мужской смертности.

Полученные результаты подчёркивают важность учёта региональных особенностей при формировании и реализации демографической политики, а также необходимость межведомственного взаимодействия для обеспечения устойчивого демографического и социально-экономического развития Амурской области.

Литература и Интернет-источники

1. **Иванова, А.Е.** Подходы к оценке резервов снижения смертности в России / А.Е.Иванова // Уровень жизни населения регионов России. — 2022. — Т. 18. — № 2. — С. 177–188. DOI: 10.19181 / lsprr.2022.18.2.3; EDN: OCWSGE
2. **Великая, Н.М.** Национальный проект «Демография» и перспективы демографического роста глазами экспертного сообщества / Н.М.Великая, Г.В.Тартыгашева // Социальная политика и социология. — 2021. — Т. 20. — № 3(140). — С. 43–50. DOI: 10.17922 / 2071-3665-2021-20-3-43-50; EDN: ZKSFKE
3. **Коробейников, Е.В.** Анализ реализации региональной составляющей национально-го проекта «Демография» в Самарской области / Е.В.Коробейникова // Вестник Самарского государственного экономического университета. — 2023. — № 5(223). — С. 34–43. DOI: 10.46554 / 1993-0453-2023-5-223-34-43; EDN: UJALSM
4. **Авдеев, Ю.А.** Какой быть демографической политике России. По итогам дискуссии на Круглом столе «Пути решения демографических проблем Дальнего Востока» / Ю.А.Авдеев, Ф.С.Тумусов // Уровень жизни населения регионов России. — 2025. — Т. 21. — № 2. — С. 326–329. DOI: 10.52180 / 1999-9836_2025_21_2_12_326_329; EDN: VIXOSM
5. **Храмова, М.Н.** Межрегиональная миграция на Дальнем Востоке России и ее влияние на демографическую безопасность / М.Н.Храмова, Д.П.Зорин // ДЕМИС. Демографические исследования. — 2024. — № 4. — С. 152–164. DOI: 10.19181 / demis.2024.4.4.9; EDN: MESWLT
6. **Полянская, Е.В.** Социально-экономические градиенты и детерминанты продолжительности жизни населения на территории Дальнего Востока / Е.В.Полянская, Л.Г.Манаков // Проблемы развития территории. — 2024. — Т. 28. — № 1. — С. 115–131. DOI: 10.15838 / ptd.2024.1.12 9.8; EDN: GOLBZJ
7. **Грицко, М.А.** Демографическая динамика в Дальневосточных субъектах РФ в 2013–2022 гг. / М.А.Грицко // Регионалистика. — 2023. — Том 10. — № 4. — С. 7–28. DOI: 10.14530 / reg.2023.4.7; EDN: FDILUO
8. **Рязанцев, С.В.** Миграция в контексте развития российского Дальнего Востока / С.В.Рязанцев, Е.М.Моисеева // Вестник Российской академии наук. — 2022. — Т. 92. — № 2. — С. 150–162. DOI: 10.31857 / S0869587321030075; EDN: FDUYPD
9. **Аганбегян, А.Г.** Развитие Дальнего Востока: национальная программа в контексте национальных проектов / А.Г.Аганбегян // Пространственная экономика. — 2019. — Т. 15. — № 3. — С. 165–181. DOI: 10.14530 / se.2019.3.165-181; EDN: HLQFDQ
10. **Сидоркина, З.И.** Региональные особенности демографического поведения населения Дальнего Востока России / З.И.Сидоркина // Псковский регионологический журнал. — 2021. — Т. 17. — № 3. — С. 44–57. DOI: 10.37490 / S221979310015014; EDN: REETER
11. **Минакир, П.А.** Экономическое развитие и социальная динамика на Дальнем Востоке России: сценарный прогноз / П.А.Минакир, А.Г.Исаев, С.Н.Найден // Регионалистика. — 2022. — Т. 9. — № 6. — С. 23–36. DOI: 10.14530 / reg.2022.6.23; EDN: RSOZVS
12. **Мотрич, Е.Л.** Миграция в демографическом развитии российского Дальнего Востока / Е.Л.Мотрич // Уровень жизни населения регионов России. — 2022. — Т. 18. — № 1. — С. 27–40. DOI: 10.19181 / lsprr.2022.18.1.2; EDN: SBQNTL
13. **Thompson, N.** Migration and Resettlement in Chukotka: A Research Note / N. Thompson // Eurasian Geography and Economics. — 2004. — Vol. 45. — No. 1. — P. 73–81. DOI: 10.2747 / 1538-7216.45.1.73
14. **Мотрич, Е.Л.** Демографические и миграционные процессы на Дальнем Востоке России (2019–2022 гг.) / Е.Л.Мотрич // Власть и управление на Востоке России. — 2023. — № 4(105). — С. 124–137. DOI: 10.22394 / 1818-4049-2023-105-4-124-137; EDN: NQJVJI
15. **Авдеев, Ю.А.** Демографические вызовы, или почему демографическая политика Дальнего Востока не ведёт к желаемому результату / Ю.А.Авдеев, В.Л.Ушакова // Уровень жизни населения регионов России. — 2023. — Т. 19. — № 1. — С. 9–24. DOI: 10.52180 / 1999-9836_2023_19_1_1_9_24; EDN: EBFBEГ

16. **Рыбаковский, Л.Л.** Продолжительность жизни населения Сибири и Дальнего востока в общероссийских координатах (1959–2015 гг.) / Л.Л. Рыбаковский, Н.И. Кожевникова, В.И. Савинков // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 3. — С. 4–20. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-3-01; EDN: YISCNZ
17. **Никулкина, И.В.** Демографическое развитие арктических регионов России в контексте концепции резильентности / И.В. Никулкина, Е.В. Романова // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 1. — С. 123–135. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-1-123-135; EDN: FFACHY
18. Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа в 2020 г. / под ред. О.М. Прокапало. — Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2021. — 106 с. EDN: CYBZNG
19. **Калининская, А.А.** Медико-демографическая ситуация в Амурской области как основа здоровьесбережения / А.А. Калининская, А.В. Алехнович, М.В. Кизеев, [и др.] // Комплексные проблемы сердечно-сосудистых заболеваний. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 167–176. DOI: 10.17802/2306-1278-2022-11-4-167-176; EDN: SDYNXV
20. **Полянская, Е.В.** Анализ демографических тенденций Дальневосточного региона (на примере Амурской области) / Е.В. Полянская // Проблемы развития территории. — 2023. — Т. 27. — № 3. — С. 99–112. DOI: 10.15838/ptd.2023.3.125.7; EDN: TVZFOQ
21. **Воробьева, О.Д.** Демографическое старение населения: региональные демографические тренды / О.Д. Воробьева, А.В. Топилин, Г.В. Ниорадзе, Т.С. Хроленко // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2022. — Т. 30. — № 6. — С. 1230–1235. DOI: 10.32687/0869-866X-2022-30-6-1230-1235; EDN: SASNTX
22. **Bloom, D.** Global population aging: Facts, challenges, solutions & perspectives / D. Bloom, D. Canning, A. Lubet // Daedalus. — 2015. — Vol. 144. — No. 2. — P. 80–92. DOI: 10.1162/DAED_a_00332
23. **Колосов, В.П.** Проблемы организации и управления пульмонологической помощи населению Дальневосточного федерального округа / В.П. Колосов, Л.Г. Манаков, Е.В. Полянская // Бюллетень физиологии и патологии дыхания. — 2020. — Вып. 75. — С. 8–20. DOI: 10.36604/1998-5029-2020-75-8-20; EDN: JRSRFW

Сведения об авторе:

Полянская Елена Викторовна, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Дальневосточный научный центр физиологии и патологии дыхания, Благовещенск, Россия.

Контактная информация: e-mail: polanska2011@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6260-8693; РИНЦ SPIN-код: 9921-6511.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-241-256

DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF AMUR OBLAST: PROBLEMS AND PROSPECTS

Iana V. Polyanskaya

*Far Eastern Scientific Center of Physiology and Pathology of Respiration
(22 Kalinina str., Blagoveshchensk, Russia, 675000)*

E-mail: polanska2011@yandex.ru

For citation:

Polyanskaya E.V. Demographic development of Amur Oblast: problems and prospects. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 2. P. 241–256. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-241-256 (in Russ.)

Abstract. *The article discusses the current trends in the demographic development of Amur Oblast during active state policy on the socio-economic development of the Far Eastern Federal District over 20-year period (2004–2024). Despite the economic growth, there is no reduction in inequality and poverty, which contributes to further depopulation. There is revealed a change in the dominant factors*

of population decline: in 2007–2018 the key factor was migration loss, and since 2019 natural decline has acquired a predominant significance. Analysis of the transformation of the population structure by age revealed a situation with a reduction in labor potential and an increase in the demographic burden that is connected with growth of mortality in working age. Rural population is decreasing at a faster rate than urban population, which is due to higher mortality in rural areas by all main causes of death. Aging processes are increasing both in urban and rural areas, while the depth of aging in rural areas is greater than in urban. The increase in mortality among the working-age population is also alarming. It is shown that the decline in birth rate is negatively affected by the reduction in women of the most reproductive ages. At the same time, rural population has proven to be more responsive to introduction of support measures to stimulate birth rates, as evidenced by the higher total fertility rate. Despite the fact that birth rates have traditionally been more intense in rural areas than in urban areas, the differences in birth rates between urban and rural populations are decreasing and the process of population reproduction is becoming more uniform.

Keywords: birth rate, death rate, demographic burden, total fertility rate, Far East, natural decline, migration decline.

References and Internet sources

1. Ivanova A.E. Podkhody k otsenke rezervov snizheniya smertnosti v Rossii [Approaches to assessing reserves to reduce mortality in Russia]. Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2022. Vol. 18. No 2. P. 177–188. DOI: 10.19181 / 1spr.2022.18.2.3 (in Russ.)
2. Velikaya N.M., Tartygasheva G.V. Natsional'nyj proyekt «Demografiya» i perspektivy demograficheskogo rosta glazami ekspertnogo soobshchestva [National project «Demography» and the prospects for demographic growth through the eyes of the expert community]. Sotsial'naya politika i sotsiologiya [Social Policy and Sociology]. 2021. Vol. 20. No. 3. P. 43–50. DOI: 10.17922 / 2071-3665-2021-20-3-43-50 (in Russ.)
3. Korobeynikova E.V. Analiz realizatsii regional'noj sostavlyayushchej natsional'nogo proyekta «Demografiya» v Samarskoj oblasti [Analysis of the implementation of the regional component of the National project «Demography» in the Samara region]. Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Bulletin of Samara State University of Economics]. 2023. Vol. 5. No. 223. P. 34–43. DOI: 10.46554 / 1993-0453-2023-5-223-34-43 (in Russ.)
4. Avdeev Yu. A., Tumusov F.S. Kakoj byt' demograficheskoy politike Rossii. Po itogam diskussii na Kruglom stole «Puti resheniya demograficheskikh problem Dal'nego Vostoka» [What should be Russia's demographic policy? Based on the results of the roundtable discussion «Ways to Solve the Demographic Problems of the Far East»]. Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]. 2025. Vol. 21. No. 2. P. 326–329. DOI: 10.52180 / 1999-9836_2025_21_2_12_326_329 (in Russ.)
5. Khranova M.N., Zorin D.P. Mezhregional'naya migratsiya na Dal'nem Vostoke Rossii i yeyo vliyaniye na demograficheskuyu bezopasnost [Interregional migration in the Russian Far East and its impact on demographic security]. DEMIS. Demograficheskiye issledovaniya. [DEMIS. Demographic Research]. 2024. No 4. P. 152–164. DOI: 10.19181 / demis.2024.4.4.9 EDN: MESWLT (in Russ.)
6. Polyanskaya E.V., Manakov L.G. Sotsial'no-ekonomicheskiye gradienty i determinanty prodolzhitel'nosti zhizni naseleniya na territorii Dal'nego Vostoka [Socio-economic gradients and determinants of life expectancy in the Far East]. Problemy razvitiya territorii. [Problems of Territory's Development]. 2024. Vol. 28. No. 1. P. 115–131. DOI: 10.15838 / ptd.2024.1.129.8 (in Russ.)
7. Gritsko M.A. Demograficheskaya dinamika v Dal'nevostochnykh sub'yektakh RF v 2013–2022 gg. [Demographic dynamics in the Far Eastern subjects of the Russian Federation in 2013–2022]. Regionalistika. [Regionalistica]. 2023. Vol. 4. No. 10. P. 7–28. DOI: 10.14530 / reg.2023.4.7 (in Russ.)
8. Ryazantsev S.V., Moiseeva E.M. Migration in the context of the demographic development of the Russian Far East. Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92. No. 2. P. 150–162. DOI: 10.31857 / S0869587321030075 (in Russ.)

9. Aganbegyan A.G. Razvitiye Dal'nego Vostoka: natsional'naya programma v kontekste natsional'nykh proyektov [Development of the Far East: a National Program in the context of National Projects]. *Prostranstvennaya Ekonomika. [Spatial Economics]*. 2019. Vol. 15. No. 3. P. 165–181. DOI: 10.14530 / se.2019.3.165-187 (in Russ.)
10. Sidorkina Z.I. Regional'nyye osobennosti demograficheskogo povedeniya naseleniya Dal'nego Vostoka Rossii [Regional features of demographic behavior of the population of the Russian Far East]. *Pskovskii regionologicheskii zhurnal. [Pskov Journal of Regional Studies]*. 2021. Vol. 17. No. 3. P. 44–57. DOI: 10.37490 / S221979310015014 (in Russ.)
11. Minakir P.A., Isaev A.G., Naiden S.N. Ekonomicheskoye razvitiye i sotsial'naya dinamika na Dal'nem Vostoke Rossii: stsennyye prognoz [Economic development and social dynamics in the Russian Far East: Scenario Forecast]. *Regionalistika [Regionalistica]*. 2022. Vol. 9. No 6. P. 23–36. DOI: 10.14530 / reg.2022.6.23 (in Russ.)
12. Motrich E.L. Migratsiya v demograficheskom razvitii rossijskogo Dal'nego Vostoka [Migration in the demographic development of the Russian Far East]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standard of the Population in the Regions of Russia]*. 2022. Vol. 18. No. 1. P. 27–40. DOI: 10.19181 / lspir.2022.18.1.2 (in Russ.)
13. Thompson N. Migration and resettlement in Chukotka: A Research note. *Eurasian Geography and Economics*. 2004. Vol. 45. No. 1. P. 73–81. DOI: 10.2747 / 1538-7216.45.1.73
14. Motrich E.L. Demograficheskiye i migratsionnyye protsessy na Dal'nem Vostoke Rossii (2019–2022 gg.) [Demographic and migration processes in the Russian Far East (2019–2022)]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Power and Administration in the East of Russia]*. 2023. No. 4(105). P. 124–137. (in Russ.)
15. Avdeev Yu. A., Ushakova V.L. Demograficheskiye vyzovy, ili pochemu demograficheskaya politika Dal'nego Vostoka ne vedyt k zhelaemomu rezul'tatu [Demographic challenges, or why the demographic policy of the Far East does not lead to the desired result]. *Uroven zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2023. Vol. 19. No. 1. P. 9–24. DOI: 10.52180 / 1999-9836_2023_19_1_1_9_24 (in Russ.)
16. Rybakovsky L.L., Kozhevnikov N.I., Savinkov V.I. Prodolzhitel'nost' zhizni naseleniya Sibiri i Dal'nego vostoka v obshcherossiyskikh koordinatakh (1959–2015 gg.) [Life expectancy of the population of Siberia and the Far East in Russian national coordinates (1959–2015)]. *Narodonaselenie [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 3. P. 4–20. DOI: 10.26653 / 1561-7785-2018-21-3-01 (in Russ.)
17. Nikulkina I.V., Romanova E.V. Demograficheskoye razvitiye arkticheskikh regionov Rossii v kontekste kontseptsii rezil'entnosti [Demographic development of the Arctic regions of Russia in the context of resilience concept]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No 1. P. 123–135. DOI: 10.24412 / 1561-7785-2024-1-123-135 (in Russ.)
18. Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga v 2020 g. [Socio-Economic Development of the Far East Federal District in 2020]. Analytical Report. Ed. O.A. Prokapalo. Khabarovsk. 2021. P. 106. (in Russ.)
19. Kalininskaya A.A., Alekhovich A.V., Kizeev M.V., et.al. Mediko-demograficheskaya situatsiya v Amurskoy oblasti kak osnova zdorov'yesberezeniya. [Medical and demographic situation in the Amur region as the basis of health preservation]. *Kompleksnyye problemy serdechno-sosudistyykh zabolevanij. [Complex Issues of Cardiovascular Diseases]*. 2022. Vol. 11. No. 4. P. 167–176. DOI: 10.17802 / 2306-1278-2022-11-4-167-176 (in Russ.)
20. Polyanskaya E.V. Analiz demograficheskikh tendentsiy Dal'nevostochnogo regiona (na primere Amurskoi oblasti) [Analysis of demographic trends in the Far Eastern region (on the example of the Amur Oblast)]. *Problemy razvitiya territorii. [Problems of Territory's Development]*. 2023. Vol. 27. No. 3. P. 99–112. DOI: 10.15838 / ptd.2023.3.125.7 (in Russ.)
21. Vorobyova O.D., Topilin A.V., Nioradze G.V., Khrolenko T.S. Demograficheskoye stareniye naseleniya: regional'nyye demograficheskiye trendy [The demographic aging of population: regional trends in Russia]. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2022. Vol. 30. No. 6. P. 1230–1235. DOI: 10.32687 / 0869-866X-2022-30-6-1230-1235 (in Russ.)

22. Bloom D, Canning D, Lubet A. Global population aging: Facts, challenges, solutions and perspectives. *Daedalus*. 2015. Vol. 144. No. 2. P. 80–92. DOI: 10.1162 / DAED_a_00332
23. Kolosov V.P., Manakov L.G., Polyanskaya E.V. Problemy organizatsii i upravleniya pul'monologicheskoy pomoshchi naseleniyu Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga [Problems of the organization and management of the pulmonological care to the population of the Far Eastern Federal District]. *Bulleten' fiziologii i patologii dyhaniya. [Bulletin Physiology and Pathology of Respiration]*. 2020. No. 75. P. 8–20. DOI: 10.36604 / 1998-5029-2020-75-8-20 (in Russ.)

Information about the author:

Polyanskaya Elena Viktorovna, Candidate of Economics, Leading Researcher, Far Eastern Scientific Center of Physiology and Pathology of Respiration, Blagoveshchensk, Russia.

Contact information: e-mail: polanska2011@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6260-8693; Elibrary SPIN-code: 73161042

Статья поступила в редакцию 11.07.2025, утверждена 15.05.2026, опубликована 30.06.2026.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ИСЭПН ФНИСЦ РАН

DOI: 10.24412 / 1561-7785-2026-2-257-262
EDN: HLDDXB

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ IX РИМАШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ «СБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ЗДОРОВЬЕ, ЗАНЯТОСТЬ, УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ»

Международная научно-практическая конференция Римашевские чтения «Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни» ежегодно собирает исследователей, научных сотрудников, представителей органов власти, специалистов в различных областях, преподавателей ВУЗов, аспирантов, магистрантов и студентов для обсуждения актуальных вопросов сбережения и преумножения населения современного общества. В 2026 г. мероприятие объединило более 160 участников из 20 городов и 6 стран. На этот раз Римашевские чтения, организованные Институтом социально-экономических проблем народонаселения имени Н.М. Римашевской ФНИСЦ РАН совместно с Отделением общественных наук РАН, Российским Государственным социальным университетом (РГСУ) и при информационной поддержке журнала «Региональные проблемы преобразования экономики» прошли на новой площадке, предоставленной коллегами и новыми соорганизаторами конференции — Центральным экономико-математическим институтом РАН.

Конференция включала пленарное заседание и тематические секции: секция 1. «Сбережение населения России»; секция 2. «Социальные и демографические вызовы современной России». Выступления и дискуссия участников конференции были представлены в 5 тематических блоках: 1) демографические показатели современной России: рождаемость, смертность, расселение и миграция населения — основные тенденции и их детерминанты; 2) человеческий потенциал России: образование, физическое, психическое и социальное здоровье насе-

ления и определяющие их факторы; 3) уровень жизни населения: что происходит с занятостью, какими являются и какими должны быть зарплаты, пенсии, социальные трансферты; 4) качество жизни населения: экологическая и продовольственная безопасность, жилищная обеспеченность, доступность социальных услуг, возможности профессиональной самореализации, гендерные проблемы; 5) год единства народов России.

С приветственным словом к участникам обратился член-корр. РАН, директор ИСЭПН ФНИСЦ РАН В.В. Локосов. Он отметил, что «большинство из коренных проблем расширенного воспроизводства здорового населения не решены, количество населения уменьшается, качество снижается и социальные науки не могут уклоняться от изучения объективных закономерностей и противоречий развития российского общества, даже если эти противоречия нелицеприятны». Во многих научных публикациях проводится мысль о необходимости расширенного понимания измерения благополучия населения, смещении его доминанты от экономической сферы к социальную и далее в социокультурную. Вячеслав Вениаминович подчеркнул, что ведущими сферами жизни становятся наука, здравоохранение, культура, формирующие человеческий потенциал, а человеческий потенциал является главным источником национального богатства. От лица ИСЭПН ФНИСЦ РАН директор института поблагодарил всех участников Римашевских чтений, которые проходят каждый год «не только как дань памяти Натальи Михайловны Римашевской, но и являются вкладом в её признанную социодемографическую научную школу».

Приветствовал участников конференции к.соц.н., руководитель аппарата комитета Государственной Думы Российской Федерации по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства А.А. Жидикин. Он подтвердил, что демографическая ситуация в России непростая, но и научная, и политическая общественность не сидят сложа руки. По результатам статистики улучшилась ситуация в 18 регионах, но, несмотря на ряд позитивных тенденций, к сожалению, общая ситуация не меняется, суммарный коэффициент рождаемости стремится вниз. Государственная Дума работает над мероприятиями для решения проблемы, в период 8 созыва Комитет по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства обеспечил принятие 41 закона, которые касались материальных мер поддержки, вопросом, связанным с выплатами материнского капитала, и ряд других мер. «Специальная демографическая ситуация» отражает то, чем активно сейчас занимаются парламентарии и коллеги из научной общественности. По мнению А.А. Жидикина, такая совместная работа позволит эту ситуацию переломить и можно будет говорить не только о сбережении народа страны, но и о его преумножении.

Своё выступление зам. руководителя секретариата Первого заместителя Председателя Государственной Думы Российской Федерации И.И. Макаров начал с поздравления присутствующих с тем, что за прошедшие годы «Римашевские чтения стали признанной и авторитетной площадкой для творческого обмена, научных дискуссий, установления новых контактов, презентации результатов исследований и теоретических разработок». Цели, поставленные организаторами, благополучно реализуются, имя основателя института Н.М. Римашевской почитается и память о ней и её выдающейся работе не стирается. Докладчик отметил, что в сложной современной обстановке важно, что конференция сохраняет свой международный статус. «Римашевские чтения представляют самое тесное взаимодействие с органами законодательной и исполнительной власти». Это позволяет дать

обществу ответы и от власти, и от науки на многие поставленные жизнью вопросы, касающиеся размера пенсий, коммунальных платежей и другого. Игорь Николаевич пожелал всем удачи и зачитал приветствие д.пед.н., проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, Первого заместителя Председателя Государственной Думы И.И. Мельникова.

Д.э.н., проф., депутат Государственной Думы Российской Федерации Н.В. Новиков в своём выступлении отметил, что большая работа ведётся в Государственной Думе по формированию условий для социально-экономического развития, создаются условия для самореализации человека и повышения качества его жизни. Четверть населения страны — это население малых городов и сельских поселений, это много, поэтому огромная государственная и общественная задача — создавать условия для самореализации именно этой части населения. Докладчик заявил, что роль науки становится определяющей при постановке целей и задач для исполнительной власти, для создания фундаментальной научной базы, чтобы социальное развитие сельских территорий опиралось на эти научные разработки. Приветствовал организаторов и участников Римашевских чтений от имени президиума Российской академии наук д.э.н., д.соц.н., проф., член-корр. РАН, декан факультета политических и социальных наук РГСУ В.Г. Новиков.

Обратил внимание присутствующих на проблему междисциплинарности общественных наук в своём докладе член-корр. РАН, директор ИС ФНИСЦ РАН, научный руководитель ФНИСЦ РАН М.Ф. Черныш. Общественным дисциплинам свойственно проникать друг в друга, а междисциплинарность принимает разные формы для достижения оптимальных результатов в исследованиях. «В каждой дисциплине есть направления, которые делают возможным совместную работу с какими-то идеями, которые находятся в рамках какой-то другой дисциплины». Социальная психология демонстрирует взаимопроникновение идей психологии и социологии, также и в экономической социологии. Он разъяснил осо-

бенности междисциплинарного и мультипарадигмального подхода у разных авторов (В.А. Ядова, Д.Рицера, Р.Будони и др.). Основываясь на идеях этих авторов, по мнению докладчика, можно найти оптимальные решения для современных проблем российского общества, соединяя ресурсы разных дисциплин (например, для решения демографической проблемы).

Своё видение демографических проблем предложил член-корр. РАН, директор ЦЭМИ РАН А.Р. Бахтизин. Он представил и дал оценку ряду прогнозов демографического развития России в ближайшем и дальнем будущем. Большинство прогнозов (включая ООН) говорят о снижении численности населения и прежде всего снижения рождаемости во всех странах мира. Подробнее останавливаясь на российской демографии, автор констатировал, что, к сожалению, Россия вновь входит в демографическую яму в настоящее время, но «есть и положительные моменты, срабатывает финансовое стимулирование рождаемости». Эти меры будут более эффективными, если содержание отразит их комплексный характер. Концентрация усилий властей, чтобы поднять демографический потенциал, должна быть направлена на поддержку качества жизни и человеческого капитала.

С докладом на тему «Региональные особенности структуры населения в контексте ориентиров демографической политики» выступила д.э.н., доцент А.А. Шабунова, директор Вологодского научного центра РАН. Она отметила, что Н.М. Римашевская часто бывала в Вологде и много усилий приложила для формирования Вологодской школы социально-демографических исследований, целая плеяда молодых специалистов в Вологде была ею воспитана. В рамках доклада А.А. Шабунова поделилась результатами исследований, направленных на определение особенностей структуры населения на территории Северо-Западного федерального округа России. Методом передвижки возрастов удалось создать прогноз на ближайшую перспективу. В нескольких регионах численность населения увеличится, но в большинстве территорий численность

населения будет сокращаться, что углубит процесс старения населения. Половозрастные пирамиды показывают, что к 2035 г. будет наблюдаться «нарастающая горизонтальная асимметрия, которая выразится в значительном преобладании численности женщин в возрасте от 30 до 50 лет». Причина этого в сверхсмертности мужчин и в разрыве смертности мужчин и женщин. А.А. Шабунова предложила рассмотреть новые инструменты адаптации экономики к старению населения, к изменению работы социальных служб и системы здравоохранения, новые механизмы общественного перераспределения ресурсов.

Продолжая тему демографии, важную проблему смертности поднял академик РАН А.Г. Аганбегян. Смертность в РФ он считает катастрофической: «Россия на фоне других стран по показателям рождаемости выглядит неплохо, но показатели смертности ужасают». Автор напомнил, что сбережение народа и его преумножение является одной из первых целей в большинстве Указов Президента РФ и ключевой задачей социальной и экономической политики страны. Эти задачи выполнимы и «рождаемость может в ближайшем будущем превысить смертность, но для этого нужно радикально снизить смертность». Младенческая смертность в России очень низкая и показатели снижаются. Докладчик дал прогноз — при правильных мерах к 2036 г. Россия может выйти на уровень естественного прироста населения.

В докладе д.э.н., проф., зав. кафедрой общественно-социальных институтов и социальной работы РГСУ Е.Ш. Гонтмахера была рассмотрена социальная модель современной России. Автор представил основные проблемы, подрывающие возможность социального развития страны: низкие зарплаты населения, недофинансирование социальной сферы в 1,5–2 раза (прежде всего здравоохранения, образования, социальной защиты, науки), низкое качество человеческого капитала, неравенство между социальными слоями. Поставленным вызовам и задачам в XXI в. Россия с такими проблемами не может соответство-

вать. Е.В. Гонтмахер назвал также некоторые пункты повестки дня в программе изменения социальной модели России: «нужно переосмыслить такие показатели, как бедность и безработица»; «систему обязательного медицинского страхования надо финансировать из бюджета» и создать национальную модель здравоохранения, соответствующую нашим особенностям; образование перевести к новым методам персонализации и индивидуальным траекториям. Докладчик отметил, что социальная повестка дня очень большая и только tandem экономического и социального реформирования в обозначенных направлениях приведёт к благополучию страны.

Вниманию участников конференции д.э.н., проф., академик РАЕН, гл.н.с. ФНИСЦ РАН, и.о. зав. лабораторией гендерных проблем ИСЭПН ФНИСЦ РАН В.Г. Доброхлеб представила доклад на тему «Семья в парадигме современной научной социодемографической школы Н.М. Римашевской», подготовленный совместно с к.э.н., в.н.с. ЦЭМИ РАН, учёным секретарём ИСЭПН ФНИСЦ РАН О.Н. Махровой. Докладчик напомнила о предложенном Н.М. Римашевской подходе в демографических исследованиях, который позволяет воздействовать на процессы, которые происходят в населении, а это дает возможность сделать посемейный анализ. Анализ современной посемейной структуры населения позволяет обосновать два основных вызова: 1) треть населения страны старше 16 лет не состоит в браке или не указало своё семейное положение; 2) почти каждый пятый потерпел крушение брака (разошедшиеся, разведённые и вдовы / вдовцы). В.Г. Доброхлеб отметила, что Россия — страна, хотя и с высоким уровнем брачности по сравнению с другими странами мира, однако и в России регистрируется снижение брачности. Но в последние годы люди чаще стали вступать в брак и, соответственно, ценить состояние надёжности и стабильности зарегистрированного брака. Также в современном обществе наблюдаются изменения по трём направлениям: в посемейной структуре, в архетипах семьи, в уровне и качестве жизни. Эти из-

менения говорят не столько о кризисе семьи, сколько о её трансформации, которую необходимо поддержать в среднесрочной перспективе финансово и психологически как со стороны государства, так и бизнеса.

Модераторами первой секции «Сбережение населения России» стали Доброхлеб В.Г. и С.В. Дохолян, д.э.н., проф., зав. лабораторией проблем уровня и качества жизни ИСЭПН ФНИСЦ РАН, гл. редактор журнала «Региональные проблемы преобразования экономики». Модераторами второй секции «Социальные и демографические вызовы современной России» выступили сотрудники лаборатории гендерных проблем ИСЭПН ФНИСЦ РАН к.э.н., доцент, в.н.с. З.А. Хоткина и к.филос.н., доцент, в.н.с. О.А. Ефанова. Под их руководством состоялась развёрнутая, продуктивная научная дискуссия по теме конференции в обеих секциях.

В докладе д.э.н., гл.н.с. Института экономики РАН А.И. Амосова были представлены опасения, связанные с недостаточностью темпов роста численности государствообразующей нации — русских в современной России, что, по мнению докладчика, в своё время послужило одной из причин распада СССР. В России, по прогнозу ООН до 2080-х гг., население уменьшится до 112 млн человек. А «за цифрой в 112 млн человек могут скрываться разнонаправленные процессы увеличения численности малых народов, а не русских». Автор отметил, что сохранение и воспроизводство русского народа тесно связано с осуществлением жилищных программ, а также долгосрочных стратегий развития отдельных областей и регионов. Делая экскурсы в историю нашей страны и других стран мира, докладчик показал удачные и неудачные примеры демографической политики, направленное на увеличение численности коренного населения. Некоторые из них А.И. Амосов предложил применить для России и для этого призвал восстановить дееспособное научно-экспертное сообщество.

Тема Н.С. Григорьевой, д.полит.н., проф., зав. кафедрой социологии управления МГУ имени М.В. Ломоносова «Трудоспособность как мотивация на сохранение здоровья ра-

ботающих пенсионеров: гендерный анализ» обусловлена тем, что за последние годы изменился вектор выхода на пенсию российских граждан, актуальным стал призыв оставаться на работе как можно дольше. В связи с этим возникли проблемы, связанные с состоянием здоровья работающих пенсионеров, с возможностью его поддержки. Представляют особый интерес результаты исследований, а именно: 1) пенсионеры нуждаются в выделении их в отдельные группы, нуждающиеся в специальном подходе охраны здоровья; 2) пенсионеры продолжают работать потому, что нуждаются в дополнительном заработке, который часто превышает пенсию, а также чувствуют потребность вести определённый образ жизни, продолжать общаться с коллегами; 3) почти все работающие пенсионеры обращались в платные медицинские учреждения, так как не смогли вписаться в график работы государственных учреждений; 4) пенсионеров смущает проблема их идентичности в современном обществе; 5) женщины более внимательно относятся к своему здоровью, чем мужчины, которые в вопросах лечения и оздоровления полагаются в большей степени на своих жён.

На проблемы молодого поколения нашей страны был обращён доклад д.э.н., доцента, зам. директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН, проф. кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ О.А. Александровой на тему «Кризис четверти жизни: влияние на настроение и финансовое поведение студенческой молодёжи». Были представлены результаты исследования, проведённого со студенткой А. Заболотской в 2025 году. Отмечен факт, что современная российская молодёжь испытывает неуверенность в будущем, в своих способностях и достижениях, сопоставляя свои ожидания соответствию взрослой жизни (прежде всего в материальных аспектах) и их текущему состоянию. Большинство представителей молодёжи отождествляет успешность и счастье с материальным достатком. Кризис четверти жизни переживают большинство и это считается естественным процессом, однако пятая

часть полагает, что его порождает давление современного общества, где всё определяется материальными возможностями. Автор сделала вывод, что молодёжь нужно пожелать, так как «они живут в обществе потребления, где высок уровень неравенства, который приводит к завышенным потребительским стандартам».

Интерес участников привлекло исследование, проведённое к.э.н., доцентом, зав. центром Вологодского научного центра РАН Г.В. Леонидовой «Социальное самочувствие учителей в условиях интеграции театрального искусства в образовательный процесс». С темой «Трудовая миграция: изменение подходов и структуры регулирования» выступил Е.С. Красинец, к.э.н. зав. лабораторией миграционных исследований ИСЭПН ФНИСЦ РАН. Он показал необходимость для работодателей в РФ в первую очередь способствовать занятости граждан России. Доклад Ю.А. Симагина, к.геогр.н., доцента, зав. лабораторией исследований социально-экономического и информационного развития территорий ИСЭПН ФНИСЦ РАН «Особенности обеспечения населения жильём в муниципальных образованиях России», особенностью которого является использование уникальной авторской базы — данных по муниципальным образованиям РФ, показал, что наибольшие проблемы в жилищной сфере характерны для муниципальных образований Северного Кавказа. С докладом «Роль второй загородной недвижимости при решении жилищной проблемы российских домохозяйств» выступила А.К. Гузанова, ст.н.с. лаборатории жилищной политики ИСЭПН ФНИСЦ РАН, в котором она обосновала возможность предотвратить дальнейшее опустение российских деревень.

Продолжением рассмотрения жилищной проблематики стал доклад м.н.с. лаборатории экономики сельскохозяйственных предприятий и развития сельских территорий Сибирского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Сибирский федеральный научный центр агробиотехнологий РАН из Краснообска А.Е. Лисицина «Благоустройство сель-

ского жилищного фонда как характеристика качества жизни сельского населения Сибирского федерального округа». Докладчик показал, что сельские территории в настоящее время в России сталкиваются с значительными проблемами в демографической, социальной и иных сферах, одной из основных причин этого является низкое качество жизни по сравнению с городской местностью, а «повышение качества жизни сельского населения позволит эффективно решать большинство проблем сельских территорий в демографической и трудовой сферах». Важным элементом качества жизни является обеспеченность благоустроенным жильём, а «уровень бытового комфорта влияет как на объективное качество жизни, так и на его субъективную оценку со стороны самих жителей». Основываясь на результатах исследований, автор сделал выводы, что «регионы Сибирского федерального округа весьма неравномерны, когда речь заходит о благоустройстве сельского жилья, при этом разрыв между городом и селом сохраняется во всех регионах». Наиболее эффективными мерами сокращения этого разрыва будут введение обязательных стандартов благоустройства сельского жилищного фонда прежде всего для новостроек, а «также жилья для молодых специалистов, привлекаемых по целевым договорам и программам типа «земский доктор». Особое внимание было обращено на доклад Е.С. Аксеновой, м.н.с. лаборатории компьютерного моделирования социально-экономических процессов ЦЭМИ РАН «Анализ демографического состояния России посредством создания программно-аналитических комплексов на базе математического и компьютерного моделирования», в котором представлены авторские модели по цифровым двойникам.

Отметим, что все докладчики, лично знавшие Н.М. Римашевскую или знакомые с её научными трудами, тепло хранят в памяти воспоминания об этом великом учёном и горячо поддерживают её наследие. Многие участники конференции отмечали ее уникальность, вспоминали достижения Натальи Михайловны в различ-

ных научных направлениях, создании ей социально-демографической школы в нашей стране, а также парадоксальной методологии, которая связана с посемейным подходом к населению. В условиях нарастающих социально-экономических вызовов и глобальных политических изменений особую актуальность приобретают научные дискуссии о путях и способах сбережения населения страны. Этому уже несколько лет служит дискуссионная площадка Римашевских чтений.

Материал подготовили:

Доброхлеб В.Г.,

д.э.н., проф., главный научный сотрудник
ФНИСЦ РАН;

Милованова И.О.,

к.соц.н., старший научный сотрудник
ИСЭПН ФНИСЦ РАН.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-2-263-268
EDN: CRQRBJ

ХІ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС (СПЭК-2026). СЕКЦИЯ «РОССИЙСКАЯ МОЛОДЁЖЬ КАК РЕСУРС СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАНЫ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОУСТРОЙСТВА»

26 марта 2026 г. сотрудники ИСЭПН ФНИСЦ РАН выступили с докладами на заседании инициативной секции «Российская молодёжь как ресурс социально-экономического развития страны в условиях трансформации мироустройства», организованной совместно ИСЭПН ФНИСЦ РАН, кафедрой социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ и кафедрой социологии управления факультета государственного управления Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова в рамках работы XI Санкт-Петербургского Международного экономического конгресса (СПЭК-2026) «Экономика России в условиях трансформации мироустройства и перспектив нооперехода». Модераторами выступили: О.А.Александрова, д.э.н., доцент, зам. директора по научной работе, гл.н.с. ИСЭПН ФНИСЦ РАН, проф. кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ и Н.С.Григорьева, д.полит.н., проф., зав. кафедрой социологии управления факультета государственного управления МГУ имени М.В.Ломоносова. ИСЭПН ФНИСЦ РАН традиционно участвует в этом международном научном форуме, собирающем специалистов различного профиля для обсуждения проблем и перспектив российской экономики. В разные годы, по инициативе ИСЭПН ФНИСЦ РАН, и в сотрудничестве с ведущими академическими институтами и вузами организовывались секции, посвящённые развитию человеческого потенциала, работе отраслей общественного сектора экономики, поведению населения на рынке труда и в сфере финансов. Меж-

дисциплинарный характер проблем, рассматриваемых на организованных по инициативе ИСЭПН ФНИСЦ РАН секциях, привлекает к участию в них специалистов в области не только экономики, но и социологии, психологии, государственного управления, организации здравоохранения и других.

Начиная работу секции, О.А.Александрова отметила, что россияне, родившиеся в начале XXI в., не только выбирают и осваивают профессию, но и реализуются в сфере труда; а те, кто родился в 1990-е гг., уже и сами становятся родителями. Именно нынешним молодёжным поколениям предстоит адаптироваться к радикально изменяющемуся миру и переустраивать его. При этом на их пока ещё недолгий век уже пришлось немало экстраординарных событий, оказавших влияние на экономику и общество. Каковы на этом фоне представления молодёжи о современном мире? Чего она ожидает и на что рассчитывает? Что её воодушевляет и что беспокоит? Какие риски для здоровья несёт современное мироустройство? Каковы адаптационные практики и инновационный потенциал молодёжи? Поиску ответов на эти и другие вопросы была посвящена работа секции.

М.Б.Буланова, д.социол.н., проф., гл.н.с. Центра социологии молодёжи ИС ФНИСЦ РАН в докладе «NEET-молодёжь: возможна ли интеграция в сферу труда?» затронула тему занятости и проблем трудоустройства молодёжи. Спикер отметила, что ещё в 2010 г. Евростат разработал стандартизированное определение NEET-молодёжи: «молодые люди, безработные или экономически неактивные, которые не учатся

и не проходят профессиональную подготовку или переподготовку». В России к 2022 г. таковых было 12%, а в 2025 г. — 16–18%, и среди причин попадания в эту категорию выделяются: семейные обстоятельства, личностные особенности, психоэмоциональные состояния, социальная ситуация. Многие молодые люди не умеют адаптироваться к реальным условиям труда, а в условиях постоянной нестабильности и высокой конкуренции предпочитают отказ от усилий — социальную апатию. В силу этого группа НЕЕТ-молодёжи (несмотря на неоднородность) имеет общую черту: при больших потребностях эта часть молодёжи, как правило, не имеет ни материальных, ни духовных возможностей для их полной реализации. Относительно высокая доля молодёжи, относящаяся к рассматриваемой категории, вызывает тревогу: в экономике — это риски роста безработицы, снижение налоговых поступлений, увеличение затрат на социальную поддержку; в образовании — декартификация, незаинтересованность в развитии профессиональных навыков, депрофессионализация. Докладчик обозначила необходимость в сегодняшней ситуации совместных действий государства и общественных организаций, а наиболее вероятными каналами интеграции рассматриваемой группы молодёжи в сферу труда назвала нестандартную и/или непостоянную трудовую занятость, при том, что самозанятость и предпринимательство неприемлемы для НЕЕТ-молодёжи.

Н.Н.Покровская, д.соц.н., к.э.н., проф., проф. кафедры инновационного менеджмента Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В.И.Ульянова (Ленина); проф. Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Санкт-Петербургского Политехнического университета Петра Великого в докладе на тему «Модели трудового поведения молодёжи и адаптационные стратегии и практики работодателей» представила результаты социологических исследований молодёжи и их работодателей, в которых было выявлено социальное позиционирование «зума-

меров». Обнаружены значительные расхождения в понимании трудовой деятельности и интерпретации трудовых отношений между поколениями, а также основные отличия в мотивах поколений работников, в ожиданиях и запросах молодых сотрудников. В первую очередь, это касается восприятия рабочего времени и чёткости поставленных задач, понимания ценности труда, общей картины мира и оценочных суждений, способов адаптации, статусно-ролевой структуры общества. Спикером выделены инструменты и процедуры, которые могут помочь работодателям вовлечь «зумеров» в трудовые процессы с позиций осмысленного участия в сетевых формах создания «добавленной ценности».

В выступлении на тему «Социально-экономическое развитие как элемент ценностных нарративов системы высшего образования» А.А.Костинова, зав. кафедрой философии языка и коммуникации философского факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, к.филос.н., доцент, подчеркнула, что «поколенческий» методологический подход к характеристике сформированных в обществе ценностей часто приводит к путанице в понимании самих этих ценностей. Между тем, проблемы, касающиеся функционирования современной системы высшего образования, остаются общими для представителей всех возрастов; и, как существующие, так и вновь возникающие угрозы важно рассматривать с точки зрения их воздействия на ценностные установки всех граждан страны. В докладе были выделены ценностные нарративы, связанные с проблемами цифровизации во всех сферах жизни (в первую очередь, в системе высшего образования) и изменения уровня доверия в обществе. А.А.Костинова отметила, что ценностные установки населения, напрямую воздействующие на модели поведения человека, детерминированы неравенством в уровне и качестве жизни, доступности профессионального образования для разных слоёв общества, степенью развитости социальной инфраструктуры.

Дискуссия, посвящённая вопросам развития высшего образования в России, на-

шла отражение в докладе О.Е.Рязновой, д.э.н., проф. кафедры экономической теории Московского государственного института международных отношений МИД России на тему «ИИ-зация науки и высшего образования в условиях нооперехода». Спикер, обозначив основные направления применения ИИ в образовании и перечислив законодательные международные документы и юридические акты России, регулирующие использование ИИ, затронула проблему: как направить силу ИИ не на подавление, а на расширение человеческого потенциала, прежде всего, молодёжи. О.Е.Рязнова продемонстрировала позитивные (автоматизация задач при поиске и анализе информации, экономия времени, мгновенная обратная связь, прогнозирование успеваемости, расширение сотрудничества) и негативные стороны (чрезмерная зависимость от ИИ-систем, непрозрачность процессов принятия решений, снижение качества подготовки, проблема разрыва в доступе к образовательным технологиям) от внедрения ИИ в образование. Что же касается сферы науки, то к положительным явлениям от внедрения ИИ докладчик отнесла автоматизацию поиска информации, анализа изображений, рекомендации по улучшению текста, а к отрицательным — предвзятость данных, зависимость от качества данных, риски утечки информации.

А.Г.Тюриков, д.соц.н., проф., зав. кафедрой социологии Финансового университета при Правительстве РФ в докладе: «Долгосрочные сбережения российской молодёжи: горизонт планирования, включённость, проблемы и перспективы» представил результаты социологического исследования, посвящённого существующим угрозам в сфере долгосрочных сбережений (ДПС) и пенсионного обеспечения (ПДС) в России. В докладе отмечалось, что у опрошенной молодёжи отсутствуют навыки оценки выгод и рисков финансовых продуктов, связанных с формированием долгосрочных сбережений, что усиливает их недоверие к подобным финансовым инструментам. Выяснилось, что в восприятии представителей всех возрастов наблюдается скепсис

относительно характеристик добровольного пенсионного страхования («рискованно», «невыгодно», «не защищает от инфляции»). Сделан вывод: интегрирующей угрозой для экономической безопасности и устойчивого развития РФ является слабая вовлечённость молодёжи в институциональные инструменты формирования долгосрочных, в том числе, пенсионных сбережений. Среди причин низкого уровня вовлечённости спикер назвал негативный опыт старших поколений в семье и короткий горизонт финансового планирования (отсутствие заинтересованности в долгосрочных накоплениях), а среди рекомендаций для государства — необходимость увеличения информационной поддержки и повышения уровня финансовой грамотности и экономической культуры молодёжи.

В докладе «Экономическая культура городской молодёжи как фактор развития национальной экономики» Д.И.Марков, к.соц.н., преподаватель кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ подвёл итоги социологического исследования (2022–2024 гг.), посвящённого выявлению перспектив формирования продуктивных установок и моделей экономического поведения представителей молодого поколения. Было показано, что большинство (80%) опрошенной городской молодёжи декларировали абсолютную для себя неприемлемость тех видов экономической деятельности, которые требуют серьёзного нарушения закона. Однако, при наличии «особых» обстоятельств почти каждый второй респондент готов прибегнуть как к практикам, противоречащим моральным устоям (41%), так и к тем, которые нарушают закон незначительно, и пользуются определённой популярностью в обществе (44%). Спикером выделены 4 группы причин для нарушения норм морали и закона в экономической деятельности с точки зрения молодёжи: экзистенциальные, ценностно-нормативные, материальные, социально-подталкивающие. В зависимости от причин для нарушения норм морали и права молодёжную аудиторию Д.И.Марков разделил по уровням «условности» моральных

(кластерная модель 1) и нормативных установок (кластерная модель 2). Кроме того, была выделена связь (хотя и нелинейная) между уровнем образования и условностью моральных установок. Докладчик подчеркнул, что поведение и установки сегодняшней молодёжи — проекция установок старшего поколения, наложенных на текущую не просто экономически, а уже экзистенциально неопределённую ситуацию.

Е. И. Борковская, ассистент кафедры массовых коммуникаций и медиабизнеса факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ выступила с докладом на тему: «Молодёжь как ключевая аудитория и драйвер экономики совместного потребления: кейс Москвы», в котором отметила, что ключевым фактором развития совместных форм потребления выступают цифровые технологии, позволяющие координировать действия людей и организаций: тех, кто имеет те или иные потребности, и тех, кто имеет возможность их удовлетворить. Спикер подчеркнула, что основным драйвером «шеринг-экономики» является молодёжь, и выделила 2 модели — базирующуюся на получении доступа к некому ресурсу (каршеринг, кикшеринг и др.) и собственно совместного потребления (карпулинг, коливинг и др.). Е. И. Борковская разделила предпосылки возникновения экономики совместного потребления (ЭСП) на экономические, технологические, социокультурные, а сферы распространения ЭСП на жилищную, транспортную и финансовую. В докладе были приведены результаты авторского социологического опроса москвичей, и, в частности, было отмечено, что с помощью коливинга 29% молодых столичных жителей готовы решать свои жилищные проблемы; 47% опрошенных выделяют преимущества транспортных форм ЭСП (экономия средств по сравнению с содержанием собственного автомобиля); 30% респондентов готовы рассмотреть краудлендинг, как способ накопления денежных средств в будущем.

Руководитель Центра экономической теории социального сектора Института эко-

номики РАН, д.э.н. Т. В. Чубарова в выступлении на тему «Охрана здоровья молодого поколения: задачи и решения» обозначила проблему отсутствия отражения вопросов охраны здоровья молодёжи России в законодательных документах (в законе «О молодёжной политике», «Стратегии развития молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2030 года», региональных законах). Были представлены статистические данные о наличии хронических заболеваний, самооценке состояния здоровья молодёжи, численности инвалидов, причин необращения в медицинские организации при наличии потребности в медицинской помощи, «тревоги неопределённого будущего». Среди факторов здоровья были выделены социально-экономические, поведенческие, индивидуальные, а также представлена модель их взаимовлияния. Докладчиком обозначены программы продвижения здоровья, основанные на сочетании трёх типов стратегий работы: с конкретными проблемами (курением, алкоголизмом и др.); с отдельными группами населения и их специфическими потребностями (дети, пожилые, мигранты и др.); в конкретных местах жизнедеятельности людей (семья, школа, работа, местное сообщество).

А. В. Ярашева, д.э.н., проф., проф. РАН, зав. лабораторией исследования поведенческой экономики ИСЭПН ФНИСЦ РАН в своём выступлении «Современные гаджеты и здоровье молодёжи: возможности и риски использования», обратила внимание на негативные последствия чрезмерного и бесконтрольного использования электронных устройств (телефона, компьютера, планшета и др.) на физическое и психоэмоциональное здоровье молодёжи. В докладе были представлены разные научные подходы к классификации вреда, наносимого цифровыми устройствами на здоровье молодёжи: по воздействию на физическое и психологическое здоровье; по органам человека (зрение, слух, мозг, позвоночник и его отдельные сегменты и др.) испытывающим негативные последствия; по типу гаджетов (мобильный телефон/смартфон, компьютер, планшет, телевизор).

Спикер подчеркнула, что наибольшей угрозе подвержены глаза и мозг молодых людей, бесконтрольно использующих цифровые устройства (буквально «спящих в обнимку с телефоном»). В докладе отмечалось, что по всему миру, по утверждению офтальмологов, распространяется настоящая пандемия миопии, от которой, например, в Японии страдает 86% молодёжи (в России — 46% молодёжи). У подростков разных стран миопия, вызванная чрезмерным использованием цифровых устройств (в первую очередь, телефона), выявлена среди детей (5–12 лет) и подростков (13–19 лет) в среднем в 30,5% случаев (прогноз к 2050 г. — 40%). Отмечался и вред электромагнитного поля на деятельность мозга и появление синдромов раздражительности, повышенной утомляемости, нарушения сна и памяти, головокружения, периодических болей в сердце и др. На основе систематизации факторов негативного влияния гаджетов на здоровье молодёжи А.В. Ярашева представила рекомендации по сокращению вреда от использования цифровых устройств: для системы образования, для родителей детей/подростков, для самих представителей молодёжи, для органов здравоохранения, работодателей и государства.

В докладе «Концепт клиентоцентричности для молодёжи: аспектность реализации» Г.К. Лапушинская, д.э.н., к.ф.-м.н., проф., зав. кафедрой государственного управления Тверского государственного университета сообщила, что в рамках федерального проекта «Государство для людей» принята «Декларация принципов клиентоцентричности». Спикер отметила, что в условиях роста уровня конкуренции за ресурсы на первый план выходят факторы, увеличивающие конкурентоспособность территорий, среди которых особую значимость приобретают нематериальные ресурсы территориального развития (человеческие, интеллектуальные, социальные, репутационные). При этом было подчеркнуто, что и клиентоцентричность должна иметь свои границы, которые определяются заданным правовым полем и выбранными целевыми ориентирами развития. В докладе выделе-

ны составные, безусловно, взаимосвязанные элементы институционального доверия, имеющего особое значение для молодёжи: эмоциональное доверие, рациональное доверие и доверие, основанное на положительном опыте. В рамках модели выстраивания доверия Г.К. Лапушинская обозначила три особенности: доверие понимания (обезличенное, имеющее отношение к официально установленным правилам), доверие принятия (к организациям и «продуктам»), доверие разделения ценностных установок (безболезненное вступление во взаимодействие с различными экономическими субъектами).

Н.С. Григорьева д.полит.н., проф., зав. кафедрой социологии управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова в своём выступлении на тему «Жизненные и семейные стратегии студенческой молодёжи в контексте задач социально-экономического развития России» сравнила результаты исследований 2008 и 2019 годов. В обоих из них выявились приоритеты студентов в семейных траекториях: партнёрская модель брачных отношений, самореализация и материальное благополучие, любовь, как основа семьи при повышении симпатий к незарегистрированному браку. Спикер выделила ответы на вопрос о предпочтительном количестве планируемых детей. Одного ребёнка хотели родить и в 2008 г., и в 2019 г. одинаково — 16%, а двоих — в 2008 г. — 64%, в 2019 г. — 50%; троих детей — 18% и 38%, соответственно. Исследования жизненных стратегий показали: 1) усиление экономической поляризации молодёжи, проявляющейся в росте как благополучных, так и уязвимых групп; 2) ориентацию на стабильность, способствующую выбору гарантированных источников дохода; 3) наличие прагматических установок на самореализацию (стремление к самореализации коррелирует с предпринимательской активностью и диверсификацией доходов); 4) преобладание в младших возрастных группах (14–23 года) зависимости от семьи и ориентации на гибкие, часто неформальные формы занятости, а в старших (30–35 лет) груп-

пах — стабилизация трудовых траекторий, накопление имущества и рост кредитной нагрузки; 5) гендерные особенности: девушки чаще выступают ключевыми агентами в вопросах приобретения жилья и текущего потребления, а юноши — в вопросах мобильности и более рискованных финансовых стратегий.

Доклад О.А.Александровой, д.э.н., доцента, гл.н.с., зам. директора по научной работе ИСЭПН ФНИСЦ РАН, проф. кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ был посвящён социальным и экономическим детерминантам готовности молодёжи работать в сфере науки. В современном мире уровень развития науки определяет перспективы социально-экономического развития страны и национальную безопасность, а, в конечном счёте, уровень и качество жизни её граждан. В свою очередь развитие науки детерминируется её кадровым потенциалом, в том числе притоком в неё молодых талантливых специалистов. В то же время, в последние десятилетия российская наука переживает не лучшие времена, что обусловлено, помимо прочего, снижением привлекательности научной деятельности для современной российской молодёжи. Далее в докладе были представлены результаты социологического исследования (2024), представляющего собой массовый (анкетный) опрос двух групп респондентов: студентов Финуниверситета при Правительстве РФ, опрошенных на основе случайной выборки и, соответственно, как имеющих опыт научной деятельности в процессе обучения, так и не вовлечённых в научно-исследовательскую деятельность вуза, и студентов различных московских вузов (МГУ имени М.В.Ломоносова, РЭУ имени Г.В.Плеханова, МГТУ имени Н.В.Баумана), вовлечённых в научную деятельность, а также активно участвующих в работе студенческих научных обществ (направленная выборка). На основе сравнительного анализа двух опрошенных групп были рассмотрены такие вопросы как в целом уровень интереса студенческой молодёжи к науке, представления о ситуации в рос-

сийской науке, её месте в мировом научно-технологическом развитии; наличие опыта собственной научной деятельности (в чём заключался, как оценивается, какие положительные и негативные аспекты отмечены), готовность работать в сфере науки по окончании вуза (какие видятся стимулы и барьеры), представления о том, что следует делать вузам и государству для повышения интереса молодёжи к участию в научной деятельности.

Актуальность затронутых в докладах проблем, новизна эмпирической информации вызвала у участников Секции серьёзный интерес, что выражалось в их активной реакции в виде многочисленных вопросов к докладчикам и содержательных реплик. Подводя итог работы Секции, её модераторы подчеркнули, что масштаб и общественная значимость рассмотренных дискуссионных вопросов, активность их обсуждения предопределяют продолжение исследований по обозначенным направлениям и важность обмена результатами на других дискуссионных площадках в будущем.

Материал подготовили:

Александрова О.А.,

д.э.н., доц., главный научный сотрудник,
зам. директора по научной работе
ИСЭПН ФНИСЦ РАН;
проф. Финансового университета при
Правительстве РФ;

Ярашева А.В.,

д.э.н., проф., проф. РАН,
зав. лабораторией ИСЭПН ФНИСЦ РАН.

Материал пересылается через официальный сайт журнала («отправить рукопись»): <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population>. Формат страницы – А4. Текст должен быть набран шрифтом Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал 1,5. Рисунки и схемы выполняются в черно-белом цвете и дополнительно предоставляются в отдельных файлах в форматах JPEG, PDF и в исходном формате. Названия таблиц и рисунков даются на русском и английском языках. Под таблицами и рисунками указывается источник информации. Список литературы формируется в порядке упоминания в тексте и приводится после текста статьи. Ссылки в тексте на источник в списке литературы даются в квадратных скобках (напр., [5, с. 8]), а на нормативно-правовые документы и статистические материалы – в виде подстрочной ссылки внизу страницы. Общий объём материала от 0,5 до 1,0 п.л. В соответствующих местах ставится буква «ё».

Для статей обязательны:

- наличие аннотации, ключевых слов, и пристатейного списка литературы, оформленного по ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: общие требования и правила составления»;
- сквозная нумерация таблиц, рисунков, схем, подстрочных ссылок, математических формул;
- в начале каждой статьи после её названия необходимо указывать фамилии автора(ов) статьи, место и почтовый адрес работы, электронный адрес автора-ответственного исполнителя;
- аннотация и ключевые слова на русском языке приводятся перед текстом статьи;
- список литературы на русском языке и другие источники информации приводятся после текста статьи;
- название статьи; имена и фамилии авторов/автора, аннотация, ключевые слова, список литературы на английском языке приводятся после списка литературы на русском языке;
- в конце статьи приводится подробная информация об авторе(ах) на русском и английском языках: фамилия, имя и отчество, учёная степень, должность и место работы с указанием города и страны, электронный адрес, ORCID, PИNC AuthorID.

Требования к написанию аннотаций

Аннотация на русском языке должна быть:

- информативной (не содержать общих слов)
- отражать основное содержание статьи и результаты исследований. Предмет, тема, цель работы указывается в том случае, если они не ясны из заглавия статьи;
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);
- объём текста должен включать от 200 (минимум) до 250 слов.

Аннотация на статью на английском языке по объёму может быть больше аннотации на русском, не быть калькой русскоязычной аннотации.

Требования к переводу на английский язык пристатейного списка литературы

В зарубежных стандартах в библиографических записях не используются разделительные знаки, применяемые в российском ГОСТе («//» и «–»). Название книги и журнала/газеты отделяются от Ф.И.О. авторов и заглавия статьи типом шрифта и точкой. Для изданий не на английском языке делаются и перевод, и транслитерация. При ссылке на книжные издания названия издательства, организации и города (места издания) приводятся полностью. Обязательно указание диапазона страниц при описании статей в журналах или сборниках и общего количества страниц – в книжных изданиях. В конце неанглоязычных публикаций в скобках указывается язык, для русскоязычных: (in Russ.). Статьи из электронных источников описываются аналогично печатным изданиям с дополнением данных об адресе и дате доступа.

Примеры:

1. Yarygina T. Bednost' v bogatoj Rossii [Poverty in rich Russia]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modern World]. 1994. No. 2. P. 25–35. (in Russ.)
2. Sarkisyan G. S., Kuznetsova N. P. Potrebnosti i dohod sem'i [Family Needs and Income]. Moscow. Ekonomika [Economics]. 1967. 178 p. (in Russ.)
3. Slepukhina I. L. Formirovaniye regionalnoy sistemy upravleniya obnovleniyem gorodskoy zhiloy zastroyki. [Formation of the regional system of management of the city housing stock renovation]. Arkhangelsk. 2009. 184 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/01004325199> (Accessed: 18 May 2019). (in Russ.)

Требования к формулам:

- формулы должны быть набраны в формульном редакторе Word;
- после формулы ставится запятая, со следующей строки с абзаца после слова «где» расшифровка символов формулы в том порядке, в котором они идут в формуле; единицы измерения обязательны. Расшифровка даётся в строчку;
- греческие буквы набирают прямым шрифтом, латинские – курсивом;
- перенос формул следует делать на знаках равенства и соотношения между левой и правой частями формулы, знаках сложения и вычитания, на знаке умножения применением косо́го креста (x) в конце одной строки и в начале следующей строки;
- знак умножения между буквенными символами не ставится ($A = be$), а между числами ставят точку по центру строки ($5 \cdot 30$);
- единицы измерения физических величин приводятся в системе СИ и отделяются от значения одним пробелом (12,87 мм, 58 Дж/моль), за исключением градусов и процентов (90°, 20 °C, 50%);
- в качестве десятичного знака в формуле используется запятая (например: 14,67).

Все статьи проходят рецензирование и проверку в системе «Антиплагиат». Результаты рецензирования и решения редколлегии о принятии представленной статьи к публикации сообщаются авторам.

ПОДПИСНОЙ ИНДЕКС

журнала ***НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ*** в «Урал-пресс»: 79183
ISSN 1561-7785